

В О П Р О С Ы ИСТОРИИ

В Н О М Е Р Е:

О НОВЫХ ПОДХОДАХ В ИЗУЧЕНИИ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

РЕЙКЬЯВИК: НА ПУТЯХ НОВОГО МЫШЛЕНИЯ

РУСЬ И ВИЗАНТИЯ — КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ (ДО XIII В.)

ДИСКУССИЯ: О КОРЕННОМ ПЕРЕЛОМЕ В ВОЙНЕ

ЛЕНИН В ПСКОВЕ И ПЕТЕРБУРГЕ (1900 г.)

НОВОЕ ОБ А. И. УЛЬЯНОВОЙ

ЕВГЕНИЙ БУЛГАРИ И РОССИЯ

4

МОСКВА · 1987

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Вопросы ИСТОРИИ

№ 4

АПРЕЛЬ

1987

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Академик И. И. Минц — О перестройке в изучении Великого Октября . . .	3
Р. Г. Богданов — Рейкьявик: на путях нового политического мышления . .	10
Ю. К. Фишевский — Важный рычаг приобщения трудящихся СССР к знаниям	29
И. Б. Пономарева, Н. А. Смирнова — Англо-американские противоречия в Ин- дии в 1942—1943 годах	40
Член-корреспондент АН СССР З. В. Удальцова — Киев и Константинополь — культурные связи до XIII века	56

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Академик А. М. Самсонов, О. А. Ржешевский — О коренном переломе во вто- рой мировой войне	70
--	----

Комплексные программы

Перспективные комплексные программы — новая форма координации истори- ческих исследований	82
Комплексная программа «Революции и социальный прогресс»	84

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Г. В. Павленко (Ужгород) — Новое о пребывании А. И. Ульяновой за грани- цей	93
Г. Л. Арш — Евгений Булгари в России	103

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории и Научных советах АН СССР

А. Ш. — В Бюро Отделения	114
К итогам аттестации научных сотрудников	116
В. И. Мельников — Форум историков Октября	119
В. Д. Камынин (Свердловск), В. И. Усанов (Свердловск) — Конференция «Урал и проблемы региональной историографии»	123

Рецензии

И. Е. Зеленин — М. П. Костюк. Трудовой вклад крестьянства в победу и укрепление социализма. На материалах БССР	125
Б. Г. Литвак — Селянський рух на Україні. Середина XVIII — перша чверть XIX с.; Селянський рух на Україні. 1826—1849 рр. Збірник документів і матеріалів	128
Л. И. Ивина (Ленинград) — В. А. Кучкин. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв.	130
А. М. Хазанов — Движение неприсоединения в современном мире	132
М. И. Яовинская — Религия в политической жизни США (70-е — начало 80-х годов)	135
Л. М. Коваль — Н. А. Красновская. Происхождение и этническая история сардинцев	137
Коротко о книгах: К. И. Седов — Я. А. Титаренко. В. И. Ленин и защита Великого Октября. Выдающаяся роль В. И. Ленина в организации борьбы трудящихся Украины против внешней и внутренней контрреволюции (1918—1920 гг.); Н. К. Стрелкова — Я. Дзинтарс. Тайны рижского подполья. Борьба рабочих Риги в годы гитлеровской оккупации (1941—1944); Н. В. Шевелева — История завода «Арсенал» имени В. И. Ленина; И. Г. Спасский (Ленинград) — В. В. Уздеников. Монеты России. 1700—1917	139
Новые книги	143
Статьи в советских периодических изданиях	145
Хроникальные заметки	148

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

Г. П. Мельников — Научная конференция о русско-польских отношениях конца XVII века	152
Б. П. Балув, В. Н. Порус — В советско-польской Комиссии по сотрудничеству в области общественных наук	153
Ю. И. Кирьянов — Конференция Университета ООН	154
Н. И. Егорова — Коллоквиум по истории советско-американских отношений	157

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

Г. Я. Тарле, И. К. Эльдарова — Б. Шнайдер. Швейцарские переселенцы в Советском Союзе. Из жизни швейцарских коммунаров в революционной России	160
Н. Н. Наумова — Д. Кальдерони. Французские правые. Возникновение и планы	163

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	166
Рецензии на советские издания	168
Хроникальные заметки	169

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

А. Дехканов (Коканд), Г. Ташпулатов (Коканд) — Революционные выступления в Ферганской долине накануне и в годы первой российской революции	172
--	-----

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Е. Р. Ольховский (Ленинград), Г. С. Усыскин (Ленинград) — В. И. Ленин в Искре и Петербурге в 1900 году	177
С. Д. Лицинер — Известное письмо А. И. Герцена в бельгийской газете	184

Сведения об авторах	189
Резюме статей на английском языке	190

СТАТЬИ

О ПЕРЕСТРОЙКЕ В ИЗУЧЕНИИ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ*

Академик И. И. Минц

Прежде всего необходимо приветствовать начинание редакции журнала, поддержавшего предложение Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» о совместном проведении встречи, посвященной теме «Изучение истории Великого Октября. Итоги и перспективы».

Почему эта встреча проводится именно теперь? Историография Великой Октябрьской социалистической революции включает множество книг, статей, мемуаров, сборников документов об этих величественных событиях. Каждый год список этих изданий растет. Изучению подвергаются центральные районы, национальные окраины, отдельные города и села. Все больше появляется исследований о борьбе ленинской партии за подготовку и проведение революции. И тем не менее растет необходимость выяснить, что еще предстоит сделать.

Этого требует прежде всего 70-летний юбилей Октября — ему нужно оказать достойную встречу. Но главное состоит не в этом. После XXVII съезда КПСС страна вступила в полосу революционных преобразований во всех областях жизни. Новые огромные задачи поставлены партией и перед общественными науками, в том числе и исторической, в которой история Октября занимает одно из важнейших мест. Особое значение имеет Обращение ЦК КПСС «К советскому народу» и постановление ЦК КПСС «О подготовке к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции», обобщающие историю Великой революции и указывающие перспективы дальнейшего ее изучения. Руководствуясь решениями партии, историки Октября должны критически оценить сделанное ими, наметить новые планы и перспективы.

Для осуществления этой, прямо скажем, нелегкой задачи партия дает нам точный, конкретный ориентир — связь науки, теории с жизнью, с реальностью, с практикой. Это значит, что мы обязаны взглянуть на историю Великого Октября глазами нашего современника, увидеть в ней такие грани и черты, которые, может быть, не виделись раньше и которые полностью осознаются, так сказать, «работают», на благо социализма именно сегодня, сейчас. Ведь В. И. Ленин говорил, что с течением времени Великий Октябрь будет открывать все новые свои стороны. Если подходить к его истории с этой точки зрения, то становятся понятными те основные направления в его изучении, которые наиболее акту-

* В основу положено выступление на встрече, организованной в декабре 1986 г. редакцией журнала «Вопросы истории» совместно с Научным советом АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции».

альны, наиболее своевременны. Решения XXVII съезда КПСС, январского Пленума ЦК относятся ко всем и каждому участнику перестройки. Но в любой области имеются свои особенности, свои отличительные черты. Для историков это прежде всего пересмотр проблематики: ведь проблемы имеют свойство застревать на месте, покрываться пылью, отставать от современных задач развития страны.

1. В преамбуле доклада на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев заострил внимание на том, что «изменения к лучшему происходят медленно, дело перестройки оказалось более трудным, причины накопившихся в обществе проблем — более глубокими, чем это представлялось нам раньше»¹.

В решение кардинальной задачи нашего обществоведения — анализа «причин накопившихся в обществе проблем» — историки Октября обязаны внести свой вклад. В этом плане одной из приоритетных должна стать проблема изучения предпосылок российской революции. Речь идет не об открытии нового направления, а о снятии административных, рутинных, искусственных препон, поставленных на пути исследования предпосылок Октября, т. е. о необходимости пересмотра методов ведения, а в значительной степени — и результатов памятной «дискуссии» о многоукладности социально-экономического строя России начала XX века.

Ведь если посмотреть глубже на причины устойчивости негативных тенденций в развитии нашего общества, причины упорного, пассивного и активного сопротивления, оказываемого перестройке на всех уровнях, то мы должны будем признать, что своими корнями они уходят в недостаточный уровень цивилизованности России к моменту революции, определяются типологическими особенностями, «среднеслабым», по ленинскому выражению², уровнем капиталистического развития страны, многоукладностью ее социально-экономической структуры, сосуществованием в ней к моменту Октябрьской революции капиталистических и докапиталистических укладов.

Вспомним в связи с этим, что писал Ленин в своих заметках «О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)»³. Наиболее часто повторявшееся возражение против своевременности и необходимости Октября — оно и сейчас остается одним из главных доводов противников Великой революции, — что производительные силы России еще не созрели для социализма. В этой статье, написанной в 1923 г., когда Ленин подводил итоги пройденного советским народом пути и намечал дальнейшие перспективы построения социализма, говорится: «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, Суханов, носятся поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции»⁴.

Постоянное и назойливое повторение тезиса о недостаточности развития производительных сил старой России не осталось без последствий и в нашей литературе. Не без влияния книг о ходе европейских революций, некритически восприняв их опыт, историки и издательские редакторы стали по-своему трактовать предпосылки Октябрьской революции: слишком, якобы, отрицательно оценена экономика царской России, она-де добилась значительных успехов в экономике и т. п. Свой подход «критики», оказавшиеся в данном случае восстановителями роли царизма и буржуазии, охарактеризовали как борьбу «против очернительства» до-революционной России и принялись искусственно подтягивать уровень

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 27—28 января 1987 года. М. 1987, с. 6.

² Ленинский сборник XI, с. 425.

³ Ленин В. И. ПСС. Т. 45.

⁴ Там же, с. 380.

царской России к уровню США, Англии, Германии. Нечего и говорить, что марксизм не имеет ничего общего с очернительством, как и с приукрашиванием действительности: классовая правда — его суть. Кстати, и фактически упрек «оправдателей» старого неверен: учебники по истории для средней и высшей школы достаточно подробно и правильно, как и требовал марксизм, характеризовали весь ход экономического развития страны.

Пересматривавшим оценку старой России оказалось невдомек, что буржуазные историки всех мастей обрадованно твердили, будто нашли альтернативу Октябрю: не нужна была революция, можно было подождать, и царизм в союзе с буржуазией развили бы капитализм и уравнили Россию со всем капиталистическим миром. В упомянутой статье Ленин резко осудил попытки «оправдать» старое и вскрыл отсутствие у «критиков» диалектического подхода к вопросу о предпосылках революции. «И никому,— писал Ленин,— не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?»⁵.

Обращает на себя внимание не только необходимость усвоения диалектики, но и категоричность, с которой Ленин отверг альтернативу Октябрю: безвыходность положения народных масс, т. е. не только неизбежность революции, но и ее обязательность, необходимость — другого пути спасения России, альтернативы не было. Приходится признать, что историки Октября недостаточно усвоили глубину ленинской диалектики.

2. На первый взгляд может показаться трюизмом повторение общеизвестной идеи о народном характере Октября. Разве есть хоть один историк Великой Революции, кроме откровенных и открытых ее противников, который не написал бы о народном характере Октября? Но ряд обстоятельств заставляет нас выдвинуть изучение этой проблемы на одно из первых мест. Посмотрите большинство книг по истории Октября! Везде пишут о рабочем классе как руководителе революции. Эта центральная тема освещается основательно. Но меньше пишется о крестьянской бедноте как его союзнике. Правда, и тут положение изменяется к лучшему: увидел свет первый том «Истории советского крестьянства», изданный Институтом истории СССР АН СССР. Это правильно, нужно и дальше изучать историю пролетариата и крестьянской бедноты — эти движущие силы Октября, разумеется, обратив внимание на новые стороны этой проблемы.

Но разве этими двумя классами ограничивался в 1917 г. народ России? Основоположники марксизма еще в «Манифесте Коммунистической партии» отмечали: «Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства»⁶. Ленин развил эту идею, подчеркивая народный характер пролетарской революции.

Из многочисленных его высказываний на эту тему приведем одно, написанное почти за год до Октября — в августе—сентябре 1916 г.: «Социалистическая революция в Европе *не может быть* ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия *не возможна массовая* борьба, не возможна *никакая* революция — и столь же неизбежно будут вносить в

⁵ Там же.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4, с. 435.

движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки»⁷. Подчеркнув массовый народный характер пролетарской революции, Ленин продолжал: «Но объективно они будут нападать на капитал, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разноголосой, цестрой и внешне нераздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелкобуржуазных шлаков»⁸.

Ленин разоблачал и резко осуждал тех, кто утверждал, будто необходимо дожидаться, пока пролетариат станет большинством нации, и тогда добиваться перехода власти к рабочему классу. «Должно быть,— высмеивал Ленин пропагандистов «чистой» социалистической революции,— выстроится в одном месте одно войско и скажет: «мы за социализм», а в другом другое и скажет: «мы за империализм» и это будет социальная революция!»⁹. В революции предвидел Ленин, и это предвидение сбылось, примут участие части мелкой буржуазии и полупролетарские массы против помещичьего, церковного, монархического, национального гнета и т. п.

В какой-то степени имеющиеся недостатки в показе народности Великого Октября помогает преодолеть начатая по инициативе Научного совета работа по изучению городских средних слоев. Конференции, прошедшие в начале 80-х годов в Тбилиси, Калинин и Тамбове, — хорошее начало, эту работу нужно продолжать, но, к сожалению, исследование еще не охватило все социальные слои России, откуда рекрутировались активные участники революции. Вместе с тем нельзя забывать о необходимости различать участников революции и ее движущие силы. Под движущими силами марксизм-ленинизм понимает только те классы, которые заинтересованы в доведении революции до конца. Не всякие участники революции заинтересованы в доведении ее до конца. Немало их оказались только попутчиками, нередко переходившими на сторону врагов. Говоря о колебаниях средних слоев, достаточно вспомнить левых эсеров, принявших участие в перевороте, а затем покинувших ряды борцов за победу революции.

Есть еще одна проблема, которая выдвигается на передний план, когда речь идет о народности социалистической революции в нашей стране. Это история массовых организаций трудящихся (рабочих, солдат, крестьян и т. д.). Нельзя сказать, что мы не занимались этой проблемой. У нас довольно много работ о Советах, меньше — о профсоюзах, фабрично-заводских комитетах и крестьянских организациях, еще меньше — о солдатских комитетах и организациях городских средних слоев, но дело даже не в количестве имеющихся трудов. Мы занимались внешней историей этих организаций и не очень обращали внимание на то, как в их деятельности проявлялась революционная самостоятельность масс, как они собирали воедино волю этих масс и выражали ее в своих политических акциях. Здесь не все было просто, особенно в период, когда стал назревать кризис доверия к соглашательским лидерам, стоявшим во главе Советов.

3. Современное обострение международной обстановки требует нового подхода к проблеме защиты завоеваний Октябрьской революции. Советская литература об истории империалистической интервенции и гражданской войны в СССР чрезвычайно богата — это одна из ведущих тем нашей историографии. Но выступление президента США с призывом

⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 54—55.

⁸ Там же, с. 55.

⁹ Там же, с. 54.

организовать новый «крестовый поход» против СССР с целью «выбросить социализм как общественную систему в мусорный ящик истории» заставляет нас обратить пристальное внимание на историю первого «крестового похода» — вооруженную интервенцию 1918—1920 гг. в Советскую Россию. Это тем более необходимо, что заявление Р. Рейгана выражает не только его антикоммунистические взгляды, но отражает политику США в отношении Советского Союза. Призыв американского президента вовсе не является лишь свидетельством его личной ненависти к социализму. Известно, что ежегодно собирается семерка руководителей крупнейших капиталистических стран, которые обсуждают единую политику по отношению к СССР и другим социалистическим странам и, как правило, все они поддерживают антисоветские акции вашингтонской администрации. Кстати, это те же семь стран, которые организовали и первый «крестовый поход» для свержения Советской власти. Поэтому важно напомнить, чем закончилась предпринятая тогда интервенция против Страны Советов. Необходимо, как требует Обращение ЦК КПСС «К советскому народу», разоблачать политику социального реванша и «крестовых походов» против социализма, проводимую мировым империализмом.

Само развитие науки указывает на некоторые недостатки в прежней разработке проблемы: изучались главным образом международные отношения. Сейчас необходимо показать роль каждой державы в этом анти-советском походе, суммировать, во что обошлось вторжение интервентов нашему народу. Научный совет подготовил к изданию книги «Интервенция в Прибалтику», «Вторжение интервентов на юге России» и развертывает изучение интервенции в Средней Азии, в Сибири, на Дальнем Востоке и в Закавказье. Вместе с Главархивом СССР готовится сборник новых документов об интервенции. Ныне проблема интервенции — центральная в деятельности Научного совета.

4. Среди требующих разработки необходимо назвать такую проблему, как «Октябрь, социализм и мир». Наша революция неразрывно связана с борьбой против войны, за справедливый мир, мир для всех. Об этом ярко говорит ленинский Декрет о мире, осудивший империалистическую войну и призвавший народ вмешаться в святая святых — внешнюю политику империалистов. Вспомним Брестский мир. На какие жертвы пошли в 1918 г. наша партия и страна во имя сохранения человеческих жизней, жизней рабочих и крестьян. Вот где подлинный гуманизм Октября, и этот идеал составляет одну из самых больших нравственных ценностей ленинизма. Не ошибусь, если скажу, что прежде всего в этом заложен источник мощного влияния Октябрьской революции в международном масштабе. Человечность, гуманизм нашей революции — вот ответ на вопрос, почему она до сих пор продолжает привлекать к себе умы и сердца людей во всем мире.

5. Очень важное направление в деятельности историков Октября — создание научно-популярных работ. Отнюдь не отказываясь от индивидуальных или коллективных исследований, необходимо заняться отдельными проблемами — забытыми или слабо освещенными. О некоторых из них стоит здесь сказать. В литературе много писалось о попытках народничества «идти в народ». Подсчитано, что поселившихся тогда в деревне было не более трех тысяч. Но «хождение в народ» представителей Советской власти исчисляется многими десятками тысяч. Тут и переселение в деревню голодающих рабочих Петрограда, Москвы и других промышленных губерний; тут и направление партийными организациями областей и городов рабочих в деревню; тут и всероссийские мобилизации рабочих на работу в деревню. История не знала такого массового «хождения в народ», ярко показавшего значение союза пролетариата и крестьянства. Книг об этом мало, а они особенно важны для бывших колониальных и зависимых стран, избравших некапиталистический путь развития.

Много ли знает наша молодежь о «реквизиции» царизмом населения в Средней Азии и Закавказье на тыловые работы в старой армии, — так именовали власти мобилизацию «инородцев»? «Реквизированные» приняли участие в совместной революционной борьбе и с этим опытом вернулись в родные места, где стали первыми строителями Советской власти. Мало разработана и такая тема: «Первые руководители деревенских Советов», и поэтому остается неразработанным на конкретно-историческом материале указание Ленина, что революция в деревне началась с приходом туда солдат после их демобилизации из армии.

6. Большое значение имеет преодоление сложившегося противоречия между научностью истории и занимательностью ее изложения. Выработался какой-то своеобразный скучный, одноцветный стиль изложения ее проблем. Правда, это противоречие отнюдь не свойственно только нашей эпохе и нашим работам. Еще Вольтер писал в своей философской повести «Простодушный»: «История, по-видимому, только тогда и нравится, когда представляет собой трагедию, которая становится томительной, если ее не оживляют страсти, злодейства и великие невзгоды. Клио надо вооружать кинжалом, как Мельпомену»¹⁰.

Над устранением противоречий между научностью и занимательностью бились поколения историков. Эти противоречия не снимешь, например, переполнив работы историков выдержками из художественной литературы, хотя это и оживляет научный текст. Их преодоление надо искать в знании вопроса, в глубоком изучении проблемы, в правдивости и искренности ее изложения. Говоря словами И. В. Гете, «из души должна стремиться речь, чтобы прелестью правдивой, неподдельной сердца людские тронуть и увлечь» («Фауст»). Надо тщательно работать не только над изучением материала, но и над стилем, над изложением, даже над названием книг и статей.

7. Серьезным недостатком литературы об Октябре, кстати, издающейся малыми тиражами и характеризующейся стереотипными названиями, является недостаточная информация: по приблизительным данным, меньше 10% вышедших книг рецензируются в исторических журналах или газетах. Может быть, редакциям журналов установить постоянную «квоту» для рецензий на эти издания, а от специалистов решительнее требовать их серьезного критического разбора. Когда-то у нас издавался специальный рецензионный журнал «Книга и революция»; научные руководители и преподаватели требовали, чтобы аспиранты и студенты писали рецензии — и книги становились известными, и молодые авторы приучались писать, анализировать.

8. Мало у нас работ о величайшей победе революции на культурном фронте. За каких-нибудь десять лет Советская власть ликвидировала одну из язв капитализма — неграмотность. Капитализм ушел вперед от феодализма, в частности в вопросах грамотности — ему нужен был рабочий, умеющий пользоваться машиной, — и только. Но нигде в мире капитализм не открыл свободного доступа к науке и искусствам. В США — самой развитой державе капитализма до сих пор не только нет такого доступа, но имеются значительные массы неграмотных. Закономерностью социализма предстала перед всем миром ликвидация неграмотности во всех странах, где власть перешла к народу. М. Горький в середине 1918 г. обратился к Ленину с предложением показать всем достижения Советской власти «по ведомству А. В. Луначарского», т. е. в деятельности Наркомпроса, прежде всего исключительный размах работы по ликвидации неграмотности народных масс.

9. Разумеется, важнейшей частью перестройки изучения проблем истории Октября является усиление борьбы за чистоту марксизма-лениниз-

¹⁰ Вольтер. Философские повести. М. 1978, с. 294 (В греческой мифологии Клио — муза истории, Мельпомена — муза трагедии).

ма с тем, чтобы не допускать сползания с классовых позиций. Примером отхода от них служат высказывания некоторых исследователей о некоей роли масонства в событиях 1917 года. Напомню в связи с этим, что в «Программе КПСС», утвержденной XXVII съездом КПСС, говорится: «Острейшая борьба двух мировоззрений на международной арене отражает противоположность двух мировых систем — социализма и капитализма. КПСС видит свою задачу в том, чтобы нести народам правду о реальном социализме, внутренней и внешней политике Советского Союза, активно пропагандировать советский образ жизни, наступательно, аргументированно раскрывать антинародный, бесчеловечный характер империализма, его эксплуататорскую сущность. Она будет воспитывать у советских людей высокую политическую сознательность и бдительность, умение с четких классовых позиций оценивать общественные явления, отстаивать идеалы и духовные ценности социализма»¹¹.

10. В заключение хотелось бы остановиться на ряде вопросов, внешне выглядящих как организационные. Между тем без их решения нельзя добиться перестройки на нашем участке идеологического фронта.

Партия в решениях своего XXVII съезда и особенно январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, в Обращении «К советскому народу» указывает на важность усиления демократических основ в жизни нашего общества. Думается, это касается и нас. Мы должны активизировать деятельность Бюро нашего Совета, который пока собирается от случая к случаю. Оно еще не стало тем органом, который систематически обсуждает наиболее важные, спорные и нерешенные аспекты той огромной проблемы, которой мы занимаемся. Бюро должно не на словах, а на деле стать органом реального коллективного руководства работой Совета и «держатъ руку на пульсе» изучения нашей проблемы.

О многих исследованиях, ведущихся в нашей области, можно сказать, что они идут экстенсивными методами. Количество книг и статей из года в год растет, но, к сожалению, нельзя сказать, что одновременно происходит и повышение их качества, что растет их доказательность и т. п. Наше Бюро может сыграть важную роль не только в обсуждении тех или иных тем, но и в разработке критериев, которым должны соответствовать труды, выполненные на современном уровне.

Мы подчас с гордостью говорим о том, что у нашего Совета 24 секции во всех союзных республиках и в важнейших регионах РСФСР. Но следует честно признать, что в последние годы в работе секций усилились негативные тенденции. Упала их активность, и как следствие стало сокращаться количество объединяемых секциями исследователей. Видимо, здесь есть вина и Бюро Совета, и поэтому надо обсудить вопрос о том, как активизировать помощь секциям. Но и сами секции должны критически оценить свою работу и сообща наметить меры по изменению сложившейся ситуации.

Конечно, направления, о которых шла речь выше, и раньше в той или иной степени разрабатывались историками Октября. Но, во-первых, сегодня мы должны найти новые подходы к ним, выявить в них новые, актуальные темы; во-вторых (и это главное!), мы обязаны сказать и о том, что по разным причинам уходило до сих пор из сферы наших исследовательских поисков, стремиться к максимальной правде истории.

¹¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М. 1986, с. 165—166.

РЕЙКЬЯВИК: НА ПУТЯХ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Р. Г. Богданов

В истории не раз случалось так, что по своему значению некоторые десятилетия едва ли могли сравниться хотя бы с одним годом, действительно насыщенным подлинно важными событиями. И напротив, один год по своему масштабу может для истории значить даже больше, чем целое десятилетие, потому что именно он открывает собой для общества перспективы, которым суждено определять его облик в будущем. 1986 год в этом плане весьма показателен. Как известно, он был объявлен Организацией Объединенных Наций Международным годом мира, и люди доброй воли на всей планете рассчитывали, что эта важная и многообещающая политическая символика будет оправдана. И в самом деле, немало усилий было предпринято для того, чтобы 1986 г. сохранился в истории как важный этап, знаменующий собой выход человечества на качественно новый рубеж в деле решения ключевых проблем, от которых зависит выживание и развитие нашей цивилизации.

Большое значение для судеб мира имело Заявление, с которым выступил 15 января 1986 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, обосновав развернутую программу создания безъядерного мира и ликвидации до конца нынешнего столетия всех видов оружия массового уничтожения. Эта программа явилась ответом на тревоги и надежды миллионов людей Земли, продолжающих жить под гнетом опасности всемирной катастрофы. Эта программа содержит конкретные предложения, опираясь на которые можно приступить к практическому, поэтапному освобождению Земли от ядерного оружия в течение ближайших 15 лет. В ней также предусмотрены реальные меры по ликвидации и такого варварского оружия массового уничтожения, как химическое, и, кроме того, содержатся предложения по радикальному сокращению обычных вооружений и вооруженных сил, по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружения в Европе, по укреплению международной и региональной безопасности. И все это под строгим международным контролем, включая инспекции на местах.

1986 год прошел также под знаком советского одностороннего моратория на все испытания ядерного оружия, продемонстрировавшего новый, смелый подход к поиску развязок непростых военно-политических проблем. Рассматривая мораторий как важное средство в деле прекращения испытаний и вообще ликвидации ядерного оружия, СССР предложил незамедлительно приступить к полномасштабным переговорам — в любой форме и в любом составе, разумеется, с участием США — о запрещении ядерных испытаний.

СССР, его союзниками, другими суверенными государствами были предприняты и иные мирные инициативы. Памятными вехами прошед-

шего года стали и такие крупные международные события, как Харарское воззвание и Делийская декларация. И все же итоги года связаны прежде всего со значением советско-американской встречи в верхах в Рейкьявике.

Разумеется, любая встреча такого уровня — событие весьма значительное, оставляющее свой след в международной жизни. Однако не каждая из них может с достаточным основанием считаться таким событием, которое знаменует качественные, принципиальные изменения и сдвиги в подходах к политике, в самом политическом мышлении. Для этого необходимы особые условия: глубокое понимание остроты и опасности складывающейся международной обстановки и осознанная воля осуществить политический прорыв из возникшего тупика, отказаться от краткосрочных и конъюнктурных выгод и выйти на принципиально новый уровень политического мышления и поведения. Хотя рейкьявикская встреча в силу неготовности американской стороны к принятию жизненно необходимых новых политических подходов не смогла завершиться подписанием конкретных договоренностей по проблемам разоружения, она является важным рубежом в борьбе за мир и разоружение.

В истории советско-американских отношений, особенно в последние десятилетия, совершенно особое значение приобрели проблемы разоружения. И это неудивительно — ведь СССР и США обладают самыми мощными ядерными потенциалами. От состояния советско-американских отношений во многом зависит складывающаяся во всем мире политическая обстановка. Политические, экономические, культурные и научно-технические аспекты отношений между двумя странами обладают собственным самостоятельным значением. И все же именно проблематика разоружения представляет собой тот главный (хотя и не единственный) критерий, по которому во всем мире оценивают состояние советско-американских отношений, общие политические позиции сторон, тенденции их развития.

Администрация Р. Рейгана, пришедшая в Белый дом в январе 1981 г., сразу же встала на путь взлома и разрушения практически всей сложившейся в 70-х годах структуры советско-американских отношений, и прежде всего на направлении переговоров по ограничению и сокращению вооружений. Правоконсервативный политический блок, продвинувший своего человека в президентское кресло, потребовал практической ревизии едва ли не всех наиболее значимых итогов советско-американских отношений предшествующего десятилетия. Сама разрядка была объявлена его идеологами «революционной тактикой», с помощью которой СССР якобы вознамерился «покорить Запад».

Происшедший в американской политической жизни сдвиг вправо явился отражением стратегии социального реванша наиболее агрессивных кругов империализма, поставивших перед собой задачу не просто затормозить, но и обратить вспять основные тенденции общественно-политического развития современного мира — причем как в странах капитала, так и в противоположной социальной системе. «Я хочу восстановить роль США как лидера свободного мира»¹, — открыто провозгласил свое кредо президент Рейган. Реализацией этого курса в американской политике стал переход к стратегии конфронтации, интервенционизму, массированному наращиванию вооружений, выход на качественно новый виток гонки вооружений. Милитаризация стала в США определяющей чертой политической жизни и политического мышления.

Стратегия рейганизма не только отражала политическую и идеологическую программу правоконсервативного блока, но в определенной мере опиралась и на некоторые тенденции в американском общественном мнении, проявившиеся уже с конца 70-х годов. Речь идет о следствиях на-

¹ U. S. News and World Report, 1980, November 26, p. 36.

саждавшегося в массовом сознании усилиями консерваторов и ультраправых сил специфического «синдрома слабости» США и желания вновь вернуться к положению «сильной Америки». В данном отношении право-консервативная пропаганда, стремившаяся подчинить себе общественное мнение в стране, делала ставку на некоторые глубинные черты национального сознания и характера американцев, в частности на привитую долгим прошлым привычку к чувству почти абсолютной национальной безопасности, традиции американской гегемонии в мире капитализма в послевоенный период, глубоко укоренившиеся идеологические стереотипы «холодной войны» и антикоммунизма. Действительно, опросы общественного мнения, проводившиеся в США с конца 70-х годов, четко фиксировали растущую поддержку американцами идеи «укрепления мощи» США, «переворужения», возврата к «политике силы». Именно поэтому рейгановская администрация и стала претендовать на то, что она якобы в полной мере выражает внешнеполитический «мандат» абсолютного большинства населения страны.

В Вашингтоне был провозглашен курс на экономическое, военно-политическое, социальное и морально-психологическое усиление США, стало осуществляться реальное «наращивание мускулов», подчиненное главной задаче — достижению стратегического превосходства с позиции силы по отношению ко всему миру и в первую очередь Советскому Союзу. В основе этого курса лежала четкая установка на взлом сложившегося к началу 70-х годов стратегического паритета, зафиксированного в соответствующих советско-американских документах. Таким образом, не сохранение статус-кво, а путь вспять, к преодоленным в общественном развитии этапам стал главной целью рейгановской администрации и поддерживающих ее политических сил. В то же время весь исторический опыт учит, что такие реакционные политические цели не могут в течение сколько-нибудь длительного периода быть практическим руководством эффективных и успешных политических действий. Рано или поздно реакционная утопия приходит в явное противоречие с логикой реальности, а сегодня, в условиях заметного ускорения общественно-исторических процессов, такое противоречие еще быстрее становится неизбежным. Так и произошло.

Экономическое перенапряжение, подчиненное иллюзорной гонке за военным превосходством, растущая внутренняя оппозиция опасному милитаристскому курсу, усиливающиеся тревоги союзников, и конечно же, непреклонная воля СССР не допустить превосходства над собой и своими союзниками — все эти факторы поставили мощный заслон перед теми, кто вознамерился переиграть историю на свой лад. Характерным показателем происшедших уже вскоре перемен, вызванных столкновением милитаристских амбиций с политической реальностью, может служить эволюция общественного мнения в США, существенное изменение позиций тех самых «средних американцев», которые на рубеже и в самом начале 80-х годов отдавали свои голоса в поддержку программы наращивания военной мощи, отказа от переговоров по проблемам разоружения. Уже в 1983 г. становится ясно, что большинство американцев считают задачу «укрепления» США решенной и теперь начинают всерьез побаиваться собственного президента с его опасной и непредсказуемой политикой, чреватой угрозой военной катастрофы. «Мандат», требовавший от администрации Рейгана осуществления курса на «усиление Америки», если он и существовал в 1980—1982 годах, оказался безусловно исчерпанным.

Комплекс объективных и субъективных факторов потребовал от рейгановской администрации существенной коррекции собственного курса. При этом несложно обнаружить по крайней мере двойное влияние на администрацию Рейгана самого психологического ощущения «возрожденной силы Америки». С одной стороны, Вашингтон счел возможным пой-

ти на серию демонстраций силы (Гренада, Ливан, Ливия), своего рода сигналы всему миру, что США снова «на коне». С другой стороны, преодоление «синдрома слабости» и соответствующие перемены в настроениях «средних американцев» создали такую внутриполитическую атмосферу, в которой общественное мнение стало ждать от президента уже не наращивания вооружений, а реальных шагов к возобновлению советско-американского диалога, поиску путей снижения опасной напряженности в мире, чреватой военным взрывом.

Рейгану удалось почти своевременно уловить эти перемены в настроениях американцев, сдвиги во внутриполитической обстановке в стране и ответить на них осуществлением тактики «миротворчества», ставшей лейтмотивом официальной пропаганды. Своеобразным сигналом к этой смене пропагандистской тактики явилось выступление президента в ирландском парламенте 9 июня 1984 г., когда он заявил, что Америка готова к миру. «Готовность» эта, правда, проявилась в основном на уровне риторики. Однако не следует упрощенно подходить к оценке «миротворческой» тактики администрации Рейгана. Помимо риторики и пропаганды, эта тактика оказывает определенное влияние на общественность и политиков. Стремясь приспособиться к меняющимся политическим реальностям, рейгановская администрация была вынуждена предпринять и некоторые практические шаги, которые в принципе открывали возможность для продвижения вперед в деле разоружения и выхода из тупика, созданного односторонними действиями США. Встреча на высшем уровне в Женеве осенью 1985 г., проведенная по инициативе СССР, открыла двери для существенных перемен к лучшему в советско-американских отношениях и в международной обстановке в целом.

Как отмечалось в Совместном советско-американском заявлении по итогам встречи в Женеве, «признавая различия в общественно-политических системах СССР и США и в их подходах к международным проблемам», стороны «согласились о необходимости улучшения советско-американских отношений и оздоровления международной обстановки в целом», «подтвердили важность постоянного диалога, отражающего их серьезное стремление искать точки соприкосновения по существующим проблемам». Особенную важность имело заявление, что «ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей», что «любой конфликт между СССР и США мог бы иметь катастрофические последствия». Было подчеркнуто, что стороны «не будут стремиться к достижению военного превосходства», и подтверждено, что целью переговоров по ядерным и космическим вооружениям должно явиться предотвращение гонки вооружений в космосе и ее прекращение на Земле, ограничение и сокращение ядерных вооружений и укрепление стратегической стабильности»².

Все это давало основания надеяться, что «дух Женевы» окажет свое благотворное влияние на положение в мире и принесет реальные плоды. Важно и то, что для американской стороны признание этих новых политических реальностей явилось фактически ревизией многих основополагающих постулатов военно-политической стратегии, которой придерживалась администрация Рейгана до Женевы. В самом деле, признание невозможности победы в ядерной войне, обещание не стремиться к военному превосходству, согласие с целью предотвращения гонки вооружений в космосе — все это как бы перечеркивало основные стратегические послышки рейганизма. И если бы это действительно произошло, в советско-американских отношениях, в деле борьбы за мир и разоружение можно было бы рассчитывать на серьезные подвижки, перемены к лучшему. Предпо-

² Советско-американская встреча на высшем уровне. Женевы, 19—21 ноября 1985 г. Док. и м-лы. М. 1985, с. 13, 14.

лагалось, что эти ожидавшиеся перемены могут быть зафиксированы в ходе визита Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в США, а затем и ответного визита президента США Р. Рейгана в СССР, о чем была достигнута договоренность в Женеве.

Развитие событий пошло, к сожалению, в ином направлении. Практически сразу же после женевской встречи американская сторона встала на путь осуществления акций, противоречащих достигнутым договоренностям, не проявила готовности занять конструктивную позицию по ключевым проблемам, стоящим на повестке дня советско-американских отношений. Рейгановская администрация осуществила серию демонстративно враждебных акций — Советскому Союзу были предъявлены необоснованные требования о сокращении численности персонала ряда дипломатических учреждений СССР в США; корабли ВМС США совершили нарушение Государственной границы СССР в Черном море; США демонстративно продолжали осуществлять свою программу ядерных испытаний; официально распространялись разного рода измышления и обвинения СССР в «нарушении» соглашений в области ограничения вооружений; полным ходом продолжала осуществляться программа создания новых и модернизации существующих вооружений, что не могло не ставить под вопрос декларированную США готовность к достижению компромисса на женевских переговорах. Более того, по некоторым вопросам позиция США эволюционировала в сторону дальнейшего ужесточения, тогда как новые советские инициативы в области разоружения были встречены Вашингтоном явно в штыки.

По сути дела, складывалась ситуация по-своему не менее сложная, чем до женевской встречи: с одной стороны, рейгановская администрация с помощью «миротворческой» риторики стремилась успокоить и сбить тревоги общественности; с другой — не предпринимала никаких шагов в сторону реализации женевских договоренностей. В советско-американских отношениях вновь обозначились контуры политического тупика, из которого необходимо было незамедлительно искать выход.

Но ситуация, особенно на женевских переговорах, осложнялась и следующим обстоятельством. В качестве предмета дискуссии американская сторона пыталась навязать сугобо количественный подход, арифметический подсчет бесконечных балансов, уровней и подуровней, в котором буквально тонули надежды на то, что принципиальное политическое решение проблем ограничения и сокращения вооружений, разоружения будет найдено. Отчасти сказывалось здесь и своего рода наследие процесса переговоров 70-х годов, когда обе стороны еще лишь прощупывали возможные области конкретных компромиссов, когда «правила игры» в организации и стиле проведения переговоров как бы заранее задавали достаточно ограниченные параметры возможных решений. Иными словами, переговоры велись в рамках уже ставших традиционными политических подходов и определялись не менее традиционной политической логикой, опирающейся на общие военно-политические принципы и постулаты, многие из которых существуют не только сотни лет, но подчас и тысячелетия.

Конечно, на определенных этапах развития советско-американских отношений такой в достаточной степени традиционный подход был оправданным — речь шла о первых попытках решения принципиально новых военно-политических проблем, порожденных ядерным веком. Однако с течением времени, по мере накопления и обострения нерешенных проблем и углубления понимания новой политической реальности, на повестку дня переговоров встала задача не только разрыва с прежней политической логикой, но и перехода к качественно новому, более высокому уровню мышления и практического политического действия. Короче говоря, новое политическое мышление стало условием действительно радикального решения накопившихся проблем разоружения.

Еще выступая в британском парламенте в 1984 г., М. С. Горбачев подчеркнул: «Ядерный век неизбежно диктует новое политическое мышление»³. В последующем программа выработки такого мышления стала обретать конкретные формы в документах КПСС и Советского правительства, стала концептуальной основой советской внешнеполитической стратегии. Принципы нового политического мышления получили конкретную практическую реализацию и в ряде внешнеполитических акций и инициатив СССР, в частности в советском подходе к встрече в верхах в Рейкьявике.

В тупиковой ситуации, которая вновь — по американской вине — стала складываться на женевских переговорах и в советско-американских отношениях в целом, нужны были новые сверхсильные импульсы, которые могли бы сдвинуть дело разоружения с мертвой точки, указать путь к реализации принципов нового политического мышления. Исходя из этих соображений, президенту США было передано предложение о срочной встрече высших руководителей СССР и США, которое и было принято американской стороной. Речь шла о рабочей «промежуточной» встрече, которую предполагалось провести в узком составе. Целью ее, по мнению советской стороны, было согласование четких директив, направленных на обеспечение прогресса по некоторым вопросам ядерных вооружений, достаточного для достижения существенных по своему значению результатов. Кроме того, предполагалось обсудить вопросы двусторонних советско-американских отношений, а также вопросы, связанные с региональными конфликтами, и другие, представляющие взаимный интерес.

Таковы были исходные согласованные позиции, на которые советская и американская стороны вышли в Рейкьявике. Что же произошло на встрече Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и президента США Р. Рейгана в особняке Хевди в столице Исландии? Вопрос принципиальный. Государственные деятели ряда западных стран и с их подачи средства массовой информации продолжают фальсифицировать позиции сторон и смысл состоявшихся в Рейкьявике переговоров.

Советская делегация прибыла в Рейкьявик с пакетом крупных предложений, касающихся ключевых проблем разоружения и в первую очередь тех, которые не находили решения на женевских переговорах. Это были предложения принципиально нового качества, проникнутые общим духом и конкретизирующие принципы нового политического мышления. Прежде всего эти предложения подняли советско-американский диалог на совершенно новый уровень. По словам М. С. Горбачева «он выведен из плоскости технических выкладок, цифровых сопоставлений на новые параметры и измерения»⁴. В результате появилась возможность взглянуть на конкретные проблемы разоружения в принципе по-новому, оставить в стороне не столь важные в ядерно-космический век количественные детали и сосредоточить внимание на качественной стороне дела. Разумеется, такой подход потребовал новой широты мышления, готовности и умения подняться как над частными цифровыми нюансами, так и над некоторыми психологическими стереотипами и привычками. И только на этой основе стало возможным развернуть диалог по проблеме разоружения в направлении его конечных целей и задач — ликвидации ядерного оружия как такового. В практическую плоскость этот вопрос был переведен впервые. Существенно и следующее. М. С. Горбачев в своей речи 16 февраля 1987 г. перед участниками форума «За безъядерный мир, за выживание человечества» провозгласил важнейший принцип: все виды оружия нужно ограничить и сократить, а в отношении оружия массового истребления — вести дело к его уничтожению. Все дело в том, что

³ Правда, 19.XI.1984.

⁴ Советско-американская встреча на высшем уровне. Рейкьявик, 11—12 октября 1986 г. М. 1986, с. 51.

в современный ядерно-космический век обеспечение безопасности все более предстает как задача политическая.

Выдвинутый Советским Союзом пакет предложений основывается на объявленной 15 января 1986 г. программе ликвидации ядерного оружия к 2000 году. Советский руководитель предложил президенту США дать указания соответствующим ведомствам подготовить три проекта соглашений, которые можно было бы подписать позднее, во время следующей встречи в верхах. Первое предложение касалось стратегического оружия, которое предполагалось сократить вдвое в течение 5 лет. Разумеется, подобные сокращения должны были учитывать исторически сложившуюся асимметричную структуру ядерных потенциалов СССР и США, которая на предшествующих переговорах по ограничению и сокращению стратегических вооружений вызывала постоянные цифровые недоразумения. Это повторилось и в Рейкьявике, когда американская сторона в ответ на советское предложение перевела разговор в малопродуктивную арифметическую плоскость. Положение было спасено советским уточнением, в соответствии с которым сокращению наполовину подлежали бы все компоненты ядерной триады, а именно: стратегические ракеты наземного базирования, стратегические ракеты на подводных лодках и стратегические бомбардировщики. Рейган согласился с такой постановкой вопроса, в результате чего была достигнута принципиальная договоренность по проблеме стратегических наступательных вооружений.

Эта договоренность оказалась возможной в результате двух советских уступок, на которые СССР пошел в интересах общего дела и ради достижения конечного результата. Во-первых, советская сторона пошла на встречу США и сняла с обсуждения выдвигавшееся в ходе женевских переговоров требование о зачислении в общий потолок стратегических вооружений также и американских ядерных ракет средней дальности в Европе, способных достигать советской территории и по отношению к СССР являющихся, строго говоря, стратегическим оружием. Во-вторых, Советский Союз проявил готовность не поднимать вопрос об американских средствах передового базирования, которые точно так же способны достигать территории СССР. Эти уступки оказались возможными в результате более широкого, современного взгляда на существо проблемы ядерного разоружения и стремления найти принципиальные развязки на ключевых направлениях переговоров по сокращению стратегического оружия.

Второе советское предложение касалось ядерных ракет средней дальности, вопроса, который оказался не менее запутанным на проводившихся до этого переговорах. Советский руководитель предложил отложить в сторону обсуждавшиеся прежде многочисленные варианты, предполагавшие промежуточные, временные и прочие соглашения на базе не менее сложных цифровых балансов, и вернуться к изначальной американской позиции по данной проблеме, а именно к т. н. нулевому варианту. Это предполагало бы полную ликвидацию как американских, так и советских ядерных ракет средней дальности в Европе. При этом СССР был готов не поднимать вопрос о ядерном потенциале Франции и Англии, как это делалось на женевских переговорах, хотя ядерные вооружения этих союзников США не только представляют собой значительную силу, но и продолжают наращиваться и модернизироваться. Кроме того, советская сторона, отвечая на озабоченность США вопросом о ядерных ракетах средней дальности в Азии, предложила заморозить их число и немедленно приступить к переговорам, которые должны были решить их судьбу.

Американская сторона, судя по всему, не была готова и не ожидала такого радикального предложения, хотя именно она в свое время была его родоначальницей. Это состояние растерянности получило отражение в попытках откреститься от собственного же детища — «нулевого варианта» — и вновь перевести разговор в плоскость поиска каких-либо проме-

жуточных решений. Развязка была вновь найдена лишь в результате дополнительной крупной уступки, на которую счел возможным пойти Советский Союз. Речь идет о его готовности в случае полной ликвидации ядерных ракет средней дальности в Европе сохранить лишь 100 боеголовок на аналогичных советских ракетах в Азии с тем, чтобы у США было право разместить столько же на таких же ракетах на американской территории. В результате и по этой проблеме была достигнута принципиальная договоренность.

Фактически дело ядерного разоружения впервые в истории ведущихся переговоров было выведено на новый, небывало высокий рубеж, с которого открылись новые горизонты, и в первую очередь возможность осуществления чаяния всех людей доброй воли — полного избавления человечества от ядерного оружия. Именно в этом направлении развивался диалог в Рейкьявике. Важнейшим этапом здесь явилось достигнутое взаимопонимание в том, что касается ликвидации всех ядерных вооружений.

В соответствии с принципиальными положениями, содержащимися в Заявлении М. С. Горбачева от 15 января 1986 г., советская сторона предложила вести дело к тому, чтобы договориться о ликвидации всего ядерного оружия к исходу XX века. Рейган, согласившись с этой конечной целью, предложил достичь ее даже быстрее — в десятилетний срок. Обращаясь к М. С. Горбачеву, он заявил в Рейкьявике: «Я хочу спросить: имеем ли мы в виду — а я думаю, что это было бы очень хорошо, — что к исходу двух пятилетних периодов будут ликвидированы все ядерные взрывные устройства, включая бомбы, средства поля боя, крылатые ракеты, вооружения подводных лодок, средства промежуточной дальности и т. д.? Если мы согласны, что к концу 10-летнего периода ликвидируются все ядерные вооружения, мы можем передать эту договоренность нашим делегациям в Женеве с тем, чтобы они подготовили договор, который Вы сможете подписать во время Вашего визита в США»⁵. Именно это соглашение, зафиксировавшее совпадение позиций руководителей СССР и США по вопросу о ликвидации всех ядерных вооружений, явилось наивысшей точкой, достигнутой в ходе рейкьявикского диалога. И вместе с тем именно это соглашение стало фокусом массовой кампании дезинформации, развернутой в США сразу же после завершения встречи.

В связи с предложенными глубокими сокращениями ядерных вооружений советская сторона уточнила позицию по проблеме контроля, высказавшись за его ужесточение, за введение системы строгого контроля за соблюдением соответствующих договоренностей. Советский руководитель подтвердил готовность к любым формам контроля, включая международный контроль, инспекцию на местах и т. п. Прежде именно проблема контроля нередко использовалась Соединенными Штатами как предлог для ухода от конкретных договоренностей, вокруг этой проблемы было пагубно много измышлений и спекуляций. Теперь благодаря новой советской позиции и этот вопрос был разрешен.

Третье советское предложение состояло в том, чтобы упрочить режим бессрочного Договора по противоракетной обороне (ПРО) в качестве гарантии того, что с вступлением в конкретный этап ликвидации ядерного оружия ни одна из сторон не будет добиваться военного преимущества на каких-либо новых участках гонки вооружений. И в политическом, и в военном отношении это совершенно правомерная постановка вопроса, в равной мере относящаяся как к СССР, так и к США. Необходимость в упрочении режима ПРО обусловлена тем, что в настоящее время, как известно, наибольшая опасность выведения гонки вооружений на новый, непредсказуемый уровень проистекает именно от перспективы милитари-

⁵ Правда, 11.XI.1986.

зации космического пространства. Договор по ПРО по-прежнему остается, по сути дела, главным юридическим препятствием на этом опасном пути — отсюда понятны те усилия, которые затрачивают стратеги и апологеты милитаризма на его подрыв.

Исходя из этого и руководствуясь стремлением обеспечить условия для практической реализации тех принципиальных договоренностей, которые уже были достигнуты в Рейкьявике, СССР высказался за укрепление Договора по ПРО одинаковым обязательством обеих сторон, что они в течение десяти лет, когда будут происходить обсужденные выше сокращения, а в конечном итоге и полная ликвидация стратегических наступательных вооружений, не будут пользоваться правом выхода из этого договора. Договор продолжал, конечно, оставаться бессрочным и нет никаких оснований толковать наше предложение как сигнал о прекращении действия Договора на исходе десятилетия. При этом предполагалось, что, учитывая приверженность вашингтонской администрации и лично Рейгана проекту стратегической оборонной инициативы (СОИ), в течение десяти лет были бы разрешены соответствующие исследования и испытания в рамках лабораторий. Иные испытания, в том числе в космосе, должны быть запрещены, как это и предусмотрено Договором по ПРО.

Однако именно эта правильная и логичная постановка вопроса оказалась камнем преткновения в ходе советско-американского диалога. И это произошло из-за упорного нежелания американской стороны встать на позиции нового, более широкого и ответственного подхода к проблемам войны и мира, из-за ее приверженности иллюзорной задаче достижения военно-технологического превосходства и подчиненности администрации Рейгана интересам военно-промышленного комплекса. США продолжали настаивать на своем праве проводить любые исследования и испытания в рамках программы СОИ, и не только в лабораториях, но и за их пределами, в том числе в космосе. Фактически это означало бы, что в то время, как СССР и США будут проводить радикальные сокращения своих ядерных потенциалов вплоть до их полной ликвидации, американская сторона будет осуществлять полномасштабную программу, цель которой — достижение военного превосходства в новой, потенциально крайне опасной области. Такая позиция, разумеется, была неприемлема. Исторический шанс был упущен.

По словам М. С. Горбачева, «мы были на грани принятия крупнейших исторических решений, ибо до сих пор в прежних договорах — ПРО, ОСВ-1, ОСВ-2 речь шла только об ограничении вооружений, а теперь — значительном сокращении. И поскольку американская администрация, как мы теперь еще раз убедились, стремится, уверовав в свое технологическое преимущество, вырваться через СОИ к военному превосходству, она пошла на то, чтобы похоронить эти почти достигнутые договоренности, которые мы уже согласовали. Осталось только дать поручение вырабатывать договоры и процедуру — как их практически реализовать. А в Вашингтоне во время моего визита можно было все это подписать. Американская сторона сорвала это решение»⁶.

Это отрицательно повлияло на обсуждение в Рейкьявике и других проблем, которые были как никогда близки к разрешению. Это относится и к важнейшему вопросу о запрещении ядерных испытаний. Первым логичным и разумным шагом в этом направлении было бы присоединение США к советскому мораторию. Но в Рейкьявике СССР проявил гибкость и в данном вопросе, не требуя этого от США, предложил, чтобы советские и американские представители начали полномасштабные переговоры для выработки соглашения о полном и окончательном запрещении

⁶ Советско-американская встреча на высшем уровне. Рейкьявик 11—12 октября 1986 г., с. 16.

ядерных взрывов. При этом уже на начальных этапах переговоров можно было бы договориться и о «порогах» мощности, и о допустимой квоте ядерных взрывов в год, и о судьбе договоров 1974—1976 годов. И по данной проблеме произошло сближение позиций сторон, и лишь упорство США в вопросе о Договоре по ПРО воспрепятствовало достижению компромисса. По обсуждавшимся в Рейкьявике гуманитарным проблемам также намечалось определенное взаимопонимание. Однако затор на главном направлении заблокировал поиски решения этих вопросов.

С такими результатами и закончилась встреча в Рейкьявике. Возникает вопрос: как оценивать эти результаты? Означают ли они крах переговоров или же фиксируют определенные достижения и указывают на перспективы возможного в будущем прогресса? Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в минимум времени в Рейкьявике оказался возможен едва ли не максимум результатов. Благодаря переходу к открытому стилю дипломатии, подлинной смелости, а также на основе пересмотра некоторых прежних позиций, осуществленных советской стороной, в Рейкьявике наметились контуры политического прорыва и в результате перевод на совершенно новый уровень диалога и отношений двух великих ядерных держав. Сложилась неожиданная для всего мира ситуация: инициатива политиков обогнала расчеты экспертов и рассуждения публицистов. Обычно бывало наоборот: строились отдаленные прогнозы, затем их долго изучали консультанты и специалисты, а лишь после этого новые идеи становились предметом политических переговоров. В Рейкьявике был продемонстрирован подлинно новаторский характер нового политического мышления — политическое руководство СССР предложило кардинальную программу, которая сломала всю логику экспертов, окружавших Рейгана в Рейкьявике, а затем заставила переполниться и европейских союзников США.

Обстановка в мире в целом, и в частности в советско-американских отношениях, по словам М. С. Горбачева, не только не ухудшилась, но напротив, открывались новые возможности. Встреча в Рейкьявике вывела обе стороны «на очень важный этап — этап понимания»⁷, где они находятся и в каком направлении необходимо двигаться. Рейкьявик показал, что, как ни тяжела борьба за безъядерный мир, она отнюдь не бесперспективна, что при наличии политической воли, опирающейся на новое политическое мышление, практически возможно достижение компромиссных договоренностей по самым сложным проблемам.

Но Рейкьявик продемонстрировал и сохраняющуюся двойственность американской позиции. С одной стороны, США могут проявлять готовность к сокращению и даже ликвидации определенных категорий оружия массового уничтожения (преимущественно его устаревших моделей), с другой — не желают прекратить гонку вооружений как таковую, особенно на новейших технологических направлениях. Сказываются здесь, по всей видимости, и надежды на прорыв вперед, к военному превосходству в новых видах вооружений, в том числе опираясь на технологии стран НАТО и Японии, и желание возвести препятствия на пути осуществления советских экономических и социальных планов. Как бы то ни было, ход рейкьявикского диалога убедительно продемонстрировал сохраняющуюся зависимость тех в США, кто наделен полномочиями принимать важные политические решения, от военно-промышленного комплекса.

Непреходящее значение Рейкьявика состоит и в том, что здесь была продемонстрирована практическая сила и действенность нового политического мышления. И даже больше: отныне стало ясно, что вырваться из заколдованного круга цифровых блужданий, разорвать устаревшую логи-

⁷ Там же, с. 20.

ку традиционного «контроля над вооружениями» можно лишь в том случае, если обе стороны возьмут на себя смелость отказаться от многих военно-политических концепций и представлений, унаследованных от доядерной эпохи, если они возьмут на себя нелегкий труд привести собственные взгляды и позиции в соответствие с императивами ядерно-космической эры. Ведь в Рейкьявике продвижение вперед оказалось возможным прежде всего на основе тех новаторских положений, которые продиктованы новыми принципиальными подходами к проблемам войны и мира, новым политическим мышлением.

Ядерная эпоха существенным образом меняет содержание и смысл таких традиционных военно-политических понятий, как победа и поражение, превосходство и уязвимость, наступление и оборона, стабильность, стратегия, компромисс, реализм, утопия, и т. д. И только на основе их критического переосмысления, приведения в соответствие с ядерно-космическими реальностями оказывается возможным продвижение вперед в деле разоружения.

Все это — крайне сложные политические и психологические задачи, решение которых к тому же проходит часто весьма болезненно, поскольку требует переоценки собственных интересов и верований. Поэтому неудивительно, что в США и на Западе в целом реакция на встречу в Рейкьявике и в особенности на договоренности, к которым вышли советский и американский руководители, оказалась весьма неоднозначной и путаной. Отчасти это был результат недопонимания новых реальностей и новых подходов. Но в значительной мере это было отражением кампании дезинформации, развернутой американской стороной практически сразу же после Рейкьявика.

По наблюдениям некоторых западных обозревателей, первой реакцией на завершение встречи в столице Исландии было чувство озлобленности и разочарования со стороны американского руководства. Фактически было признано, что первый раунд после Рейкьявика был проигран США, тогда как СССР получил несомненные политические и пропагандистские преимущества, в том числе и потому, что первым поведал миру правду о ходе переговоров. В кругах американской администрации стали звучать серьезные опасения, что Советский Союз сможет «выиграть общественное мнение» по итогам встречи. Поэтому после первых часов замешательства, когда западная пресса готова была муссировать тему «провала» встречи, администрация Рейгана принялась вырабатывать свою версию происшедших событий.

Важным фактором, подтолкнувшим администрацию США к интенсивным действиям на этом направлении, явился предварительный опрос американского общественного мнения, показавший, что американская общественность в целом настроена более оптимистически, нежели рассчитывала сама администрация. Как свидетельствуют результаты опросов, проведенных после встречи в верхах, первоначальная реакция американцев, как это обычно и бывает после крупных внешнеполитических акций президента, характеризовалась «сплочением перед флагом» и значительной степенью поддержки действий американского руководства. Опрошенные американцы в большинстве поддерживали позицию Рейгана и в целом оптимистически оценивали перспективы достижения договоренностей об ограничении и сокращении вооружений в будущем. Так, 62% (против 33%) опрошенных ответили положительно на вопрос: «Считаете ли вы, что встреча Рейгана и Горбачева, несмотря на то, что в Рейкьявике не было достигнуто никаких соглашений, приведет к заключению договоренностей о контроле над вооружениями?» При этом под влиянием той интерпретации итогов встречи, которая была задана администрацией, 45% американцев считали, что ответственность за отсутствие соглашений лежит на советской стороне, и только 14% обвинили в этом президента США. Наконец, опросы показали, что встреча в Рейкьявике привела на

том этапе к повышению популярности Рейгана (тогда еще не было известно об «ирангейтском» скандале) и поддержки программы СОИ⁸.

Стремясь перехватить инициативу в интерпретации результатов встречи и используя при этом настроения «средних американцев», Белый дом принял решение о начале массовой пропагандистской кампании с участием ведущих деятелей администрации (сам Р. Рейган, Дж. Шульц, Д. Риган, Дж. Пойндекстер, Р. Перл, П. Бьюкенен и др.) и с беспрецедентным разрешением открыто цитировать их высказывания по данным вопросам. Об этих акциях заговорили как о «самом амбициозном блицкриге» администрации Рейгана. Прежде всего и президент и его ближайшие сотрудники заявили об «успехе» встречи в верхах, причем было специально подчеркнуто, что стороны стали намного ближе, чем раньше, к соглашениям, которые могли бы привести к безопасному миру без ядерного оружия. В то же время ни Рейган, ни его ближайшее окружение не давали гарантий, что предполагаемая следующая встреча в верхах завершится подписанием соответствующих соглашений.

Но все же не это главное в развернутой администрацией США пропагандистской кампании, и не это дает основание говорить о ней как о дезинформации. Дело в данном случае прежде всего в том, что рейгановская администрация утверждала: главной причиной «успеха» в Рейкьявике явилась будто бы избранная ею шесть лет назад стратегия «укрепления военной мощи». «Мы действуем сегодня с позиции силы», — заявил президент вскоре после возвращения в Вашингтон. В результате, как он утверждал, Соединенным Штатам якобы удалось вынудить СССР пойти на «уступки», которые выразились, в частности, в признании «американской цели» — глубоких сокращений арсеналов ядерных вооружений — и готовности к «серьезным переговорам». При этом представители администрации США открыто заговорили о своем намерении продолжать политику давления с тем, чтобы СССР отказался от своей позиции по проблеме ПРО, занятой в Исландии⁹.

Американская администрация практически сразу же после завершения встречи пыталась перехватить «пальму первенства» в выдвижении конкретных предложений о сокращении и ликвидации ядерного оружия. Хотя американская делегация прибыла в Рейкьявик, по словам М. С. Горбачева, с пустыми руками, с нафталиновым набором, от которого уже задыхаются женевские переговоры¹⁰, Рейган заявил, что американская сторона выдвинула «совершенно новые по своей сущности предложения», которые были блокированы Советским Союзом¹¹. Крайне показательно и то, что ни в одном из заявлений представителей администрации США не излагались сколько-нибудь внятные те «предложения», которые Рейган якобы привез в Исландию.

Вследствие явной путаницы в американской интерпретации рейкьявического диалога в политических кругах США началась даже дискуссия по поводу сути американских «предложений», будто бы врученных президентом советскому руководителю. Спор возник в связи с заявлением сенатора С. Нанна о том, что на брифинге с конгрессменами Рейган предложил Советскому Союзу уничтожить «все ядерное оружие», хотя сразу же после возвращения из Рейкьявика он говорил лишь об уничтожении баллистических ракет. В связи с этим администрацией США были даны разъяснения, что «хотя президент действительно однажды высказал надежду на возможность безъядерного мира», он убежден в отсутствии условий на данном этапе для ликвидации всего ядерного оружия¹². На-

⁸ Time, October 27, 1986, p. 9.

⁹ Ibid., November 17, 1986, p. 61.

¹⁰ Советско-американская встреча на высшем уровне. Рейкьявик, 11—12 октября 1986 г., с. 39.

¹¹ Time, October 29, 1986, p. 20.

¹² Ibid., November 17, 1986, p. 61.

зревал политический скандал. Чтобы воспрепятствовать ему, Белым домом был оглашен текст «предложений», якобы выдвинутых Рейганом в Рейкьявике. Утверждалось, в частности, что США предложили только ликвидацию баллистических ракет и в ходе переговоров не сдвинулись с этой позиции. В этом принципиальном вопросе американская сторона открыто пошла на фальсификацию как сути выдвинутых предложений, так и самого хода рейкьявикской встречи.

Организаторов кампании дезинформации не смущали даже очевидные противоречия в собственных заявлениях. Постоянно говоря об «успехе» встречи, представители администрации США, противореча собственным словам, адресовали советской стороне обвинения в ее «неуспехе». По словам официальных представителей американской администрации, ответственность за то, что встреча в Рейкьявике завершилась без достижения соглашений, несет Советский Союз, потребовавший от США «неприемлемых уступок» в отношении программы СОИ, которые «погубили бы наш оборонительный щит»¹³. Советская позиция в такой интерпретации злонамеренно извращалась. Утверждалось даже, что советский руководитель прибыл в Исландию якобы с единственной целью — «убить СОИ».

Одновременно и в заявлениях представителей администрации США, и в американской пропаганде грубо искажались советская и американская позиции по вопросу о Договоре по ПРО. Утверждалось, что президент предложил соблюдать его в течение 10 лет, однако Советский Союз это не устроило¹⁴. Точно так же говорилось, что советское требование ужесточения режима ПРО якобы давало СССР некие односторонние преимущества, и прежде всего потому, что он сам нарушает Договор по ПРО и работает над собственной программой стратегической обороны, чуть ли не опередив в этом США. Вся эта злостная дезинформация использовалась для демагогического оправдания занятой Соединенными Штатами в Рейкьявике неконструктивной позиции, сводящейся к тому, чтобы любыми средствами обеспечить условия для дальнейшего развертывания работ по программе СОИ.

Значительное место в пропагандистской кампании администрации США по итогам встречи в Рейкьявике было отведено настойчивым попыткам оправдать программу «звездных войн». Аргументация, выдвинутая Вашингтоном в пользу продолжения работ по СОИ, сводится к утверждениям: СОИ остается главной гарантией для США на случай «обмана со стороны русских», это «страховой полис на будущее»; СОИ якобы необходима на тот случай, если «какой-нибудь сумасшедший» решит создать ядерное оружие; СОИ привела СССР на переговоры в Женеву и в Рейкьявик, поэтому отказаться от ее осуществления означало бы «убить курицу, которая приносит золотые яйца»; исследования по программе СОИ в том виде, как их предлагают США, якобы не противоречат положениям Договора по ПРО¹⁵. Были предприняты усилия с тем, чтобы, с одной стороны, внушить американской и западноевропейской общественности представление, будто бы вовсе не программа СОИ явилась препятствием для заключения соглашений в Рейкьявике, и одновременно вновь извратить советскую позицию, прибегая к безответственным и аморальным измышлениям о том, что СССР якобы нарушает свои договорные обязательства и сам ведет тайные работы в сфере оборонительных вооружений.

Эта кампания дезинформации, волна которой не спадает и по сей день, рассчитана на то, чтобы не только исказить суть позиций, которых придерживались СССР и США в Рейкьявике, но и фальсифицировать само значение встречи в верхах и, главное, исказить те принципиальные и

¹³ Ibid., October 20, 1986, p. 20.

¹⁴ Ibid., November 17, 1986, p. 61.

¹⁵ Ibid., October 10, 1986, p. 20.

долгосрочные ориентиры, которые на ней обозначились. В обоих случаях проявляется не просто политическая тенденциозность и открытая недобросовестность, но и явный дефицит нового политического мышления, жизненно необходимого в условиях ядерно-космического века. В этом можно убедиться, ознакомившись с предложенным в Рейкьявике советским проектом Директив министрам иностранных дел СССР и США о подготовке соглашений в области ядерного разоружения. В нем говорится:

«Рассмотрев во время своей рабочей встречи 11—12 октября 1986 года в г. Рейкьявике (Исландия) положение дел по ядерным вооружениям и существенно сблизив позиции двух стран, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и президент США Р. Рейган договорились дать министрам иностранных дел своих стран директивы подготовить к подписанию в Вашингтоне во время официального визита в США Генерального секретаря ЦК КПСС (дата визита...) тексты договоренностей и соглашений, основанных на указанных ниже ключевых положениях.

1. *В области стратегических вооружений.* Соглашение о сокращении на 50 процентов стратегических наступательных вооружений СССР и США, принимая во внимание исторически сложившиеся особенности структуры стратегических сил Сторон. При этом в указанных рамках будут подлежать сокращению все типы наступательных стратегических вооружений, включая и тяжелые ракеты. Будет найдено также решение по вопросу ограничения развертывания крылатых ракет морского базирования большой дальности.

По всем вопросам, относящимся к проблеме стратегических наступательных вооружений, Стороны будут вести переговоры с учетом взаимных интересов, озабоченностей и проявляя политическую волю к согласию.

2. *В области ракет средней дальности.* Соглашение о полной ликвидации ракет средней дальности СССР и США в Европе, при этом ядерные потенциалы Великобритании и Франции не затрагиваются и не учитываются. Начинаются переговоры об имеющихся у Сторон в Европе ракетах с дальностью менее 1000 километров.

Отдельно и насколько это практически возможно раньше начинаются переговоры о советских и американских средствах средней дальности в Азии.

3. *О Договоре об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и о запрещении ядерных испытаний.*

В целях укрепления режима бессрочного Договора 1972 года об ограничении систем противоракетной обороны достигается договоренность о том, чтобы СССР и США обязались в течение 10 лет не пользоваться имеющимся у них правом выхода из этого договора и в течение этого периода строго соблюдать все его положения. Будут запрещены испытания всех космических элементов противоракетной обороны в космосе, кроме исследований и испытаний, проводимых в лабораториях. Это не влекло бы запрета на испытания разрешенных по Договору по ПРО стационарных наземных систем и их компонентов. В течение последующих нескольких лет Стороны должны будут найти в ходе переговоров дальнейшие взаимоприемлемые решения в этой области.

Стороны считают целесообразным приложить дополнительные усилия в целях достижения взаимоприемлемых договоренностей по запрету противоспутниковых средств.

В практически возможно короткий срок возобновляются двусторонние (СССР и США) переговоры о полном прекращении ядерных испытаний. В ходе этих переговоров можно было бы рассмотреть также вопросы о контроле, о понижении порога мощности взрывов и уменьшении их количества, о Договорах 1974 года и 1976 года.

Начало переговоров по вопросу о запрещении ядерных взрывов является условием разработки соглашения по стратегическому оружию.

Генеральный секретарь ЦК КПСС и президент США считают, что эти договоренности имеют принципиальный и поворотный характер на пути осуществления задач, поставленных ими в Женеве в ноябре 1985 г.: ограничить и сократить ядерные вооружения, предотвратить гонку вооружений в космосе и прекратить ее на Земле, укрепить стратегическую стабильность и всеобщую безопасность»¹⁶.

В Рейкьявике М. С. Горбачев передал Р. Рейгану «Данные о количествах стратегических наступательных вооружений СССР и США (на 11 октября 1986 г.)»¹⁷ и предложил сократить все средства, в том числе и советские тяжелые ракеты на 50%, на что американский президент полностью согласился. Американская сторона не подвергла сомнению эти данные.

Действительное значение встречи в верхах в Рейкьявике выходит за рамки текущих политических событий, оно имеет глобальный мировоззренческий характер. В Рейкьявике мир стал свидетелем того, как новое политическое мышление обретает практические формы выражения, убедившись в том, что оно может быть весьма эффективным и приносить плоды. Первый опыт нового политического мышления в действии — так можно определить то, что произошло в Рейкьявике. Новая философия войны и мира в ядерно-космический век — так следует сказать о принципиальном мировоззренческом значении встречи.

Приближение к беспрецедентным по своему радикализму и качественной новизне договоренностям оказалось возможным единственно лишь на основе нового политического мышления. Конечно, никто и не питал иллюзий, что путь к этому мышлению окажется быстрым и легким. Рейкьявик еще раз подтвердил, что оно должно рождаться как двусторонний процесс, как совместное новое политическое мышление, в процессе выработки компромиссов, учета и изучения позиций, интересов и озабоченностей обеих сторон. В этом смысле Рейкьявик сослужил важную службу, стал тем первым полигоном, на котором были впервые практически опробованы новые кардинальные подходы к проблемам ограничения и сокращения вооружений, разоружения.

Рейкьявик явился началом нового этапа в советско-американских отношениях и в мировой политике в целом. Именно поэтому есть основания говорить о «рейкьявикском процессе» — многосторонней перестройке всей системы советско-американских отношений, и в первую очередь подходов к проблемам разоружения, войны и мира. В этом плане, как и применительно к проблематике нового политического мышления, Советский Союз отнюдь не претендует на какие-либо исключительные полномочия и привилегии. Напротив, как специально отмечал М. С. Горбачев, «мы разрабатываем свои предложения, изучая и учитывая точки зрения и инициативы других правительств, общественных и политических движений»¹⁸. В своей речи на форуме 16 февраля М. С. Горбачев обратил внимание и на необходимость укрепления доверия и международного сотрудничества. Это в полной мере относится как к выработке новых конкретных подходов ко всему комплексу проблем разоружения, так и к формулированию основополагающих принципов новой философии войны и мира в ядерно-космический век. Конечно, новизна подхода сама по себе отнюдь не требует огульного отрицания накопленного прежде опыта. Речь идет скорее о необходимости его уточнения и приведения в соответствие с новыми реальностями. Именно это и было предпринято в Рейкьявике.

Основу нового взгляда на ключевые проблемы войны и мира составляет прежде всего глубокое уяснение нового характера войны в ядерную

¹⁶ Рейкьявик. Док. и м-лы. М. 1987, с. 20—22.

¹⁷ Там же, с. 23; Правда, 23.I.1987.

¹⁸ Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева по советскому телевидению 18 августа 1986 года. М. 1986, с. 8.

эпоху, впервые в истории создавшей материально-технические предпосылки для возможного самоуничтожения цивилизации. Отсутствие пределов разрушительной мощи ядерного оружия и невозможность обороны от него в традиционном смысле слова лишают войну с применением такого оружия какого бы то ни было политического, социального, идеологического и любого иного смысла, превращают ее в тотальное истребление человечества. Не случайно М. С. Горбачев особо подчеркивает, что «теперь всем стало яснее ясного, что старые представления о войне как средстве достижения политических целей отжили свой век»¹⁹.

В новых условиях война перестала быть средством решения каких бы то ни было международных, политических, социальных, идеологических и иных противоречий и конфликтов. Современные средства ведения войны переросли ее любые мыслимые цели, вследствие чего вопрос о ведении войны и победе в ней утратил рациональный характер. И хотя ядерная война — в случае ее развязывания — явилась бы результатом определенного развития политических событий или же технического просчета, она уже никогда не может считаться приемлемым и рациональным продолжением политики другими средствами. Применительно к ядерной войне утрачивают свое значение и многие другие традиционные понятия — в ней не может быть победителя (концепция «ядерной зимы» хорошо показывает, что самоубийственной была бы даже гипотетическая «победа» в ядерной войне), она не может быть контролируемой и ограниченной, не существует рациональной ядерной стратегии и т. д.

Накопленные военные арсеналы, готовые к немедленному использованию, превращают наше время не в довоенный, а в предвоенный период. Такое положение сложилось впервые в истории. Кроме того, решение о всеобщем ядерном самоубийстве может быть не только принято, но и впервые осуществлено достаточно узким кругом лиц. Раньше проблемы войны и мира касались взаимоотношений между отдельными социальными группами, классами, народами, нациями, государствами. Сегодня война и мир впервые стали подлинно глобальным вопросом общесоциального масштаба, затрагивающим практически все человечество. В прошлом в результате войн могли погибать отдельные народы, государства и культуры, не останавливая общего хода всемирно-исторического развития. Ядерное оружие еще больше, чем интернационализация хозяйственной жизни, рост взаимозависимости, прогресс средств массовой коммуникации, сделало цивилизацию единой и глобальной, которая если погибнет в результате войны, то вся.

В нынешних условиях предотвращение войны и сохранение мира стало главным приоритетом, выше которого не могут быть поставлены никакие иные интересы, ценности, цели. Проблемы войны и мира не только выдвинулись в число наиболее важных и неотложных глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Они непосредственно связаны с ними и в известном смысле стали предпосылкой для их решения. Причем задача создания системы глобального мира даже шире неотложной задачи предотвращения войны и разоружения — ее решение предполагает кардинальное переустройство всего миропорядка. В любом случае проблемы войны и мира сегодня неделимы — они могут быть решены лишь одновременно и во взаимообусловленности.

Лишилось своего традиционного смысла и такое понятие, как военная победа. Даже Рейган был вынужден отмежеваться от своих прежних заявлений о возможности победы в ядерной войне и признал, что в ней не может быть победителей. Какой бы ни была гипотетическая ситуация, в которой одна сторона нанесла бы первый ядерный удар, всегда у стороны, подвергшейся нападению, сохранится потенциал ответного сокрушительного удара. Поэтому взаимное гарантированное уничтожение —

¹⁹ Там же, с. 4.

это не политическая концепция и не стратегическая доктрина, а суровый жизненный факт. В свою очередь, это означает, что за пределами этого рубежа гонка вооружений теряет свой традиционный военный смысл и превращается скорее в гонку за политико-психологическим престижем, поскольку реальных военных преимуществ и тем более военного превосходства достичь уже практически невозможно.

Ядерная эпоха по-новому ставит вопрос и о военно-стратегическом равновесии в современном мире. С одной стороны, равновесие в традиционном смысле слова уже невозможно, поскольку каждая из сторон потенциально способна уничтожить другую в любой момент. Но, с другой стороны, сложившееся равновесие обладает своей устойчивостью, потому что никакие односторонние действия не могут склонить весы в какую бы то ни было сторону, после того как достигнут рубеж взаимного гарантированного уничтожения. Именно поэтому и военно-стратегический паритет представляет собой категорию качества, а не количества — речь не идет об обязательном количественном уравнивании по всем показателям и по всем категориям вооружений, напротив, дело заключается в достижении обеими сторонами определенного качественного рубежа, по ту сторону которого традиционные цифровые масштабы и уравнения утрачивают свое значение. Вот почему СССР в ходе рейкьявикского диалога мог позволить себе вынести за скобки цифровые дискуссии и сосредоточиться на качественной стороне проблем. Вот почему советские предложения включали в себя весьма серьезные уступки по ряду конкретных вопросов разоружения, и это не угрожало безопасности СССР и его союзников.

Да и само понятие безопасности радикальным образом изменило свое значение в ядерно-космическую эпоху. Взаимная уязвимость означает, что ядерное оружие, обладая гигантской разрушительной силой, не может тем не менее быть использовано для того, чтобы с его помощью вести и выиграть войну. Сила, и прежде всего военная, уже не может обеспечить безопасность; более того, большая военная сила влечет за собой меньшую безопасность. Безопасность в этих условиях уже недостижима какими бы то ни было односторонними мерами. Она оказывается возможной лишь как безопасность для всех, как безопасность, обеспечиваемая не военными, а политическими, экономическими, гуманитарными средствами. В этом суть новой концепции безопасности, которая разрабатывается в СССР и которая была заложена в основу советского подхода к встрече в Рейкьявике.

Абсолютная (или максимальная) национальная безопасность, обеспечиваемая в первую очередь превосходством военной силы, к которой в прошлом стремились многие государства, теперь стала не только недостижимой, но и дестабилизирующей международную обстановку целью. Невозможным оказывается и традиционный баланс сил, поскольку отныне каждая сторона способна уничтожить противника — и самое себя — и в то же время ни одна из сторон уже не может склонить баланс на свою сторону. Политическое мышление в категориях дядерной эпохи приходит к «парадоксу безопасности»: уровень безопасности в современном мире прямо противоположен количеству и качеству накопленных вооружений. Императивы ядерной эпохи требуют признания неизбежности относительной уязвимости даже самых могучих в военном отношении держав мира. Безопасность в ядерный век, как это хорошо показано в докладе Комиссии Пальме²⁰, возможна лишь как безопасность для всех, ее нельзя обеспечить за счет друг друга. Поэтому обеспечение безопасности — как международной, так и национальной — является не военной, а политической и психологической проблемой, проблемой укрепления ре-

²⁰ Безопасность для всех. Программа разоружения. Доклад Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности под председательством Улофа Пальме. М. 1982.

жима доверия и развития такой структуры политических отношений, которая сводила бы к минимуму опасность войны.

Новые нормы политической рациональности ядерной эпохи лишают смысла и традиционный принцип «игры с нулевой суммой» (в соответствии с которым выигрыш одной стороны автоматически оборачивается выигрышем другой) во взаимоотношениях государств на международной арене, и прежде всего во взаимоотношениях с потенциальным противником. Превращение в свою противоположность старого политического тезиса, согласно которому «что плохо для врага, хорошо для нас», диктует необходимость модификаций в самом понимании категорий «враг» и «противник», выработки нового отношения к ним. Особенно опасной становится дегуманизация потенциального противника, лишение его человеческого облика, превращение его в искусственно сконструированный образ «тотального зла». В эпоху ядерного оружия нельзя стремиться и к созданию такой ситуации, в которой противник чувствовал бы себя уязвимым, испытывал страх и неуверенность. Сохранение чувства безопасности у противника так же важно, как и поддержание собственной безопасности. Этот важный принцип заложен в новой советской позиции по проблеме разоружения, которая и была реализована в ходе рейкьявикской встречи.

На понимании чувства общности судеб человечества в ядерную эпоху основывается новое политическое мышление, которое признает своего рода интернационализацию национального интереса и стремится учесть прежде всего глобальные общечеловеческие потребности, ставя во главу угла задачу предотвращения ядерной войны. Именно поэтому М. С. Горбачев в ходе встречи с группой деятелей мировой культуры, приехавших в СССР для участия в Исык-Кульском форуме, подчеркнул подходы к современному миру как миру взаимосвязанному, взаимозависимому, хотя и противоречивому, но целостному. «В. И. Ленин в свое время высказал мысль колоссальной глубины — о приоритетности интересов общественного развития, общечеловеческих ценностей над интересами того или иного класса, — отметил М. С. Горбачев. — Сегодня, в ракетно-ядерный век, значимость этой мысли ощущается особенно остро. И очень хотелось бы, чтобы и в другой части мира тоже поняли и приняли тезис о приоритете общечеловеческой ценности мира над всеми другими, к которым отвержены те или иные люди»²¹.

Встреча в Рейкьявике, в ходе которой СССР как раз и руководствовался приоритетностью общечеловеческих ценностей, по-новому поставила вопрос и о том, что представляет собой реализм в политике, особенно применительно к проблемам разоружения. Со времени появления ядерного оружия немало политиков, представляющих разные и противоположные направления, говорили о необходимости разоружения, провозглашали его своей целью. Рейган, осуществляя программу неслыханного наращивания военных расходов, тоже утверждает, что это необходимо для того, чтобы добиться конечной задачи — разоружения. Отчасти, видимо, именно логика подобного рода и виновата в том, что разговоры многих политических деятелей Запада о разоружении нередко воспринимались прессой и широкими кругами общественности как демагогия и пропаганда. На тех же людей, прежде всего из числа сторонников движения за мир, которые всерьез говорили о необходимости и достижимости разоружения, «реалисты» смотрели в лучшем случае как на оторванных от жизни мечтателей, пафвных утопистов.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что обсуждение идеи разоружения в практическом плане на встрече в Рейкьявике, выход на конкретные договоренности — все это радикально перевернуло традиционные представления о реализме. «Утописты», которые не жалели своих уси-

²¹ Время требует нового мышления. Беседа М. С. Горбачева с группой деятелей мировой культуры. — Коммунист, 1986, № 16, с. 12.

лий, чтобы добиться постановки проблемы разоружения в практическую повестку дня советско-американских переговоров, доказали свою правоту. Что же касается «реалистов», то они, напротив, остались далеко позади реальной политической практики.

В целом встреча в Рейкьявике способствовала еще и проведению новых, во многом неожиданных линий идейно-политического размежевания как в США, так и на международной арене. В лагере противников Рейкьявика есть как непримиримые критики самой возможности достижения соглашений по ограничению и сокращению вооружений, так и сторонники традиционного контроля над вооружениями. В США в числе последних оказались многие либеральные политические деятели, представители академического сообщества, пресса, т. е. те силы, которые годами выступали за стабилизацию и замедление гонки вооружений. В Западной Европе серьезному испытанию подвергся престиж в первую очередь консервативных правительств Великобритании и ФРГ, внешнеполитическая и пропагандистская линия которых во многом строилась на тезисе о том, что их лояльность по отношению к США — это своего рода плата за «особые отношения» с Рейганом, за возможность в частном порядке эффективно влиять на него в пользу занятия более конструктивных и реалистических позиций в вопросах отношений между Востоком и Западом.

После Рейкьявика они оказались в своем мышлении далеко позади живого политического процесса. Именно поэтому они принялись упрекать президента США в том, что он за два дня фактически перечеркнул складывавшуюся на протяжении 40 лет концепцию обороны Запада и готов был оставить Западную Европу в одиночестве перед лицом «превосходства» СССР в обычных вооружениях. Иными словами, дорейкьявикское мышление настойчиво цепляется за устаревший тезис о жизненной важности ядерного сдерживания. А в ряде случаев было заявлено даже фактически об отказе от дорейкьявских целей — так, некоторые западноевропейские правительства объявили о своей незаинтересованности в выводе ядерного оружия США из Европы даже в рамках «нулевого варианта».

Отталкиваясь от Рейкьявика, необходимо идти не вспять, а вперед, распространяя новое политическое мышление, которое было продемонстрировано по проблемам ядерного разоружения, на все другие области советско-американских отношений и отношений между Востоком и Западом. Иными словами, новое политическое мышление, продемонстрированное в Рейкьявике, исходит из того, что как разоружение не может быть предварительным условием улучшения политических отношений, так и улучшение политических отношений не может быть предварительным условием для начала разоружения. Эти процессы должны идти одновременно, быть взаимными катализаторами. И вовлечен в них должен быть максимально широкий круг участников. Без нового политического мышления в сегодняшней политике уже не обойтись, и сам процесс переосмысления позиций и подходов должен быть гибким и, что особенно важно, постоянным — лишь тогда мы успеем за быстро меняющимся миром, лишь тогда Рейкьявик станет в полном смысле началом пути в безъядерный безопасный мир, пути, который определен новым политическим мышлением.

ВАЖНЫЙ РЫЧАГ ПРИОБЩЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ СССР К ЗНАНИЯМ

Ю. К. Фишевский

Всесоюзное общество «Знание» было создано в 1947 г., вскоре после победоносного завершения Великой Отечественной войны, когда, преодолевая невероятные трудности, советский народ под руководством Коммунистической партии восстанавливал разоренные фашистскими захватчиками районы страны, разрушенные города и села, заводы и колхозы, памятники истории и культуры, когда ставилась задача не только достичь довоенного уровня развития нашей экономики, но и превзойти его, двинуться дальше вперед. Особое значение приобрели в этих условиях проблемы образования и воспитания советских людей, вооружения их всеми достижениями науки, техники и культуры.

Создавая новую просветительскую организацию, советские ученые опирались на лучшие традиции интеллигенции нашей страны. После победы Великой Октябрьской социалистической революции вместе с расширением исследований в стране осуществлялась работа по распространению научных знаний в народных массах. Даже в самые тяжелые годы Великой Отечественной войны эта деятельность не прекращалась ни в тылу, ни на фронте. Именно тогда было образовано Лекционное бюро при Министерстве высшего образования СССР, которое развернуло активную работу. Все это создало предпосылки для учреждения организации, которой стало бы по плечу выполнение двудесятилетней задачи широкой пропаганды научных знаний и приобщения к этому делу научной общественности страны.

1 мая 1947 г. в «Правде» было опубликовано Обращение ко всем деятелям советской науки, литературы и искусства, к научным, общественным и другим организациям и учреждениям Советского Союза. Документ подписали президент АН СССР С. И. Вавилов, президенты республиканских академий А. В. Палладин, Н. И. Мухелишвили, В. А. Амбарцумян, К. И. Сатпаев, Т. А. Сарымсаков, Х. Х. Круус, П. Я. Леиньш, Ю. Ю. Матулис, М. М. Мир-Касимов, академики И. И. Артоболевский, Н. Г. Бруевич, Е. С. Варга, И. Э. Грабарь, Б. Д. Греков, А. А. Микулин, И. И. Минц, М. Б. Митин, А. И. Опарин, И. А. Орбели, писатели К. М. Симонов, Н. С. Тихонов, А. А. Фадеев, другие видные ученые, деятели культуры, военачальники, руководители ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, ряда центральных ведомств и научных учреждений.

В Обращении подчеркивалось, что советская интеллигенция, неразрывными узами связанная с рабочими и крестьянами, считает неустанный работу по политическому и культурному просвещению широких масс трудящихся своим первейшим делом. Чтобы эта работа стала еще

более успешной, предлагалось «создать Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Задача этого Общества должна заключаться в том, чтобы организовать широкую пропаганду научных и политических знаний путем проведения публичных лекций в области международной политики, советской экономики, науки, культуры, литературы и искусства, а также путем издания и распространения стенограмм лекций».

Видные деятели советской науки и культуры призывали «еще более активно работать для повышения социалистической сознательности трудящихся. В публичных лекциях члены Общества должны разъяснять внешнюю политику Советского государства, решительно разоблачать провокаторов новой войны и агрессии, показывать лживость и ограниченность буржуазной демократии, вскрывать реакционную сущность идеологии современной империалистической буржуазии и ее реформистских прислужников... Долг членов Общества — разъяснять важнейшие вопросы марксистско-ленинской идеологии, пропагандировать материалистическое мировоззрение, борясь против всяких ненаучных воззрений и пережитков чуждой идеологии в сознании людей». Обращение завершилось словами: «Организуя Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний и всемерно развертывая его работу по всей стране, мы создаем новый рычаг для культурного роста и идейно-политического воспитания советского народа. Мы уверены, что наш проект найдет самый горячий отклик, одобрение и поддержку со стороны всех деятелей советской науки и культуры, которые всегда служили своему народу и черпали в нем свои творческие силы»¹.

Обращение нашло широкую поддержку со стороны интеллигенции. Под председательством С. И. Вавилова был создан организационный комитет, в который вошли Н. Г. Бруевич, Е. С. Варга, Е. В. Тарле, А. В. Палладин, Н. И. Мухелишвили, К. И. Сатпаев, Б. Д. Греков, И. И. Артоболевский, А. И. Опарин, И. И. Минц, В. И. Доуккин, Н. В. Попова, С. В. Кафтапов, А. Г. Калашников, Т. М. Зуева, К. М. Симонов, М. Р. Галактионов и др.².

7—10 июля в Москве проходило учредительное собрание по созданию Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Открывая его, С. И. Вавилов подчеркнул, что Обращение инициативной группы нашло быстрый, живой и деловой отклик во всех слоях населения Советского Союза. Оргкомитет получил огромное количество писем, в которых выражались удовлетворение и радость по поводу создания Общества, предлагалась активная помощь в работе, вносились предложения по ее организации. Более 200 учреждений и организаций стали членами—учредителями Общества, в него были приняты 1500 его первых действительных членов. Обществу были переданы аппарат и средства Лекционного бюро при Министерстве высшего образования СССР, Московский политехнический музей, Центральная политехническая библиотека.

С. И. Вавилов подробно остановился на целях Общества. Существует мнение, сказал он, что оно должно быть ассоциацией научных и технических обществ или ученых разных специальностей с целью содействия развитию советской науки, наподобие соответствующих английских и американских ассоциаций. Но Президент АН СССР иначе сформулировал цель создаваемого Общества: «Весь ход истории нашей страны за советские годы, все наши стремления ясно указывают, что было бы ошибочным ограничить деятельность Общества научной средой, специальными учеными объединениями... Наше Общество должно быть проводником и

¹ Правда, 1.V.1947.

² Там же, 13.V.1947.

посредником настоящей, высокой, передовой, новой науки от специалистов к народу»³.

В поддержку создаваемого Общества выступили представители АН СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Министерства высшего образования СССР, ленинградских научных учреждений, научной общественности Украины. Собрание одобрило деятельность Оргкомитета и приняло решение об учреждении Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. По докладу М. Б. Митина был принят его Устав. Учредительное собрание избрало Правление Общества и Ревизионную комиссию. Председателем Правления стал С. И. Вавилов, первым его заместителем — М. Б. Митин, заместителями председателя — И. И. Артоболевский, В. И. Докукин, И. В. Зубов, членами Президиума Правления — Е. С. Варга, И. И. Минц, А. И. Опарин, Е. А. Чудаков, Е. А. Коровин, М. В. Нечкина, М. Р. Галактионов.

Через полгода после учреждения Общества, 25 января 1948 г., открылся его 1-й съезд. К тому времени в Обществе состояло около 6 тыс. действительных членов. Организации Общества были созданы во всех союзных и ряде автономных республик, краев и областей. Только московскими лекторами за это время было прочитано 4 тыс. лекций, на которых присутствовало 900 тыс. слушателей; более 2 тыс. лекций было прочитано лекторами республиканских обществ (их прослушало около 300 тыс. человек). Общество выпустило в свет 66 брошюр общим тиражом около 6700 тыс. экземпляров⁴.

Большая помощь Обществу была оказана Советским правительством. Создавались материальные возможности для его широкой деятельности. И это было сделано в условиях, когда народное хозяйство страны только еще начало возрождаться после огромных разрушений, причиненных войной. В распоряжение Общества был передан научно-популярный журнал «Наука и жизнь». Все это позволило С. И. Вавилову заявить, открывая съезд: «На сегодняшний день Общество располагает превосходными кадрами и хорошей материальной основой», «от нашей активности и нашего умения зависит теперь степень успешности в решении больших и труднейших задач».

«Перед Обществом, — говорил С. И. Вавилов на съезде, — обширное поле деятельности по распространению среди трудящихся великих культурных достижений нашей страны. Советские люди должны знать историю народов, входящих в Советский Союз, памятники их искусства и результаты наук. У Общества теперь есть силы и возможности, чтобы выйти со своей идейной работой по распространению знаний и за пределы Советского Союза — в дружественные нам демократические страны Запада и Востока. Наряду с начальной, средней и высшей школой политическая и научная пропаганда Общества должна стать важнейшим звеном в деле приобщения всех трудящихся к результатам наук. В Советской стране наука в своих основных, новых научных результатах, результатах сегодняшнего дня должна быть достоянием всех трудящихся»⁵. В постановлении съезда намечались мероприятия по дальнейшему развитию и организационному укреплению Общества, увеличению количества и улучшению качества лекций, обеспечению их лучшей посещаемости, расширению издательской деятельности.

За прошедшие 40 лет деятельность Общества «Знание» (так оно теперь называется) приобрела поистине государственный размах, стала активной формой приобщения интеллигенции к пропаганде знаний среди

³ Архив Общества. Стенограмма общего собрания членов-учредителей и действительных членов Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, с. 16.

⁴ Архив Общества. Стенограмма заседания 1-го съезда Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний 25 января 1948 года, с. 1, 15, 20.

⁵ Там же, с. 2.

широких масс, важным средством коммунистического воспитания трудящихся. Общество выросло в разветвленную организацию, в рядах которой насчитывается более 2,6 млн. членов. В их числе более 2 тыс. академиков и членов-корреспондентов АН СССР, отраслевых и республиканских академий, 25 тыс. докторов наук и профессоров, 193 тыс. кандидатов наук, 134 тыс. научных работников, 205 тыс. преподавателей вузов, более 1 млн. преподавателей средних специальных учебных заведений и школ, 458 тыс. инженеров и техников, 134 тыс. экономистов, 234 тыс. специалистов сельского хозяйства. В качестве коллективных членов в Общество входит 55 научно-технических, научных и медицинских обществ, а также творческие союзы — писателей, композиторов, кинематографистов, художников⁶. Во всех союзных и автономных республиках, краях, областях, в каждом городе и районе имеются организации Общества, на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, научных учреждениях и вузах действуют его первичные организации.

Общество построено на демократических принципах. Все руководящие органы снизу доверху избираются на собраниях его членов, конференциях и съездах. Высший орган Всесоюзного общества «Знание» — съезд — созывается раз в пять лет. Правление Общества всегда возглавляли крупные советские ученые. После С. И. Вавилова председателями Правления были академики М. Б. Митин, А. И. Оларин, Н. Н. Семенов, В. А. Кириллин, И. И. Артоболевский, в настоящее время им является дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Нобелевской премий, депутат и член Президиума Верховного Совета СССР, член Президиума АН СССР, директор Физического института АН СССР им. П. Н. Лебедева акад. Н. Г. Басов. В состав Правления входят видные ученые, деятели культуры, государственные и общественные деятели.

Работа в Обществе строится в основном на общественных началах. Около 900 тыс. активистов являются членами его руководящих и научно-методических органов. Их усилиями организуются выступления в аудиториях, разрабатываются и осуществляются мероприятия, обеспечивающие высокий научный и методический уровень лекционной работы. Одно из основных достижений Общества — создание широкой системы распространения знаний среди трудящихся. И в наш век бурного развития средств массовой информации — прессы, радио, телевидения, кино живое слово лектора — сильнейшее средство воспитания, организации и просвещения масс. Лекционная пропаганда, оперативно учитывающая запросы и интересы слушателей, получила широкое признание. Только за 1985 г. членами Общества прочитано более 19 млн. лекций, на которых присутствовало около 900 млн. слушателей⁷.

Лекции читаются в самых разных аудиториях, среди самых различных категорий населения. Широко практикуется организация лекционной пропаганды на основе единых планов, которые органически входят в планы социального развития трудовых коллективов и регионов.

Обществом проводятся массовые выезды ученых, вузовских преподавателей для чтения лекций в городах и сельской местности. Популярностью пользуются разнообразные тематические вечера, устные журналы, творческие отчеты ученых, дни науки и техники, общественно-политические чтения, циклы и киноциклы лекций, лекции-экскурсии, вечера вопросов и ответов, «круглые столы». Эти мероприятия осуществляются как непосредственно в трудовых коллективах, так и на базе Домов знаний, лекториев, Домов научного атеизма, Домов научно-технической пропа-

⁶ Краткие статистические сведения о деятельности Всесоюзного общества «Знание». М. 1982, с. 13—16; Краткие статистические сведения о лекционной деятельности организаций Всесоюзного общества «Знание» за 1985 год. М. 1986, с. 19.

⁷ Краткие статистические сведения о лекционной деятельности организаций Всесоюзного общества «Знание» за 1985 год, с. 3.

ганды, планетариев, а также Домов культуры, клубов, других учреждений культуры и образования.

Интерес советского человека ко всему новому настолько глубок, что его вряд ли можно удовлетворить только отдельными лекционными мероприятиями. Вот почему организации Общества широко практикуют системные формы пропаганды знаний.

Среди них наибольшее распространение получили народные университеты. Эти общественные учебные заведения стали своеобразными лоцманами в мире знаний, важным звеном в непрерывном образовании советских людей. Организации общества «Знание» принимают непосредственное участие в обеспечении деятельности народных университетов. Выполняя постановление ЦК КПСС «Об улучшении работы народных университетов»⁸, Общество добилось широкого развития их сети. В настоящее время в стране действует более 58 тыс. народных университетов, в которых обучается около 20 млн. слушателей. Свыше 740 тыс. преподавателей ведут в них педагогическую, воспитательную и организаторскую работу⁹.

Слушатели народных университетов изучают вопросы науки и техники, экономики, внешней и внутренней политики Советского государства, международных отношений, знакомятся с достижениями культуры и искусства.

Большой популярностью пользуются университеты культуры, педагогических и медицинских знаний. Широкое распространение получили народные университеты, нацеленные на повышение деловой, профессиональной квалификации кадров, а также подготовку трудящихся к выполнению общественных обязанностей по управлению делами государства.

Одно из преимуществ народных университетов, обеспечивающее наиболее полное удовлетворение разнообразных потребностей и интересов слушателей, — гибкий подход к выбору форм занятий, возможность оперативной перестройки программ обучения. Периодически меняя или обновляя программы, народные университеты имеют возможность сохранять контингент слушателей, которые таким образом включаются в процесс непрерывного просвещения и образования.

Деятельность Всесоюзного общества «Знание», по существу, носит энциклопедический характер, охватывает практически все области политики и экономики, науки и культуры, техники и производственного опыта. Важное место в ней занимает пропаганда исторических знаний. Ежегодно по проблемам истории читается более 2,6 млн. лекций¹⁰. Организует их бюро секции пропаганды исторических знаний, в состав которого входят чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков, доктора исторических наук К. В. Гусев, В. И. Куликов, В. П. Наумов, И. Б. Берхин, Ю. И. Кораблев, А. А. Кислова, Г. С. Еськов, А. Я. Манусевич, М. Г. Седов, директор Центрального музея В. И. Ленина О. С. Кривошеина и др.

Основное содержание этой работы за последние годы в значительной мере определяли такие знаменательные даты, как 60-летие образования СССР, 80-летие II съезда РСДРП и первой российской революции 1905—1907 гг., 40-летие Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Внимание Всесоюзного общества «Знание» к пропаганде исторических знаний усилилось после апрельского (1985 г.) и январского (1987 г.) пленумов ЦК КПСС и XXVII съезда партии. Помимо ежегодно разрабатываемых тематик лекций, циклов лекций по истории и политике КПСС, истории СССР и всеобщей истории, научно-методический совет Общества готовил и рассылал в его организации тематики общественно-политиче-

⁸ Политическое самообразование, 1968, № 11.

⁹ Краткие статистические сведения о лекционной деятельности организаций Всесоюзного общества «Знание» за 1985 год, с. 21.

¹⁰ Там же, с. 15.

ских чтений, циклов лекций в связи с юбилейными датами. Издана обширная тематика лекций с библиографией по документам и материалам XXVII съезда КПСС «Ускорение социально-экономического развития страны — стратегический курс партии», аннотированные тематики цикла лекций «КПСС — руководящее ядро политической системы советского общества» и «КПСС — руководящая сила советского общества».

Научно-методический совет принимал активное участие в общественно-политических чтениях, посвященных 60-летию образования СССР, теме «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи», 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Интерес вызвали прошедшие в Колонном зале Дома союзов в октябре 1985 — феврале 1986 г. общественно-политические чтения «Навстречу XXVII съезду КПСС». Большую помощь Общество оказывает проведению таких чтений в трудовых коллективах, в Дворцах и Домах культуры. В практику работы прочно вошло проведение в Центральной лектории Всесоюзного общества «Знание» циклов лекций по актуальным проблемам истории и политики КПСС, отечественной и всеобщей истории. Наибольший интерес слушателей вызвали циклы: «Героические страницы истории нашей Родины», «Ленинским курсом мира и международного сотрудничества», «Актуальные проблемы всемирной истории», «Выдающиеся деятели русской культуры», «Формирование нового человека — программная цель КПСС» и др.

Активное участие в лекционной пропаганде принимают научные сотрудники ИМЛ при ЦК КПСС, Институтов истории СССР, всеобщей истории, археологии, востоковедения, славяноведения и балканистики, этнографии АН СССР, Института военной истории Министерства обороны СССР. Члены первичной организации Общества Института истории СССР прочитали цикл лекций «История и современность», Института всеобщей истории — «Народы Западной Европы в борьбе против фашизма», Института военной истории — «Вторая мировая война и современность». В настоящее время ведутся циклы лекций: «Историческое значение XXVII съезда КПСС», «XXVII съезд КПСС о дальнейшем укреплении оборонной мощи нашей страны», «Страны и народы» и др. Были организованы коллективные выступления ученых по материалам XXVII съезда КПСС на предприятиях. Научно-методический совет организует и выездные циклы таких лекций¹¹.

Вместе с тем число лекций, читаемых по истории, ни в коей мере не удовлетворяет возросшего интереса населения. Предстоит значительно увеличить число этих лекций. На Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев отметил: «В современных условиях огромное значение приобрело воспитание молодежи историей, на славных традициях партии и народа. Все мы являемся свидетелями возросшего интереса к прошлому, к его урокам со стороны буквально всех слоев населения. В этом — одно из проявлений нового подъема патриотических чувств советских людей, их стремления постигнуть непрерывную связь времен, истоки тех прогрессивных народных традиций, которые и сегодня питают наше общество живой силой»¹².

Сейчас организации Всесоюзного общества «Знание» развертывают широкую лекционную пропаганду в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции. В своих выступлениях они показывают всемирно-историческое значение этого эпохального события, его роль в судьбах нашей страны, в развитии всего человечества. В лекциях раскрывается, как в наши дни, в условиях ускорения социально-экономиче-

¹¹ Текущий архив Общества. Материалы собрания секции пропаганды исторических знаний при Правлении Всесоюзного общества «Знание» от 17 декабря 1986 года.

¹² Правда, 2.X.1986.

ского развития страны, перестройки всех сфер жизни советского общества, претворяются в практику идеи Ленина. В Ленинграде состоялся Всесоюзный семинар лекторов «Курс XXVII съезда КПСС — продолжение дела Великого Октября». Повсеместно организованы коллективные выходы ведущих ученых в трудовые коллективы с лекциями, посвященными предстоящему юбилею, проводятся общественно-политические чтения «Великий Октябрь и современность». Издательство «Знание» выпускает библиотечку «Великий Октябрь и современность». Ведущие лекторы-обществоведы выступают также перед зарубежной общественностью по тематике, связанной с 70-летием Великого Октября.

Важное место в деятельности Общества «Знание» занимает разъяснение внешней политики Советского государства и международных отношений. По этой проблематике за 1985 г. было прочитано более 1,8 млн. лекций¹³. Активную работу ведет соответствующая секция Правления Всесоюзного общества «Знание», в которой участвуют академики А. Л. Нарочницкий, С. Л. Тихвинский, члены-корреспонденты АН СССР В. В. Вольский, В. В. Журкин, Г. Ф. Ким, Г. Б. Старушенко, В. Г. Трухановский, доктора наук В. В. Александров, И. Е. Гурьев, Ю. Б. Кашлев, Б. И. Коваль, В. Н. Москаленко, Ю. С. Новопашин, И. И. Орлик, О. Г. Пересыпкин, Д. В. Петров, Ш. П. Санакоев, М. Л. Титаренко, И. Г. Усачев и др.

Пропаганда международной политики КПСС ныне обогатилась новыми темами, повысился ее идейно-теоретический уровень. Лекторы стремятся к сочетанию пропаганды теоретических положений с показом практической деятельности партии по реализации внешнеполитической программы, разработанной XXVII съездом КПСС. Основное внимание уделяется разъяснению актуальных проблем внешней политики и международных отношений, последовательной и целенаправленной внешнеполитической деятельности партии и Советского государства, советских мирных инициатив. Бюро секции осуществляет мероприятия по оказанию научно-методической и практической помощи местным организациям Общества: направляет лекторов, проводит циклы лекций, семинары и консультации, выпускает литературу в помощь лектору. Происходит дальнейшее развитие таких форм работы, которые рассчитаны на длительное воздействие, позволяют дать слушателям систему знаний по вопросам внешней политики и международных отношений.

Одно из важных направлений в этой области — привлечение к выступлениям на семинарах и по циклам лекций в республиках и областях ведущих ученых и специалистов-международников. За 1981—1985 гг. по путевкам Правления Всесоюзного общества «Знание» в республики, края и области было направлено из Москвы свыше 4 тыс. лекторов-международников, в том числе 320 докторов наук и свыше 2 тыс. кандидатов наук. Они прочитали свыше 50 тыс. лекций на семинарах и в массовых аудиториях. Силами ученых и преподавателей Дипломатической академии и Московского института международных отношений МИД СССР, Институтов мировой экономики и международных отношений, экономики мировой социалистической системы, международного рабочего движения, востоковедения, Африки, Дальнего Востока, США и Канады, Латинской Америки АН СССР, журналистов-международников ТАСС, Агентства печати Новости читается ежегодно около 100 циклов лекций по важнейшим проблемам внешней политики КПСС, мирового коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, по проблемам идеологической борьбы¹⁴.

¹³ Краткие статистические сведения о лекционной деятельности организаций Всесоюзного общества «Знание» за 1985 год, с. 15.

¹⁴ Текущий архив Общества. Материалы собрания секции пропаганды внешней политики СССР и международных отношений при Правлении Всесоюзного общества «Знание» от 28 ноября 1986 года.

В республиканских и областных лекториях организованы циклы лекций: «Внутренняя и внешняя политика Советского Союза», «Актуальные проблемы мировой политики на современном этапе», «Внешняя политика СССР в борьбе за мир», «Программа мира на 80-е годы — в действии», «Мир социализма сегодня», «Проблемы, страны, события», «СССР в авангарде борьбы за мир и безопасность народов», «Курс США на международной арене — угроза миру и безопасности народов», «Программа мира и международной безопасности, выдвинутая XXVII съездом КПСС» и др. Большая работа проводится в Центральной лектории Всесоюзного общества «Знание». Успехом у слушателей пользуются «Международная панорама», вечера журналистов-международников Агентства печати Новости, циклы лекций «За рубежом» и «Актуальные проблемы Востока», а также тематические вечера, встречи с редколлегией журнала «Международная жизнь», бюллетеня «Аргументы и факты», с ведущими учеными институтов АН СССР.

В помощь лекторам были организованы всесоюзные семинары: «Идеологическая борьба и современность», «Проблемы совершенствования подготовки лекторов-международников», «Актуальные проблемы внешней политики СССР и международных отношений», «Исторический опыт борьбы СССР и других социалистических стран за безопасность и сотрудничество в Европе» и другие. На совместном заседании Секции внешней политики СССР и международных отношений при Правлении Всесоюзного общества «Знание» и Научного совета АН СССР «История внешней политики СССР и международных отношений» с участием представителей из республик были рассмотрены «Актуальные проблемы исследований и пропаганды внешнеполитической деятельности КПСС и Советского государства в свете решений XXVII съезда КПСС». Рекомендации, одобренные на заседании, легли в основу научно-методической деятельности секции.

Однако содержание и научно-теоретический уровень пропаганды внешней политики КПСС и Советского государства еще не в полной мере отвечают современным требованиям. Сегодня, когда опасные действия американских милитаристов создают прямую угрозу цивилизации, вопросы международной политики, проблемы идеологической борьбы вызывают пристальное внимание трудящихся СССР, порождают у них серьезную озабоченность. Помочь советским людям правильно разобраться в сложной и противоречивой международной обстановке, вооружить их знаниями основных закономерностей мирового развития, выработать стойкий иммунитет против воздействия буржуазной пропаганды — прямой долг Общества «Знание».

Тематическая направленность лекций не всегда обеспечивает освещение всего комплекса актуальных проблем внешней политики и современных международных отношений. Существенные недостатки имеются в содержании лекций: порой в них отсутствует глубокий анализ тенденций и явлений международной жизни, допускается поверхностное освещение событий и фактов, недостаточно используются оценки и выводы, содержащиеся в документах партии и правительства по вопросам внешней политики и международных отношений. Эти вопросы зачастую рассматриваются в отрыве от решения проблем социально-экономического развития страны, конкретных народнохозяйственных задач, выдвинутых партией. Далеко не все лекторы умеют глубоко и всесторонне освещать идеологическую борьбу по ключевым международным проблемам.

Обществу «Знание» предстоит принять меры к тому, чтобы организовать систематическую пропаганду внешнеполитической деятельности КПСС и Советского государства, обеспечить высокий уровень публичных выступлений своих членов по этой проблематике. Задача состоит в том, чтобы глубоко и всесторонне разъяснить последовательную миролюбивую политику партии и государства, конструктивные, реалистические предло-

жения СССР по ограничению гонки вооружений, развитию взаимовыгодного международного сотрудничества, обеспечению прочного мира на Земле. Организациям Общества необходимо добиваться, чтобы каждый коллектив, каждый труженик осознали, что чем выше результаты их работы, тем прочнее экономическая и оборонная мощь Советского Союза, выше его авторитет на международной арене, сильнее его позиции в борьбе против империализма.

Высока и почетна роль лекторов в нашей стране. Неустанно несут они слово партии в массы, поистине беззаветно и самоотверженно служат делу просвещения и воспитания трудящихся. Всесоюзное общество «Знание» большое внимание уделяет подготовке лекторских кадров, повышению их квалификации. Организуются различные семинары, курсы, работают университеты лекторского мастерства, школы молодого лектора. Лекторы получают оперативную информацию по актуальным вопросам внутренней и международной жизни, о достижениях науки и техники, событиях культурной жизни. Общество «Знание» воспитывает лекторов в духе высокой ответственности за каждое выступление. Для контроля за качеством лекционной работы организуются прослушивание и рецензирование лекций, периодически осуществляется общественная аттестация лекторских кадров.

Важное место в деятельности Общества занимает печать. Более половины всей выпускаемой в стране научно-популярной литературы составляет продукция издательства «Знание». Его книги и брошюры несут миллионам читателей информацию о событиях в мире, о достижениях науки и техники, передовом производственном опыте, дают знания, необходимые для повышения квалификации трудящихся, для их непрерывного образования. Литература издательства «Знание» отличается популярностью, доступностью, оперативностью. В качестве авторов привлекаются известные ученые, специалисты в различных областях. Популярностью у читателей пользуются подписные серии: «Новое в жизни, науке, технике», выпускаемые совместно с отраслевыми научно-методическими органами Общества «Народные университеты», информационные бюллетени «Аргументы и факты», «НТР: проблемы и решения». О сложном — просто, о трудном — понятно и увлекательно, — вот к чему стремится издательство «Знание». Тираж выпускаемых им книг и брошюр исчисляется сотнями тысяч экземпляров. За год издается около 750 названий. Кроме того, свыше 300 названий в помощь лектору выпускают правления обществ «Знание» союзных республик¹⁵.

Среди тем, которые широко освещаются в литературе издательства «Знание», — история нашей Родины, Советского государства, мировая история, борьба КПСС за мир и международную безопасность, борьба народов за национальное и социальное освобождение¹⁶.

¹⁵ Всесоюзное общество «Знание». Справка. М. 1986, с. 12—14.

¹⁶ Из книг и брошюр, выпущенных за последнее время, см.: Иовлев А. М. Ленинская политика привлечения буржуазных военных специалистов в Красную Армию. М. 1983; Бондарь В. Я. Партия в политической системе советского общества. М. 1984; Ксенофонов И. Н. Уроки Великой Победы. М. 1985; Лебедева Н. С. Суд над фашизмом и агрессией. М. 1985; Куликов В. И., Хаценко Г. Д. Аграрная политика КПСС: курс на интенсификацию. М. 1985; Топорнин Б. Н. Развитие социалистической демократии и самоуправление народа. М. 1985; Бузулук Ю. М., Подольский Н. В. За мир и сотрудничество, против угрозы ядерной войны. М. 1985; Саркисян Г. С. На благо советского человека. М. 1985; Кашлев Ю. Б. Конвейер дезинформации и лицемерия. М. 1985; Арсеньев Э. А. Современная Франция: годы кризиса. М. 1985; Синицын Б. В. Корейская Народно-Демократическая Республика. М. 1985; Земляной Н. С. Духовный прогресс советского общества и формирование нового человека. М. 1986; Горбачев Б. В. Укрепление всестороннего сотрудничества братских стран социализма. М. 1986; Алексеев Л. А. ЮАР — последний оплот расизма и колониализма в Африке. М. 1986; Матвеев В. М. Великобритания: итоги политики консерваторов. М. 1986; Князев А. Г. Египет 80-х годов. М. 1986; и др. Ряд книг и брошюр издательства «Знание» отмечен наградами Всесоюзного конкурса на лучшие произведения научно-популярной литературы.

Особое место в обширном списке литературы издательства «Знание» занимают международные ежегодники «Наука и человечество», «Будущее науки», «Наука сегодня», выпускаемые совместно с АН СССР. На страницах ежегодника «Наука и человечество» выступают крупнейшие прогрессивные ученые всех континентов. Они рассказывают о последних достижениях науки, о международном сотрудничестве во имя мира и прогресса, о борьбе ученых за предотвращение ядерной войны. Ежегодник богато иллюстрирован; переводится и издается в ряде зарубежных стран. В его подготовке принимают участие и зарубежные издательства. Перспективы, гипотезы, нерешенные проблемы... Таковы основные темы ежегодника «Будущее науки», рассчитанного на широкие круги читателей. Крупнейшие ученые высказывают в нем свою точку зрения о дальнейших путях развития науки, прогнозируют ее достижения. Справочник лектора «Наука сегодня» информирует о ключевых проблемах развития науки, о последних достижениях во всех отраслях знаний.

Существенное место в работе издательства занимает выпуск тематических библиотечек, которые дают лекторам информацию о наиболее актуальных проблемах, освещаемых комплексно и всесторонне. Концентрированная подача материала приносит большую пользу, позволяет раскрывать проблемы во всем их многообразии. В помощь лекторам и пропагандистам, преподавателям и слушателям народных университетов изданы библиотечки: «60 лет СССР», «К 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне», «Социализм и мир неразделимы», «Актуальные проблемы современной идеологической борьбы», «Идейно-воспитательную работу — на уровень современных задач», «Ленинская национальная политика КПСС — в действии», «Дорогой отцов», «Продовольственная программа — основа повышения благосостояния народа», «Резервы экономики и бережливости — в действие», «Социалистическое соревнование: почин, опыт, эффективность», «Решения XXVII съезда КПСС — в жизнь» и др.

Широко освещаются в литературе, выпускаемой издательством «Знание», вопросы методики и организации лекционной пропаганды, актуальные проблемы лекторского мастерства и ораторского искусства. Авторы брошюр советуют лекторам, особенно начинающим, как делать выступления не только интересными по содержанию, но и яркими по форме, доходчивыми и убедительными. Специализированная редакция наглядных пособий с помощью экспериментальной фабрики наглядных пособий и демонстрационной аппаратуры Всесоюзного общества «Знание» готовит наборы диапозитивов, а также карты, схемы, плакаты на хлорвиниловой пленке.

Главная забота издательства — повышать качество своих изданий, добиваться, чтобы они глубоко раскрывали тему, обстоятельно и правдиво анализировали явления внутренней и международной жизни, современные экономические и социальные процессы, активно поддерживали все новое, передовое, поднимали актуальные, волнующие людей проблемы и предлагали пути их решения. В то же время ряду изданий недостает наступательности, убедительности и аргументированности. Издательству предстоит приложить еще немало усилий, чтобы все выпускаемые им книги и брошюры отличались политической ясностью, глубиной содержания, информационной насыщенностью, яркостью и доступностью изложения, воспитывали у читателя веру в силы и возможности нашего общества, показывали пути устранения недостатков в работе, решения задач, поставленных партией, пробуждали интерес к научным знаниям.

Широки международные связи Всесоюзного общества «Знание». Оно сотрудничает с обществами по распространению научных знаний социалистических стран, поддерживает полезные контакты с просветительскими организациями других государств. Формы этого сотрудничества разнообразны. Это — обмен лекторами, делегациями, специализированными

туристскими группами, научно-популярными публикациями. Ежегодно сотни лекторов общества «Знание» выезжают за рубеж, а оно, в свою очередь, принимает иностранных ученых, деятелей культуры, специалистов, представителей родственных обществ и организаций. Гости знакомятся с жизнью советского народа, с деятельностью общества «Знание», выступают с лекциями. Все это способствует взаимному ознакомлению с достижениями науки и техники, экономики и культуры, содействует обогащению опытом распространения знаний.

За большие заслуги в пропаганде политических и научных знаний, активную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся Всесоюзное общество «Знание» Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1972 года награждено орденом Ленина.

В настоящее время в Обществе «Знание» начался процесс перестройки всей работы. Основная ее цель — создать такую систему лекционной пропаганды, которая была бы максимально сопряжена с решением задачи ускорения социально-экономического развития страны, решительно приблизить содержание лекций к жизни, к практике; к анализу актуальных проблем современности. Лекционная пропаганда призвана удовлетворять постоянно растущие производственные и духовные запросы советских людей. Она должна быть гибкой, способной откликаться на изменяющиеся потребности трудовых коллективов. В современных условиях важнейшими в деятельности Общества «Знание» являются следующие задачи: во-первых, делать все, чтобы советские люди мыслили и действовали по-новому, в духе современного поворотного момента в истории нашего общества; во-вторых, всемерно использовать все средства устной и печатной пропаганды для воспитания у слушателей и читателей потребности в постоянном самообразовании, оказание им в этом квалифицированной помощи.

Осуществление стоящих перед Обществом задач невозможно без обновления форм и методов лекционной деятельности, без повышения инициативности организаций Общества, их научно-методических органов. Перестройка требует личного примера, кропотливой и настойчивой работы, а между тем продолжают сказываться сила инерции, отжившие подходы, лень мысли, которые тянут назад, становятся серьезным тормозом на пути к коренному улучшению работы. Приходится сталкиваться с многочисленными факторами формализма и показухи.

Не забывая об огромном значении непосредственного общения лектора с людьми, важно активнее использовать и такие мощные средства пропаганды, как телевидение и радио. Деятельность Общества должна полностью соответствовать тому творческому началу, которое лежит в основе происходящих в нашем обществе перемен.

Душа прогресса — человек. «Любые наши планы повиснут в воздухе, если оставят равнодушными людей, если мы не сумеем пробудить трудовую и общественную активность масс, их энергию и инициативу,— говорил на XXVII съезде КПСС М. С. Горбачев.— Повернуть общество к новым задачам, обратить на их решение творческий потенциал народа, каждого трудового коллектива — таково первейшее условие ускорения социально-экономического развития страны»¹⁷. В соответствии с этой установкой партии Общество «Знание» призвано помочь каждому трудящемуся осознать общественную значимость его участия в реализации концепции ускорения социально-экономического развития страны, способствовать пониманию того, что от его честного, самоотверженного, инициативного труда зависят благосостояние и будущее советского общества в целом и каждого его члена в отдельности.

¹⁷ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М. 1986, с. 85—86.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ИНДИИ В 1942—1943 годах

И. Б. Пономарева, Н. А. Смирнова

В годы второй мировой войны с новой силой продолжалась борьба между США и Англией за господство в странах Азии и Африки. Индия была одним из важнейших объектов этой борьбы, что и стало одной из причин возникновения англо-индийского кризиса в 1942 году. В советской литературе обстоятельства этого кризиса освещены недостаточно. Помимо общих работ по истории Индии, в которых события 1942 г. лишь упоминаются, есть несколько небольших статей, опубликованных много лет назад¹. Между тем буржуазная историография проявляет большой интерес к этому вопросу². Соответствующие факты в работах английских и американских авторов подобраны и истолкованы крайне тенденциозно. В настоящей статье рассматривается сложная ситуация, сложившаяся в Индии в 1942 г. и сопровождавшаяся резким обострением противоречий между США и Великобританией, преследовавших здесь свои корыстные, империалистические цели.

Англия рассматривала Индию как центральное звено в цепи своих огромных колониальных владений и в то время не допускала и мысли о предоставлении ей независимости. 3 сентября 1939 г. вице-король Индии лорд Линлитгоу объявил, что Индия находится в состоянии войны с Германией³. Однако наиболее влиятельная политическая сила страны — Индийский национальный конгресс (ИНК), — осуждая агрессию фашистских держав, тем не менее отказала метрополии в военной поддержке. В заявлении от 14 сентября Исполнительный комитет ИНК, осудив нападение Германии на Польшу, высказался отрицательно по вопросу о втягивании Индии в войну без ее согласия. При этом комитет потребовал от британского правительства определить цели Англии в войне и подчеркнул, что Индия лишь в случае предоставления ей независимости выступит на стороне Англии⁴. Британское правительство отвергло требования ИНК, пообещав, однако, создать консультативную группу из представителей различных индийских партий, а также в неопределенном будущем предоставить Индии статус доминиона⁵. Тактика ИНК состояла в том, чтобы, используя сложившуюся обстановку, оказать давление на Лондон и вырвать у него уступки.

¹ См., напр.: Александров М. Миссия Грейди — шаг на пути проникновения американского капитала в Индию. — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР, 1964, № 75.

² Phillips W. Ventures in Diplomacy. Boston. 1953; Transfer of Power. Vol. I. Ind. 1970; Reuter P. W. Phillips and the Development of American Foreign Policy, 1933—1947. Massachusetts University. 1979 (мкп).

³ The Hindu, Madras, 4.IX.1939.

⁴ Ibid., 16.IX.1939.

⁵ Ibid., 18.X.1939.

1940 год не внес серьезных изменений в британскую политику в Индии. В условиях расширения фашистской агрессии ИНК сделал Англии новое предложение об эффективной обороне своей страны, осуществление которого связывал с признанием ее независимости и правом на создание в Дели «временного национального правительства». Хотя это предложение и отвечало общим задачам защиты английских владений в Азии от японской агрессии, Лондон снова ответил отказом. Правда, в августе 1940 г. вице-король Индии обещал предоставить стране после войны статус доминиона и создать там представительный орган. Но одновременно Мусульманской лиге были даны заверения, что она получит власть наряду с будущим индийским национальным правительством. Естественно, что эти обещания, направленные на разжигание вражды между индусами и мусульманами, были отвергнуты ИНК.

Английские колонизаторы раздували индо-мусульманский конфликт ради укрепления основ своего господства в Индии. У. Черчилль подчеркивал, что «если конфликт закончится, объединившиеся партии сразу же укажут нам на дверь»⁶. Однако не все в правительстве Великобритании разделяли эту точку зрения. Министр труда лейборист Э. Бивен считал целесообразным немедленно предоставить Индии статус доминиона. Либерал С. Криппс поддерживал тесные отношения с ИНК и также высказывался за конструктивное отношение к индийским проблемам⁷. Заместитель премьер-министра К. Эттли, как он вспоминал позднее, в одной из бесед с Черчиллем подчеркнул, что «признание Англией Китая как равного партнера в борьбе против стран оси дает индийцам полное основание требовать права распоряжаться в своем собственном доме»⁸. Однако эти разногласия не меняли общего направления политики, которого придерживалась наиболее влиятельная часть британской империалистической буржуазии.

США до своего вступления в войну не имели достаточных поводов для вмешательства в дела Индии. Однако уже с весны 1941 г. в связи с усилением агрессивности японского милитаризма на Дальнем Востоке и военными поражениями Англии на Ближнем и Среднем Востоке в американских правящих кругах усилилось внимание к этой стране и ее отношениям с метрополией. В меморандуме от 5 мая 1941 г. помощник государственного секретаря США А. Берли, подчеркивая большие военно-экономические и стратегические возможности Индии, указывал, что «проблема Индии выдвигается сейчас на первый план»⁹. Стремясь оставаться как можно дольше вне войны, США толкали Великобританию к широкому вовлечению в ее военные усилия ресурсов британских колониальных владений. С этой целью в августе 1941 г. посол США в Лондоне Д. Вайнант предложил, чтобы президент попытался воздействовать на Англию в вопросе о предоставлении Индии после войны статуса доминиона. Однако государственный секретарь К. Хэлл и его заместитель С. Уэллес сочли, что правительство США некомпетентно «делать Англии официальные предложения о статусе Индии». Они полагали, что Рузвельт мог бы поставить этот вопрос перед Черчиллем лишь в сугубо личном и конфиденциальном порядке¹⁰.

Как известно, на состоявшейся в августе 1941 г. Атлантической конференции Рузвельт этого не сделал. Туманные формулировки принятой на конференции Атлантической хартии не содержали сколько-нибудь ясных положений по колониальному вопросу и тем более не раскрывали конкретных путей к его решению. Тем не менее уже само упоми-

⁶ Transfer of Power. Vol. I, p. 90.

⁷ Thorne Ch. Allies of a Kind. N. Y. 1978, pp. 61—62.

⁸ Transfer of Power. Vol. I, pp. 110—112.

⁹ Foreign Relations of the United States (далее — FRUS), 1941. Vol. 3. Washington. 1959, p. 176.

¹⁰ Ibid., p. 181.

вание в ней принципа «самоопределения» вызвало в правящих кругах Великобритании опасение, что после войны это может быть использовано для выдвижения колониями требований о предоставлении им независимости. Чтобы исключить в дальнейшем любые невыгодные для Англии толкования хартии, Черчилль официально заявил 9 сентября 1941 г., что на «Атлантической конференции имелось в виду главным образом восстановление суверенитета, самоуправления и национальной жизни государств и народов Европы, находящихся в настоящее время под нацистским игом»¹¹. При этом английский премьер-министр подчеркнул, что «декларация никоим образом не меняет различных политических заявлений, делавшихся время от времени относительно развития конституционного правления в Индии», предусматривающих помощь в достижении этой страной равноправия внутри Британского содружества наций при условии «выполнения обязательств, вытекающих из наших длительных связей с Индией и нашей ответственности в отношении ее многочисленных религий, рас и интересов»¹².

Подобная интерпретация Атлантической хартии вызвала отрицательный резонанс не только в других странах, но и в самой Англии. 25 ноября министр по делам Индии и Бирмы Л. Эмери вынужден был признать, что Черчилль «никогда не одобрял развития самоуправления, даже в европейских доминионах, что же касается Индии, то его воззрения были на уровне раннего Киплинга»¹³. В Индии заявление главы английского правительства посеяло глубокое недоверие к принципам и целям войны, провозглашенным в Атлантической хартии, и явилось одной из причин англо-индийского кризиса начала 1942 года¹⁴.

Развязанная Японией 7 декабря 1941 г. война на Тихом океане уже через несколько недель после падения Сингапура и начавшихся боевых действий в Бирме вплотную приблизилась к Индии. Хотя к концу декабря продвижение японских армий было остановлено на подступах к р. Иравади, британские войска отступали, и военный престиж Англии неуклонно падал. Перспектива японского вторжения в Индию оказалась вполне реальной. Все более напряженным становилось и внутреннее положение Индии, усиливалось недовольство британской администрацией. В стране росло массовое демократическое движение за уничтожение ненавистного колониального угнетения, против политического бесправия и экономического ограбления индийского народа.

Возрастающая опасность японской военной агрессии содействовала сближению позиций индийского освободительного движения по проблемам борьбы за независимость, с одной стороны, и с японской агрессией — с другой. На состоявшейся 23—30 декабря 1941 г. сессии ИНК в Бардоли был провозглашен принцип вооруженного сопротивления Индии державам «оси». Англии предлагалось сотрудничество в отражении японской агрессии при соблюдении условия, что «только свободная и независимая Индия сможет оборонять страну силами всей нации и окажет помощь в осуществлении еще больших задач, возникающих в связи с военной бурей»¹⁵. Однако политика британского правительства по существу шла вразрез с задачами мобилизации национальных сил Индии на организацию отпора Японии. Колонизаторы боялись доверить оружие индийцам, не находившимся в составе регулярной армии¹⁶. Английский

¹¹ Great Britain. House of Commons. Parliamentary Debates. 1941—1945. Vol. 374, col. 68.

¹² Ibid., col. 68—69.

¹³ Veerathappa K. British Conservative Party and Indian Independence. New Delhi. 1976, pp. 62—63.

¹⁴ Dutt P. A Guide to the Problem of India. Lnd. 1942, pp. 164—165.

¹⁵ Sitaramaya P. The History of the Indian National Congress. Vol. 2. New Delhi. 1969, p. 292.

¹⁶ Неру Дж. Открытие Индии. М. 1955, с. 509.

империализм не собирался менять свою политику в отношении Индии, потеря которой расценивалась в Лондоне как крушение бывшего могущества Британской империи.

В это же время возрос интерес США к политической обстановке в «самой дорогой жемчужине британской короны». Приближение японских войск к границам Индии давало Вашингтону удобный предлог требовать от англичан предоставления ей независимости, мотивируя это необходимостью усиления фронта борьбы против японской армии. Как отмечает в своих мемуарах Черчилль, Рузвельт впервые затронул индийскую тему «в обычной американской манере» на встрече в Вашингтоне в декабре 1941 года. Британский премьер не без самодовольства вспоминает этот эпизод: «Я реагировал так решительно и так пространно, что позже в беседах он никогда больше не касался этого вопроса»¹⁷.

Жесткая позиция Лондона диктовалась стремлением сохранить неограниченную власть над Индией, чтобы в дальнейшем, опираясь на нее, восстановить свое подорванное японской агрессией влияние в мире, и прежде всего в Азии. Позиция американского правительства внешне выглядела более привлекательно, США выступали в выигрышной роли проповедника борьбы против колониализма. Однако, высказываясь за независимость Индии, американские правящие круги руководствовались отнюдь не «антиколониалистскими» соображениями. Истинные цели Вашингтона сводились к тому, чтобы в максимальной степени использовать людские и материальные ресурсы Индии для борьбы против Японии, непосредственно угрожавшей интересам и безопасности США.

Рузвельт глубже Черчилля, ослепленного колонизаторскими амбициями, понимал уязвимость Индии в военном отношении, усугублявшуюся антибританскими настроениями индийцев, подогреваемыми японской пропагандой, которая спекулировала на ненависти азиатских народов к «белым поработителям». Президент полагал, что только серьезные уступки в отношении независимости Индии обеспечили бы ее решительное выступление против угрозы японского вторжения. В то же время ослабление британского контроля над Индией, создание в ее народе иллюзий относительно «антиколониалистских» намерений Вашингтона, как рассчитывали в США, способствовали бы расширению возможностей для проникновения американского капитала в Индию и постепенному вытеснению оттуда Англии. В перспективе предусматривалась возможность заполнения Соединенными Штатами «вакуума», который мог образоваться в результате «добровольного» ухода англичан¹⁸.

Ухудшение военно-политических позиций Англии привело к тому, что в Лондоне уже не могли полностью игнорировать нараставшее в Индии движение за независимость. По мере того как требования индийского народа становились все более решительными, британское правительство, убеждаясь в необходимости предпринять «какой-либо шаг», вынуждено было прибегать к политическим маневрам, чтобы хоть в какой-то мере разрядить обстановку в Индии. Попытка использовать в этих целях визит в Индию главы гоминьдановского Китая в феврале 1942 г., с тем чтобы повлиять на лидеров ИНК, не смогла ослабить политического накала в стране и не принесла ожидаемых результатов. Напротив, Рузвельт получил из Чунцина информацию об удручающей обстановке в Индии, дававшей достаточно серьезные основания утверждать, что «отказ Англии изменить политику в Индии будет равнозначен выдаче ее Японии и приглашению к ее незамедлительной оккупации»¹⁹. Единственный выход из создавшейся ситуации Чан Кайши видел в посредничестве

¹⁷ Churchill W. S. The Second World War. Vol. 4. Lnd. 1962, p. 185.

¹⁸ См. подробнее: Singh H. The United States and the Indian National Movement. New Delhi. 1962; Thorne Ch. Op. cit.; Louis W. Imperialism at Bay. N. Y. 1978.

¹⁹ FRUS, 1942. Vol. 1. Washington. 1956, pp. 604—606.

Соединенных Штатов. По сути дела, Чунцин помог Вашингтону оказывать давление на Англию.²⁰

В феврале 1942 г. американское правительство приняло решение направить в Индию под предлогом «изучения военного потенциала страны» специальную миссию экономических экспертов, возглавляемую бывшим помощником государственного секретаря Г. Грейди и получившим затем полномочия личного представителя президента США бывшим помощником военного министра Л. Джонсоном. Направление Джонсона в Индию определялось прежде всего военным фактором — стремлением активизировать участие Индии в войне, сохранить ее в качестве базы снабжения гоминьдановского Китая. Уэллес писал, что Рузвельт считал необходимым держать в Индии человека, «связанного с военными проблемами и известного руководителя наших вооруженных сил»²¹. Кроме того, направление миссии в Индию рассматривалось в правительственных кругах США как первый шаг к развитию связей с этой британской колонией.

Посылка американской миссии отражала усилившееся в США под влиянием поражений Англии в войне стремление расколоть Британскую империю, что отвечало планам утверждения США в европейских колониях, особенно на Дальнем Востоке. 25 февраля 1942 г. члены комиссии по иностранным делам американского сената выразили недовольство английской политикой в Индии, заявив, «что индийцы не захотят воевать только для того, чтобы продлить господство Англии над ними». Высказываясь за более твердую позицию в отношении британской имперской политики, члены комиссии предлагали использовать такое действенное средство воздействия на союзника, как ленд-лиз. Они утверждали, что экономическая зависимость Великобритании от США позволяет юридически обосновать американское участие в имперских делах и предоставляет США право требовать от Англии политического урегулирования, которое приведет к «реализации людских ресурсов Индии»²².

Давление на Великобританию было предпринято и на высшем уровне. 22 февраля 1942 г. Рузвельт выступил с официальным опровержением интерпретации Черчиллем Атлантической хартии. В речи, приуроченной к юбилею первого американского президента Дж. Вашингтона, Рузвельт заявил о стремлении США содействовать достижению независимости народами стран Азии и подчеркнул, что «Атлантическая хартия распространяется не только на страны, граничащие с Атлантикой, но и на весь мир»²³.

Сложная обстановка в Индии, все более решительная позиция ИНК наряду с военными поражениями британского империализма в Азии и нарастающим нажимом со стороны США вынуждали английское правительство прибегать к различным средствам, направленным на сохранение колониального господства в стране. 25 февраля по указанию Черчилля была создана правительственная комиссия по делам Индии под председательством заместителя премьер-министра Эттли, которой была поручена разработка рекомендаций по индийским проблемам. Основные надежды связывались в Лондоне с разжиганием национальной и религиозной розни в Индии, отказом Мусульманской лиги поддержать требования ИНК о независимости, что являлось главным доводом колонизаторов в обосновании и оправдании своей политики. В послании Рузвельту 4 марта 1942 г. Черчилль утверждал, что около 100 млн. мусульман, 30—40 млн. неприкасаемых, а также население многих княжеств не разделяют взглядов ИНК, поэтому в связи с опасностью серьезного политического кри-

²⁰ Воронцов В. Б. Тихоокеанская политика США 1941—1950. М. 1967, с. 57—58; Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Lnd. 1962, p. 422.

²¹ FRUS, 1942. Vol. 1, pp. 617—618.

²² Ibid., pp. 606, 608.

²³ Documents on American Foreign Relation. Vol. 4. Boston. 1942, p. 64.

зиса Великобритании не позволит «ввергнуть Индию в хаос накануне вторжения Японии»²⁴.

Особое значение имело решение Лондона направить в Индию члена британского военного кабинета Криппса для переговоров с индийскими политическими партиями по вопросам будущего государственного устройства страны. Главная цель миссии излагалась в секретной телеграмме Черчилля вице-королю Индии Линлитгоу. Английский премьер-министр признавал, что Великобритания уже не может «занять чисто отрицательную позицию» в отношении требований индийских лидеров, поэтому необходимо путем переговоров продемонстрировать намерение к урегулированию индийской проблемы и тем самым выиграть время²⁵. Криппс прибыл в Индию 23 марта 1942 г., почти на две недели раньше Джонсона. Черчилль явно не желал, чтобы американцы встретились с индийскими лидерами раньше Криппса, хотя предпочел бы, чтобы янки вовсе не появлялись в Индии²⁶.

Прибытие Криппса в Дели совпало с наступлением японцев в Бирме, выходом их непосредственно к границам Индии, а также появлением в Индийском океане ударного японского соединения, отличившегося в свое время при Пёрл-Харборе. Англия оказалась на пороге краха своей политики в Индии, по всей стране усиливались антибританские настроения. В этой ситуации миссия Криппса была призвана хотя бы временно ослабить возмущение индийского народа путем переговоров по предложенному английским правительством проекту урегулирования важнейших проблем Индии и создать почву для дальнейшего использования этих переговоров Англией в своих политических целях.

Отказываясь передать в ведение Индии вопросы ее обороны и создать национальное правительство на время войны, Лондон сводил свои предложения к предоставлению Индии прав доминиона после войны при условии единодушной поддержки этого требования представителями всех индийских партий и сохранения за отдельными провинциями и княжествами права не вступать в будущий Индийский союз²⁷. Тем самым Англия пыталась навязать Индии идею раздробленности страны. Что касается статуса доминиона, то предоставление его Индии после войны было весьма проблематичным, т. к. у колонизаторов оставалась возможность сыграть на разногласиях индийских партий.

В ходе первых встреч Криппса с председателем ИНК А. К. Азадом и М. Ганди стало ясно, что британский проект декларации о будущем устройстве Индии не может быть принят. Ганди заявил Криппсу: «Если вы намерены предложить такую декларацию, лучше вам возвратиться домой»²⁸. Дж. Неру обратил особое внимание на то, что в основу декларации положен принцип сепаратизма, т. к. намерение предоставить провинциям, а также 600 княжествам право выхода из будущего Индийского союза отражало «неизменную на протяжении века политику английского правительства, провоцировавшего раскол Индии и поощрявшего все, что могло воспрепятствовать ее национальному развитию и освобождению»²⁹. 2 апреля 1942 г. Рабочий комитет ИНК принял резолюцию, фактически отвергавшую английские предложения. В ней подчеркивалось стремление к сохранению единства страны, немедленному созданию национального правительства, передаче ему всех функций по обороне и формированию индийской армии. Только при этих условиях, заявили

²⁴ Churchill W. S. Op. cit. Vol. 4, p. 181.

²⁵ Ibid., p. 186.

²⁶ FRUS, 1942. Vol. 1, p. 611.

²⁷ См.: Новейшая история Индии. М. 1959, с. 410—411; Transfer of Power. Vol. I, pp. 328—329.

²⁸ Historic E. Stafford Kripps. N. Y. 1949, p. 278.

²⁹ См. Абдул Калам Азад. Индия добивается свободы. М. 1961, с. 97.

руководители ИНК Криппсу, война приобрела бы для индийского народа патриотический характер³⁰.

Пытаясь увести переговоры от вопроса о создании индийского правительства, Криппс продолжал переговоры с Неру и Азадом до 9 апреля. Одновременно он проводил встречи с представителями других политических партий Индии, в первую очередь с лидером Мусульманской лиги Джинной, который выступал за разделение страны по религиозному признаку и в принципе поддерживал английский проект³¹. Право выхода из Индийского союза одобряли также представители отдельных княжеств. Криппсу удалось еще больше разжечь разногласия, подняв вопрос о создании министерства обороны Индии, которое Мусульманская лига намеревалась прибрать к рукам. 10 апреля сессия ИНК единодушно отвергла британский проект декларации, указав, что он не предусматривает создание индийского правительства еще до конца войны и поощряет сепаратистские тенденции князей и Мусульманской лиги. Лидеры ИНК подчеркивали, что только в свободной Индии все партии могут договориться между собой и образовать национальное правительство, которое обеспечит оборону страны, единственным препятствием к чему является «политика Великобритании, основанная на полном отсутствии доверия к индийскому народу и на лишении его подлинной власти»³².

В ходе переговоров Криппс, сознавая необходимость некоторых уступок национально-освободительному движению Индии, искал поддержки у главы американской миссии Джонсона. Последний активно участвовал в обсуждении политической обстановки в Индии, советовал Криппсу идти на уступки, демонстрируя свои симпатии лидерам ИНК³³.

11 апреля Криппс информировал английское правительство об отказе ИНК принять британский проект и об индийском требовании «немедленного создания независимого национального правительства и определенных заверений относительно его деятельности на основе конституционных изменений». На следующий день Криппс получил из Лондона указание прекратить переговоры и покинул Индию³⁴. Таким образом, противоречия между военной стратегией Англии и интересами ее колониальной политики в Азии не были преодолены, что имело неблагоприятные последствия для хода войны с Японией.

Черчилль спокойно отнесся к провалу переговоров, ибо не ожидал их успешного завершения. В конечном итоге миссия Криппса представляла собой лишь политический ход, рассчитанный на то, чтобы обвинить лидеров ИНК в нежелании содействовать отражению японской агрессии. Английская пропаганда обрушилась на Ганди, заявляя, что требование о предоставлении независимости Индии якобы играет «на руку только Японии»³⁵. Таким образом, британские консерваторы пытались очернить справедливое стремление индийского народа к подлинной борьбе и национальному суверенитету. Одновременно кабинет Черчилля рассчитывал развязать себе руки, чтобы в особых условиях военного времени провести жесткие репрессивные меры в отношении индийского национального движения. Джонсон докладывал в Вашингтон, что «в Лондоне хотели, чтобы Конгресс отказался. Англия готова скорее потерять Индию, а также Бирму, чем пойти на уступки, полагая, что получит эти страны после войны с тем же статусом»³⁶.

³⁰ См.: Sitaramaya P. Op. cit., p. 25; Appadorai A. Speeches and Documents on Indian Constitution, 1921—1947. Vol. II. Bombay. 1957, p. 181; Transfer of Power. Vol. I, p. 578.

³¹ Transfer of Power. Vol. I, pp. 328—329.

³² Неру Дж. Ук. соч., с. 507; Абдул Калам Азад. Ук. соч. с. 333.

³³ Transfer of Power. Vol. I, pp. 636—644; FRUS, 1942. Vol. 1, pp. 629—637.

³⁴ Churchill W. S. Op. cit. Vol. 4, p. 187; FRUS, 1942. Vol. 1, p. 632.

³⁵ См.: The Economist, 18.IV.1942; Spectator, 17.IV.1942; New Statesman and Nation, 18.IV.1942.

³⁶ FRUS, 1942. Vol. 1, pp. 659—660.

После провала англо-индийских переговоров Неру направил Рузвельту письмо, в котором подчеркивал, что в условиях британского колониального господства невозможно надлежащим образом использовать огромные людские и материальные ресурсы Индии ради противодействия агрессорам. Индийский народ, писал Неру, полон решимости сражаться против японских захватчиков, но он связан по рукам и ногам, лишен возможности осуществить необходимые для обороны страны меры. Поэтому, отмечалось в письме, он и ведет борьбу за свободу и независимость, за создание национального правительства³⁷.

Реальная опасность захвата Индии японцами поставила Рузвельта перед необходимостью оказать давление на Англию. Ссылаясь на американское общественное мнение, президент призвал Черчилля возобновить переговоры с индийскими национальными лидерами и решить проблему создания национального правительства Индии. Послание Рузвельта вызвало недовольство английского премьер-министра, подчеркнувшего в своем ответе, что он готов выйти в отставку, если это поможет успокоить общественное мнение США, но в любом случае британский кабинет и парламент будут проводить прежний курс. Черчилль с раздражением отверг предложение президента, заявив, что не намерен «заниматься конституционными экспериментами», которые толкают Англию на «безумные действия»³⁸. Личный представитель американского президента Г. Гопкинс, встречавшийся в то время в Лондоне с Черчиллем, констатировал тогда, что Индия «является именно тем районом, где умы Рузвельта и Черчилля никогда не найдут точек соприкосновения»³⁹.

Все более усиливавшийся в правительственных кругах США интерес к Индии не означал, однако, что они готовы к более решительным действиям ради решения важнейшей для индийского народа задачи достижения национального суверенитета. Госдепартамент отверг предложение Джонсона об опубликовании Англией, США и Китаем совместного заявления о целях войны на Дальнем Востоке, в котором были бы подтверждены принципы свободы и самоопределения для Индии⁴⁰. Осторожные по форме послания Рузвельта Черчиллю по индийским проблемам не содержали ссылок на совместно провозглашенные в августе 1941 г. демократические принципы. США, несмотря на широковещательные заявления о распространении Атлантической хартии на весь мир, так и не приняли никаких мер для поддержки индийского национального движения⁴¹. Воздерживаясь от давления на Англию по вопросу о независимости Индии, в Вашингтоне руководствовались в значительной степени нежеланием портить отношения с британским правительством ввиду неблагоприятной военной обстановки в районе Индийского и Тихого океанов.

Хотя руководство США, по существу, уклонилось от участия в справедливом решении индийской проблемы, этот факт вовсе не означал отсутствия у него намерений воспользоваться затруднениями Англии в своих интересах. Об этом свидетельствует обсуждение вопроса о совместных боевых действиях Великобритании и США в Индийском океане. Реально оценивая сложность одновременного решения двух задач — сохранить господство над Индией и предотвратить японское вторжение на ее территорию, Черчилль искал пути для получения помощи американского союзника. С этой целью он предложил Рузвельту создать объединенные военно-морские силы в Индийском океане, предупреждая, что

³⁷ Ibid., p. 636.

³⁸ Churchill W. S. Op. cit. Vol. 4, pp. 189—192; Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. М. 1958, с. 136—137.

³⁹ Шервуд Р. Ук. соч. Т. 2, с. 137.

⁴⁰ FRUS, 1942. Vol. 1, pp. 638—639, 645.

⁴¹ Venkataramani M. S., Shrivastava B. K. The United States and the Cripps Mission.— India Quarterly, 1960, vol. 19, № 3, p. 264.

Англия «не в состоянии противостоять здесь мощным японским силам, борющимся против нас»⁴². По замыслу Черчилля, в соответствии с распределением «зон ответственности» американский флот в Индийском океане подчинялся бы английскому командующему и тем самым исключались бы нежелательные для позиций Великобритании в этом районе последствия перехода сюда флота США. Однако в телеграмме, направленной Рузвельтом в Лондон 17 апреля 1942 г., предложение о создании смешанных англо-американских военно-морских соединений в Индийском океане, по существу, отвергалось. Вместо этого выражалась готовность заменить здесь английский флот американским⁴³.

Правительство Великобритании поспешило отклонить это «любезное» предложение, полагая, что если США возьмут в свои руки контроль над Индийским океаном, то они уже не уйдут оттуда добровольно. Подобные же причины побудили Лондон отклонить предложения миссии Грейди, которая в течение пяти недель пребывания в Индии изучала возможность проникновения американского капитала в экономику этой страны⁴⁴.

Со своей стороны и лидеры ИНК не заблуждались относительно действительных целей США в Индии: деятельность американской миссии вызвала у них оправданное беспокойство. Ганди писал по этому поводу: «Мы знаем, что означает американская помощь. В конце концов она приведет к американскому влиянию, если не к американскому господству в добавление к английскому»⁴⁵.

Срыв Англией переговоров с лидерами ИНК привел к дальнейшему обострению политической ситуации в Индии. Массовое движение за национальное освобождение разворачивалось здесь в обстановке усиливавшейся угрозы японского вторжения, что выдвигало исключительно трудные задачи борьбы на два фронта — как за независимость, так и против агрессии. Своеобразие и сложность обстановки состояли также в том, что британский империализм хотя и был ослаблен войной, именно благодаря ей приобретал больше возможностей для подавления национально-освободительного движения, прикрываясь чрезвычайными законами военного времени⁴⁶. В этих условиях позиция лидеров ИНК отвечала национальным интересам страны. Безосновательность выдвигаемых колонизаторами обвинений в «пораженчестве» и «пособничестве агрессору» подчеркнул сразу после отъезда Криппса из страны Неру: «Мы не собираемся капитулировать перед захватчиками и несмотря на все, что произошло, не собираемся чинить затруднения британским военным усилиям в Индии... Проблема для нас заключается в том, как организовать нашу собственную оборону»⁴⁷.

Летом 1942 г. в условиях возрастающей внешней опасности руководители ИНК во главе с Ганди все более настоятельно требовали немедленной ликвидации колониального господства (в качестве основного условия активного участия индийского народа в борьбе с возможным вторжением) в интересах всех Объединенных Наций, ведущих войну против фашистского блока. В резолюции Рабочего комитета ИНК 2 мая 1942 г. говорилось, что индийский народ будет продолжать борьбу за независимость и создание своей армии, чтобы именно она, а не иностранные войска, защищала территорию страны⁴⁸.

⁴² Churchill W. S. Op. cit. Vol. 4, p. 159.

⁴³ Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence. Lnd. 1975, s. 187.

⁴⁴ FRUS, 1942. Vol. 1, p. 655.

⁴⁵ Harijan, Ahmedabad, 26.IV.1942.

⁴⁶ Севостьянов Г. Н. Дипломатическая война на Тихом океане. М. 1969, с. 176.

⁴⁷ Gopal S. Jawaharlal Nehru. Vol. 1. Lnd. 1975, pp. 88—90.

⁴⁸ Indian National Congress, March 1940 to September 1946. Allahabad. 1946, pp. 117—120.

В мае 1942 г. Ганди заявил, что «свободная Индия сможет лучше бороться против вторжения», и выдвинул вытекавшее из новой обстановки требование к английским колониальным властям — «Прочь из Индии!». Ганди и его сторонники были убеждены, что для консолидации положения в стране, достижения соглашения с Мусульманской лигой и организации обороны Индии необходимо срочно добиться образования национального правительства. В этом случае английские войска могли быть оставлены в стране до конца войны⁴⁹. Эти требования были выдвинуты в резолюции ИНК 14 июля 1942 года. Несколько дней спустя Ганди предупредил колониальные власти, что отказ принять требования ИНК может повлечь за собой кампанию гражданского неповиновения.

Лондон не собирался, однако, идти на какие-либо уступки индийскому народу. Уже 13 июля 1942 г. британский кабинет принял решение о проведении широких репрессивных мер против национально-освободительного движения в Индии под фальшивым предлогом, что оно является «прояпокеским» и «не выражает чаяния народных масс»⁵⁰. Английские колонизаторы заручились также молчаливым согласием правительства США на репрессии против ИНК. 29 июля министр по делам Индии К. Л. Эмери заявил в Лондоне американскому послу Д. Вайнанту, что если ИНК не изменит своей позиции, то английское правительство арестует Ганди и его сторонников. 7 августа Рузвельту было вручено письмо Эттли, который сообщал, что как только ИНК примет резолюцию о начале массовой кампании гражданского неповиновения, Ганди и другие лидеры ИНК будут арестованы⁵¹. Получив эту информацию, правительство США промолчало, развязав тем самым Англии свободу рук в Индии⁵².

8 августа 1942 г. исполком ИНК, убедившись в невозможности договориться на равноправной основе с британским правительством, принял резолюцию, получившую впоследствии название «Прочь из Индии!». В ней подтверждалось требование немедленного предоставления стране независимости и создания Временного правительства для организации совместно с союзными державами ее обороны. В заключительной части резолюции была сформулирована программа несотрудничества, проведение которой под руководством Ганди рассматривалось «как начало массовой борьбы в возможно широком масштабе, так, чтобы страна могла использовать все ненасильственные силы, накопившиеся в ней за последние 22 года мирной борьбы»⁵³.

Столь решительным шагом Ганди рассчитывал подтолкнуть английское правительство на возобновление переговоров. Однако Черчилль привел в действие аппарат подавления⁵⁴. 9 августа Ганди, Неру и другие лидеры ИНК были арестованы, а деятельность его запрещена. Прокатившиеся в ответ по всей стране массовые волнения и забастовки, вылившиеся 8 октября в стихийное восстание, были подавлены британскими войсками и полицией с жестокостью, присущей колониальным властям. Более 3 тыс. индийцев было убито, десятки тысяч арестованы и брошены в тюрьмы. Черчилль самодовольно признавал, что «волнения были подавлены всей мощью, имевшейся в распоряжении правительства»⁵⁵.

В этой сложной обстановке Вашингтон продолжал занимать выжидательную позицию, хотя события в Индии обеспокоили американское пра-

⁴⁹ Ганди М. Моя жизнь. М. 1969, с. 513—514; Sitaramaya P. Op. cit., p. 789.

⁵⁰ Transfer of Power, «Quit India». Vol. 2. Lnd. 1971, pp. 203—209, 214.

⁵¹ FRUS, 1942. Vol. 1, pp. 700—705.

⁵² Venkataramani M. S., Shrivastava B. K. Op. cit., p. 258.

⁵³ Палм Датт. Индия сегодня. М. 1948, с. 576.

⁵⁴ Cross C. The Fall of British Empire. 1918—1968. Lnd. 1969, p. 236.

⁵⁵ История войны на Тихом океане. Т. 3. М. 1958, с. 420; Неру Дж. Ук. соч., с. 532.

вительство, т. к. могли нежелательно повлиять на военно-стратегическое положение в Азии. Рассматривая Индию как главную базу снабжения гоминьдановского Китая, Вашингтон опасался, что массовая кампания несотрудничества может привести к ослаблению обороноспособности Индии. Поэтому Рузвельт подчеркивал свою заинтересованность в поддержании английской колониальной администрации «в данный критический момент»⁵⁶. По той же причине в послании президента в связи с годовщиной со дня подписания Атлантической хартии, по настоянию Черчилля, не был повторен тезис о распространении принципов хартии на страны Азии и Африки⁵⁷. Аналогичную позицию заняли и другие американские государственные деятели. Уэллес, критикуя в своем выступлении в Балтиморе 18 июня 1942 г. тех, кто не присоединился к Объединенным Нациям для борьбы против стран «оси», имел в виду непосредственно лидеров ИНК⁵⁸.

Но не только соображениями военного порядка определялась американская позиция в отношении колониальной политики Великобритании в Индии. В США считали, что немедленное предоставление Индии независимости является делом не только невозможным, но и нежелательным. На заседании подкомитета по войне на Тихом океане 12 августа 1942 г. Рузвельт заявил, что США не вправе советовать Англии, как вести себя в отношении Индии и что он «не думает, что Индия подготовлена к независимости в настоящее время»⁵⁹. Эту же мысль неоднократно повторял и Хэлл, из заявлений которого видно, что достижение Индией независимости он отодвигал на неопределенное будущее, ставя решение этой задачи в прямую зависимость от намерений Англии. Кроме того, «свобода», по его словам, «должна предоставляться только тем народам, которые продемонстрировали, что они к ней подготовлены». Позже в своих мемуарах Хэлл отмечал, что в данном случае он «имел в виду Индию, действия которой явно свидетельствовали о неготовности к свободе»⁶⁰.

Подобная позиция способствовала росту антиамериканских настроений среди сторонников ИНК. Свидетельством этого, в частности, явилось опубликованное 9 августа 1942 г. заявление Ганди, в котором отмечалось: «У Америки и Великобритании существует общность интересов. Поэтому они несут ответственность за все действия английских представителей в Индии»⁶¹. Символичным было появление этого документа именно в день ареста Ганди и других лидеров ИНК.

Учитывая подобные настроения, правительство США сочло необходимым публично отмежеваться от британской политики в Индии. 12 августа в заявлении госдепартамента для прессы разъяснялось, что единственной целью американских вооруженных сил в Индии является ее защита от вражеских войск и помощь Китаю. Американским войскам предписывалось тщательно избегать вмешательства во внутренние дела Индии⁶². Обеспокоенные ростом политической напряженности в Индии руководители американской внешней политики призвали английское правительство возобновить переговоры с лидерами ИНК⁶³. Однако это предложение было отвергнуто. Более того, выступая 10 сентября 1942 г. в палате общин, Черчилль заявил, что политика Англии в Индии останется неизменной, и в самых резких выражениях отозвался о лидерах

⁵⁶ Cliner K. The Education of W. Phillips: Self-Determination and American Policy Toward India, 1942—1945.— *Diplomatic History*, 1984, № 1, p. 13.

⁵⁷ См.: Russell R. Op. cit., p. 84.

⁵⁸ Department of State Bulletin, 20.VI.1942, pp. 548—550.

⁵⁹ Venkataramani M. S., Shrivastava B. K. Op. cit., p. 258.

⁶⁰ FRUS, 1942. Vol. 1, p. 722; Department of State Bulletin, 25.VII.1942, pp. 639—647; Hull C. The Memoirs. Vol. 2. N. Y. 1948, p. 1484.

⁶¹ Harijan, 9.VIII.1942.

⁶² FRUS, 1942. Vol. 1, p. 721.

⁶³ Ibid., p. 726.

ИНК⁶⁴. Заявление премьер-министра было поддержано Эмери, подчеркнувшим 20 октября, что всякая дискуссия с ними в сложившейся ситуации «совершенно беспредметна»⁶⁵.

По этому поводу в американской прессе появились многочисленные высказывания о неспособности Англии удержать свои колонии. Журнал «Life» открыто призывал ее расстаться с империей, поскольку США не намерены воевать во имя сохранения последней⁶⁶. Широкий резонанс имели выступления лидера республиканской партии У. Уилки, заявившего в октябре 1942 г. в Чунцине, что, посетив 13 стран и ознакомившись с положением и чаяниями людей, он понял, что война должна положить конец «империи наций, господствующих над другими нациями»⁶⁷. По возвращении в США Уилки выступил 26 октября 1942 г. по радио с призывом проводить более активную политику в Британской империи, критиковал нерешительные заявления правительства США в отношении Индии, подчеркнув, что ее будущее стало «американской проблемой». Отметив, что судьба этой страны волнует народы Востока, требующие применения к Азии принципов Атлантической хартии, он делал вывод, что час колониальных империй пробил⁶⁸. Рузвельт на пресс-конференции 27 октября, комментируя речь Уилки, сделал акцент на том, что Атлантическая хартия применима ко всему человечеству»⁶⁹.

Однако к этому времени наметились определенные изменения в военно-политической ситуации, облегчавшие положение Великобритании. Некоторую стабилизацию общей обстановки в Азии, первую крупную победу англичан над итало-германскими войсками в битве у Эль-Аламейна в Северной Африке, ослабление угрозы японского вторжения в Индию Лондон рассматривал как возможность продолжить жесткий имперский курс. Вице-король Индии лорд Линлитгоу рекомендовал британскому послу в Вашингтоне Э. Галифаксу «перейти в Соединенных Штатах от обороны к наступлению» в индийском вопросе⁷⁰. Наконец, окончательную ясность относительно политической линии Великобритании внес Черчилль, который 10 ноября произнес знаменитую фразу: «Я не для того стал первым министром его величества, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи»⁷¹. Анализируя позицию Черчилля, Р. Шервуд, входивший в ближайшее окружение американского президента, писал: «Черчилль долго ожидал возможности сказать это. Он страдал и горячился, когда Рузвельт объявил, что принципы Атлантической хартии распространяются также на Тихий и Индийский океаны и на все другие районы мира... Но теперь, когда по его жилам разлилось вино побед, он бросил всем и каждому — как друзьям, так и врагам — вызов, от которого он никогда не отказывался: «Здесь мы стоим, и здесь мы будем стоять, как незыблемая скала в этом мире, где ничто не стоит на месте»⁷².

Несмотря на заверения Рузвельта о распространении Атлантической хартии на весь мир, США вновь предпочли не вступать в дебаты с английской стороной. Правящие круги Великобритании, преисполненные решимости отстаивать свою власть над Индией, упорно отвергали любое постороннее вмешательство в англо-индийские дела⁷³.

⁶⁴ Great Britain. House of Commons. Parliamentary Debates. 1941—1945. Vol. 382, col. 302, 340; vol. 383, col. 304.

⁶⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. I. М. 1946, с. 611.

⁶⁶ Life, N. Y., 10.X.1942.

⁶⁷ The New York Times, 17.X.1942.

⁶⁸ Ibid., 27.X.1942.

⁶⁹ Dulles F. R., Ridiger G. E. The Anti-Colonial Policies of F. D. Roosevelt.—Political Science Quarterly, March 1955, pp. 8—9.

⁷⁰ FRUS, 1942. Vol. 1, pp. 741—742, 735.

⁷¹ The Times, 11.XI.1942.

⁷² Шервуд Р. Ук. соч. Т. 2, с. 302.

⁷³ FRUS, 1942. Vol. 1, p. 736.

Между тем к началу 1943 г. положение в Индии продолжало оставаться крайне напряженным. Большинство лидеров и активистов ИНК находилось в заключении. Деятельность его местных организаций была почти полностью парализована. Ситуация в стране осложнялась сильным голодом — летом 1943 г. голодало 125 млн. человек. Только в Бенгалии от голода и болезней умерло 3,5 — 4,5 млн. человек, в то время как английские колониальные власти вывезли отсюда 80 тыс. тонн зерна. Состояние экономики страны было на грани катастрофы, что признавалось и представителем Объединенного комитета начальников штабов, считавшего, что ведение войны против Японии размещенными в Индии силами будет бессмысленно, если положение в стране не стабилизируется⁷⁴.

После того как деятельность ИНК была парализована, а Мусульманская лига заняла сепаратистскую позицию, сплочению демократических сил Индии в борьбе за независимость в значительной степени способствовала деятельность Коммунистической партии Индии (КПИ), которая в декабре 1941 г. вышла из подполья. В рядах партии насчитывалось 16 тыс. человек, но ее поддерживали различные организации общей численностью около 700 тыс. человек. Состоявшийся в мае 1943 г. первый съезд КПИ призвал всех патриотов объединиться, быть готовыми к борьбе с японскими захватчиками, ускорить достижение единства между ИНК и Мусульманской лигой. Компартия развернула активную кампанию за освобождение из тюрем лидеров ИНК, связывая это требование с необходимостью создания правительства национальной обороны⁷⁵.

По-прежнему не уменьшался интерес к Индии в Соединенных Штатах. Американский империализм связывал свои будущие экспансионистские планы в Азии прежде всего с усилением своих военно-политических позиций в Китае, и Индия приобретала особое значение в военной стратегии США, т. к. оставалась единственной перевалочной базой снабжения чанкайшистской армии американским вооружением, которое воздушным путем перебрасывалось отсюда в Китай. К лету 1943 г. в провинции Ассам базировались с этой целью 52 эскадрильи ВВС США⁷⁶. Происходившие в Индии во второй половине 1942 г. волнения вызвали беспокойство в Вашингтоне за функционирование американской программы поддержки Чан Кайши. Для того, чтобы получать информацию о событиях в Индии из первых рук, Рузвельт принял решение направить туда в качестве своего личного представителя У. Филлипса, возглавлявшего отдел Управления стратегических служб США в Лондоне.

Согласно инструкциям, полученным от Хэлла, Филлипс должен был разобраться в происходящих в стране событиях и проблемах англо-индийского урегулирования постольку, поскольку они были связаны с военными целями. В то же время Филлипсу предписывалось избегать какого-либо давления на английские власти и путем «дружественных» и «неофициальных» бесед осторожно обсудить с ними сложившуюся в Индии ситуацию⁷⁷. Правительство США, решая перспективную для своих будущих позиций в Азии проблему китайской политики, старалось на данном этапе избежать возможных трений с Лондоном, подобных тем, которые были связаны с деятельностью Джонсона — предшественника Филлипса в Индии. Не случайно Рузвельт подчеркнул на пресс-конференции, что «слухи относительно того, что у господина Филлипса имеется план урегулирования индийской проблемы, совершенно безосновательны. Он едет как обычный американский дипломат. И не больше»⁷⁸.

⁷⁴ Gopal S. Op. cit., pp. 300—304; Thorne Ch. Op. cit., p. 292; Lord Avon. Memoirs: The Reckoning. Lnd. 1965, pp. 382—385.

⁷⁵ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 7. М. 1975, с. 467.

⁷⁶ Kirby S. W. The War Against Japan. Vol. 2. Lnd. 1962, p. 299.

⁷⁷ FRUS, 1941. Vol. 1. Washington, 1965, pp. 747—748; Phillips W. Op. cit., pp. 344—345.

⁷⁸ Complete Presidential Press Conferences of F. D. R. Vol. 20. N. Y. 1972, pp. 293—294.

Следуя указаниям Хэлла, Филлипс старался избегать даже общих советов, рекомендаций и любого вторжения в англо-индийские отношения. Однако вскоре он оказался в гуще острых политических событий, имевших широкий резонанс далеко за пределами Индии. 9 февраля 1943 г. находившийся в заключении 73-летний Ганди в знак протеста против политики произвола и насилия колониальных властей объявил трехнедельную голодовку. Индийская общественность, связывавшая с личным представителем президента США определенные надежды, буквально осаждала Филлипса просьбами: оказав воздействие на английскую администрацию, добиться освобождения Ганди из тюрьмы. Информировав Вашингтон о серьезности сложившейся в Индии обстановки, Филлипс докладывал, что вице-король Линлитгоу уже подготовил необходимые меры для подавления массовых выступлений в случае смерти Ганди ⁷⁹.

Несмотря на предостережения Филлипса, что молчание Вашингтона может быть истолковано как свидетельство поддержки Соединенными Штатами Великобритании в индийском политическом кризисе, американское правительство отказалось от принятия сколько-нибудь решительных мер. Хэлл, по существу, ограничился частными беседами с английским послом Галифаксом, высказав озабоченность последствиями, которые вызовет в Индии возможная смерть Ганди, и передал мнение президента, что англичане не должны допустить, чтобы лидер ИНК умер в тюрьме. 22 февраля 1943 г., получив телеграмму Черчилля, который не только отвергал всякое послабление английской политики в Индии, но и предупреждал, что американское вмешательство в связи с голодовкой Ганди создает серьезные затруднения в отношениях между Англией и США, Рузвельт сказал Уэллсу, что «американское правительство более ничего предпринимать не будет» ⁸⁰.

Стремление использовать в интересах США ненависть индийского народа к английскому колониальному господству привело Филлипса к убеждению в необходимости активизации американской политики в Индии. Он считал, что в такой критической обстановке «нельзя терять время, надо действовать», США обязаны получить голос при решении судьбы Индии, и Англия не вправе говорить, что «это не ваше дело». В случае получения Индией уступок, писал Филлипс, народы колоний увидели бы, что благодаря США они получили «некоторую надежду на улучшение их жизни» и избавились от мысли, что в будущем опять будут переданы «старым хозяевам» ⁸¹. Филлипс, в частности, предлагал президенту взять на себя инициативу в проведении конференции представителей всех политических партий Индии для обсуждения ее будущего. При этом участие США в переговорах не только давало бы гарантии осуществления соответствующих планов, но и значительно поднимало бы политический престиж США в глазах индийской общественности, способствуя тем самым осуществлению далеко идущих целей Вашингтона в отношении Индии.

Однако такой предлагаемый Филлипсом подход был неприемлем для американского правительства, которое понимало, что Черчилль не согласится ни на какое посредничество в англо-индийских делах. Поэтому Рузвельт решил не спешить и предложил Филлипсу прибыть в Вашингтон с подробной информацией. Активность американского дипломата вызывала недовольство английского правительства, ему, в частности, было отказано во встрече с Ганди и Неру, на которой он настаивал ⁸².

19 апреля Филлипс представил президенту доклад, содержащий детальный анализ англо-индийских отношений с выводами и рекоменда-

⁷⁹ FRUS, 1943, Vol. 4, Washington, 1966, p. 187.

⁸⁰ Ibid., pp. 192, 194, 200; Hull C. Op. cit., p. 1493.

⁸¹ Phillips W. Op. cit., pp. 387—388.

⁸² Reuter P. Op. cit., pp. 341—343 (мкп).

пиями относительно возможностей проникновения США в Индию. В докладе утверждалось, что отказ предоставить Индии независимость и заявление Черчилля о неприменимости принципов Атлантической хартии к этой стране поставили под сомнение не только британскую, но и американскую дальневосточную политику, что привело к политически невыгодной для США обстановке в Индии. По мнению Филлипса, наиболее реальным путем решения проблемы явилась бы дипломатическая активность США с целью побудить английское правительство к уступкам Индии, что рассматривалось бы как «шаг для поощрения идей Атлантической хартии», которого требуют военные цели США в Азии и их будущие отношения со всеми «цветными» расами.

Филлипс обращал также внимание на подозрительность английских властей в отношении интереса, проявляемого США к Индии. «Англичане,— писал он,— обеспокоены возможностью серьезного иностранного вмешательства, которое поощрит индийских националистов в их требовании независимости. Их беспокоит и перспектива американской конкуренции в послевоенной торговле»⁸³. На эту нежелательную для Великобритании перспективу неоднократно обращал внимание вице-король Индии Линлитгоу, отмечавший, что американцы «имеют виды на торговые перспективы в Индии, и даже увеличение числа американских дипломатов в этой стране является частью плана завоевания прочных позиций здесь в послевоенный период»⁸⁴.

Опасения английских властей не были лишены оснований. Уже в выводах миссии Грейди, которую многие в Индии рассматривали как попытку приоткрыть дверь для послевоенного проникновения США в экономику страны, давались рекомендации расширить американские поставки в Индию по ленд-лизу и направить сюда в связи с этим американских специалистов⁸⁵. В военное время в Индии были созданы совместные англо-американские комиссии, в том числе по судоходству, производству стали, а к концу войны США достигли уровня Англии во внешней торговле Индии, причем наиболее благоприятные возможности для этого обеспечивала программа ленд-лиза. В течение 1941 г. в Вашингтоне велись переговоры о торговом соглашении между США и Индией, в ходе которых американская сторона настаивала на предоставлении США равных с Англией возможностей в области торговли, а также разведки и эксплуатации минеральных ресурсов Индии. В конце войны США вышли на первое место в индийском импорте, а общая стоимость американского экспорта в страну по ленд-лизу составила 2116 млн. долларов⁸⁶.

Филлипс убеждал Рузвельта в необходимости воздействовать на политику Англии в индийском вопросе. И хотя выдвигавшиеся им идеи предоставления независимости Индии были весьма неопределенными и неконкретными, Рузвельт, избегавший обострения отношений с Черчиллем, отнесся к ним прохладно. Он предложил Филлипсу лично обсудить свои индийские впечатления с Черчиллем. Встреча двух политиков состоялась 23 мая 1943 г. в английском посольстве в Вашингтоне во время англо-американской конференции «Трайдект». Однако обсуждения не получилось. Черчилль очень скоро вышел из себя и с яростью заявил: «Я могу вам сказать одно: возьмите себе Индию, если хотите. Пожалуйста, берите! Но предупреждаю, если я хоть приоткрою дверь, разразится величайшая в истории кровавая бойня. Да, именно кровавая бойня. Запомните мои слова»⁸⁷. Помимо того, что Черчилль вновь под-

⁸³ FRUS, 1943. Vol. 4, pp. 218—219, 205—207, 222, 236.

⁸⁴ Phillips W. Op. cit., p. 363.

⁸⁵ Report of American Technical Mission. Washington. 1943, p. 3.

⁸⁶ FRUS, 1941. Vol. 3, pp. 194—195; Venkataramani M. S., Shrivastava B. Quit India. The American Response to the 1942 Struggle. New Delhi. 1979, p. 238.

⁸⁷ Phillips W. Op. cit., pp. 389—390.

твердил отсутствие у него намерений пойти на уступки, он дал понять США, что прекрасно видит их истинные намерения в отношении Индии, маскируемые заботой об ее народе.

Таким образом, стало ясно, что США не удастся вытеснить Англию из Индии. Британское правительство не только ужесточило свою политику в Индии, но даже демонстративно подчеркивало, что США не имеют никакого отношения к индийским проблемам. Английский представитель в продовольственной комиссии в Вашингтоне в ответ на американское предложение об оказании помощи голодающему населению Бенгалии безапелляционно заявил, что только его страна несет ответственность за снабжение Индии продовольствием. Покидая Индию в октябре 1943 г., Линлитгоу выразил твердую убежденность в том, что Англии надлежит править Индией еще 50 лет⁸⁸.

В Индии были разочарованы бесплодностью миссии Филлипса. Более того, отказ Вашингтона одобрить его рекомендации, невмешательство США в связи с голодом в Бенгалии, а также присутствие американских войск в Индии усиливали недоверие широких общественных кругов страны к Соединенным Штатам. Их политический престиж в Индии падал, все более очевидным становилось расхождение между провозглашавшимися американской администрацией демократическими и антиколониальными лозунгами и ее действиями.

Американский подход к индийским проблемам становился все более осторожным, основываясь на официальном правительственном тезисе, что цели политики США в этом районе сводятся исключительно к войне с Японией. Изменялись и отношение Рузвельта к Британской империи, и его намерения расширить влияние США за счет Великобритании. Он все больше склонялся к мысли осуществить это в отношении других колониальных держав. Хэлл ссылаясь при этом на неспособность США повлиять на британскую политику в Индии⁸⁹, хотя это не соответствовало истине. Правящие круги США располагали достаточными возможностями для оказания необходимого воздействия на своего партнера при решении проблем Индии. Но они не сделали этого.

Надежды индийской общественности на помощь США в достижении национальной независимости оказались тщетными. В исключительно сложных условиях ИНК занял решительную позицию, провозгласив массовую кампанию несотрудничества с английскими колонизаторами. Возглавлявшаяся Индийским национальным конгрессом борьба вошла в историю как образец гражданского мужества и стойкости в борьбе за освобождение индийского народа от иностранного гнета. События, связанные с англо-индийским кризисом 1942 г., показали, что как Великобритания, так и США, преследовавшие в Индии корыстные империалистические цели, не были заинтересованы в подлинной независимости индийского народа. После обретения им суверенитета это обстоятельство явилось одним из важных факторов, повлиявших на выбор Индийской республикой самостоятельного политического и экономического пути развития.

⁸⁸ FRUS, 1943. Vol. 4, pp. 231, 296.

⁸⁹ Hull C. Op. cit., p. 1494.

КИЕВ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ — КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ДО XIII века

Член-корреспондент АН СССР З. В. Удальцова

Основной задачей данной статьи является рассмотрение культурных связей Киева и Константинополя как одной из граней сложной и еще не разрешенной проблемы влияния византийской цивилизации на культурное развитие Древней Руси. Хронологические рамки исследования (X — начало XIII в.) диктуются самой историей: в 1204 г. Константинополь был захвачен крестоносцами, а в 1237 г. Киев подпал под власть монголо-татар, и, разумеется, их культурные связи после этого ослабли. Время же X—XIII вв. было периодом наивысшего расцвета взаимоотношений Киева и Константинополя во всех сферах общественной жизни — в экономике, политике, культуре. Для понимания же характера и особенностей культурных связей Киева и Константинополя немаловажное значение имеет приятие христианства на Руси из Византии.

Средневековая Европа длительное время была не только свидетельницей, но и участницей борьбы в сфере политики, религии, идеологии и культуры двух мировых центров Запада и Востока — Рима и Константинополя. В сферу этой борьбы было втянуто и самое крупное и могущественное государство Восточной Европы — Киевская Русь. Если Запад был повернут лицом к Риму, то Русь и Балканы были обращены ко «Второму Риму» — Константинополю. Взаимоотношения между Киевом и Константинополем прошли долгий и сложный путь. Исконные торговые связи соединяли Древнерусское государство со столицей Византийской империи. Все торговые пути из Руси в Средиземноморье в конечном итоге сходились в городе на Босфоре. Перефразируя известное изречение древних, М. Н. Тихомиров писал, что «для русских путешественников все дороги вели в «Новый Рим»¹. Царьград всегда привлекал русских дипломатов, купцов, паломников, художников, книжных людей, монахов.

Приятие христианства Древней Русью было результатом не только внутренних причин, но и общеевропейских событий, происходивших на международной арене². Рим и Константинополь как два конкурирующих центра христианства жили своей, порою обособленной жизнью. Социально-экономическое и политическое развитие Византии и Запада часто шло разными путями. Существенные различия наметились между восточной (православной) и западной (католической) церквями. Номинальное цер-

¹ Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М. 1969, с. 31.

² Удальцова З. В. Культурные связи Византии с Древней Русью. В сб.: Проблемы изучения культурного наследия. М. 1985; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968.

ковное единство признавалось и Римом и Константинополем, но фактически в течение столетий между папским престолом и константинопольской патриархией шла никогда не затухавшая то подспудная, то открытая борьба за религиозное и политическое главенство. Эта борьба изобиловала драматическими коллизиями, страстной догматической полемикой между различными направлениями богословско-философской мысли. Между восточной и западной церквами возникли значительные расхождения как социально-политического, так и догматического и обрядового характера. Эти расхождения, разумеется, во многом отражали различия в общественной структуре и идейной жизни Византии и Запада. Православная церковь в Византии, существовавшая в условиях централизованного государства, не являлась носителем универалистских тенденций, подобно папству на Западе, а, наоборот, проповедовала единение церкви и государства.

Рим и Константинополь постоянно спорили из-за первенства в христианском мире. Рим считал сферой своего влияния Западную Европу, Константинополь — Восточную Европу и Балканы. Борьба между двумя столицами мира, начавшись в IX в., привела в XI в. к разделению церквей. Борьба между ними за сферы влияния решалась реальным соотношением сил. Сохранив за собой Балканы, Константинополь пытался удержать территорию западных славян и Венгрию. Однако в этих странах Рим оказался сильнее. Константинополь попал в трудное положение, увязнув на Востоке, откуда ему постоянно грозила опасность, сначала со стороны арабов, потом — тюркских народов. В Моравии Кирилл и Мефодий добились было известных успехов, но затем, как известно, православие потерпело там поражение. Таким же исход борьбы был в Польше и Венгрии. Константинополь отступал³.

Оставалась самая крупная славянская страна — Киевская Русь. Она была последним рубежом, где скрестились духовные мечи Рима и Константинополя. Княжеская власть в Киеве пыталась лавировать между ними. Христианство стало распространяться в Киевской Руси задолго до крещения. Влияние католической религии также проникало сюда. Отзвуком этого служат, в частности, жития, переведенные с латинского и имевшие хождение в русской литературе, — Бенедикта Нурсийского, Анастасии Римлянки, популярного на Западе св. Вита и др. Пример княгини Ольги, ведшей переговоры о принятии христианства как с Константинополем, так и с Римом, и обратившейся за присылкой католического духовенства к германскому королю Оттону I (936—973 гг.), показывает, что до Киева дотягивались руки как «Первого», так и «Второго Рима». Одной из причин, заставивших княгиню Ольгу обратиться к католическому Западу, была неудача переговоров с византийским императором Константином VII Багрянородным во время ее поездки в Константинополь в 957 году. Вряд ли следует сомневаться в том, что эта миссия была предпринята княгиней-язычницей, еще до принятия Ольгой христианства⁴.

Но, в отличие от полабских и западных славян, в Киеве чаша весов склонилась в пользу православия. Борьба Рима и Константинополя в Киевской Руси протекала в иных условиях, чем в других славянских землях. На Западе Рим нашел союзника в лице германских феодалов и местной знати. Киевская Русь к моменту принятия христианства была уже могущественным государством, с большим числом городов, развитыми ремеслами и торговлей. Иностранные купцы и дипломаты называли ее «страной городов», а летописи упоминали для XI—XII вв. более

³ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XII—XVII вв.). М. 1973, с. 110—128.

⁴ Оболенский Д. К вопросу о путешествии русской княгини Ольги в Константинополь в 957 г. В сб.: Проблемы изучения культурного наследия; Алпатов М. А. Ук. соч., с. 64—72.

220 городских центров, среди которых крупнейшими были Киев, Чернигов, Переяславль, Владимир Волынский, Галич, Туров, Смоленск, Полоцк, Новгород, Владимир Суздальский, Суздаль, Рязань и многие другие⁵. Внутренними были и военные силы киевских правителей.

Один из древнейших и красивейших городов Европы — столичный град Киев, занимал выдающееся место среди других городских центров Древнерусского государства, да и всей Восточной Европы. Киев оправдывал свое летописное название «матери городов русских». Это был экономический и политический центр Древней Руси. Немецкий хронист Адам Бременский (XI в.) называл его «жумчужиной Востока» и «Вторым Константинополем»⁶. Исключительно благоприятное географическое и военно-стратегическое положение Киева, расположенного на высоких днепровских кручах, обеспечивало ему господство на водных путях, соединявших север и юг, и открывало доступ к Черному и Азовскому морям и таким богатым странам, как Византия, Дунайская Болгария, Крым и Хазария.

Киев был резиденцией великого князя, обладавшего правами сюзерена. Столица Киевской Руси была местом пребывания феодальной знати, княжеского двора и его дружины, искусных ремесленников и богатых купцов. Киевский князь сохранял свою независимость⁷. У его ворот не стояли тогда ни византийские стратиоты, ни немецкие рыцари. Перед княжеской властью возникла проблема укрепления единого государства. Князь Владимир Святославич (980—1015 гг.) сначала пытался решить ее, поддержав язычество, но затем обратился к христианству. Однако ему нужно было, как и княгине Ольге, выбрать, какое христианство принять — западное или восточное. Можно с уверенностью сказать, что вопрос этот Владимиру пришлось решать в обстановке сильного дипломатического нажима со стороны как Рима, так и Константинополя.

Известный рассказ русского летописца о выборе веры Владимиром не такая уж наивная легенда. В рассказе этом отразилось реальное положение тогдашней Руси на международной арене. Если у славян на Западе выбора уже не было, то у Руси он был. Киеву выгоднее было иметь дело с Константинополем, в его руках был водный путь «из варяг в греки», с Византией существовали давнишние налаженные экономические и политические отношения, хотя и не всегда мирные. Столетиями Киев общался с Константинополем⁸. Связи с Западом были слабее.

Христианизация Древнерусского государства была сложным и длительным процессом. Она началась почти за столетие до официального крещения Руси и протекала в обстановке борьбы с язычеством. При княгине Ольге принятие христианства как государственной религии не состоялось, видимо, из-за устремлений Византии превратить принявшую христианство Русь в вассальное государство. Но выгоды от сближения с христианскими странами — Византией и православной Болгарией были столь велики, что князь Владимир вновь обратился к осуществлению этого проекта⁹. Выбор его был продиктован государственными интересами Киевской Руси.

⁵ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.—Л. 1948; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М. 1956.

⁶ Magistri Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum. Hannover-Leipzig. 1917.

⁷ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII—XIII вв. М. 1982, с. 90 сл.; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М. 1980.

⁸ Литаврин Г. Г. Русско-византийские отношения в XI—XII вв. В кн.: История Византии. Т. II. М. 1967; его же. Русь и Византия в XII веке.— Вопросы истории, 1972, № 7; Литаврин Г. Г., Янин В. Л. Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XV вв.— История СССР, 1970, № 4; Липшиц Е. Э. Русь и Византия. В сб.: Советская историография Киевской Руси. Л. 1978.

⁹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв., с. 367—397.

Союз с опасным и коварным греческим владыкой был предпочтительнее постоянных войн и изнурительных заморских походов, мешавших экономическим и культурным связям с великой ромейской державой. Учитывался и печальный опыт западнославянских стран, куда католическая религия была принесена на косях немецких рыцарей, была частью их «натиска на Восток» и насаждалась здесь огнем и мечом¹⁰. В решении Владимира известную роль сыграли и династические соображения — борьба за власть с братом Ярополком, который ориентировался на Запад, на союз с Польшей и папством и поддерживал идею принятия на Руси католической религии. Агрессивность католического Запада и большая активность папского престола в борьбе за христианизацию Руси пастораживали и вызывали недовольство в стране. Попытка Владимира объединить государство на основе языческой религии успеха не имела, ибо язычество уходило в прошлое. Принятие же христианства открывало Руси дорогу к более активной деятельности на международной арене. Византии же Древняя Русь была нужна как противовес в борьбе с Хазарией и мусульманскими правителями Закавказья, а также как союзник в противоборстве с арабами.

Момент для соглашения с империей был выбран Владимиром весьма удачно: ромейская держава была ослаблена борьбой на два фронта — против болгар и поднявшего мятеж в Малой Азии узурпатора Варды Фоки¹¹. Император Василий II Болгаробойца (976—1025 гг.), нуждаясь в военной помощи, согласился на брак Владимира со своей сестрой Анной. Однако, спасенный русскими войсками, разбившими армию узурпатора, он медлил с заключением союза с Русью. В ответ на вероломство василевса князь Владимир вторгся в Крым, взял Херсон (Корсунь) и заставил Византию выполнить обещания.

Около 988 (989) г. киевский князь породнился с императорским домом, женившись на Анне, и принял христианство. «Ни о каком вассалитете, — пишет акад. Б. А. Рыбаков, — в таких условиях не могло быть и речи»¹². Вслед за князем крестились бояре, жители Киева и других городов Древнерусского государства. «Формально Русь стала христианской. Погасли погребальные костры, на которых сгорали убитые рабыни, угасли огни Перуна, требовавшего себе жертв наподобие древнего Минотавра»¹³. Но тайное почитание языческих богов продолжалось еще долго, лишь постепенно язычество слилось с христианством. В Киеве крещение сопровождалось серьезными столкновениями с язычниками. «Дело, как известно, увенчалось грандиозной экзекуцией, учиненной византийским христианством над древними богами на знаменитом холме за теремным двором. Расправа эта проходила на глазах протестующего народа»¹⁴.

Последствия принятия христианства на Руси из Византии были разнообразны и порою противоречивы. На международной арене Русь выиграла от союза с Византией, заняв равноправное положение среди других влиятельных христианских государств средневековой Европы. Вместе с тем Руси и в дальнейшем приходилось оказывать постоянное сопротивление политическим и церковным притязаниям ромейской державы, стремившейся после христианизации подчинить Русь своему верховенству. Принятие православия временно осложнило отношения с Западом, особенно с папским престолом. Но самым важным последствием принятия христианства явилось, пожалуй, то, что оно послужило стимулом для ознакомления Руси с византийской культурой. Через Византию

¹⁰ Алпатов М. А. Ук. соч., с. 113—115. О времени и месте крещения Владимира в науке идут споры (см. Мюллер Л. Рассказ о крещении Владимира Святославича из Повести временных лет. В сб.: Проблемы изучения культурного наследия).

¹¹ История Византии. Т. II, с. 235—236; Алпатов М. А. Ук. соч., с. 72—75.

¹² Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв., с. 397.

¹³ Там же.

¹⁴ Алпатов М. А. Ук. соч., с. 73.

в Древнюю Русь начало проникать наследие античного мира и Ближнего Востока ¹⁵.

С принятием на Руси христианства и установлением более тесных церковных и политических отношений между Древнерусским государством и Византией стали значительно более интенсивными и русско-византийские связи. Проникновение на Русь византийской образованности, восприятие здесь в XI—XIII вв. элементов византийской цивилизации способствовало дальнейшему прогрессивному развитию русского феодального общества, отвечало его внутренним потребностям, обогащало его культуру. Установление тесных культурных связей Руси с Византией не было простой случайностью, это был вполне осознанный с обеих сторон процесс, происходивший по обоюдному согласию.

Со стороны правящего класса Древней Руси это было обращение к культуре самой передовой страны в Европе того времени, обращение к самым высоким, наиболее сложным и изысканным образцам. И «эта культура была по росту русскому народу и отвечала высоким запросам его развития» ¹⁶. Со стороны Византии распространение культурного влияния на Русь носило активный, целенаправленный характер и составляло одно из звеньев ее общей политики в сопредельных странах. Ставя перед собой далеко идущие задачи подчинения Древнерусского государства своему политическому влиянию и церковной гегемонии, Византия стремилась воспользоваться испытанным оружием идейного и культурного воздействия на Русь. Поэтому византийское культурное влияние на Русь, как, впрочем, и в других странах, отнюдь не было стихийным или пассивным, а, наоборот, искусно направлялось твердой рукой политиков, церковных деятелей и дипломатов. Однако силу и масштабы воздействия византийской цивилизации не следует преувеличивать или преуменьшать.

В оценке характера, масштабов и значения византийского влияния на культуру Древней Руси в науке существуют диаметрально противоположные точки зрения. Одни ученые считают византийскую цивилизацию чуть ли не единственным источником культуры Древней Руси, а древнерусское художественное творчество — провинциальной ветвью рафинированного искусства Константинополя. Другие отстаивают полную самостоятельность древнерусской культуры и исключают какие-либо внешние влияния. Думается, что истина, как это часто бывает, лежит где-то посередине.

За последние годы благодаря исследованиям советских ученых, комплексному изучению разных видов культуры, новым открытиям исторических памятников, произведений искусства и художественного ремесла, разысканиям археологов, нумизматов, сфрагистов, применению новых исследовательских методов необычайно расширились наши знания о культуре Древней Руси. Вместе с тем значительные успехи достигнуты советскими учеными и в изучении византийской цивилизации. Все яснее делаются типологические особенности византийской культуры, динамика ее развития, место Византии в процессе становления духовных ценностей средневекового общества. Ушла в прошлое теория о застойности, неподвижности византийской культуры и ее мнимой отсталости по сравнению с античной цивилизацией. Стало достаточно ясно, что византийская культура — закономерный и важный этап в развитии мировой культуры.

Эти два потока исследований, сливаясь, помогли современной науке освободиться от некоторых предвзятых суждений и ошибочных точек зрения на сложную проблему византийского влияния на культуру Древ-

¹⁵ Удалцова З. В. Русско-византийские культурные связи. In: *Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies*. London—New York—Toronto. 1967; Лихачева В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л. 1971; Литаврин Г. Г. Культурные связи Древней Руси и Византии в X—XII вв. М. 1974, с. 1—21.

¹⁶ История культуры Древней Руси. Т. I. М.—Л. 1951, с. 5—14.

ней Руси. Отброшена негативная оценка византийской культуры как носительницы только лишь канонизированной церковности и консерватизма, выявлены ее прогрессивные черты. Отпала и другая предвзятая оценка византийской культуры — в первую очередь как хранительницы античных традиций, передаваемых другим народам; показано своеобразие философско-этических и эстетических воззрений византийского общества, оказавших влияние на духовную жизнь Древней Руси¹⁷.

Изучая проблему византийского влияния на Русь, не следует забывать, что официальная имперская доктрина подчинения Руси политической и церковной власти Византии, по существу, оказалась несостоятельной. И в сфере культуры ромейская держава далеко не достигла того, на что она рассчитывала. Благодаря творческому восприятию на Руси византийской цивилизации уже очень скоро византийские образцы подверглись активной переработке, глубокому переосмыслению в соответствии с социальными условиями жизни и духовными запросами русского общества. Более того, нередко византийское влияние, когда оно становилось помехой дальнейшему прогрессивному развитию самобытной русской культуры, наталкивалось на серьезное сопротивление.

Как это ни парадоксально на первый взгляд, но Византия как бы сама создала себе в лице Руси соперника не только в сфере политики, но и в сфере культуры. Попытки Византии духовно подчинить Русь привели к росту национального самосознания в русском обществе, что, как известно, получило наиболее яркое выражение в знаменитом «Слове о законе и благодати» Иллариона, в создании, вопреки константинопольской патриархии, пантеона русских святых (канонизация Бориса и Глеба), в роскошном княжеском и городском строительстве в Киеве и других городах. При Ярославе Мудром в Киеве, как бы споря с прославленными постройками Царьграда, создавались свои, русские Золотые ворота (сейчас полностью восстановленные), свой великолепный Софийский собор.

В культуре Древней Руси XI—XIII вв. сталкивались, иногда противоборствуя друг другу, влияния, шедшие из Византии, от южных и западных славян, из Скандинавии, из далеких стран Востока и, наконец, из Западной Европы. Особенно большое значение для Руси имели культурные связи с южными славянами, через посредство которых в Древнерусское государство, кстати сказать, проникали и памятники самой византийской культуры. Центрами культурного общения славян (как южных, так и восточных) и византийцев долгое время были Константинополь, Солунь, Афон, Иерусалим, вифинский Олимп, позднее Тырново. В XI—XII вв. византийцы вступали в общение с русскими и в Тмутаракани.

Весьма симптоматично, что византийское влияние в различных сферах материальной и духовной культуры Древней Руси проявлялось с неодинаковой степенью интенсивности¹⁸. Порою это влияние было более действенным, быстро амальгамировалось с местной русской культурой, в других же сферах оно было более поверхностным, как бы наложенным тонким слоем на самобытную русскую культуру. Как правило, степень интенсивности проникновения византийского влияния зависела не только от активности самого византийского государства и церкви, но в первую очередь от уровня развития дохристианской народной культуры в той или иной сфере знания к моменту начала проникновения на Русь византийского влияния. Чем выше был уровень развития самобытной местной культуры, чем более прочно сохранялись в ней традиции языческого народного творчества, тем ограниченнее было воздействие византийской культуры. Причем в некоторых сферах культуры получили хотя бы вре-

¹⁷ Удалцова З. В. Некоторые нерешенные проблемы истории византийской культуры. — Византийский временник (ВВ), 1979, т. 41.

¹⁸ Удалцова З. В. Культурные связи Древней Руси и Византии. — Там же, 1981, т. 42.

менное преобладание византийские элементы, в других же явный перевес имели русские самобытные черты. Само собою разумеется, что важнейшую роль при этом играла степень соответствия или несоответствия культурных ценностей, получаемых из Византии, жизненным потребностям русского общества.

Новейшие исследования советских ученых показали, что блестящая византийская цивилизация, поражающая современников своей одухотворенностью, внутренним благородством, изяществом форм и высотой технических достижений, в конечном счете послужила одной из основ, на которых Древняя Русь и другие страны Юго-Восточной и Восточной Европы воздвигали здание своей самобытной, национальной культуры. Однако перенесенные на чужеземную почву духовные ценности, созданные Византией, ее спиритуалистическая церковная догматика и философия, идеология, этика и эстетика подвергались глубокой трансформации, начинали как бы новую жизнь, приобретали совсем иные черты под воздействием национальных творческих начал¹⁹. Наиболее ярко это проявилось в сфере изобразительного и прикладного искусства Древней Руси.

Хотя Византия и сыграла важную роль в развитии древнерусской художественной культуры, но византийское влияние и здесь не было ни всеобъемлющим, ни стабильным. Сила воздействия византийской цивилизации и масштабы византийского влияния на художественное творчество Древней Руси изменялись в пространстве и времени. Наиболее плодотворными и интенсивными контакты с Византией были в южных и юго-западных областях Руси, слабее — в северных и северо-восточных. Воздействие культуры Византии, разумеется, было значительно более интенсивным на высшие слои общества различных стран — князья и феодалы государств Юго-Восточной и Восточной Европы перенимали византийский придворный этикет, черты быта и нравов Константинополя. В широкие же слои народа византийское влияние просачивалось в несравненно меньшей степени.

На разных этапах развития древнерусской культуры степень воздействия византийской цивилизации то возрастала, то шла на убыль. Были периоды сближения и отдаления, временного затухания культурных связей и интенсивного их возобновления. Далеко не одинаковый отклик художественное творчество византийских мастеров находило в отдельных видах искусства²⁰. Временем наиболее активных контактов Руси и Византии в сфере художественного творчества был конец X—XII век²¹.

Центром культурных контактов Византии и Руси в это время стал Киев. Он был непосредственно связан со столицей Византийской империи Константинополем. Именно в стольный град на Днепре из Царьграда приезжали дипломатические миссии с богатыми дарами от византийских императоров, греческое духовенство с поручениями от константинопольского патриарха, сюда стекались караваны греческих купцов, привозивших изысканные предметы роскоши и произведения византий-

¹⁹ Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. М. 1978; Лихачева В. Д. Искусство Византии IV—XV веков. М. 1981; Удальцова З. В. Культурные связи Древней Руси и Византии; Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. М. 1984, с. 4—16; Культура Византии. Т. I. М. 1984, с. 5—13.

²⁰ История культуры Древней Руси. Т. II. М.—Л. 1951, с. 257, 515; Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.—Л. 1952, с. 119—129; Удальцова З. В. Своеобразие общественного развития Византийской империи. Место Византии во всемирной истории. В кн.: История Византии. Т. III. М. 1967, с. 325—340.

²¹ См. библиографию трудов В. Н. Лазарева — ВВ, 1968, т. XXIX, с. 3—31; Византия, южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М. 1973, с. 5—30; Алпатов М. В. Этюды по истории русского искусства. Т. I. М. 1967; Из зарубежных работ по истории культуры Византии см. обобщающие труды: The Cambridge Medieval History. T. IV, pt. 2. Cambridge. 1967; Wessel K. Die Kultur von Byzanz. Frankfurt a/M. 1970; Haussig H.-W. A History of Byzantine Civilization. Lond. 1971; Guillou A. La civilization byzantine. P. 1974.

ского прикладного искусства. Киевские князья первыми стали приглашать из Византии греческих мастеров: зодчих, живописцев, резчиков по камню, мозаичистов и ювелиров. Именно в Киеве с помощью греческих зодчих началось широкое культовое и дворцовое строительство.

Византийское влияние наиболее ярко проявилось прежде всего в архитектуре Древней Руси²². В конце X—XI в. здесь было воспринято византийское каменное зодчество, с его сложным типом крестовокупольного храма, совершенной системой перекрытий, высочайшей для того времени строительной техникой. В отличие от романского Запада, где в это время лишь в отдельных регионах происходил медленный и трудный процесс перехода от деревянных конструкций к каменным сводам, Киевская Русь очень рано получила от Византии, по существу, в готовом виде изощренную систему сводчатых и купольных перекрытий, здания тонкой и изысканной пространственной конфигурации и большой высоты²³.

Первый каменный храм на Руси — храм Успения Богородицы (т. н. Десятинная церковь) в Киеве (989—996 гг.) был сооружен, по данным летописи, греческими мастерами. Спустя несколько десятилетий, в 1034—1036 гг., в Чернигове был воздвигнут греческими же зодчими собор Спаса Преображения — самый «византийский», по мнению специалистов, храм Древней Руси. Строгость архитектурных форм, элегантная простота композиционных решений, изысканность внешнего декора, чисто византийская техника кладки сближают храм с лучшими образцами византийского столичного зодчества XI века²⁴.

Собор св. Софии в Киеве (1037—1054 гг.), вершина южнорусского зодчества XI в., призван был возродить на Киевской земле традиции главной святыни православного мира — Софии Константинопольской. Как София Константинопольская символизировала победу христианства во всей цивилизованной ойкумене и могущество византийских императоров, так и София Киевская утверждала православие в Древней Руси и силу великокняжеской власти. Но художественное воплощение этой идеологической концепции в Константинополе и Киеве было различным. София Киевская — любимое детище князя Ярослава Мудрого, огромный пятинефный храм, с просторными хорами, охватывающими и боковые нефы, созданный совместно греческими и русскими мастерами, не имеет прямых аналогий среди памятников церковного зодчества Византии. При сохранении византийской основы крестовокупольного храма София Киевская знаменовала постепенный отход древнерусского зодчества от византийских образцов. Ступенчатая композиция наружного объема, обилие куполов, массивные крестчатые столбы, делающие более тесным внутреннее пространство, все это придавало главному храму Киевской Руси особое своеобразие. София Киевская сочетала в себе монументальную мощь и праздничную торжественность с красочной нарядностью, столь гармонизировавшей с приветливой южнорусской природой²⁵.

Еще дальше отходит от византийских образцов зодчество Великого Новгорода, что особенно хорошо прослеживается при сравнении архитектуры храмов св. Софии в Константинополе, Киеве и Новгороде. Со-

²² Брунов Н. И. Архитектура Константинополя IX—XII вв.— ВВ, 1949, т. II; его же. Архитектура Византии. В кн.: Всеобщая история архитектуры. Т. III. Л.— М. 1966.

²³ Лазарев В. Н. Ук. соч., с. 211—218.

²⁴ Там же, с. 214. Б. А. Рыбаков подчеркивает высокий уровень деревянного зодчества в Древней Руси — наличие 3—4-этажных зданий и прекрасных деревянных храмов в городах Киевского государства. Многие формы деревянной архитектуры — башни, двускатное покрытие и др. — повлияли впоследствии на каменное зодчество (Рыбаков Б. А. Из истории культуры древней Руси, с. 14).

²⁵ Лазарев В. Н. Ук. соч., с. 212—218; Лихачев Д. С. Принцип ансамбля в древнерусской эстетике. В кн.: Культура Древней Руси. Т. 2. М. 1966, с. 118 сл.; Айялов Д., Редин Е. Киево-Софийский собор. СПб. 1889.

фия Новгородская (1045—1050 гг.) при общей близости по идейному замыслу и архитектурному плану к Софии Киевской дает совершенно новые художественные решения, неизвестные южнорусскому и византийскому зодчеству. Местные традиции проявили себя здесь с такой силой, что они существенно видоизменили стиль новгородского храма. Не исключено, однако, влияние на новгородских зодчих западноевропейской романской архитектуры. В Новгороде киевский план пятинефного крестовокупольного храма подвергся столь значительной переделке, что стал почти неузнаваемым. Внешний вид Софии Новгородской напоминал огромный куб, устойчивый и монолитный. Могучие стены собора, сложенные из дикого камня, с малым числом оконных проемов, увенчивались шестью величественными куполами. На смену многоступенчатой пирамидальности силуэта Софии Киевской пришла монументальная замкнутость объемов Софии Новгородской. Нарядная щеголеватость внешнего декора южнорусского храма уступила место благородной простоте внешнего убранства ее северного собрата. Единственным украшением стен Новгородской Софии были мощные лопатки и тонкие полуколонки на гранях центральной апсиды, да аркатурные пояски на барабанах. Весь облик этого храма был отмечен печатью сурового величия, одухотворенной созерцательности и эпического спокойствия, как бы навеянных привольным и задумчивым пейзажем русского Севера²⁶.

В XI — первой половине XII в. византийские традиции достаточно прочно сохранялись в древнерусском зодчестве. Со второй половины XII в., однако, намечается явное ослабление византийского влияния, что ознаменовалось появлением в древнерусской архитектуре храмов башнеобразной формы, неизвестной византийскому зодчеству. Древнерусское зодчество не знало в своем развитии таких резких скачков, как переход от романского стиля к готике или от готики к Ренессансу в Западной Европе. Процесс складывания национальных черт в древнерусской архитектуре был более медленным и плавным, и окончательное свое завершение он нашел позднее в зодчестве Московской Руси. Новейшие исследования советских ученых показали, что зодчие Древней Руси обладали высокими математическими и техническими знаниями. Каждая постройка была воплощением строгой математической системы и сложных инженерных расчетов²⁷.

Более длительным и устойчивым, чем в архитектуре, было византийское влияние в живописи Древней Руси. Да это и вполне понятно, если вспомнить, что Византия не только познакомила русских художников с техникой мозаики, фрески, темперной живописи, но и дала им иконографический канон, неизменность которого строго оберегалась православной церковью. Артели художников, в которые входили греческие и русские мастера, работали обычно, следуя византийским образцам, т. е. подлинникам. Это были завезенные из Византии свитки или переплетенные тетради контурных рисунков на пергамене, они сохранялись на Руси в течение многих лет, и их трансформация шла очень медленно. Господство иконографического канона и работа по образцам в известной степени сковывали самобытное художественное творчество мастеров Древней Руси²⁸.

XI—XII вв. были периодом расцвета византийской живописи, окончательного оформления торжественного и возвышенного византийского стиля и византийской эстетики²⁹. Наряду с великолепными произведениями столичного искусства, такими, как мозаики южной галереи Со-

²⁶ Лазарев В. Н. Ук. соч., с. 119—120.

²⁷ Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси, с. 15; его же. Архитектурная математика древнерусских зодчих.— Там же; его же. Мерило новгородского зодчего XIII в.— Там же.

²⁸ Лазарев В. Н. Ук. соч., с. 222—226.

²⁹ Бычков В. В. Византийская эстетика. М., 1977; Mathew G. Byzantine Aesthetics. Lnd. 1963.

фии Константинопольской и монастыря Дафни близ Афин, в это время крепнут и обретают свой художественный язык провинциальные школы живописи, создавшие такие памятники, как мозаики Хосиос Лукас в Фокиде и Неа Мони на о. Хиос. Византийское влияние в это время проникало на Русь различными путями непосредственно из Константинополя и из западных областей Византии через Солунь и Афон.

На Руси XI—XII вв. существовало две традиции в украшении храмов росписями. Одна, более строгая и торжественная, находит свои истоки в монументальной живописи Византии, другая, более свободная, живописная, сложилась уже на русской почве. Классическим памятником, воплотившим первую традицию, является София Киевская, где полностью выдержан византийский иконографический канон. Мозаики и фрески Софийского собора в Киеве создавались длительное время (1037—1067 гг.) совместно византийскими и древнерусскими мастерами. Декоративное убранство огромного храма поражает монументальностью и разнообразием.

В мозаиках храма, по мнению специалистов, ощущаются две струи византийского художественного творчества. Первое направление исходит от константинопольской школы живописи и отличается высоким уровнем исполнения и изысканностью художественных форм. Второе отражает воздействие провинциального, более архаичного искусства, воплощенного в мозаиках монастыря Хосиос Лукас в Фокиде³⁰. В куполе парит Пантократор, а в конце апсиды стоит одинокая фигура Богородицы в позе Оранты. В Киеве она почиталась как защитница и покровительница города и именовалась Богородица «Нерушимая стена». Образ ее исполнен достоинства и величавого покоя, колорит яркий, с преобладанием интенсивного синего цвета, желто-золотистого и белого, золотой фон придает изображению торжественность и парадность. Лучшими среди мозаик апсиды считаются изображения святителей, т. е. святительский фриз. Фигуры святителей расположены в строгих фронтальных позах, отличаются монументальностью, лица их наделены индивидуальными чертами, даже психологизмом, отражают традиции эллинистической портретной живописи.

Необычайно богато представлена в храме фресковая живопись. В настоящее время эти фрески достаточно изучены, хотя и поныне остается немало спорных вопросов их идентификации. В центральной части Софии Киевской был развернут обширный фресковый евангельский цикл, с большим числом многофигурных композиций. Некоторые фрески, к сожалению, пострадали от времени. По стилю и иконографии они близки фрескам монастыря Хосиос Лукас в Фокиде и Неа Мони на Хиосе. Фрески этого цикла Софии Киевской отличаются монументальностью, торжественной симметрией, наличием крупных, несколько тяжеловесных фигур, расположенных в неподвижных фронтальных позах. Все это придает композиции эпическое спокойствие и величавость. Колористическая гамма привлекает своей яркостью, обилием светлых — белых, серых, розово-лиловых, зеленых и фиолетовых — тонов. Как правило, многофигурные сцены располагаются на синем фоне. Особенностью фресок Софии Киевской является обилие большого числа изображений одиночных фигур святых, мужчин и женщин, зачастую наделенных портретными чертами. Их лица суровы без аскетизма, одухотворены без фанатической экзальтации. На них, как и на других фресках, лежит печать эпического спокойствия и сосредоточенной самоуглубленности. По числу индивидуальных изображений святых София Киевская не знает себе равных среди памятников XI века.

³⁰ Лазарев В. Н. Ук. соч., с. 218—221; его же. История византийской живописи. Изд. 2-е. М. 1986, с. 76—79; его же. Мозаики Софии Киевской. М. 1960; Лихачева В. Д. Ук. соч., с. 172—173; Левицкая В. И. О некоторых вопросах производства набора мозаик Софии Киевской.—ВВ, 1959, т. XV.

Особый интерес ученых, как искусствоведов, так и историков, привлекают фрески Софии Киевской, на которых изображен групповой портрет семейства князя Ярослава. Их точная идентификация и осмысление всей композиции затруднены плохой сохранностью и позднейшими реставрациями. Новейшие открытия, однако, позволяют установить, что этот групповой портрет состоял из 13, а не из 11 фигур, как думали раньше. В центре на западной стене находился сидящий на троне Христос, фланкировали его фигуру князь Ярослав со старшим сыном с одной стороны и княгиня Ирина со старшей дочерью — с другой. Князь подносил Христу, своему покровителю, модель храма. На южной стене помещались фигуры четырех дочерей, а на северной — четырех сыновей княжеской четы, которые направляются к центру композиции. Князь и княгиня были изображены в роскошных великокняжеских одеждах, с похожими на царские венцами на головах. Вся ктиторская сцена, по замыслу Ярослава, должна была знаменовать могущество и независимость Киевской Руси, силу и богатство ее великого князя.

Из группового портрета семейства Ярослава лучше всего сохранились фигуры четырех дочерей князя. Княжны в красивых, богато украшенных драгоценными камнями одеждах, шествуют вправо к центру композиции, две из них несут свечи, что придает всей процессии торжественно-ритуальный характер. Существует гипотеза, правда, спорная, что здесь изображены дочери Ярослава Елизавета, Анна и Анастасия, будущие королевы Норвегии (затем Дании), Франции и Венгрии, и младшая княжна-подросток, имя которой неизвестно. Княжны предстают на фреске юными девушками, лица их, хотя и изображены в средневековой условной манере, привлекательны и имеют отдельные портретные черты. Особенно миловидно и женственно лицо третьей дочери, которое дышит нежной прелестью и спокойным достоинством. От портретов княжичей на северной стене, к сожалению, сохранились лишь фрагменты³¹.

Ктиторская композиция в Софии Киевской аналогична сцене, изображенной на мозаике в южной галерее храма Софии в Константинополе. На этой мозаике, как известно, император Константин Мономах и императрица Зоя подносят в дар сидящему на троне Христу мешочек с золотом и пергаменный свиток с перечислением императорских пожертвований главному собору столицы Византийской империи.

Ктиторская композиция в Софии Киевской была, видимо, выполнена около 1045 г., когда еще ни одна из дочерей Ярослава не стала королевой. Этим было завершено дело жизни великого князя, предпринятое для прославления величия его державы. Ярослав Мудрый похоронен в Софии Киевской в мраморном саркофаге. Любопытно, что этот саркофаг, по словам Б. А. Рыбакова, представляет своеобразную «книгу посетителей» собора: на его плитах расписывались многие сотни людей — от киевлян XI в. до поляков XVII века. Софийский кафедральный собор Б. А. Рыбаков называет музеем древнерусской эпиграфики, где имеется много надписей-граффити на стенах педфы, галерей, на хорах и даже в алтаре.

Среди этих граффити самого разнообразного характера большой интерес имеет запись о смерти Ярослава Мудрого. Исследования советских ученых доказали, что в надписи говорилось о смерти Ярослава Мудрого 20 февраля 6562 г. (1054 г.). Эта дата точно совпадала с данными Ипатьевской летописи³². Особенно важно для понимания характера власти киевского великого князя то, что он именуется в этой записи «царем», подобно тому, как в других источниках он назывался восточным титулом

³¹ Лазарев В. Н. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. Групповой портрет семейства Ярослава. — ВВ, 1959, т. XV; его же. Византийское и древнерусское искусство, с. 112—113.

³² Рыбаков Б. А. Русская эпиграфика X—XIV вв. В кн.: Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси, с. 52.

«хакан». Все это свидетельствует о независимости Киевской Руси и о стремлении киевского князя приравнять свою власть к царской. Во всяком случае, в сознании современника, начертавшего эту надпись, он был царем³³. Все сказанное лишний раз подтверждает бездоказательность гипотезы о вассальной зависимости Древней Руси от Византии в XI веке.

В XII в. в Киеве были созданы великолепные мозаики Михайловского монастыря (1108 г.). Им есть аналоги в византийских мозаиках классического стиля, в частности в мозаиках Никей и монастыря Дафни близ Афин. Строгий иконографический канон, общая композиция мозаик, высокий художественный уровень исполнения, надписи на греческом и славянском языках — все это указывает на прямые связи этих произведений с константинопольской школой живописи. К сожалению, от мозаичного ансамбля сохранились лишь сцена евхаристии с апостолами и святыми по сторонам в апсиде и некоторые другие фрагменты в алтаре. Сцена евхаристии здесь во многом превосходит мозаику на аналогичный сюжет в Софии Киевской. В отличие от статичных, фронтально расположенных фигур апостолов в Софийском соборе в Михайловском монастыре изображения апостолов полны динамики, они расположены в свободных позах, обращены друг к другу, они как будто ведут какой-то разговор, в их облике много чувства, экспрессии, одежды спускаются пышными, асимметричными складками.

Лица выразительны, наделены острохарактерными чертами, отражают внутреннее психологическое состояние того или иного апостола. Голова ангела по художественному воплощению близка к ангелам церкви Успения в Никее. Устремленные ввысь, легкие, вытянутые фигуры апостолов поражают правильностью пропорций и соразмерностью. Движения фигур подчинены единому декоративному ритму. Привлекателен глубокий, теплый колорит мозаик, преобладают светлые тона — белый, серо-жемчужный, изумрудный и фиолетовый цвета в сочетании с серебром и золотом.

Мозаики Михайловского монастыря, бесспорно, принадлежат к шедеврам византийской живописи на русской почве и могут сравниться лишь с такими прекрасными творениями византийского классического стиля, как мозаики церкви Успения в Никее и монастыря Дафни близ Афин³⁴. В других областях Древнерусского государства византийское влияние сказывалось в меньшей степени, чем в Киеве.

В культуре Византии, Древней Руси и других стран средневековой Европы никогда не иссякал живой источник светского художественного творчества. Родство вкусов и эстетических идеалов феодальной знати Древней Руси и Византии объясняет близость жанров и тематики светской живописи, скульптуры и прикладного искусства этих стран³⁵. В Византии светское направление в культуре было связано с культом императора и прославлением державы ромеев; портреты василевсов и высшей знати, их военные триумфы и дворцовые увеселения, прославление подвигов героев древности — вот излюбленные сюжеты византийского светского искусства. Эти мотивы светской живописи и прикладного искусства Константинополя находили глубокий отклик в феодальной среде Древней Руси и охотно использовались для возвеличивания княжеской власти. Светские тенденции в искусстве Византии особенно усилились в XII веке. Рыцарственный уклад жизни двора Комнинов способствовал возрастанию интереса к светским жанрам культуры. Аналогичные явления мы наблюдаем и в Древней Руси той эпохи.

К сожалению, памятников светской живописи и скульптуры как Константинополя, так и городских центров Древней Руси сохранилось очень

³³ Рыбаков Б. А. Запись о смерти Ярослава Мудрого. — Там же.

³⁴ Лазарев В. Н. История византийской живописи, с. 93–94; Лихачев В. Д. Ук. соч., с. 174.

³⁵ Вагнер Г. К. Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974, с. 141–156.

мало. Гибель императорских дворцов Константинополя не позволяет судить о светском искусстве столицы Комнинов. Некоторое представление о нем дают лишь прославленные мозаики дворца норманнских королей в Палермо (1140 г.) («комната короля Рожера II» и «Башня Пизанцев») — редкий образец дворцового светского искусства, вдохновленного Константинополем. Дополнительные сведения о светском искусстве Византии содержат сообщения византийских авторов, миниатюры лицевых рукописей и произведения художественного ремесла.

В Древней Руси сохранились уникальные памятники светской живописи домонгольского времени³⁶. Первое место среди них по праву принадлежит стенным росписям лестниц двух башен Софии Киевской. Они поражают разнообразием сюжетов, восходящих преимущественно к византийским образцам и в какой-то мере отражавших быт и нравы киевской великокняжеской среды. Ряд фресок с полной очевидностью восходит к византийскому дворцовому искусству. В их числе сцены конских ристаний на ипподроме в присутствии императора и его свиты, игры скоморохов, гигант с шестом, на котором показывает свое искусство мальчик-акробат, схватки с дикими зверями, единоборство атлета с человеком в маске волка, изображения охоты, театральные представления с участием актеров и паяцев. Несколько особняком стоят жанровые картины. На одной из них изображена неоседланная лошадь, за которой гонятся всадники, а на другой — верблюд с поводырем. Для понимания местных элементов в этих стенных росписях интересны две фрески: триумфальный въезд всадника в короне, с нимбом вокруг головы, в котором исследователи видят либо изображение византийского императора, либо — киевского великого князя; вторая фреска — изображение молодого музыканта со смычковым музыкальным инструментом, в лице которого просматриваются южнорусские черты. Фрески созданы в придворно-увеселительном жанре³⁷.

Светские мотивы проникают и в книжную миниатюру Киевской Руси. Замечательным образцом светского искусства может служить изображение князя Святослава с семьей, украшающее «Изборник Святослава», датированный 1073 годом. Портрет самого князя далек от абстрактной идеализации и наделен характерными, почти портретными чертами³⁸.

Особенно последовательно светские мотивы прослеживаются в памятниках византийского прикладного искусства, обнаруженных на территории Древней Руси в составе кладов. В их числе утварь из серебра и бронзы, перегородчатые эмали на золоте, резные изделия из кости и камня. При трудности и дороговизне дальних перевозок торговля этими предметами роскоши считалась особенно выгодной. Иноземные «злато» и «сребро», «паволоки и сосуды различные» попадали на Русь в числе посольских даров, в качестве торговой пошлины и военной добычи, их привозили эмигранты. Эти произведения средневековых мастеров ярко и достоверно повествуют о своей эпохе и ее мировоззрении, проливают свет на некоторые малоизвестные стороны идеологии и быта византийцев, в частности, на светскую культуру императорского двора и феодальной знати. Целостная группа серебряных чаш XII в. с богатым декором и сюжетными сценами вводит нас в мир византийской эпической поэзии, за которым проглядывает реальный исторический фон. Это своеобразный комментарий к эпосу о Дигенисе Акрите. Единство живописного и рас-

³⁶ Грабар А. Н. Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и «Слово о полку Игореве». — ТОДРЛ. Т. XVIII. 1962.

³⁷ Вагнер Г. К. Ук. соч., с. 127; Лихачева В. Д. Ук. соч., с. 173; Лазарев В. Н. История византийской живописи, с. 94.

³⁸ Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М. 1965; О византийских миниатюрах см.: Лихачева В. Д. Искусство книги. Константинополь XI век. М. 1976; ее же. Византийская миниатюра. Памятники византийской миниатюры X—XV веков в собраниях Советского Союза. М. 1977; Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси, с. 188—239.

тельного царства с человеком-героем в декоре сосудов характерно для жанра лирико-героической поэмы³⁹.

В памятниках светского искусства, менее зависимого от канонов официальной религии, явственно выступают самобытные течения народной культуры. В народную среду стран, находившихся под влиянием Византии, чаще всего проникали элементы искусства местных школ империи, которые сохраняли более демократические земные черты. Древнерусских мастеров справедливо считают мудрыми и бережливыми наследниками лучших традиций византийского искусства. Они не только сохранили высочайшие для своего времени духовные ценности, созданные Византией, но и приумножили эти богатства, внося в художественное творчество оптимизм, проникновенную мягкость, жизнеутверждающее видение мира.

Длительное время культура Древней Руси развивалась в постоянном общении с крупнейшими центрами древних цивилизаций как Запада, так и Востока. Она обогащалась знакомством с лучшими достижениями Византии, Западной Европы⁴⁰ и мусульманского мира⁴¹. Но на этой сложной и многообразной основе создавалась и крепла самобытная русская культура. Уже к концу XI в. культура Древней Руси достигла уровня передовых стран средневековой Европы, а в XII в. продолжалось ее поступательное развитие, временно прерванное нашествием монголо-татар. Русская культура домонгольского времени отличалась глубоким гуманизмом, терпимостью ко всем иноязычным и иноверным народам, была проникнута глубоким патриотизмом, верой в красоту своей земли и силу духа ее народа.

³⁹ Банк А. В. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. М. 1978; Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М. 1975; его же. Аргонавты средневековья. М. 1976, с. 136–138; Рыбаков Б. А. Русское прикладное искусство. Л. 1971.

⁴⁰ Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство, с. 230–231; Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе X–XIV вв. М. 1966; с. 52–61; его же. Аргонавты средневековья, с. 136–138.

⁴¹ Удадьцова З. В., Шапов Я. Н., Гутнова Е. В., Новосельцев А. П. Древняя Русь – зона встречи цивилизаций. – Вопросы истории, 1980, № 7; Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М. 1965, с. 384–386; Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство, с. 231–266; Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М. 1976; с. 152; Королук В. Д. Славяне и восточные романсы в эпоху раннего средневековья. М. 1985.

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

О КОРЕННОМ ПЕРЕЛОМЕ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Академик А. М. Самсонов, О. А. Ржешевский

Красный стяг, водруженный на куполе рейхстага, знаменовал крупнейшее в мировой истории поражение реакционных сил международного империализма, ударным кулаком которых была гитлеровская Германия. Развязывая вторую мировую войну, фашистские агрессоры замыслили поработить народы и установить свое мировое господство. Основным условием достижения этой цели они считали разгром Советского Союза. В то же время германский фашизм, выражавший интересы наиболее реакционной части монополистической буржуазии, преследовал в войне против СССР классовую цель — уничтожение первого в мире социалистического государства.

Великая Отечественная война Советского Союза явилась главной и определяющей частью второй мировой войны. В те годы решались коренные вопросы исторического развития: быть социализму или фашизм преградит дорогу прогрессу и цивилизации, сохранят ли народы и государства свою независимость или окажутся под пятой фашистско-милитаристского блока. Разгром агрессоров, возглавлявшихся гитлеровской Германией, решил эти вопросы в пользу сил мира, демократии и социализма.

Ни на одном из фронтов второй мировой войны (североафриканском, итальянском, западноевропейском, азиатско-тихоокеанском) не было столь продолжительной, непрерывной и напряженной борьбы, как на советско-германском фронте, где в течение войны действовало в среднем до 70% дивизий фашистского рейха. Именно здесь было впервые остановлено фашистское нашествие, уничтожены и выведены из строя три четверти живой силы и техники врага. Здесь был осуществлен коренной перелом в войне, загорелась заря Победы и был достигнут ее триумф.

Сквозь призму прошедших десятилетий бессмертный подвиг Страны Советов в войне еще ярче предстает событием всемирно-исторического значения. История агрессии и катастрофы фашистских захватчиков, победы Советских Вооруженных Сил становится в современных условиях одним из элементов нового политического мышления, приобретая все большее значение в битве за мир, которую ведут Коммунистическая партия и Советское государство, прогрессивные силы всех стран против агрессивной политики империализма.

За последние годы в СССР увидел свет ряд крупных трудов по истории минувшей войны. Комиссией по изданию дипломатических документов при МИД СССР опубликованы сборники документов об отношениях Советского Союза с рядом стран в период Великой Отечественной войны¹. Институтом военной истории Министерства обороны СССР, Инсти-

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тт. I–VI. М. 1974–1984; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Док. и м-лы. В 2-х тт.

тутом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институтом всеобщей истории и Институтом истории СССР АН СССР выпущено 12-томное исследование по истории второй мировой войны². В результате совместных усилий историков стран — членов Организации Варшавского Договора подготовлен и издан научно-популярный труд по истории второй мировой войны³. Продолжаются и монографические исследования советских историков, охватывающие события второй мировой войны в целом⁴. Переиздан однотомник, подготовленный ИМЛ при ЦК КПСС⁵. Увидела свет коллективная работа, анализирующая буржуазную историографию второй мировой войны⁶, а также ряд других трудов⁷.

Советской наукой разработаны единые концепции важнейших проблем истории второй мировой войны: ее причин, характера, решающего вклада СССР в разгром агрессоров, роли антигитлеровской коалиции, освободительной миссии Советских Вооруженных Сил, движения Сопротивления, итогов и уроков войны и др. Коренной перелом в войне обоснованно рассматривается советскими учеными как многосторонний процесс в целом необратимых изменений в пользу одной из воюющих сторон. Основой концепции, анализирующей эту проблему, служит прежде всего оценка роли СССР, советской политики и стратегии, событий на советско-германском фронте, деятельности советского тыла в процессе коренного перелома. Крупнейшие из этих событий — всемирно-исторические победы Советских Вооруженных Сил в битвах под Москвой, Сталинградом и Курском, в результате которых у врага была вырвана стратегическая инициатива, что явилось основным показателем коренного перелома в войне, его начала и завершения.

Бурный рост во второй половине 1942 — начале 1943 г. военно-экономической мощи стран антигитлеровской коалиции предвещал исход экономического противоборства в их пользу. Особое значение имели достижения советской военной экономики, которая обеспечивала средствами ведения войны Советские Вооруженные Силы, действовавшие на главном театре вооруженной борьбы. Преодолев трудности первого года войны, экономика СССР во всевозрастающем масштабе производила продукцию, необходимую фронту. К тому же времени была завершена перестройка на военный лад экономики Великобритании, значительных масштабов достигло военное производство США.

Консолидация антигитлеровской коалиции и назревание кризиса в фашистском блоке указывали на развитие коренного перелома в политической сфере. Важнейшее значение имело упрочение морально-политического состояния сил, противостоящих агрессии, веры народов в неминуемый разгром захватчиков, подъем национально-освободительного движения в оккупированных странах Европы и Азии. Мощным идеологическим фактором в достижении коренного перелома, вдохновляющим примером для всех народов, боровшихся против фашистского блока, явились массовый героизм советских людей на фронте и в тылу, их непоколебимая преданность идеям социализма и решимость сокрушить ненавистного врага. Одновременно развивался процесс падения морального потен-

М. 1983; Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Док. и м-лы. В 2-х тт. М. 1983; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Док. и м-лы. В 2-х тт. М. 1983.

² История второй мировой войны 1939—1945. Тт. 1—12. М. 1973—1982.

³ Вторая мировая война. Краткая история. М. 1984.

⁴ Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и катастрофы. М. 1985; и др.

⁵ Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история. Изд. 3-е. М. 1985.

⁶ Буржуазная историография второй мировой войны. Анализ современных тенденций. М. 1985.

⁷ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. М. 1985; Великая Победа. К 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов (Советская историография). Ч. 1—2. М. 1985.

циала населения и личного состава вооруженных сил в странах фашистского блока.

Иными словами, при исследовании проблемы коренного перелома необходимы анализ военных, экономических, политических, идеологических и других факторов, обусловивших этот перелом, достигнутый в результате длительной и тяжелой борьбы воюющих сторон. Действие указанных факторов, пусть не всегда синхронное, своей внутренней связью и тенденцией развития определяло главное содержание событий войны. Этот методологический принцип — основополагающий в исследованиях советских историков. Вместе с тем по ряду конкретных вопросов у них имеются различные точки зрения. К ним, в частности, отнесится трактовка вопроса о начале коренного перелома в войне. Думается, настало время творчески обсудить его и найти общее понимание предмета, тем более что материала для этого вполне достаточно.

Изначальную неясность вносит путаница в терминологии, а точнее говоря, в ее понимании. В одних исследованиях говорится о победе под Москвой как начале коренного поворота в войне, а в других — коренного перелома⁸. При этом подразумевается различный смысл. Победу под Москвой называют началом коренного поворота в войне, а победу под Сталинградом — началом коренного перелома. Но оба термина близки по значению и трудно различимы по смыслу⁹. Такое применение их по меньшей мере требует разъяснения, ибо различие в терминологии в рассматриваемом контексте связано с разной трактовкой вопросов более принципиального характера. О чем идет речь?

В одних советских работах началом коренного перелома считается битва под Москвой, а в других — битва под Сталинградом. Битва под Москвой иногда вообще исключается из процесса коренного перелома¹⁰, а битва под Сталинградом называется то его началом, то «решающим» или «огромным» вкладом в его достижение¹¹. Нередко противоречивые оценки имеются в трудах, которые разрабатываются в одних и тех же научных учреждениях. Подтвержденная в «Военно-энциклопедическом словаре» точка зрения на битву под Москвой как начало коренного перелома, а Сталинградскую — как внесшую в него решающий вклад, в вышедшем позднее труде «Вторая мировая война. Итоги и уроки» изменена: битва под Москвой в нем названа «началом коренного поворота», а битва под Сталинградом — «началом коренного перелома» в войне¹². Объяснение этим принципиальным изменениям отсутствовало.

Таким образом, расходятся мнения по одному из крупных теоретических вопросов истории Великой Отечественной войны, второй мировой войны, отечественной истории в целом. Наша точка зрения, а она неоднократно высказывалась и другими советскими авторами¹³, сводится к следующему.

Прежде всего для оценки роли и места как битвы под Москвой, так и битвы под Сталинградом в достижении коренного перелома имеются

⁸ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. М. 1975, с. 301. Военно-энциклопедический словарь. М. 1984, с. 83. Вторая мировая война. Итоги и уроки. М. 1985, с. 58; и др.

⁹ См. Словарь синонимов. Л. 1976, с. 364, 376. Вишнякова О. В. Словарь синонимов русского языка. М. 1984, с. 203.

¹⁰ Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М. 1985, с. 466.

¹¹ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 6. М. 1976, с. 81, т. 12. М. 1982, с. 221; Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945, с. 200. Военно-энциклопедический словарь. М. 1986, с. 117.

¹² Военно-энциклопедический словарь. М. 1984, с. 83, 703; Вторая мировая война. Итоги и уроки, с. 58, 70.

¹³ Самсонов А. М. Поражение вермахта под Москвой. М. 1981, с. 317–321; его же: Сталинградская битва. Изд. 2-е. М. 1968, с. 521; его же. Вторая мировая война. М. 1985, с. 234; Огарков Н. В. Всегда в готовности к защите Отечества. М. 1982, с. 10; Ржешевский О. А. Великая страница истории. — Правда, 6.I.1983; Ахромеев С. Ф. Уроки истории. — Известия, 8.V.1986.

более чем убедительные основания. Всемирно-историческое значение победы советского оружия в каждой из этих битв обстоятельно раскрыто в марксистской литературе. Стратегическая инициатива — важнейший показатель, характеризующий процесс коренного перелома, — была вырвана у противника. В битве под Москвой, как свидетельствовал дальнейший ход войны, — временно, в битве под Сталинградом — окончательно и бесповоротно.

Битва под Москвой имела в этом процессе особое значение. Как известно, политика «умиротворения» агрессоров, подталкивания Германии к войне против СССР, которую проводили правительства Англии, Франции и США, в конечном итоге обернулась трагедией для большинства народов мира. К июню 1941 г., когда фашистская Германия напала на СССР, 12 стран европейского континента — Австрия, Чехословакия, Албания, Польша, Дания, Норвегия, Голландия, Бельгия, Люксембург, Франция, Югославия и Греция — были захвачены агрессорами, их население подвергалось всяческим гонениям, террору, а в некоторых странах — угрозе полного уничтожения. Смертельная опасность нацистского вторжения нависла над Англией. Итало-немецкие войска развернули наступление в Северной Африке. Наиболее мощный союзник Германии — милитаристская Япония, оккупировав обширные районы Китая и Индокитая, готовилась к захвату тихоокеанских владений США. Ключевые позиции для порабощения мира, как представлялось тогда агрессорам, давал молниеносный поход против СССР. Реакционные круги «западных демократий» дождались, наконец, нападения гитлеровской Германии на Советское социалистическое государство, но к тому времени существование самих этих стран зависело от способности СССР выстоять и победить в борьбе с агрессором.

Выдающееся место битвы под Москвой нельзя понять, не учитывая той драматической обстановки, которая сложилась к осени 1941 г. на советско-германском фронте. Готовя внезапное нападение на Советский Союз, нацистское руководство делало ставку на мощные удары вермахта, которые в считанные недели и месяцы должны были сокрушить сопротивление Красной Армии, уничтожить ее основные силы и парализовать волю советского народа, сделать его неспособным к дальнейшей борьбе. Гитлеровские генералы собирались повторить опыт европейской кампании лета 1940 г., когда они стремительно достигли полной победы над Францией. Учитывали они и преимущества, которые им давало ведение основных операций на одном фронте, позволявшее сосредоточить против Советского Союза максимум военной мощи рейха и его союзников. Центр вооруженной борьбы во второй мировой войне переместился на советско-германский фронт.

Первоначальному успеху врага способствовал ряд факторов, включая вероломство его нападения. Фашистская Германия обрушила на Советский Союз внезапный удар огромной, невиданной в истории армии вторжения — 190 дивизий, свыше 4 тыс. танков, около 5 тыс. самолетов, около 200 кораблей. Для ведения войны против СССР была создана военная коалиция, основой которой стал Берлинский (Тройственный) пакт, заключенный в 1940 г. между Германией, Италией и Японией. К активному участию в агрессии были привлечены Румыния, Финляндия и Венгрия. Гитлеровцам оказывали помощь реакционные правящие круги Болгарии, а также марионеточных государств Словакии и Хорватии. С фашистской Германией сотрудничали Испания, вишистская Франция, Португалия и Турция. В целях военно-экономического обеспечения «Восточного похода» использовались ресурсы европейских государств — как прямых союзников Германии, так и оккупированных, зависимых и нейтральных стран, общая численность населения которых превышала 300 млн. человек.

Война поставила Советскую страну перед необходимостью вести борьбу с фашистской Германией в неравных условиях. Красная Армия была

вынуждена с боями отходить на восток. Первые пять месяцев войны были самыми трудными для Советского Союза. Немецко-фашистские войска вторглись в его пределы на глубину от 850 до 1200 км, блокировали Ленинград, находились в опасной близости к Москве, захватили Харьков, большую часть Донбасса и Крыма. Гитлеровцами были оккупированы Прибалтика, Белоруссия, Молдавия, почти вся Украина, ряд областей Российской Федерации и часть Карелии. Территория, занятая врагом, превышала 1,5 млн. кв. километров. На ней перед войной проживало 74,5 млн. человек¹⁴. Миллионы советских граждан погибли в боях, оказались в оккупации, в плену, в гитлеровских концентрационных лагерях.

Стратегической инициативой владел противник. На его стороне было превосходство в живой силе и технике. Красная Армия еще не обладала опытом ведения современной войны, организации взаимодействия родов войск, наиболее эффективного использования боевой техники. Ставка Верховного Главнокомандования, командование фронтов и военачальники разных степеней учились искусству ведения войны в крайне сложной обстановке, допуская порой почти неизбежные ошибки. В начале октября 1941 г. стратегический фронт на московском направлении оказался прорванным. Пять советских армий были окружены в районе Вязьмы. Над столицей нависла грозная опасность. Враг превосходил ее защитников в количестве войск, вооружения и боевой техники. Однако в развернувшейся ожесточенной борьбе главное уже определяли другие факторы. Натиску врага противостояли твердость духа советского народа и его самоотверженность на фронте и в тылу, неисчерпаемые материальные возможности страны социализма.

Советские войска в оборонительных боях стойко отражали яростный натиск врага и сами наносили мощные контрудары. С каждым месяцем их сопротивление усиливалось, совершенствовалось искусство организации оборонительных сражений. Это лишало врага возможности вести наступление в запланированных им темпах. Если в первые три недели войны фашистские войска продвигались в среднем по 20—30 км в сутки, то с середины июля по 7 августа этот темп снизился до 3,5—8,5 километра. В период с 8 августа до середины сентября продвижение врага стало еще более медленным. Во время наступления на Москву в октябре—ноябре фашистские войска продвигались в среднем по 2,5—3 км в сутки, а в первых числах декабря были вынуждены прекратить наступление. В сентябре враг был остановлен у стен Ленинграда, а в конце ноября — у Ростова. Очевидный провал планов молниеносной войны против СССР явился важнейшей предпосылкой начала коренного перелома в борьбе с фашистским нашествием.

В ходе стратегической обороны Советские Вооруженные Силы нанесли врагу огромный урон. Только сухопутные войска вермахта с июня по ноябрь 1941 г. потеряли на советско-германском фронте убитыми, ранеными и пропавшими без вести свыше 750 тыс. человек. Потери фашистской авиации с 22 июня по 10 ноября составили здесь 5180 самолетов¹⁵. Были сорваны попытки фашистов разгромить Красную Армию и Военно-Морской Флот, ликвидировать СССР, уничтожить советский государственный и общественный строй. Полностью провалилась операция «Тайфун», рассчитанная на «окончательный» разгром главных сил Красной Армии и захват Москвы. Особое место битвы под Москвой отмечал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, с октября 1941 г. командовавший Западным фронтом. Писатель К. М. Симонов, вспоминая о беседах с выдающимся советским полководцем, писал: «Жуков всегда неуклопно подчеркивал то, что считал главным: историческую правду об остроте сложившегося под Москвой положения и о мере нависшей над ней опасности. Не сказать об

¹⁴ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4, с. 129.

¹⁵ Там же, с. 130.

этом с полной определенностью — значило для него не сказать и о сплеме того перелома в войне, который произошел под Москвой»¹⁶.

Возникшее на фронте к осени 1941 г. кризисное для нашей страны состояние было преодолено благодаря действию ряда важнейших факторов — стойкости советских войск, самоотверженной работе тыла, организующей и руководящей деятельности Коммунистической партии. Русские, белорусы, украинцы, все народы СССР мужественно защищали завоевания Великого Октября. Сражаясь с фашистскими захватчиками на фронтах, работая на предприятиях, в совхозах и колхозах, на транспорте, строительстве, советские люди достойно выполняли свой долг перед Родиной. Сотни тысяч патриотов участвовали в партизанской и подпольной борьбе, организованной партией во временно оккупированных врагом районах. «Уже в сорок первом году, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, — план молниеносной войны, разработанной германским генералитетом, был перечеркнут героическим отпором, который противник встретил на советской земле»¹⁷. Обескровив врага, советские войска в ходе битвы под Москвой перешли в стратегическое контрнаступление, кардинально изменившее обстановку на советско-германском фронте и оказавшее далеко идущее влияние на военно-политическое положение в мире в целом.

Военный фактор является первым и главным, дающим основание считать битву под Москвой началом коренного перелома в войне. Битва под Москвой длилась около семи месяцев (30 сентября 1941 г. — 20 апреля 1942 г.) и явилась крупнейшей к тому времени во второй мировой войне. С обеих сторон в битве участвовало более 3 млн. человек, до 3 тыс. танков, свыше 2 тыс. самолетов, 22 тыс. орудий и минометов. Весьма важно то, что победа в этой битве была одержана при соотношении сил в пользу врага. Фашистские войска к началу нашего контрнаступления превосходили советские в живой силе в 1,5 раза, в артиллерии — в 1,4 раза и танках — в 1,6 раза. И только по авиации Красная Армия в 1,6 раза превосходила противника¹⁸.

Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб сумели скрытно сосредоточить резервы, организовать тесное взаимодействие между фронтами и стратегическими направлениями. В ходе контрнаступления советских войск под Москвой фашистской группе армий «Центр» был нанесен сокрушительный удар. 38 гитлеровских дивизий потерпели поражение. Особенно большие потери понесли танковые соединения врага, которым отводилась решающая роль в войне. К концу марта в 16 танковых дивизиях, находившихся на Восточном фронте, осталось всего 140 боеспособных машин¹⁹. Потери личного состава группы армий «Центр», действовавшей на московском направлении, составили, по немецким данным, 772 тыс. человек²⁰. К концу апреля 1942 г. общие потери только сухопутных войск вермахта на советско-германском фронте убитыми, ранеными и пропавшими без вести превысили 1,5 млн. человек. Он лишился около 4 тыс. танков и штурмовых орудий, около 7 тыс. самолетов (до конца января 1942 г.). Это почти в 5 раз превышало потери гитлеровцев в Польше, Северо-Западной и Западной Европе и на Балканах. Для усиления своих группировок немецко-фашистскому командованию пришлось перебросить на Восток 60 новых дивизий и 21 бригаду²¹.

«Победа под Москвой означала, что советский народ под руководством партии сумел преодолеть трагические последствия внезапного напа-

¹⁶ Цит. по: Огонек, 1986, № 49, с. 27.

¹⁷ Горбачев М. С. Бессмертный подвиг советского народа. М. 1985, с. 7.

¹⁸ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 4, с. 284.

¹⁹ Могла ли война завершиться в 1942 году? — Московские новости, 28.XII.1986, с. 12.

²⁰ Рейнгадт К. Поворот под Москвой. М. 1980, с. 279.

²¹ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 4, с. 483.

дения фашистской Германии, изменить в ходе тяжелого единоборства соотношение сил. Она показала, что война, несмотря на ее неудачное для советских войск начало, будет неизбежно выиграна Советским Союзом»²².

Крушение «блицкрига» породило многообразные кризисные явления в стане агрессоров. Началась перетряска высшего командования вермахта. Гитлер сместил всех командующих группами армий на Восточном фронте, многих командующих армиями и командиров корпусов, дивизий. Потери вермахта были так значительны, что до лета 1942 г. противник не смог возобновить крупных наступательных операций. В фашистских войсках распространились пораженческие настроения, падала дисциплина. Фашистские военно-полевые суды за шесть месяцев (октябрь 1941 г. — март 1942 г.) подвергли репрессиям свыше 62 тыс. человек личного состава воинских частей и соединений²³. Эти свирепые меры помогли ликвидировать открытые проявления пораженческих настроений и нарушений дисциплины, боеспособность гитлеровских войск восстановилась, но изменения, которые произошли в них в результате морально-психологического надлома, вызванного поражением под Москвой, в полной мере устранить было невозможно. Обострялась и внутривойсковая обстановка в рейхе. Одним из проявлений этого была активизация антифашистской деятельности в стране. Немецкие коммунисты в тяжелых условиях подполья вели борьбу против нацистской диктатуры. Активизировала свои действия верхушечная оппозиция, в среде которой впоследствии возник заговор, направленный на устранение Гитлера.

Разгром Красной Армией немецко-фашистских войск под Москвой развеял миф о непобедимости вермахта, ознаменовал полный провал гитлеровских планов «молниеносной войны» против СССР. Для того чтобы правильно определить международное значение битвы под Москвой в процессе коренного перелома весьма важна объективная оценка последствий провала этих планов. Каковы были расчеты гитлеровского командования? В разгар битвы под Москвой в специальных штабных поездках, носивших название «Азия» и «Америка», оно вычерчивало направления ударов, опоясавшие весь земной шар. С захватом Москвы враг связывал судьбу развязанной им войны и свои притязания на мировое господство. Как свидетельствует проект директивы № 32, агрессоры уже в 1941 г. намеревались приступить к завоеванию Среднего Востока, а затем Индии, где предполагалась встреча германских и японских войск. Другие документы указывают, что вслед за решением «английской проблемы» фашисты намеревались «устранить влияние англосаксов в Северной Америке». Главнокомандующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерал Д. Макартур в феврале 1942 г. незадолго до капитуляции остатков американского гарнизона на Филиппинских островах обратился к своим войскам с заявлением, в котором говорилось: «Из сложившейся международной обстановки явствует, что ныне надежды мировой цивилизации неразрывно связаны с действиями Красной Армии, ее доблестными знаменами»²⁴.

Поражение под Москвой, крах планов «блицкрига» означали, что фашистская Германия оказалась вынужденной перейти к стратегии затяжной войны, к которой не была готова ни в военном, ни в экономическом, ни в политическом отношении. Западногерманский историк К. Рейнгардт в обстоятельном исследовании битвы под Москвой делает вывод, что «несгибаемое упорство советского командования и его вооруженных сил, их умение использовать климатические условия, а также своевременная переброска резервов из восточных районов страны и создание новых фор-

²² История Коммунистической партии Советского Союза, Т. 5, кн. 1. М. 1970, с. 242.

²³ Самсонов А. Поражение вермахта под Москвой, с. 322.

²⁴ Manchester W. American Caesar. N. Y. 1979, p. 283.

мирований окончательно перечеркнули стратегические планы Гитлера»²⁵. Перспективы борьбы Германии и ее союзников за мировое господство померкли. «Никто не знает, как долго еще продлится война», — заявил Геббельс в новогодней речи²⁶.

Второй фактор — экономический. В результате разгрома немецко-фашистских войск под Москвой и его последствий сильнейший удар был нанесен по военной экономике рейха. Дело не только в необходимости восполнения огромных потерь в средствах ведения войны. Потери на фронте потребовали мобилизации в вооруженные силы наиболее дееспособной части населения. Это породило острый недостаток рабочей силы. К весне на заводах не хватало почти 800 тыс. рабочих. Еще более серьезным фактором явилось то, что для ведения длительной войны требовалась перестройка промышленности, что ее потребности в стали, алюминии, каучуке, горючем, электроэнергии не покрывались производством и запасами. Для этого требовалось провести тотальную мобилизацию и перестройку экономики, реорганизовать управление промышленностью, перераспределить рабочую силу и стратегическое сырье, резко увеличить использование иностранных рабочих и военнопленных, усилить грабеж оккупированных и союзных стран. Зимой 1941/42 г. экономическое положение Германии ухудшилось.

В Советском Союзе в период битвы под Москвой происходила перестройка народного хозяйства на военные рельсы. «Все для фронта, все для победы!» — эта установка партии являлась главной в работе тыла. Военно-экономическая обстановка для нашей страны была сложной, а порой — критической. Известно, что Германия перед нападением на СССР располагала примерно в 1,5—2 раза большими военно-экономическими ресурсами, чем Советский Союз. Гитлеровцы оккупировали часть территории нашей страны, где до войны производилась треть валовой продукции промышленности страны: до 71% чугуна, около 60% стали. В этих районах находилось 47% посевных площадей. В июле — ноябре 1941 г. на Восток было перебазировано 1523 промышленных предприятия, в том числе 1360 крупных, более 10 млн. человек²⁷. Этот беспрецедентный в мировой истории войны подвиг советского народа, его усилия по созданию оборонной промышленности на Востоке страны и ее укреплению в целом за предвоенные годы определили предпосылки для восстановления в кратчайшие сроки военно-экономического потенциала СССР и его последующего наращивания. Общее соотношение основных видов вооружения на советско-германском фронте в декабре 1941 г. было следующим: Красная Армия имела 1954 танка и САУ, 22 тыс. орудий и минометов, 2238 самолетов. Враг соответственно — 1940, 26 800 и 2830²⁸. Самыми трудными были последние два месяца 1941 года. Если в третьем квартале 1941 г. было выпущено 6600, то в четвертом — только 3177 самолетов²⁹. В ноябре объем промышленного производства уменьшился в 2,1 раза. Сократилось поступление на фронт ряда видов самой необходимой боевой техники, вооружения и особенно боеприпасов.

Тем очевиднее результаты titанических усилий Коммунистической партии, советского командования, всего советского народа, свидетельство преимуществ социалистической организации экономики — в условиях острого недостатка продукции военной промышленности страна и армия с максимальной эффективностью использовали имевшиеся ресурсы. Враг был остановлен и разбит под Москвой оружием советского производства. Победа при преимуществе противника в силах и средствах ведения вой-

²⁵ Рейнгардт К. Ук. соч., с. 347.

²⁶ Там же, с. 315.

²⁷ История социалистической экономики СССР. Т. 5. М. 1978, с. 172.

²⁸ Там же, с. 259.

²⁹ Там же, с. 171, 250.

ны, при еще не в полной мере раскрывшем свои возможности оборонном потенциале страны была достигнута в результате беспримерного героизма войск, самоотверженной поддержки защитников Москвы населением столицы и всей Советской страной. В декабре 1941 г. выпуск военной продукции начал возрастать, а к середине 1942 г. утраченные мощности военной промышленности были не только восстановлены, но значительно превзойдены³⁰. В целом военный фактор в ходе битвы под Москвой явился опережающим по отношению к фактору экономическому.

Третий фактор — политический. Именно в период битвы под Москвой получил развитие и в значительной степени завершился процесс формирования ядра антигитлеровской коалиции — союза народов и государств, боровшихся во второй мировой войне против агрессивного блока Германии, Италии, Японии и их сателлитов. Ведущей силой антигитлеровской коалиции явился Советский Союз. Основными ее участниками были также США и Великобритания. Важное значение для формирования антигитлеровской коалиции имели заявления премьер-министра Англии У. Черчилля (22 июня 1941 г.) и президента США Ф. Рузвельта (24 июня 1941 г.) о поддержке СССР в войне против фашистской Германии. 12 июля 1941 г. в Москве было подписано соглашение между СССР и Великобританией о совместных действиях против фашистской Германии, предусматривавшее оказание взаимной помощи. В конце 1941 г. в Москве состоялась конференция СССР, США и Англии, на которой был подписан протокол о военных поставках США и Великобритании Советскому Союзу. И хотя до оказания реальной помощи нашей стране было еще далеко, сам факт созыва конференции и достигнутые на ней договоренности имели свое значение. 1 января 1942 г. 26 государств (СССР, США, Великобритания, Китай и др.) подписали Декларацию Объединенных Наций. Ее участники обязались использовать все свои военные и экономические ресурсы для борьбы против фашистского блока, сотрудничать друг с другом и не заключать со странами этого блока сепаратного перемирия или мира. Эти и другие решения, принятые в период с июля 1941 г. до июня 1942 г., явились важными вехами на пути объединения усилий антигитлеровской коалиции в борьбе против общего врага.

В то же время заметно ухудшилось внешнеполитическое положение Германии. Агрессивные круги Японии и Турции, собравшиеся вступить в войну на стороне рейха, после поражения вермахта под Москвой отказались двинуть свои войска против СССР. Политический престиж гитлеровской Германии был подорван и в глазах профашистских правителей Венгрии, Румынии, Финляндии и других ее союзников.

Четвертый — идеологический фактор. Битва под Москвой началась в то время, когда фашистская Германия не знала поражений. Миф о ее непобедимости настойчиво распространялся нацистской пропагандой, и на Западе многие находились под его гипнозом. Однако события на советско-германском фронте показывали, что сопротивление Красной Армии, героизм населения столицы и бойцов ее народного ополчения, самоотверженная поддержка фронта советским тылом непреодолимы для агрессора. Москва оставалась центром великой многонациональной социалистической державы, знаменосцем борьбы за свободу и независимость Родины и всего человечества. То, что произошло на полях Подмосковья, еще выше подняло дух советских людей и личного состава наших Вооруженных Сил, укрепило их волю к борьбе.

Исключительным в этом смысле явилось международное значение нашей победы в битве под Москвой. Свободолюбивые народы всех континентов восторженно приветствовали победу Красной Армии. Прогрессивный итальянский деятель Р. Батталья отмечал, что «первый военный

³⁰ Там же, с. 177; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, с. 250.

успех Советского Союза ознаменовал окончание долгого периода неуверенности и растерянности. По обе стороны Атлантического океана поняли, что после битвы за Лондон битва за Москву спасла свободный мир»³¹. Член ЦК Французской компартии Ф. Гренье вспоминал впоследствии, что в новогодию ночь 1942 г. ему и его товарищам удалось поймать по радио передачу из Москвы. «Речь Калинина дышала уверенностью, силой... Когда в конце передачи раздался бой Кремлевских курантов, у нас глаза наполнились слезами... В этот час Москва поистине была надеждой, сердцем всего мира»³².

Свидетельством колоссального общественного воздействия нашей победы под Москвой могут служить ее оценки государственными и военными деятелями различных стран. Те из них, кто еще недавно предрешал Советскому Союзу поражение, прикусили языки. Черчилль говорил по лондонскому радио 15 февраля 1942 г.: «Русские победоносно продвигаются вперед... Более того, они впервые развеяли гитлеровскую легенду. Вместо побед в России немцы нашли поражение, неудачи, позор неслыханных преступлений, кровопролитие, потерю миллионов немецких солдат»³³. 27 апреля 1942 г. Рузвельт, подчеркивая значение подвига Советских Вооруженных Сил, заявил: «США воздают должное сокрушительному контрнаступлению великих русских армий против могучей германской армии. Русские войска уничтожили и уничтожают больше вооруженных сил наших врагов — солдат, самолетов, танков и орудий, чем все Объединенные Нации, вместе взятые»³⁴. «Французский народ, — говорил генерал де Голль по лондонскому радио 20 января 1942 г., — восторженно приветствует успехи и рост сил русского народа. Ибо эти успехи приближают Францию к ее желанной цели — к свободе и отмщению»³⁵. Народы мира обрели веру в то, что есть силы, способные избавить человечество от угрозы фашистской тирании. Международный авторитет СССР резко возрос.

Подведем итоги. Можно ли считать победу в битве под Москвой началом коренного перелома в войне? Для окружения и полного уничтожения группы фашистских армий «Центр» имевшихся в то время у нашей страны сил оказалось недостаточно. Общее наступление Красной Армии в январе — апреле 1942 г. принесло лишь частичные результаты. В последующем стратегическая инициатива вновь оказалась в руках врага. Однако понятие «коренной перелом» не предполагает неизменно восходящего процесса, в нем возможны временные спады, что и произошло летом 1942 года. В ноябре того же года Красная Армия вновь овладела стратегической инициативой, на этот раз окончательно и бесповоротно. Подчеркнем: в результате разгрома немецко-фашистских войск под Москвой произошли необратимые для фашистской Германии и ее союзников изменения, потерпел крах весь план ведения рейхом второй мировой войны. Исключать победу под Москвой из процесса коренного перелома — значит принижать ее всемирно-историческое значение.

Разгром агрессоров в Сталинградской битве и ее место в коренном переломе получили объективную оценку во многих трудах советских историков. Ее разделяют и авторы заключительного тома многотомного труда о второй мировой войне. «Победа Советской Армии под Сталинградом внесла решающий вклад в достижение коренного перелома не только в Великой Отечественной войне, но и во всей второй мировой войне. Изменение соотношения сил на советско-германском фронте, падение боевой мощи и международного престижа фашистско-милитаристских государств,

³¹ Батталья Р. История итальянского движения Сопротивления. М. 1954, с. 47.

³² Гренье Ф. Вот так это было. М. 1960, с. 99.

³³ Цит. по: Еремеев Л. М. Глазами друзей и врагов. М. 1966, с. 85—86.

³⁴ Цит. по: История дипломатии. В 5-ти тт. М. 1975. Т. 4, с. 255.

³⁵ Де Голль Ш. Военные мемуары. В 2-х тт. М. 1957. Т. I, с. 657—658.

кризис агрессивного блока, начавшиеся поражения и отступления его вооруженных сил — таков главный политический и военный итог битвы на Волге»³⁶. Таким образом, вывод о том, что победа Красной Армии в битве под Москвой явилась началом коренного перелома, победа под Сталинградом — решающим вкладом в коренной перелом, а битва под Курском и выход советских войск к Днепру завершили этот процесс, логичен и вполне обоснован в научно-историческом отношении.

Решение вопроса о коренном переломе в войне весьма актуально в связи с позициями, которые занимает в этом вопросе буржуазная историография. Отдельным объективным оценкам в ней значения битв под Москвой, Сталинградом и Курском для хода и исхода второй мировой войны противостоит поток литературы, искажающей процесс коренного перелома, представляющей его в виде «поворотных пунктов», которые возникали то на одном, то на другом театре военных действий.

Наиболее часто в их числе западные авторы называют сражения под Эль-Аламейном, в Тунисе, морское сражение у острова Мидуэй, бои за Гуадалканал и только одну битву на советско-германском фронте — Сталинградскую. В любых вариантах «поворотных пунктов» предпочтение отдается тем фронтам, где боевые действия вели американско-английские войска. Выступая на первом советско-американском коллоквиуме по проблемам истории второй мировой войны (1986 г.), американский военный историк Д. Глэнтц отметил, что в США и сейчас «имеет место тенденция уравнивать Сталинград с Эль-Аламейном и Курск с Анцио... Сравнивается сам факт достигнутой победы и скрывается различие в масштабах и размахе указанных операций»³⁷.

В районе Эль-Аламейна (октябрь 1942 г.) английским войскам противостояли 4 немецкие и 8 итальянских дивизий общей численностью около 80 тыс. человек, причем в ходе операции костяку этой группировки удалось отступить, избежав разгрома. Численность же немецко-фашистских войск, наступавших на Сталинград, превышала 1 млн. человек. Только в период контрнаступления Красной Армии с 19 ноября 1942 — по 2 февраля 1943 г. здесь была окружена и ликвидирована группировка фашистских войск, насчитывавшая более 300 тыс. человек, полностью разгромлены 32 дивизии и 3 бригады фашистской Германии и ее сателлитов, 16 дивизиям нанесено серьезное поражение. Общие потери врага в битве на Волге составили 1,5 млн. человек. «Советские историки, — писал французский исследователь А. Мишель, — справедливо видят в этом блестящем успехе Красной Армии самую решающую победу, ознаменовавшую поворот во второй мировой войне»³⁸. Наступление же союзных войск под Эль-Аламейном и последующая их высадка в западной части Северной Африки стали началом перелома в ходе вооруженной борьбы лишь на этом театре военных действий, не оказав значительного влияния на общий ход войны. Генерал Д. Эйзенхауэр расценивал победу под Эль-Аламейном как «тактический успех»³⁹.

Некоторые буржуазные историки, трактующие термин «поворот в войне» как начало утраты Германией и ее союзниками стратегической инициативы, довольно часто утверждают, что такой поворот произошел в декабре 1941 г. и был обусловлен поражением фашистских войск под Москвой, а также вступлением в войну США. Именно эта концепция доминировала в их выступлениях в Штутгарте на международном симпозиуме в связи с 40-летием этих событий⁴⁰. Но если американские его участни-

³⁶ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 12, с. 221.

³⁷ Glantz D. American Perspectives on Eastern Front Operations in World War II. Paper Presented to the First Soviet-American Colloquium on Problems of World War II Two History. Moscow, October 21–23, 1986, p. 6.

³⁸ Michel H. La Seconde Guerre mondiale. T. 1. P. 1977, p. 467.

³⁹ Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. М. 1980, с. 153.

⁴⁰ Kriegswende: December 1941. Referate u. Discussionsbeiträge des Internationalen historischen Symposiums in Stuttgart von 17. bis 19. September 1981. Koblenz.

ки подчеркивали, что поворот главным образом определило вступление США в войну, то западногерманские историки, несмотря на отдельные оговорки, все же, признавали, что решающим фактором этого поворота явился разгром фашистских войск под Москвой.

Вступление в войну США, безусловно, имело большое значение для дальнейшей расстановки сил и противоборства коалиций, однако ставить его в один ряд с разгромом немецко-фашистских войск в битве под Москвой неправомерно. Американский историк Ч. фон Лютичау усматривает связь между этими событиями в том, что они «совпали по времени»⁴¹. Но если говорить о «совпадении по времени», то в период битвы под Москвой, точнее, советского контрнаступления и общего наступления Красной Армии (декабрь 1941 — апрель 1942 г.) вооруженные силы США потерпели крупное поражение на Тихом океане, оказались неспособны противодействовать первому натиску агрессора. К лету 1942 г. Япония захватила территорию, в 10 раз превышавшую ее собственную, — 4,2 млн. кв. км с населением в 200 млн. человек. Агрессор оккупировал Малайю и Сингапур, Индонезию и Филиппины, Гонконг, острова Гуам, Уэйк, Новая Британия, большую часть Соломоновых островов, вышел на подступы к Австралии. Ранее им были захвачены большие районы Китая и Индокитая.

Английский историк М. Арнольд Форстер справедливо пишет: «Русское наступление зимой 1941 г... восстановило моральный дух союзников, и ничто другое не могло этого сделать. То было время, когда хорошие новости приходили редко. Японцы выглядели непобедимыми, разгромили основные силы Тихоокеанского флота США в Пёрл-Харборе и устремились в Юго-Восточную Азию. Только Россия, казалось, достигла цели. В мрачный час уверенность русских придавала силы всем союзникам»⁴². Это и другие высказывания буржуазных историков свидетельствуют о наличии в западной историографии тенденции к более объективной оценке значения советско-германского фронта в достижении коренного перелома в войне. Однако доминирует по-прежнему отрицание решающего вклада СССР в разгром фашистских агрессоров.

Обоснованное решение проблемы коренного перелома во второй мировой войне имеет не только научное, но и социально-политическое значение. Дальнейшее углубленное ее исследование является одной из актуальных задач нашей исторической науки.

1984. Подробнее о симпозиуме см.: Самсонов А. М. Вторая мировая война и идеологическая борьба (опыт и суждения). — Новая и новейшая история, 1984, № 5, с. 96–98.

⁴¹ Kriegswende, S. 55.

⁴² Arnold - Forster M. The World at War. Lond. 1983, p. 160.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОГРАММЫ — НОВАЯ ФОРМА КООРДИНАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Начавшаяся перестройка всей системы общественных наук призвана способствовать активизации деятельности советских историков, поиску новых направлений, методов и форм развития исторической науки, укреплению ее связи с жизнью, усилению ее общественно-политической отдачи. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, выступая на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук в октябре 1986 г., подчеркнул: «В ходе стремительного научно-технического прогресса, интеллектуальный, научный потенциал становится важнейшим, неисчерпаемым по своей природе ресурсом общества. И решение исторических задач ускорения во многом зависит от правильного, рачительного и эффективного использования этого потенциала»¹.

Необходимы поиск и выработка новых организационных структур, обеспечивающих координацию планирования и кооперацию всех учреждений исторического профиля и специалистов-историков для решения конкретных задач. Такие новые формы организации должны соединять перспективное и оперативное планирование, сочетать в едином комплексе фундаментальные и прикладные направления исследований.

С учетом диалектической взаимосвязи между процессами интеграции исторической науки и ее тенденциями к специализации по конкретным темам необходимо постоянно совершенствовать формы организации исследований на республиканском, региональном и общесоюзном уровнях, смелее искать и внедрять новые методы и формы координации и кооперации. Выступая на Общем собрании Академии наук СССР 16 октября 1986 г., член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев отметил, что «большие резервы заключены в улучшении координации деятельности различных подразделений академии, в совершенствовании практики долгосрочного планирования исследований». Он подверг справедливой критике деятельность АН СССР, указав, что «в части долгосрочного планирования академия в определенной мере утратила имевшийся неплохой опыт. Сейчас она по сути не имеет долгосрочных программ по ряду перспективных направлений развития науки. Вот и возникает вопрос: как можно строить работу больших научных коллективов, вовлекать в нее огромные материально-технические ресурсы, не располагая ясной перспективой на длительный срок? Наличие долгосрочных планов открывает новые возможности для более широкого создания при решении комплексных научно-технических проблем мобильных, временных организационных структур, объединяющих силы ученых разных направлений. Пока у нас эта форма организации работы используется слабо»².

В учреждениях, входящих в Отделение истории АН СССР, уже накоплен некоторый опыт работы по составлению и реализации региональных и тематических комплексных программ исторических исследований. Однако этот опыт не стал еще достоянием всех существующих в стране учреждений исторического профиля и вузовских кафедр по истории. Учитывая эти обстоятельства, Отделение истории довольно длительное время вело разработку долговременных комплексных программ развития ряда приоритетных направлений исторических исследований. В результате было сформулировано шесть целевых перспективных программ: «Общие зако-

* От редакции. С этого номера журнал начинает публикацию проектов комплексных программ, одобренных Бюро Отделения истории АН СССР.

¹ Правда, 2.X.1986.

² Правда, 17.X.1986.

номерности и особенности развития общественных формаций» (руководитель чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцова); «История социалистического строительства в СССР и в зарубежных странах» (руководитель чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков); «Революции и социальный прогресс» (руководитель акад. И. И. Минц); «Проблемы войны и мира в XX веке» (руководитель акад. А. М. Самсонов); «История культуры народов СССР» (руководитель акад. Б. А. Рыбаков); «Этническая история и современные национальные процессы» (руководитель акад. Ю. В. Бромлей).

Для подготовки этих программ были созданы рабочие творческие группы, которые разработали проекты программ, представили их на Бюро Отделения, где они были обсуждены, а затем и утверждены с соответствующими поправками в виде проектов. Проекты этих программ рекомендованы Бюро Отделения для публикации в научных журналах.

Сформулировав шесть важнейших перспективных направлений, Бюро Отделения полагает, что это отнюдь не переводит остальные направления исследовательской деятельности в разряд «второстепенных». Задача состоит в другом: в сосредоточении усилий коллективов и отдельных исследователей на наиболее актуальных в длительной перспективе направлениях исследовательской работы, нахождении новых форм информации, координации и кооперации историков на общесоюзном уровне, в выработке таких программ, в которых могут сочетаться перспективное планирование развития научного направления и индивидуальные планы исследователя, фундаментальные и прикладные аспекты исторической науки, организовано их приоритетное обеспечение кадрами, источниковой базой и издательскими возможностями. Эти программы должны способствовать унификации понятийного аппарата и терминологии, уточнить периодизацию тех или иных процессов, выявить «белые пятна» в изучении данного направления исследований, способствовать целенаправленной подготовке молодых кадров ученых и повышению научной квалификации сотрудников научных учреждений и высшей школы, выдвижению новых идей и подходов к решению стоящих задач.

Главная цель перспективных программ — объединение научного потенциала советских историков на магистральных направлениях развития исторической науки, выделение в пределах каждого из этих направлений проблем и конкретных тем, подлежащих разработке в разных формах (коллективные и индивидуальные монографии, теоретические дискуссии, статьи, диссертации, доклады и т. д.) и на различных уровнях (в учреждениях АН СССР, союзных и автономных республик, вузах, архивах, музеях и т. д.). Сформулированные в каждой из программ проблемы и темы раскрывают соответствующее перспективное направление. Являясь ориентиром в исследовательской работе, программы, таким образом, могут способствовать преодолению мелкотемья, стихийности в выборе исследовательских тем. Программы призваны стать своеобразным ориентиром при определении тематики конкретных исследований в масштабах страны, исключая неоправданное дублирование. Программы призваны нацелить многотысячный коллектив советских историков на глубокую и взаимосвязанную проработку актуальных научных направлений в тех масштабах, с той глубиной и детальностью, которые видятся сейчас на перспективу до 2000 года. Именно в этом заключается прежде всего комплексный характер перспективных программ, хотя это, конечно, не исключает и еще одной важной черты комплексности — привлечения к работе над программами представителей других общественных наук.

Перспективные программы — это не только новая форма планирования исследований, своеобразный прогноз развития исторической науки. При их составлении учитывался и уровень развития исторической науки за рубежом, и ее основные направления.

Отделение истории сознает, что, как бы ни были продуманы намеченные в рамках каждой из них проблемы и темы, свою роль ориентира и регулятора исследовательской деятельности перспективные программы могут сыграть только при условии соответствующей организации работы по ним. Разработка и публикация проектов программ — всего лишь первый этап такой работы. Второй связан с широким обсуждением этих проектов научной общественностью. В ходе его от науч-

ных коллективов и отдельных исследователей должны поступить конкретные предложения о возможной тематике, исполнителях, сроках подготовки и «формах выхода» по каждой программе. Разумеется, в ходе обсуждения проблематика предлагаемых программ будет уточнена в соответствии с пожеланиями институтов и отдельных ученых. Все такие пожелания и предложения будут внимательно изучены творческими группами Отделения истории, разрабатывающими перспективные программы. Следующий, третий, этап представляется одним из важнейших. Именно на этом этапе должен быть составлен окончательный план реализации перспективных программ, т. е. составлен конкретный перечень проблем и тем с указанием сроков, а также исполнителей и соисполнителей в лице научных коллективов и отдельных исследователей, который после утверждения Бюро Отделения должен стать нормативным документом для всех учреждений исторического профиля АН СССР, АН союзных республик и ориентиром для учреждений исторического профиля других ведомств.

Перестройка, развернувшаяся в АН СССР, создает хорошие возможности для осуществления перспективных программ. Отделениям АН даны широкие полномочия в части финансирования, материально-технического и кадрового обеспечения исследований, организации временных коллективов (с привлечением специалистов из учреждений других ведомств), перемещения ресурсов на важнейшие направления. Серьезную роль в организации работы по этим программам призван сыграть создаваемый при Отделении истории Совет по координации научной деятельности, который призван объединить представителей академической, вузовской, отраслевой науки. Все это позволит соответствующим образом скорректировать и направить исследовательскую работу советских историков по перспективным программам с использованием новых организационных форм: путем создания временных коллективов, необходимым поощрением и кадровым обеспечением, заключением договоров о творческом сотрудничестве с учреждениями других ведомств и т. д.

Помощь ИНИОН АН СССР, архивных учреждений и библиотек — одно из важнейших условий реализации перспективных программ. Они также могут стать хорошей основой для укрепления творческого сотрудничества архивистов и историков, если по таким программам будет в первую очередь подбираться соответствующая документация, создаваться научно-справочный аппарат и т. д.

Для историка конечным результатом его исследовательских усилий всегда было и остается издание, выход в свет подготовленных трудов. Наличие перспективных программ может в значительной мере упорядочить взаимоотношения историков с издательствами разных рангов и профилей. Вот почему после завершения разработки программ перед Госкомиздатом СССР будет поставлен вопрос о порядке издания трудов, подготовленных в рамках программ, об обеспечении их приоритетного выхода в свет в соответствующих издательствах страны.

Бюро Отделения истории АН СССР

КОМПЛЕКСНАЯ ПРОГРАММА «РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС» *

Важность темы определяется первостепенной ролью, которую играют революции в поступательном ходе развития человечества. «Мировое развитие, — сказано в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС, — подтверждает фундаментальный вывод марксизма-ленинизма о том, что история общества — не сумма

* Подготовлена коллективом историков под руководством акад. И. И. Мипца при участии Н. П. Комоловой (зам. руководителя), И. С. Иванова (ученого секретаря), А. Б. Давидсона, Я. С. Драбкина, Н. П. Калмыкова, Г. С. Кучеренко, В. Л. Малькова, А. Н. Чистозвонова, В. В. Согрина, Е. Б. Черняка. Отклики направлять по адресу: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19 — Отделение истории АН СССР, руководителю программы.

случайных слагаемых, не беспорядочное «броуново движение», а закономерный поступательный процесс. Его противоречия не только выражают приговор старому миру, всему, что мешает двигаться вперед, но и являют собой источник, движущую силу общественного прогресса. Прогресса, который разворачивается в условиях борьбы, неизбежной, пока существуют эксплуатация и эксплуататорские классы. Освободительные революции, начатые Великим Октябрем, определяют облик XX века»¹.

Актуальность данной проблематики возрастает в свете задач, поставленных XXVII съездом КПСС перед советской общественной наукой. «Масштабность и сложность задач по достижению качественно нового состояния социалистического общества, выдвинутых XXVII съездом КПСС,—отмечается в постановлении ЦК КПСС о журнале «Коммунист»,—требуют дальнейшего творческого развития революционной теории на основе всестороннего осмысления великого наследия Маркса, Энгельса, Ленина, изучения новых явлений жизни, опыта социалистических и антиколониальных революций, практики социалистического и коммунистического строительства, борьбы за мир, национальную независимость, демократию и социальный прогресс, обобщения достижений современной науки»².

Составной частью марксистско-ленинской теории является положение о величайшей созидательной силе революции в общественном прогрессе, выраженное в словах К. Маркса, что революции — «локомотивы истории»³. В. И. Ленин называл революционными такие периоды истории, когда веками накопившееся недовольство народа «прорывается наружу... в действиях *миллионных народных масс*»⁴. «Революции,—писал он, это — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса»⁵. На глубоком знании и практическом использовании законов общественного развития основывается деятельность созданной Лениным партии большевиков, которая подняла народные массы на самоотверженную революционную борьбу и привела их к победе Великого Октября.

С победой российского пролетариата было навсегда покончено с вековым господством частной собственности. «Великая Октябрьская социалистическая революция,—говорится в Программе КПСС,—стала переломным событием всемирной истории, определила генеральное направление и основные тенденции мирового развития, положила начало необратимому процессу — смене капитализма новой, коммунистической общественно-экономической формацией»⁶.

В результате разгрома фашизма и победы прогрессивных сил во второй мировой войне, при решающем вкладе Советского Союза в эту историческую победу, возникли благоприятные условия для перерастания антифашистской и национально-освободительной борьбы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а также Азии в народно-демократические, социалистические революции. В результате появился ряд социалистических государств, которые вместе с Советским Союзом образовали мировую систему социализма. Тем самым рабочий класс стал гегемоном общественного развития в широком международном содружестве. «Прогресс нашего времени,—подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев,—справедливо отождествляется с социализмом». Более трети человечества ныне идет по пути «всестороннего раскрытия интеллектуальных и нравственных богатств человека и общества»⁷.

При всех переменах, происшедших в XX в., «основным революционным классом современной эпохи был и остается рабочий класс. В мире капитала он — глав-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М. 1986. с. 7.

² О журнале «Коммунист». Постановление ЦК КПСС.—Коммунист, 1986, № 12, с. 3.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7, с. 86.

⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 12, с. 321.

⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 11, с. 103.

⁶ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. Принята XXVII съездом КПСС. М. 1986, с. 7.

⁷ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 7.

ная сила, борющаяся за свержение эксплуататорского строя и построение нового общества»⁸. Фронт революционных действий международного рабочего класса неизменно расширяется. В него объективно вовлекаются другие группы трудящихся, борьба которых, подтачивая основы империализма, становится мощным фактором социального прогресса. Возрастает роль массовых демократических движений в не-социалистическом мире, национально-освободительной борьбы в странах «третьего мира». За последних 10—15 лет на различных континентах произошли социальные революции, которые вместе с ростом мощи Советского Союза и социалистических стран существенно изменили общую расстановку сил на международной арене. Для них была характерна главная цель — свержение деспотических проимпериалистических режимов, установление народной демократической власти. Революционный процесс в странах Азии, Африки и Латинской Америки переплетался с борьбой за национальное освобождение.

Ход социального прогресса все теснее связывается с антиколониальными революциями, национально-освободительным движением, возрождением ряда государств и возникновением новых. Завоевав политическую независимость, они ведут напряженную борьбу за преодоление отсталости, бедности и нищеты — наследия колониального прошлого.

Актуальность революционной проблематики связана и с обострением идеологической борьбы на международной арене. В потоке публикуемой в капиталистических странах литературы, направленной на извращение всех сторон социализма, основное место занимает фальсификация истории революционного процесса. Причем наряду с привычными попытками принизить роль и место революции во всемирной истории выдвигается ныне и тезис о ее «исторической бесперспективности». Апеллируя в основном к странам «третьего мира», идеологи капитализма призывают их следовать по «мирному» капиталистическому пути, противопоставляя его «разрушительности» революционного развития по пути социализма. При этом тщательно затушевывается тот факт, что у истоков развития капитализма находились буржуазные революции. Английская революция XVII в. открыла путь к превращению Англии в «мастерскую мира», Французская революция XVIII в. — к превращению Франции в великую державу, утверждению капитализма в мировом масштабе, а американские революции XVIII—XIX вв. лежат в основе развития капитализма в США.

Для усиления пропагандистской и контрпропагандистской направленности трудов советских ученых по данной проблематике необходимо аргументированно разоблачать фальсификацию буржуазной историографии. Это также требует комплексного подхода к изучению революционных процессов, показа их тесной взаимосвязи с социальным прогрессом.

За последнее пятилетие в изучении истории революций и мирового революционного процесса сделано немало. Непосредственное воздействие на разработку данной проблематики оказали решения и документы КПСС, считающие углубленное изучение роли революций в развитии общества одним из основных направлений развития общественных наук. Интенсификации исследований способствовала и подготовка к памятным историческим датам: 65-летию Великой Октябрьской социалистической революции и 60-летию образования СССР (1982 г.), 110-й (1980 г.) и 115-й (1985 г.) годовщинам со дня рождения В. И. Ленина, «году Карла Маркса» (1983 г.), а также 100-летию со дня рождения Г. Димитрова (1982 г.), 80-летию возникновения большевизма и создания КПСС (1983 г.), 120-летию основания I Интернационала (1984 г.), 80-летию начала первой русской революции (1985 г.), 50-летию VII конгресса Коминтерна (1985 г.), 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и 40-й годовщине революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и Азии.

В центре внимания советских исследователей находилась революционная борьба российского пролетариата в XIX — начале XX в. и история Великой Октябрьской социалистической революции. Качество исследований по данным темам зна-

⁸ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция, с. 17.

чительно возросло за счет расширения источниковой базы, углубления уровня анализа и обобщений, что характерно для опубликованных в этот период монографий акад. И. И. Минца, чл.-корр. АН СССР Ю. А. Полякова, К. И. Зародова, ряда коллективных трудов.

Продолжалась работа по теоретическому раскрытию роли революций во всемирной истории. Этому была посвящена коллективная монография «Ленинская теория социалистической революции и современность» под редакцией акад. П. Н. Федосеева (М. 1980), содержащая анализ ленинского вклада в изучение закономерностей социалистической революции и их проявления в современном историческом процессе. Высокий уровень теоретических обобщений характерен также для коллективных трудов «Марксизм-ленинизм о диалектике революции и контрреволюции» (М. 1984), «Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени» (М. 1983), «Формации и социально-классовые структуры» (М. 1985).

Большое внимание уделялось изучению Французской буржуазной революции конца XVIII века. Продолжались исследования Английской буржуазной революции и социалистических учений в Англии. Проблемы американской революции рассматривались в ряде работ, изданных Институтом всеобщей истории АН СССР, а также ленинградскими историками.

Целостная картина революционной борьбы пролетариата со времен позднего средневековья до наших дней содержится в обобщающем восьмитомном труде «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории» (отв. ред. акад. Б. И. Пономарев), завершение которого в 1985 г. стало крупным событием в советской исторической науке.

Революционная борьба современности нашла отражение в коллективных трудах «Движущие силы мирового революционного процесса» (отв. ред. В. В. Загладин. М. 1981); «Проблемы мирового революционного процесса» под ред. Ю. А. Красина (вып. 1—5. М. 1981—1985), «Рабочий класс в мировом революционном процессе». 1981—1986 (отв. ред. А. А. Галкин. М. 1981—1986), «Марксизм и проблемы социального прогресса. Вопросы идейной борьбы» (отв. ред. Т. Т. Тимофеев. М. 1986), в монографиях Ю. А. Красина, Е. Г. Плимака, Б. И. Коваля. Продолжалась публикация ежегодника Института общественных наук при ЦК КПСС «Проблемы коммунистического движения». Большое внимание уделялось международной деятельности коммунистических партий и их позициям по различным вопросам международной политики. Тщательно анализировались и теоретически обобщались как исторический опыт, так и современная революционная практика международного коммунистического движения. Опубликованы монографии о коммунистическом движении как в отдельных странах, так и в некоторых регионах. Исследовались различные аспекты и направления деятельности коммунистических партий капиталистических стран.

С изучением коммунистического движения тесно переплеталось исследование истории революционного процесса в новейшее время. Особое внимание было уделено изучению борьбы против фашизма и войны, рассмотрению движения Сопротивления, которое переросло в ряде стран в народно-демократические революции.

Итоги освободительной миссии СССР по второй мировой войне и борьба европейских народов против фашизма были освещены в заключительном XII томе «История второй мировой войны (1939—1945)» (М. 1982). Ряд работ посвящен защите Советским Союзом стран Центральной и Юго-Восточной Европы от экспорта контрреволюции, предпосылкам социалистических революций 40-х годов в этом регионе, содержанию и формам народно-демократических революций, а также глубоким социально-экономическим преобразованиям в этих странах.

Глубоко и всесторонне исследовались проблемы, связанные с возросшей ролью современного рабочего класса в социальном прогрессе. Основные аспекты развития и положения рабочего класса в странах капитала рассматривались в широком плане в монографии чл.-корр. АН СССР Т. Т. Тимофеева «Империализм и пролетариат» (М. 1985), вышедшей в серии работ, выпускаемых Институтом международного ра-

бочего движения АН СССР, под общим названием «Рабочий класс в XX веке: история и современность».

В трудах советских историков нашло отражение своеобразие развития революционного процесса в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Изучение проблем, связанных с антиколониальным, национально-освободительным и революционным движением, стало одним из основных направлений работы советских ученых в 80-е годы.

Однако в плане теоретико-методологическом проблема революции как важнейшего фактора социального прогресса комплексно не изучается, нет работ по сравнительно-историческому исследованию революций. Настоятельно требуется концентрация и координация деятельности специалистов данной области исторического знания, работающих в научных учреждениях и учебных заведениях страны. Решению этих задач должна содействовать комплексная программа «Революции и социальный прогресс».

В начале 1986 г., после обсуждения в рабочей группе по подготовке комплексной программы «Революции и социальный прогресс», ее план-проспект был разослан 12 головным научно-исследовательским институтам АН СССР, разрабатывающим данную проблематику, 17 научно-исследовательским институтам академий наук союзных республик, 27 крупнейшим университетам и педагогическим вузам страны.

От большинства из них были получены отзывы, в которых план-проспект в целом одобряется и содержится перечень тем и конкретных исполнителей, желающих принять участие в разработке данной проблематики. Наибольший интерес проявлен к намеченным для реализации в 80—90-х годах коллективным монографиям «Революции и социальный прогресс». «Экспорт контрреволюции — тормоз социального прогресса», а также планируемым для разработки темам «Теоретические проблемы современного мирового революционного процесса в документах XXVII съезда КПСС», «Ленинская теория социалистической революции и построения социализма», «Февральская революция 1917 г. в России — предвестник новой эпохи», «Социальные аспекты научно-технической революции в условиях существования двух мировых систем», «Массовые демократические движения как фактор борьбы за социальный прогресс» и др.

По отдельным разделам и пунктам плана-проспекта были внесены дополнения и коррективы, которые были учтены в окончательной редакции программы. Большинство тем, предложенных научными учреждениями для разработки, станет составными частями изложенных в программе широких направлений исследований. Так, намеченная в Институте всеобщей истории серия исследований по проблеме «Классовая борьба и самосознание пролетариата в период общего кризиса капитализма» входит в направление «Обострение общего кризиса капитализма и его проявления»; предложенные Калининским университетом темы «История российской революционной эмиграции» и «История непролетарских партий в России» войдут в направления «Русская революция 1905—1907 гг. — первая народная революция эпохи империализма» и «Февральская революция 1917 г. в России — предвестник новой эпохи». Темы Куйбышевского университета «Экономические, социальные и политические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье», Киевского университета «Великий Октябрь и российское офицерство», Калининского университета «Великая Октябрьская социалистическая революция и внутренняя контрреволюция», Института истории АН Таджикской ССР «История борьбы с басмачеством в Средней Азии» станут составными частями направления «Великий Октябрь и защита его завоеваний»; тема Одесского университета «Историческая преемственность революционных традиций Великого Октября» войдет в направление «Великий Октябрь и исторический прогресс»; Львовского университета «Историография рабочего класса Украины периода империализма» — в направление «Империализм и сдвиги в рабочем классе»; Института государства и права АН СССР «Слом старого и становление нового государственного аппарата в ходе национально-демократической революции, антиимпериалистической и антифеодальной революций и государство, переходное к социалистическому типу» — в направления «Ленинизм о проблемах перерастания буржуазно-демократической

революции в социалистическую» и «Проблемы национально-освободительного и антиколониального движения в послевоенный период» и т. п. Интересные и перспективные темы, названия коллективных трудов и индивидуальных монографий, запланированных на нынешнюю пятилетку, были предложены также Ленинградским пединститутом им. А. И. Герцена, Институтами Латинской Америки и Дальнего Востока АН СССР и другими научно-исследовательскими институтами и вузами страны.

В отзывах научных учреждений содержатся также ценные замечания, которые будут учтены в последующей работе. Например, по направлению «Революции 20-х годов в Азии» Институт Дальнего Востока считает нецелесообразной разработку данной тематики в приложении к истории Китая, т. к. в 11-й пятилетке по ней уже были опубликованы две коллективные и одна индивидуальная монографии.

В июне 1986 г. проект программы обсуждался на заседании Бюро Отделения истории АН СССР и в целом был одобрен. Институтам Отделения было рекомендовано включить в свои планы следующие темы коллективных монографий: «Революции и социальный прогресс», «Экспорт контрреволюции — тормоз социального прогресса», «Октябрьская революция и советское общество», «Великий Октябрь и социальный прогресс», «Октябрьская революция в буржуазной историографии», а также серию комплексных сравнительно-исторических работ по типологии, методологии и историографии социальных революций. Рекомендовалось также провести в 1987 г. совещание специалистов по комплексной программе с целью координации исследований по теме «Революции и социальный прогресс». Было принято решение создать на базе институтов Отделения систему подготовки квалифицированных кадров по теоретическим и методологическим проблемам истории революций.

Высказанные в ходе обсуждения замечания и предложения были учтены в предлагаемых ниже основных направлениях и темах научных исследований в рамках комплексной программы «Революции и социальный прогресс». Их публикация должна послужить расширению плодотворной дискуссии по данному важному направлению советской исторической науки.

Основные направления исследований, предлагаемые данной комплексной программой, сосредоточены в шести разделах.

I. Теоретические и методологические проблемы:

- Марксизм-ленинизм как обобщение революционного опыта и теория революционного процесса, обращенная в будущее.
- Типология социальных революций.
- О роли насилия в истории.
- Роль революций в смене общественно-экономических формаций.
- Революция и реформа.
- Революция и эволюция.
- Соотношение объективного и субъективного факторов в революциях.
- Взаимосвязь внутренних и международных аспектов в революционном процессе.
- Сравнительно-исторический анализ однотипных социальных революций.
- Экспорт контрреволюции — тормоз социального прогресса.
- Критический анализ буржуазных, мелкобуржуазных и левацких концепций роли революций в развитии мировой цивилизации.

II. Буржуазные революции и их роль в становлении и развитии капитализма:

- Марксистско-ленинская концепция буржуазных революций и их роли в мировой истории.
- Влияние буржуазных революций на исторический процесс.
- Типология буржуазных революций. Революции демократические и «верхущечные».
- Критика буржуазной историографии по вопросам методологии и истории буржуазных революций.
- Мануфактурный период развития капитализма и созревание предпосылок ранних буржуазных революций.
- Регионально-стадиальные характеристики Крестьянской войны в Германии.

Революция XVI в. в Нидерландах, Английская революция XVII века. Национально-освободительная война в Северной Америке.

— Великая Французская революция и ее влияние на всемирную историю в XIX веке. Историография Французской буржуазной революции.

— Промышленный переворот, развитие капитализма в Европе и Америке и их соотношение с социальными революциями.

— Европейские революции 1848—1849 годов.

— Революции «снизу», революции «сверху», реформы в 60-е годы XIX века (Италия, Германия, Россия).

— Гражданская война в США.

— «Мейдзи» в Японии.

— Диахронные циклы буржуазных революций: французский, иберийский, итальянский.

— Выход на политическую арену рабочего класса. Парижская Коммуна.

III. Социальные революции начала XX века:

— Империализм и сдвиги в рабочем классе.

— Ленинизм о гегемонии пролетариата и проблемах перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

— Русская революция 1905—1907 гг. — первая народная революция эпохи империализма.

— Пробуждение Азии: Иран, Турция, Китай.

— Мексиканская Революция.

— Февральская революция 1917 г. в России — предвестник новой эпохи.

IV. Великая Октябрьская социалистическая революция — начало новой эры в истории человечества:

— Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции.

— Ленинская теория социалистической революции и построения социализма.

— Великий Октябрь и исторический прогресс.

— Основные социально-экономические и политические преобразования Великого Октября. Пролетарская власть и самодеятельность масс.

— Октябрьская революция и становление советского общества. Индустриализация, коллективизация, культурная революция.

— Великий Октябрь и защита его завоеваний.

— Международное влияние Октября. Сочетание национальных и интернациональных задач.

— Первая волна европейской революции: Финляндия, Германия, Австрия, Венгрия.

— Формирование мирового коммунистического движения как фактора революционного процесса.

— Революции 20-х годов в Азии.

— Критика буржуазной историографии Октябрьской революции.

V. Борьба против фашизма и социальная перспектива. Революции 40-х годов в странах Европы и Азии:

— Национально-революционная война в Испании — зародыш революции нового типа.

— Разгром фашизма в итоге второй мировой войны как фактор мирового революционного процесса.

— Движение Сопротивления в Европе в 1939—1945 гг.

— Общие закономерности и национальные особенности народно-демократических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

— Народно-демократические революции в Азии. Общее и специфическое.

VI. Революционный процесс современности:

— Теоретические проблемы современного мирового революционного процесса в документах XXVII съезда КПСС.

— Социальные аспекты научно-технической революции в условиях существования двух общественных систем.

— Историческая миссия социализма и глобальные проблемы.

— Обострение общего кризиса капитализма и его проявления: в развитых капиталистических странах, в развивающихся странах.

— Проблемы национально-освободительного и антиколониального движения в послевоенный период. Национально-демократические революции: проблемы их развития.

— Революции в Азии в послевоенный период.

— Особенности революционного процесса в Африке.

— Революция и социалистические преобразования на Кубе.

— Революция и контрреволюция в Латинской Америке.

— Крушение военно-фашистских режимов в 70—80-е годы как фактор углубления демократического процесса.

— Массовые демократические движения и борьба за социальный прогресс.

— Революционный процесс современности и антивоенное движение.

— Критика буржуазных, ревизионистских и левацких концепций революций XX века.

С целью углубленной разработки данной проблематики предлагаются следующие темы десяти коллективных монографий:

— «Революции и социальный прогресс» в 2-х тт. (Сроки исполнения 1988—1996 гг.).

— Серия комплексных сравнительно-исторических работ по типологии, методологии и историографии социальных революций (1991—2000 гг.).

— «Экспорт контрреволюции — тормоз социального прогресса» (1986—1996 гг.).

— «Октябрьская революция и советское общество» (1986—1990 гг.).

— «Октябрьская революция в буржуазной историографии» (завершение в 1987 г.).

— «Методологические проблемы истории буржуазных революций и новейшая буржуазная историография» (завершение в 1987 г.).

— «Введение в историографию Нидерландской революции XVI века» (1986—1988 гг.).

— «Историографические проблемы Английской буржуазной революции (к 350-летию)» (1987—1991 гг.).

— «Актуальные проблемы Великой французской революции XVIII века» (завершение в 1991 г.).

— «Национально-демократические революции: проблемы их развития и перерастания в народно-демократические» (завершение в 1987 г.).

Наряду с этими трудами, носящими обобщающий характер, намечена реализация исследований, которые могут быть сведены в одну общую рубрику «Великая Октябрьская социалистическая революция — начало новой эры в истории человечества»:

— «Великий Октябрь и защита его завоеваний» (завершение в 1987 г.).

— «Великий Октябрь и формирование системы управления Советским государством» (завершение в 1989 г.).

— «Основные социально-экономические преобразования Великого Октября». Серия исследований о национализации промышленности, решении аграрного и национального вопросов (завершение в 1988 г.).

— «Великий Октябрь и социальный прогресс» (1986—1987 гг.).

— «Октябрьская революция в России и страны Центральной и Юго-Восточной Европы» (1986—1987 гг.).

— «Октябрьская революция в буржуазной историографии». Сборник статей (завершение в 1987 г.).

— «Движение Сопротивления в Европе. 1939—1945 гг. (завершение в 1987 г.).

Третью группу исследований составляют работы, посвященные революционному процессу современности:

- «Классовая борьба и самосознание пролетариата в период общего кризиса капитализма». Серия историко-социологических исследований (1987—1990 гг.).
- «Массовые демократические движения и социальная перспектива» (завершение в 1987 г.).
- «Латинская Америка в новейшее время». Коллективная монография в 3-х томах.
- «Интернациональный фактор в идеологии национально-освободительного движения» (завершение в 1987 г.).
- «Проблемы переходного периода в странах Центральной Америки и Карибского бассейна» (завершение в 1987 г.).
- «Марксизм-ленинизм и революционно-освободительные процессы в Латинской Америке» (завершение в 1988 г.).
- «Никарагуа: 10 лет революции» (завершение в 1988 г.).
- «Проблемы экспорта контрреволюции. Чехословацкий «антифевраль» (1968 г.)» (1986—1990 гг.).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

НОВОЕ О ПРЕБЫВАНИИ А. И. УЛЬЯНОВОЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Г. В. Павленко

Заграничный период жизни и деятельности Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой не был еще предметом специального исследования в советской исторической науке. Даже в книге Е. Я. Драбкиной (одной из немногих в нашей литературе биографических работ об А. И. Ульяновой-Елизаровой) данной теме уделено немногим больше страницы¹. В других работах — и того меньше². В Советской исторической энциклопедии (т. 5) констатируется, что Анна Ильинична «в 1900—1902 гг. в Берлине и Париже, а затем в Томске и других городах провела большую работу по содействию «Искре». Эта же мысль подчеркивается в статье, вышедшей к 100-летию со дня рождения старшей сестры Ленина: «Два года она провела в Париже и Берлине, тесно примыкая к местным социал-демократическим группам. Здесь она часто навещала находившегося в эмиграции В. И. Ленина, выполняла его поручения, принимала деятельное участие в создании «Искры»³.

Действительно, Анна Ильинична находилась за границей два года (не считая кратковременного пребывания в 1897 г.): в 1900—1902 гг., т. е. тогда, когда ее брат непосредственно занимался созданием общерусской газеты «Искра», организацией партии нового типа. Анна Ильинична принимала в этой работе активное участие⁴, и именно с этой точки зрения заграничный период ее жизни и деятельности заслуживает внимания.

Впервые Анна Ильинична отправилась за границу 16 мая 1897 г. (даты даются по новому стилю). По поручению Владимира Ильича, находившегося тогда в сибирской ссылке, она побывала в Швейцарии и восстановила прерванные арестом брата и других членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» связи с заграничной революционной эмиграцией. Позже, в автобиографии, Анна Ильинична писала: «Летом 1897 г. была за границей, где завязала сношения с группой «Освобождение труда» (Илехановым, Засулич, Аксельродом) и с группой «Рабочее дело». Корреспондировала им потом из России»⁵. По дороге из Швейцарии в Россию Анна Ильинична остановилась в Берлине и жила там с 24 сентября по 12 октября 1897 г. на Сальвинштрассе, 7, у фрау Штернке⁶. Видимо, это было связано с необ-

¹ Драбкина Е. А. И. Ульянова-Елизарова. В кн.: Семья Ульяновых. М. 1984, с. 166—167.

² Посвянский П. А. И. Ульянова-Елизарова. В кн.: Славные большевички. М. 1958; Пинчук Л. Старшая сестра. В кн.: Женщины русской революции. М. 1968; Балика Д. А. А. И. Ульянова-Елизарова. В кн.: Славные наши землячки. Горький. 1968; Полякова Р. С. Сестры Ильича. Саратов. 1972, с. 42; Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И. Ленин в Мюнхене. М. 1976, с. 49—50; и др.

³ Полякова Э. И., Массальская А. С. Анна Ильинична Елизарова-Ульянова. — Вопросы истории КПСС, 1964, № 8, с. 87.

⁴ «В 1900—1902 гг. жила за границей, участвовала в организации «Искры», — отмечала Ульянова-Елизарова в автобиографии (Красный архив, 1935, т. 6(73), с. 17).

⁵ Там же.

⁶ Staatsarchiv in Potsdam. Acta des Königlichen Polizei-Präsidii zu Berlin, № 12556/8, Bl. 153. Материалы русской охраны, опубликованные в «Красном архиве» (1935, т. 6(73), с. 7—8) и используемые в этом очерке, ошибочно называют датой возвращения Ульяновой-Елизаровой в Россию 17 сентября 1897 года.

ходимостью установить разорванные контакты российских революционеров с немецкими социал-демократами и российской революционной эмиграцией в Берлине и наладить транспортировку революционной литературы из-за границы в Россию.

Возвратившись домой, Анна Ильинична первым делом сообщила Владимиру Ильичу «химией» в Шушенское о своих переговорах в Швейцарии с руководителями группы «Освобождение труда» Г. В. Плехановым и П. Б. Аксельродом и передала их письмо. Владимир Ильич ответил сестре тем же способом. Одобрительный отзыв «стариков», т. е. Плеханова и Аксельрода, писал Ленин, для него ценнее всего, что он мог бы себе представить⁷. «Я очень и очень рад,— сообщал он Аксельроду,— что мне удалось-таки получить от Вас письмо... и вести о Вас и о Г. В. Вагн и его отзывы о моих литературных попытках (для рабочих) меня чрезвычайно ободрили»⁸. И сразу же договаривается о способах связи. Комментируя эти письма брата, Ульянова-Елизарова позже писала: «В них видно, хотя и завуалированное псевдонимами,— иначе и быть не могло,— его отношение к членам группы «Освобождение труда», к Плеханову и Аксельроду, полная солидарность и глубокое уважение к ним, его сношения с ними как письмами, так и через мои переговоры по его поручению во время заграничной поездки 1897 года»⁹.

Созданный осенью 1898 г. при энергичном участии Анны Ильиничны Московский комитет РСДРП — первый комитет Российской социал-демократической рабочей партии в России — во многом благодаря усилиям старшей сестры Ленина устанавливает регулярные связи не только с группой «Освобождение труда» в Швейцарии, но и с русскими социал-демократами, находившимися в Берлине, с марксистскими организациями других городов России. Московское охранное отделение, внимательно следившее за каждым шагом революционерки, в своем донесении от 8 мая 1899 г. сообщает об Анне Ильиничне: «Входила в состав Московского комитета РСДРП. Пользуясь своими связями за границей, оказывала существенную услугу делу транспортирования из-за границы нелегальной литературы, а также информировала заграничных деятелей о выдающихся фактах рабочего движения в России. Имея обширные связи в революционной среде, оказывала поддержку не только тайным организациям, действующим в столицах, но и группам, работающим в других городах, преимущественно юго-западных»¹⁰.

С того времени за Анной Ильиничной устанавливается постоянный негласный надзор жандармов, охранки и полиции. 3 сентября 1899 г. в секретном донесении Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве об Ульяновой-Елизаровой говорилось: «Ведет постоянные сношения с заграничными деятелями»¹¹. 4 октября 1899 г. охранка сообщала: «Отправила в Берлин в адрес госпожи Шток, сестры известного немецкого социал-демократа Граднауэра, редактора «Vorwärts», рукопись рассказа «Искорки» с припиской: «Посылаю эту рукопись для того или другого издания по усмотрению»¹². О каких изданиях идет речь, установить не удалось, но данный документ еще одно свидетельство того, что пребывание Ульяновой-Елизаровой в Берлине в 1897 г. было не напрасным: связь между революционерами России и Германии была налажена и продолжала действовать.

Все годы пребывания Ленина в сибирской ссылке Анна Ильинична снабжала его необходимой литературой и оказывала помощь в издании его работ, а также была основным информатором брата о революционных событиях в России и за рубежом. Главным образом через нее осуществлялась его связь с внешним миром. У старшей сестры остановился Ленин после окончания ссылки и приезда в Москву¹³. Анна Ильинична сопровождала его вместе с матерью Марией Александровной в июне 1900 г. в Уфу, где находилась тогда Н. К. Крупская. Плыли пароходом сначала по Волге, затем по Каме и, наконец, по Белой. Анна Ильинична была пер-

⁷ Семья Ульяновых, с. 163—164.

⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 12.

⁹ Там же. Т. 55, с. XXXVII.

¹⁰ Красный архив, 1935, т. 6(73), с. 9.

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 10.

¹³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника (далее — В. И. Ленин. Биохроника). Т. 1, с. 244.

вой, с кем Владимир Ильич поделился своими планами. Позже она вспоминала: «Помню наши с ним подолгу в ночь затягивавшиеся беседы на пустынной верхней палубе маленького парохода, двигавшегося по Каме и по Белой... Владимир Ильич подробно, с увлечением развивал мне свой план общерусской газеты, долженствовавшей сыграть роль лесов для построения партии... Говорили мы с ним... обо всех жгучих в то время вопросах»¹⁴.

29 июля 1900 г. Ленин выехал за границу. «Недели через две после него,— вспоминала Анна Ильинична,— выехала туда же и я»¹⁵. После трудных переговоров с членами группы «Освобождение труда» в Швейцарии Ленин 28 августа 1900 г. оставляет Женеву и отправляется в Нюрнберг, чтобы согласовать некоторые практические вопросы издания газеты «Искра» и журнала «Заря» с немецкими социал-демократами. Там он 30 августа встретился с Анной Ильиничной, рассказавшей ей о переговорах с Плехановым, другими членами группы «Освобождение труда»¹⁶. 31 августа в письме матери в Подольск Владимир Ильич упоминает об этой встрече: «Видел на днях Анюту, катался с ней по одному очень красивому озеру и наслаждался прелестными видами при хорошей погоде»¹⁷. 6 сентября 1900 г. Владимир Ильич выезжает в Мюнхен, где решено было обосновать редакцию «Искры» и «Зари», а 19 сентября сообщает матери: «От Анюты имел вчера письмо и надеюсь на днях увидаться с ней — мы разгуливаем с ней презрительно»¹⁸. Очевидно, слово «разгуливаем» следует понимать тут как «разъезжаем». Постоянные поездки были связаны с необходимостью сплотить вокруг «Искры» и «Зари» российских социал-демократов, находившихся за границей. С этой целью были созданы группы содействия в Лейпциге, Берлине, Париже, Лондоне, Женеве и других западноевропейских городах. Анна Ильинична и здесь выполняет роль связной между Владимиром Ильичем и этими группами.

Работы было так много, что Анна Ильинична решила отказаться от возвращения домой к рождеству 1901 г., как планировалось ранее. 14 декабря 1900 г. Ленин сообщает об этом матери¹⁹. А в письме от 26 декабря Владимир Ильич замечает: «Мы с Аней думали было тоже съехаться, но не удалось»²⁰. Анна Ильинична с осени 1900 г. находилась в Париже²¹ и принимала самое активное участие в работе местной группы содействия «Искре». «С Анютой переписываюсь,— сообщает Владимир Ильич матери 27 января 1901 г.,— и надеюсь вскоре увидаться»²². 9 февраля Владимир Ильич пишет матери, что отъезд Анны Ильиничны в Россию еще раз откладывается: «Анюта писала недавно, что работа задерживает ее еще на некоторое время»²³. 27 февраля снова: «Аня, кажется, несколько отложила свой отъезд»²⁴.

Тем временем в № 2 «Искры» публикуется рассказ Анны Ильиничны «Искорки», который, как уже говорилось, еще осенью 1899 г. был отправлен ею в Берлин. То был очерк положения рабочего класса и его борьбы за свои права. Используя аллегорическую форму, автор, по существу, призывает всех людей труда объединиться и повести целенаправленную борьбу с самодержавием²⁵. Где-то в марте

¹⁴ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М. 1984, с. 65.

¹⁵ Там же, с. 64–65.

¹⁶ В. И. Ленин. Биохроника. Т. 1, с. 263.

¹⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 189.

¹⁸ Там же, с. 191.

¹⁹ Там же, с. 196.

²⁰ Там же, с. 197.

²¹ Первое письмо Анны Ильиничны из Парижа, перлюстрированное полицией, было датировано 10 ноября 1900 г. (Красный архив, 1935, т. 6(73), с. 10–11). 6 декабря 1900 г. Владимир Ильич пишет матери: «Вчера имел письмо от Анюты. Она пишет, что не знает еще, как долго пробудет в Париже» (Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 195). Е. Я. Драбкина отмечает, что «с 24 сентября по 12 октября 1901 г. Анна Ильинична проживала в Берлине, откуда выехала в Прагу» (Семья Ульяновых, с. 186).

²² Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 201.

²³ Там же, с. 202.

²⁴ Там же, с. 205.

²⁵ Рассказ «Искорки» был перепечатан к 100-летию со дня рождения Ульяновой-Елизаровой «Ульяновской правдой» (13.VIII.1964).

1901 г. Анна Ильинична приезжает из Парижа в Мюнхен и остается здесь до прибытия Крупской. Она стремится всячески облегчить трудную и напряженную жизнь Владимира Ильича, выполняет различные его поручения, посещает Баварскую государственную библиотеку²⁶. Из письма Анны Ильиничны Оресту Говорухину от 11 апреля, перлюстрированного полицией, видно, что Анну Ильиничну по-прежнему волнуют события 1 марта 1887 г., стоившие ее брату Александру жизни²⁷. Гибель А. И. Ульянова, с которым ее связывала глубокая и искренняя дружба, навсегда оставила в ее сердце неизгладимый след и неутраченную боль. «Что б я не делала,— писала Анна Ильинична 16 октября 1887 г. о казненном брате своей приятельнице Н. А. Дьяконовой,— я все думаю об одном, я часто вижу его во сне и во сне, мне кажется, живу больше, чем наяву. Я ненавижу так, что иногда мне кажется, будто я никого уже не люблю»²⁸. Во все время своей заграничной жизни она не разлучалась с фотографией Александра. И она же стала его первым биографом²⁹. А вечерами, после напряженного трудового дня, как вспоминала Анна Ильинична, она бродила вместе с Владимиром Ильичем по улицам города, и тот посвящал ее в свои планы работы над книгой «Что делать?»³⁰.

Не позднее 14 апреля 1901 г. в Мюнхен к Владимиру Ильичу по завершении уфимской ссылки приезжает Крупская³¹ и к большой своей радости встречается здесь с Ульяновой-Елизаровой. После долгих мытарств, вспоминает она, наконец удалось добраться до Мюнхена и найти Ильича: «Отворяется дверь, сидят за столом: Владимир Ильич, Мартов и Анна Ильинична»³². После приезда Крупской Анна Ильинична еще некоторое время жила в Мюнхене, а затем переехала в Берлин и 2 мая 1901 г. поселилась на Килерштрассе, 3, у фрау Гебауэр³³. Видимо, с целью конспирации она заявила в полицейском участке, что приехала «из Праги»³⁴. Владимир Ильич сообщил матери 19 мая: Анюта «уже уехала в Берлин. Там ей хотелось позаняться в библиотеках. Надеюсь, это гораздо удобнее ей будет в Берлине, чем здесь, ибо в Праге библиотеки не очень-то казисты»³⁵. Здесь Ленин в целях конспирации также заменил Мюнхен на Прагу.

В Берлине Анна Ильинична действительно усердно посещает библиотеки, а заодно и активно сотрудничает в берлинской группе содействия «Искре». Руководителем этой группы был М. Г. Вечеслов. Она располагала нелегальной библиотечкой и складом подпольной литературы. Главная задача, стоявшая перед группой, заключалась в сборе средств и поисках надежных путей транспортировки «Искры» и других революционных изданий в пределы России. Еще до переезда Анны Ильиничны в Берлин Ленин в письме Вечеслову от 22 апреля 1901 г., написанном совместно с Крупской, советовал берлинской группе усилить работу по сбору средств на перевозку литературы³⁶. В первой половине июня Вечеслов специально приезжал в Мюнхен, чтобы обсудить с Лениным и Крупской вопросы, связанные с изданием и транспортировкой «Искры». В курсе всех дел была и

²⁶ Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова Н. И. Ук. соч., с. 50.

²⁷ Красный архив, 1935, т. 6(73), с. 11.

²⁸ Письма старшей сестры В. И. Ленина — Анны Ильиничны Ульяновой (Елизаровой-Ульяновой) — Надежде Александровне Дьяконовой. — Наука и жизнь, 1987, № 1, с. 12.

²⁹ Александр Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Сб., составленный А. И. Ульяновой-Елизаровой. М.—Л. 1927.

³⁰ Пролетарская революция, 1924, № 7, с. 257.

³¹ В. И. Ленин. Биохроника. Т. 1, с. 304.

³² Крупская Н. К. О Владимире Ильиче. Из воспоминаний. М. 1970, с. 58.

³³ Staatsarchiv in Potsdam, № 12556/8, Bl. 153.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 207.

³⁶ «Посылаем 100 марок взаймы берлинской группе.—говорилось в этом письме.—Желательно, чтобы деньги на переправку чемоданов собирались на месте и с «Искры» был бы снят этот расход. Доставайте на это денег всеми средствами, ибо наша касса очень стеснена» (Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 96; Биохроника. Т. 1, с. 306). М. Г. Вечеслов (Юрьев) (1860–1934) — социал-демократ, по профессии врач. После II съезда РСДРП — меньшевик, в 1918 г. вступил в РКП(б). Работал в коллегии Наркомздрава, комиссаром Центрального санитарного совета на фронтах, врачом Общества старых большевиков.

Ульянова-Елизарова. В конце июня она сообщала Владимиру Ильичу о посылке ему денег, просила написать о его взаимоотношениях с Плехановым и Аксельродом, а также указать города, куда ей лучше поехать по вопросам, связанным с изданием «Искры»³⁷.

Несмотря на конспирацию, активная деятельность берлинской группы не осталась незамеченной царской охранкой. В «Обзоре важнейших дознаний» за 1901 г. по этому поводу говорилось: «Центр партии «Искры» находится в Берлине, где ее сторонники представляют довольно большой кружок, имеют свою нелегальную библиотеку и склад подпольной литературы, переправляемой при всяком удобном случае в Россию. Во главе берлинского кружка «искровцев» стоят эмигранты: Михаил Вечеслов, Анна Елизарова, Петр Смидович, он же Червинский. К этому кружку примыкает группа «Сибирских социал-демократов», весьма немногочисленная по своему составу, но имеющая свою кассу»³⁸.

17 июля Владимир Ильич информирует мать: «Анюта писала мне на днях, что подумывает перебраться на лоно природы: это было бы недурно»³⁹. Действительно, 29 июня 1901 г. Анна Ильинична оставляет Берлин и заявляет в полицейском участке, а также своей хозяйке, что отправляется отдыхать на о. Рюген. Однако в действительности путь ее лежит не на север, а на юг, в Швейцарию. 2 августа Надежда Константиновна пишет М. А. Ульяновой: «Через недельку мы с Володией собираемся съездить ненадолго в Швейцарию к Анюте. Я очень рада, что Анюта поехала не на Рюген, как собиралась раньше, а на Тунское озеро»⁴⁰. 3 августа Владимир Ильич тоже пишет матери: «От Анюты жду на днях письма из ее нового местопребывания»⁴¹. К 6 сентября новый адрес Анны Ильиничны был уже известен и в России. В этот день Д. И. Ульянов посылает сестре письмо по адресу: Schweiz. Spiez am Thunersee⁴².

Поездка Владимира Ильича и Надежды Константиновны в Швейцарию для встречи с Анной Ильиничной не состоялась. Можно, однако, предположить со значительной долей достоверности, что по дороге в Швейцарию Анна Ильинична в июле 1901 г. останавливалась в Мюнхене. Косвенное свидетельство тому есть у Крупской: «Помню,—вспоминала Надежда Константиновна,—в первый год нашей эмигрантской жизни в Мюнхене мы взяли однажды на прогулку Мартова и Анну Ильиничну, чтобы показать им наше любимое место — дикий берег Изара, куда нужно было продираться через какие-то кусты. Они через полчаса у нас так изустали и разворчались, что мы поторопились переправить их на лодке в культурную часть города и уж без них пошли на «наше» место»⁴³.

Это произошло, как писала Надежда Константиновна, в Мюнхене в первый год их эмигрантской жизни. В апреле, когда Надежда Константиновна приехала в Мюнхен, и там же некоторое время была Анна Ильинична, такая прогулка не могла произойти. Ведь нужно было время, чтобы у Владимира Ильича и Надежды Константиновны появилось в Мюнхене «любимое место — дикий берег Изара». Остается предположить, что эпизод, о котором пишет Крупская, относится к июлю 1901 г., т. е. с августа до конца декабря того же года Анна Ильинична находилась в Швейцарии.

Только 23 декабря Анна Ильинична возвращается из Швейцарии в Берлин и снимает комнату на Шарнхорстштрассе, 34а, 111-й подъезд, у фрау Д. Тайтге⁴⁴. Приехала из Швейцарии, но в полицейском участке заявила в целях конспирации, что возвратилась «из Генуи». В тот же день она отправляет в Самару письмо М. И. Ульяновой: «Пишу из Берлина. Только ныне устроилась я, наконец, и ком-

³⁷ В. И. Ленин. Биохроника. Т. 1, с. 320—321.

³⁸ Архивные документы к биографии В. И. Ленина (1887—1914).— Красный архив, 1934, т. 1(62), с. 141.

³⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 212.

⁴⁰ Там же, с. 434.

⁴¹ Там же, с. 213.

⁴² Ульянов Д. И. Очерки разных лет. Воспоминания, переписка, статьи. М. 1984, с. 221.

⁴³ Крупская Н. К. Ук. соч., с. 433.

⁴⁴ Staatsarchiv in Potsdam, № 12556/8, Bl. 153.

ната мне очень нравится. Вот мой адрес»⁴⁵. И называет приведенный выше. 28 декабря на этот адрес шлет Анне Ильиничне новогодние поздравления Дмитрий Ильич⁴⁶.

Однако долго прожить на новом месте не удалось⁴⁷. Хозяйка Анны Ильиничны Тайтге заявила в полицейский участок, что ее новая квартирантка представляется ей «подозрительной относительно ее политического направления», и принесла с собой различные газеты и журналы, в том числе «Vorwärts» и другие, носящие «враждебный по отношению к государству характер». Далее Тайтге сообщила, что ее квартирантка просиживает в своей комнате «ночи напролет за письменной работой, пишет очень много писем за границу, в том числе в Данию, Россию, Францию, и получает ежедневно так же много писем из-за границы». Очень много писем большого формата приходят при этом на имя Тайтге, однако внутри первого конверта находится второй, на котором значится фамилия Елизаровой. Кроме того, письма и почтовые открытки приходят и на другие фамилии, например Blank (девичья фамилия матери Анны Ильиничны). В таком случае она получает их на почте лично.

Ранее, когда Анна Ильинична жила в Берлине у фрау Гебауэр, она показалась последней тоже «подозрительной». «Регулярно в 12 часов дня она оставляет жилище и отправляется в город». Кроме того, «у нее бывают также многие господа и дамы, главным образом иностранцы». 7-е отделение берлинского полицей-президиума завело «дело» на Ульянову-Елизарову. Были составлены «приметы» (Signalement) «неблагонадежной». Вот они: 1. Фамилия — будто бы Елизарова. 2. Имя — якобы Анна. 3. Место рождения — Нижний Новгород. 4. Место проживания — Берлин. 5. Религия — греко-католическая. 6. Возраст — родилась 13.8.1864 г. 7. Рост — 1 м. 58 см. 8. Волосы — темные (зачеркнуто и вновь дописано) — черные. 9. Лоб — прочерк. 10. Брови — черные. 11. Глаза — темные. 12. Нос — обыкновенный. 13. Рот — большой. 14. Борода — прочерк. 15. Зубы — ? 16. Подбородок — широкий. 17. Овал лица — широкий. 18. Цвет лица — серый. 19. Фигура — тонкая. 20. Языки — русский, немецкий. 21. Особые приметы — танцующая походка.

Полицейские Кюн и Хаберман получили задание внимательнейшим образом следить «за политической жизнью» поднадзорной. Прежде всего они выяснили все адреса, по которым проживала Анна Ильинична в Берлине, начиная с 1897 г., побеседовали с ее домохозяйками. Уже на полях заявления Тайтге 14 января 1902 г. были тщательно воспроизведены эти адреса и сделано заключение: «Ничего особенного до сих пор о госпоже Елизаровой тут неизвестно»⁴⁸. Конспирация, которую постоянно соблюдала Ульянова-Елизарова, оказалась ненапрасной.

15 января 1902 г., «после ссоры со своей хозяйкой квартиры», как говорилось в полицейском донесении, Анна Ильинична переехала на новую квартиру и поселилась на Филиппштрассе, 13^a, у фрау Кренцке⁴⁹. Ссора с Тайтге и переезд на новую квартиру, естественно, были вызваны тем, что Анна Ильинична поняла, что хозяйка донесла на нее полиции. Однако слежка за Ульяновой-Елизаровой продолжалась и на новой квартире.

25 января 1902 г. Кюн и Хаберман сообщали в 7-е отделение берлинского полицей-президиума: «Свое нынешнее пребывание здесь она использует для учебы. Она допущена для занятий в университете в качестве слушательницы лекций по философии. 18-го и 22-го числа этого месяца, в послеобеденное время, с трех-четырех часов, она посетила лекции профессора Зимеля на тему: «Этика и социальная философия». Кроме того, она очень много занимается в своей комнате письменной работой, в том числе переводит с немецкого на русский язык книгу Бернштейна

⁴⁵ Красный архив, 1935, т. 6(73), с. 11. Письмо было перлюстрировано полицией, но чиновник, видимо, не знал немецкого языка, поэтому адрес был записан с ошибками: Шарнхорстштрассе превратилась в Шарихорштрассе, хозяйка Тайтге — в Туйтче, дом 34^a — просто в 34.

⁴⁶ Ульянов Д. И. Ук. соч., с. 221.

⁴⁷ Не исключено, что начало 1902 г. Ульянова-Елизарова провела у брата в Мюнхене (Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И. Ук. соч., с. 50; Хитцер Ф. Под именем доктора Иорданова. Ленин в Мюнхене. М. 1981, с. 215).

⁴⁸ Staatsarchiv in Potsdam, № 12556/8, Bl. 145–146.

⁴⁹ Ibid., Bl. 150.

для редакции журнала «Мир божий», издающегося в Петербурге. Она ведет обширную переписку с Петербургом, Самарой, Сызранью и Тулой. Она не является подписчицей какой-либо газеты, но ежедневно покупает «Vorwärts», а также другие газеты. Она находится в личных контактах с известной тут как политически неблагонадежная А. Калмыковой⁵⁰, проживающей по Луизенштрассе, у Дикманов... Обедает она в частном ресторане Альбрехта по Филиппштрассе, 13^a»⁵¹.

Те же полицейские сообщали, что, по приезде в Берлин 21 января 1902 г. русской Анны Беренштам⁵², Ульянова-Елизарова «немедленно вступает с ней в контакты», а вечером 27 января, собрав все свои пожитки, вообще оставляет Берлин и выезжает с вокзала Фридрихштрассе через Александрово в Россию. 29 января 1902 г. выясняется, однако, что Ульянова-Елизарова еще не оставила Германию. Агент № 3139 (Балецки), зайдя на квартиру ффрау Кренцке, чтобы осведомиться, выехала ли госпожа Елизарова, так как ее давно не видно, узнал от Кренцке, что «Елизарова была в отъезде, но уже возвратилась обратно». В тот же день берлинский полицай-президиум внес в «дело» Ульяновой-Елизаровой существенное уточнение: «Ее брат Ульянов был казнен в России за участие в революционных происках, да и сама она уже длительное время известна русским властям как революционерка»⁵³.

В донесении от 8 марта 1902 г. Кюн и Хаберман уточнили: Ульянова-Елизарова не покинула Германию, а лишь сопровождала Анну Беренштам до Александрово, т. е. до русской границы, после чего возвратилась в Берлин на свое прежнее место жительства по Филиппштрассе, 13^a. Установленное за ней наблюдение показало: «Она имеет тесные контакты с известной здесь русской А. Калмыковой, а также поддерживает в последнее время связи с известными здесь русскими Гурвичем⁵⁴ и Вечесловым. Кроме того, раз-два в неделю она слушает лекции по философии в университете и очень много занимается письменной работой в своей комнате. 12.1902 г. она посетила вместе с Калмыковой открытое народное собрание по Бойтштрассе, 19/20, посвященное «женскому избирательному праву», в русских собраниях до сих пор она не принимала участия»⁵⁵.

Анна Ильинична остается и в поле зрения царской охранки. 27 февраля 1902 г. глава ее в Берлине Гартинг⁵⁶ сообщал в департамент полиции: «Ульянова-Елизарова была в одном из ресторанов Шарлоттенбурга (район Берлина) на вечеринке российских эмигрантов, организованной в пользу Сибирской кассы»⁵⁷. Можно предположить, что сестра Ленина присутствовала на вечере, организованном членами Сибирского социал-демократического союза, в начале 1902 г. образованного из группы «Сибирских социал-демократов», примыкавшей к берлинской группе содействия «Искре». Сибирская группа в 1901 г. была «весьма немногочисленна по свое-

⁵⁰ А. М. Калмыкова (1849–1926 гг.) – вдова сенатора, книжный склад которой и небольшая комната при нем в Петербурге на Литейном проспекте, 60, не раз бывали местом конспиративных явок и встреч революционеров. Владимир Ильич и Анна Ильинична хорошо знали Калмыкову еще со времен деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Сочувствуя социал-демократам, Калмыкова была в курсе планов рождения «Искры». Она оказывала материальную помощь Ленину в его начинаниях, ездила по его заданию в Германию весной 1900 г. и вела там переговоры с руководством немецкой социал-демократии о возможности издания русской нелегальной революционной газеты в Германии. Во время этих переговоров А. Бебель посоветовал налаживать издание «Искры» в столице Баварии Мюнхене. В 1902 г. Калмыкова за революционную деятельность была выслана на три года за границу.

⁵¹ Staatsarchiv in Potsdam, № 12556/8, Bl. 150–151.

⁵² Личность А. Беренштам нам установить не удалось.

⁵³ Staatsarchiv in Potsdam, № 12556/8, Bl. 148–151; 161–162.

⁵⁴ Гурвич – псевдоним Ф. И. Дана (1871–1947 гг.). Летом 1901 г. он бежал за границу и в Берлине вошел в группу содействия «Искре». Входил также в состав Организационного комитета для подготовки II съезда РСДРП. Один из лидеров меньшевизма. В 1922 г. был выслан за границу за антисоветскую деятельность.

⁵⁵ Staatsarchiv in Potsdam, № 12556/8, Bl. 154.

⁵⁶ В результате сотрудничества тайной полиции Германии и России в Берлине был открыт русский агентурный центр, а берлинский полицай-президиум передавал его главе всю имевшуюся информацию о русских подданных.

⁵⁷ Красный архив, 1935, т. 6 (73), с. 11–12.

му составу», но имела «свою кассу»⁵⁸. 7 февраля 1902 г. газета «Vorwärts» писала: «Недавно образован Сибирский социал-демократический союз. Союз ставит перед собой цель организационно объединить разбросанные по всей Сибири социалистические силы и посылать в сибирские места достаточное количество социалистической литературы. Союз исходит из того, что строящаяся железная дорога будет способствовать облегчению связей Сибири с Россией и Европой. Работающие на железной дороге и других промышленных предприятиях уже втягиваются в пролетарскую борьбу, однако у них нет сплоченной организации. Товарищи стремятся к тому, чтобы именно теперь создать такую организацию».

Продолжали собирать сведения об Ульяновой-Елизаровой и берлинские агенты. 8 апреля 1902 г. полицейские Кюн и Хаберман сообщали в берлинский полицай-президиум: «Почти ежедневно она посещает Королевскую библиотеку, где просиживает часами. Кроме лиц, названных уже в предыдущих сообщениях, она общается теперь еще со студентом-медиком Михаилом Шерговым и врачом Евгением Флеровым⁵⁹. 25.3. она посетила семейство Гумпрехтов, проживающих по Ландсбергерштрассе, 19. Гумпрехты являются прусскими подданными и не замечены в политической неблагонадежности. Жена Гумпрехта Ида, правда, 25.1.02 получила выездной паспорт в Россию, но до сих пор не выехала туда... Госпожа Елизарова по-прежнему много занимается письменными работами в своем жилище, а также поддерживает оживленную переписку с Россией»⁶⁰.

Тайные агенты рылись в личных вещах Анны Ильиничны, когда та отлучалась из дому. Позже ее домохозяйка Кренцке⁶¹ показала в берлинском полицай-президиуме, что вскоре после вселения новой квартирантки к ней пришли двое, представившиеся полицейскими чиновниками, и попросили показать им комнату, где жила Ульянова-Елизарова. Как только Кренцке ввела их в комнату, один из них тут же приступил к изучению бумаг, лежавших на письменном столе, и сделал слепок с замочной скважины стола, чтобы, как он заявил домохозяйке, исследовать то, что содержалось под замком. Пообещав дать Кренцке за молчание деньги, полицейские удалились. Вскоре они опять появились с копией ключа от письменного стола и забрали из стола какие-то бумаги, принадлежавшие квартирантке⁶². Вначале Анна Ильинична, по словам хозяйки, не заметила пропажи, но через некоторое время открыто поставила перед Кренцке вопрос, не впускала ли та в ее комнату полицейских? Кренцке, памятуя свой уговор с ними, ответила отрицательно.

Однако визиты тайных агентов стали столь частыми, что однажды квартирантка застала одного из них в своей комнате. На вопрос, что он тут делает, Кренцке, опять солгав, ответила, что он осматривает комнату, чтобы при случае снять ее. Полицейский тотчас удалился, но Анна Ильинична поняла, в чем дело. 15 мая

⁵⁸ Там же, 1934, т. 1 (62), с. 141.

⁵⁹ Шергов М. И. — член берлинской группы содействия «Искре», врач по профессии, после II съезда РСДРП — меньшевик. В начале 1904 г., несмотря на защиту его дела К. Либкнехтом, был выслан из Германии как «нежелательный иностранец». Уже известный нам Кюн сообщал 2 января 1904 г. в берлинский полицай-президиум: «В политическом отношении Шергов до сих пор был приметным тем, что находился в связях с бывшей в свое время тут под наблюдением русской Елизаровой; кроме того, он был членом Правления читальни им. Салтыкова (читальня русских социал-демократов в Берлине. — Г. И.). Шергов принадлежит к тем русским, которые внесены в список политически неблагонадежных» (Staatsarchiv in Potsdam. Acta, betr. Russen — Ausweisungen 1904—1906, № 12707/2, Bl. 145—146). Личность Флерова нам установить не удалось.

⁶⁰ Staatsarchiv in Potsdam, № 12556/8, Bl. 155.

⁶¹ Этот факт упоминается и в книге Драбкиной, но домохозяйкой, впускавшей в комнату Анны Ильиничны полицейских агентов, названа Тайтге, а не Кренцке (Семья Ульяновых, с. 166).

⁶² В деле берлинского полицай-президиума на Ульянову-Елизарову содержится только одно свидетельство изъятия у нее бумаг берлинскими полицейскими. Это бланк журнала «Мир божий» со следующим текстом: «19.XII.1901 г. М. г. Следующий Вам гонорар за перевод статьи Бернштейна при сем препровождается. Расчет следующий: 1 л. 12 стр. по 20 рублей за лист = 35 рублей (тридцать пять рублей). С совершенным почтением М. Шатров» (Staatsarchiv in Potsdam. Acta des Königlichen Polizei-Präsidii zu Berlin, № 12556/8, Bl. 152).

1902 г. она, по словам хозяйки, освободила комнату и выехала в Дрезден⁶³. «Под конец своего пребывания за границей,— вспоминала Анна Ильинична,— за мной очень следили немецкие и русские шпионы, и я вынуждена была выехать из Берлина в село под Дрезденом»⁶⁴.

Отъезд Ульяновой-Елизаровой из Берлина состоялся, однако, не 15, а 8 мая 1902 года. Полицейские, следившие за ней, сообщили 14 мая 1902 г., что перед самым отъездом Анна Ильинична вступила в спор с хозяйкой и заявила той: «Вы информировали полицию о всех моих действиях». Кроме того, Кюн и Хаберман донесли, что за прошедший от предыдущего сообщения период в поведении Ульяновой-Елизаровой «ничего существенного не изменилось: 28.4.1902 г. она посетила народное собрание, состоявшееся в помещении по Конненштрассе, 29, где с рефератом «О современной борьбе бельгийского и русского пролетариата» выступала известная Клара Цеткин. 2.5. она посетила живущего здесь уже около 10 лет (в настоящее время по Келлерштрассе, 17, у Крюгера) русского подданного, подмастерье-портного Андреаса Пальма. В сношения с упоминавшейся в предыдущем сообщении семьей Гумпрехтов она, судя по последним наблюдениям, больше не вступала. Зато она по-прежнему общается с другими товарищами: Калмыковой, Шерговым и Флеровым. Кроме Королевской библиотеки, она часто посещает книжную лавку Скопнина по Доротеештрассе, 8, где одалживает книги. Ее почта в последнее время поступает на почтамт 100, Луизенштрассе, 6, до востребования»⁶⁵.

Агенты полиции следили за содержанием переписки Ульяновой-Елизаровой, а некоторые письма просто изымали. Это касается и последних писем Ленина из Мюнхена, направленных Анне Ильиничне в Берлин 2 и 10 апреля 1902 г., но так и не полученных ею. История письма от 10 апреля такова. Весной 1902 г. нависла непосредственная угроза над редакцией «Искры». Руководству германской социал-демократии стало известно, что царская охранка с помощью германской полиции намеревается произвести разгром «Искры», арестовать ее редакцию и активистов. Бебель передал эти сведения берлинской группе искровцев, и Калмыкова в конце марта 1902 г. отправилась в Мюнхен, чтобы предупредить Ленина об опасности. Передав Ленину эти вести и деньги, Калмыкова вернулась в Берлин⁶⁶.

Владимиру Ильичу нужно было спешно перевести редакцию в другой город. 25 марта 1902 г. Л. Г. Дейч писал из Мюнхена Аксельроду: «Два каких-то субъекта, говорящие с иностранным акцентом, спрашивали в типографии, «не печатается ли здесь русская газета?»⁶⁷. 26 марта мюнхенская часть редакции обсуждала вопрос о переезде. Решено было переехать в Лондон. 12 апреля 1902 г. Владимир Ильич и Надежда Константиновна оставили Мюнхен. До отъезда Ленин написал письмо сестре в Берлин «B. R. Y. Postlagernd. Postamt 100. Luisenstr. 6, Berlin. 10.IV.02. Совсем сбился с ног с хлопотами! Едем 12-го. Пиши пока, если что спешно, на адрес Mr. Alexejeff 14. Frederik Str. 14. Gray's Inn Road. London W. C. (для Ленина — внутри). Адрес здешнего доктора во всяком случае годен: всегда перешлет. Тетку (Калмыкову.— Г. П.) благодарю за письмо, которое сегодня получил (и книги). Жму крепко руку. Ленин»⁶⁸. А 13 апреля 1902 г. Гартинг сообщал заведующему русской агентурой за границей Ратаеву: «Наблюдавшим за Елизаровой агентам недавно удалось узнать, под какими буквами она получает письма post restante, и один из них сумел вчера получить адресованное ей письмо Ленина»⁶⁹.

Немецкая полиция не выпускала из поля зрения Ульянову-Елизарову и после ее отъезда из Берлина. 29 мая 1902 г. берлинский полицей-президиум обратился к президенту полицей-дирекции Саксонии в Дрездене с просьбой взять под наблюдение «Анну Елизарову, урожденную Ульянову». Ответ из Дрездена, датированный 9 июня 1902 г., был, однако, малоутешительным. Президент сообщал, что, как

⁶³ Ibid., Bl. 157—159.

⁶⁴ Драбкина Е. А. И. Ульянова-Елизарова. Киев. 1981, с. 66.

⁶⁵ Staatsarchiv in Potsdam, № 12556/8, Bl. 156.

⁶⁶ Калмыкова А. М. Обрывки воспоминаний.— Былое, 1926, № 1(35), с. 79.

⁶⁷ Арсеньев Ю. М. Ленин и социал-демократическая эмиграция 1900—1904 гг. М. 1971, с. 238.

⁶⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 220—221.

⁶⁹ Ленинский сборник III, с. 293.

ему удалось выяснить, Анна Елизарова, урожденная Ульянова, останавливалась в ночь с 8 на 9 мая в дрезденской гостинице «Курляндский дом», Динольшвальдерская площадь, 2, а 12 мая исчезла в неизвестном направлении. Не заявила она о себе и в каком-либо другом месте. «Персонал гостиницы сообщил,—добавлял президент,— что Елизарова прибыла в гостиницу только с маленькой дорожной сумкой и во время своего нахождения там никаких предосудительных поступков не совершила»⁷⁰. На этом документе имеется приписка 7-го отделения берлинского полицей-президиума, датированная 21 июня 1902 г.: «О нынешнем местонахождении Елизаровой еще ничего неизвестно»⁷¹. Не дали никаких результатов и все дальнейшие попытки агентов берлинского полицей-президиума выяснить, куда направилась Анна Ильинична. 5 сентября 1902 г. они вынуждены были признать, что им так и не удалось ничего узнать об Ульяновой-Елизаровой⁷².

Между тем Анна Ильинична, отдохнув в селении неподалеку от Дрездена, отправилась в Бретань, на северный берег Франции. Сюда, в Логиви, должны были приехать из России ее мать — Мария Александровна, а из Лондона — Владимир Ильич. В этом маленьком курортном местечке они жили вместе с конца июня по 25 июля 1902 года. Отсюда Ленин отправился обратно в Лондон, а Анна Ильинична с матерью — в Россию. Ехали домой через Германию, но никаких документов на сей счет нам разыскать не удалось. Известно только, что по пути на родину Анна Ильинична, опасаясь ареста на границе, послала Владимиру Ильичу в Лондон фотокарточки казенного брата Александра, с которыми не расставалась на протяжении всего заграничного периода жизни. «Анютини карточки,— сообщал Владимир Ильич 14 сентября 1902 г. матери в Самару,— получил вовремя и в полной сохранности»⁷³.

Опасения оказались не напрасными. «При переезде границы,— писала Анна Ильинична позже в своей автобиографии,— подверглась тщательному обыску. Департаментом полиции был издан секретный приказ (напечатан в «Искре») о том, чтобы «установить за моей деятельностью и сношениями самое строгое и вполне секретное наблюдение»⁷⁴. Однако на этот раз все обошлось благополучно. 28 августа 1902 г. Анна Ильинична писала брату Д. И. Ульянову «уже с родных мест» (из Минска): «Я так рада русским видам, русской речи кругом — успела уже соскучиться. Точно корней под собой больше чувствуешь, точно спокойствие какое-то вливается. Все такое домашнее, свое, маленькое: маленькие деревья, маленькие коровки... серенькое небо, серенькие болотца. Были правда и другие впечатления,— менее приятные, но они миновали»⁷⁵.

На этот раз путь Ульяновой-Елизаровой лежал в Томск, где с лета 1902 г., после выхода из тюрьмы, в управлении Сибирской железной дороги работал ее муж Марк Тимофеевич Елизаров. В Томск Анна Ильинична прибыла во второй половине октября 1902 года⁷⁶. Там она сразу включилась в революционную работу. По этому поводу позднее Анна Ильинична писала в автобиографии: «Я вернулась в Россию только осенью 1902 г., но не поехала в Москву, так как, по всем данным, Зубатовым была развита сильная слежка. Я поехала в Томск, завязала связь с «искровцами» Томска и еще пары сибирских городов»⁷⁷. Ленин, узнав об отъезде сестры в Томск к мужу, с удовлетворением писал 9 ноября 1902 г. матери: «Особенно я рад за Анюту... А то уж очень она долго не имела, так сказать, приюта и «странствовала» с места на место»⁷⁸. Сестра Владимира Ильича вновь продолжала активно работать, осуществляя связи между ним и партийными комитетами на местах.

⁷⁰ Staatsarchiv in Potsdam, № 12556/8, Bl. 214.

⁷¹ Ibid.

⁷² Ibid., Bl. 167.

⁷³ Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 223.

⁷⁴ Красный архив, 1935, т. 6 (73), с. 12.

⁷⁵ Ульянов Д. И. Ук. соч., с. 227.

⁷⁶ Чугунов М. Агент «Искры» в Томске.— Сибирские огни, 1972, № 4, с. 143.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 225.

ЕВГЕНИЙ БУЛГАРИ В РОССИИ

Г. Л. Ариш

11(22) августа 1716 г. в крепости на о. Корфу, принадлежавшем тогда Венеции, в греческой семье родился мальчик. В тот день турецкие войска, 45 дней безуспешно осаждавшие крепость, сняли ее осаду и погрузились на корабли. В память об этом событии родители — чиновник венецианской администрации Петр Булгари и его жена Иоанна — назвали своего сына Элефтерием (т. е. «свободным»). Позднее, при вступлении в монахи, Элефтерий сменил имя на Евгений. Но его первое имя оказалось символичным: греку-корфиоту суждено было внести большой вклад не только в просвещение, но и в национальное освобождение своих соотечественников.

Евгений Булгари (по-греч. Евгениос Вулгарис), ученый и просветитель, почетный член Петербургской Академии, прожил более трети века в России и здесь завершил свой жизненный путь в 1806 году. Ранее этот видный деятель греческой и русской культуры не привлекал внимания советских историков. Почти не упоминается о нем и в общедоступных справочных изданиях¹.

С детских лет Булгари проявил большое рвение к учебе. Первоначальное образование он получил в различных училищах Ионических островов, а затем продолжил его в Арте и Янине (Эпир). Заметив способности юноши, состоятельные соотечественники оказывали ему материальную поддержку для продолжения образования. Около 1739 г. Булгари отправился в Италию, где поступил в Падуанский университет, один из старейших в Европе. Здесь он прослушал курс наук на философском факультете и основательно изучил итальянский, французский, латинский и древнееврейский языки. В 1742 г. молодой грек вернулся на родину и начал преподавательскую деятельность, предварительно приняв постриг в монахи. По словам его биографа, Булгари избрал монашество «как из благочестия, так и из особенной привязанности к наукам, требующим уединения»². Значение преподавательской деятельности корфиота станет яснее, если ознакомиться с состоянием образования и культуры Греции того времени.

Османское завоевание задержало развитие Греции, стало причиной ее культурного регресса. Прекратили существование культурные центры, действовавшие с античных и византийских времен, были уничтожены многие рукописи и научные труды, почти все ученые и преподаватели эмигрировали. В немногочисленных училищах, т. н. грамматических школах, обучали только чтению текстов из св. Писания и письму. Подавляющая часть населения была, однако, лишена и этих начал грамотности. Школьное дело в Греции в первые века османского господства находилось в руках Константинопольской патриархии, ее митрополитов и епископов³. Но греческий историк и просветитель начала XIX в. К. Кумас установил, что большинство митрополитов Ларисы (Фессалия) XVII — начала XVIII в. сами были

¹ Сведения о Е. Булгари, неполные и зачастую тенденциозно подобранные, можно найти на русском языке главным образом в трудах церковных историков XIX века. Им занималась и занимается греческая историография. Исследование о Булгари опубликовал американский историк С. Баталден (Batalden S. Catherine II's Greek Prelate: Eugenios Voulgaris in Russia, 1771—1806. N. Y. 1982).

² Мартынов И. Известие о архиепископе Евгении Булгаре. — Лицей, СПб., 1806, ч. 3, кн. 1, с. 35.

³ Церковный контроль над образованием был причиной того, что в балканских странах некоторые видные просветители, например, Паисий Хилендарский (Болгария) и Досифей Обрадович (Сербия), принадлежали к духовному сословию.

малограмотны⁴. Выходить из духовного мрака Греция начала в конце XVII века. Увеличивается число училищ, расширяется их учебная программа. Некоторые педагоги, испытавшие влияние идей Просвещения, знакомят своих учеников с естественными науками. Новую эпоху в греческом образовании и просвещении открыла преподавательская деятельность Булгари.

Преподавал Булгари в училищах Янины и Козани, в Афонской академии и Великом патриаршем училище Константинополя. Педагог в монашеском облачении немало сделал для того, чтобы освободить школу от пут схоластики и средневекового мышления. Среди преподаваемых им предметов важное место занимали математика, физика и философия. Особое значение он придавал математике. Во время пребывания на Афоне, «подобно Платону Евгений не принимал в свою гимназию того, кто не знал математики и, по подражанию древнему мудрецу, на дверях училища велел вырезать следующую надпись: «Кто будет учиться геометрии, пусть приходит, а кто не хочет, тому возбраняю вход»⁵. Булгари перевел и впервые сделал достоянием своих соотечественников труды видных деятелей Просвещения. Типографий тогда в Греции не существовало, и эти переводы распространялись в рукописных списках. Учебные классы Булгари наполняли юноши из разных уголков Греции, их число с каждым годом возрастало (число учащихся Афонской академии за время преподавания здесь корфюта увеличилось от 7 до 200)⁶.

Преподавательская деятельность Булгари в Греции фактически стала подготовительным этапом новогреческого Просвещения. Расцвет его приходится на последние десятилетия XVIII и первые десятилетия XIX века. Объективно роль этого духовного движения состояла в подготовке греков к решающей битве за освобождение, начавшейся в 1821 году. Важным аспектом новогреческого Просвещения был школьный, педагогический. К началу XIX в. повсюду в Греции — в городах, во многих больших деревнях — уже существовали училища. Здесь преподавало немало бывших учеников Булгари. По идейной окраске новогреческое Просвещение было пестрым. В нем имелась материалистическая, атеистическая струя, особенно усилившаяся в начале XIX века. Что касается философских воззрений самого Булгари, то их отличало стремление примирить науку с религией. Эта половинчатость сближала его с деятелями немецкого Просвещения, также пытавшимися найти среднюю линию между крайним рационализмом и пиеизмом⁷. К этому следует добавить, что Булгари до конца своих дней оставался верующим человеком. Но объективно его просветительская деятельность подрывала устои религиозного мировоззрения.

В годы преподавания в греческих училищах Булгари постоянно подвергался нападкам со стороны реакционно настроенных лиц. В Янине, в училище Маруцци враги его распространяли слухи о том, что «в новой школе преподается еретическое учение, что главный наставник ее, Булгарис, еретик и безбожник». «Учен-то он учен, — говорили они о Евгении, — да ведь он атеист»⁸. В 1753 г. Булгари вынужден был оставить училище Маруцци и перейти в Афонскую академию. Но и здесь ему удалось преподавать только пять с половиной лет. Афон, испокон веков являвшийся оплотом мистицизма и религиозных суеверий, был не самым подходящим местом для распространения идей Просвещения. Да и в целом обстановка в Османской империи мало благоприятствовала просветительской деятельности, в особенности если просветитель был горячим патриотом Греции и врагом ее поработителей. А именно таким был Булгари. Не всегда он мог скрыть свои чувства. Однажды он, «читая в церкви псалом, в коем сказано: разторгнем узы и отринем иго их, вышел из себя, бросил книгу на пол и облился слезами»⁹.

⁴ О-в С. Состояние просвещения в Новой Греции, от начала прошлого столетия до последних событий в ней, т. е. до войны за независимость (1821 года). — Москвитянин, 1843, ч. VI, № 11, с. 369.

⁵ Там же, с. 376—377.

⁶ Vakaropoulou A. Istoria tou Neou Ellinismou. T. 4. Thessaloniki. 1973, с. 333.

⁷ Batalden S. Op. cit., p. 6.

⁸ Скворцов В. Евгений Булгарис, первый архиепископ Славянский и Херсонский. — Полтавския епархиальныя ведомости (часть неофициальная), 1877, № 22, с. 965.

⁹ Мартынов И. Ук. соч., с. 51.

В 1763 г. Булгари навсегда покинул османские владения. Позади были 20 лет преподавания в Греции, впереди — полвека плодотворной научной и просветительской деятельности, также целиком связанной с новогреческим Просвещением. В начале 1764 г. Булгари прибыл в Лейпциг и прожил там семь лет. В аудиториях местного университета, а также соседних (Гёттингена и Галле) можно было нередко встретить тогда фигуру в черной монашеской мантии. В немецких университетах преподавали многие видные ученые. С одним из них, известным математиком Я. Сегнером, Булгари связывали тесные, дружеские отношения. Он перевел с латыни на греческий и опубликовал в Лейпциге труд Сегнера «Основы арифметики и геометрии».

В Лейпциге, одном из крупных и старинных центров книгопечатания, предоставлялась возможность для издания трудов греческого ученого, написанных им еще в Греции. В 1766 г. он выпустил в свет «Логик» — сборник текстов древних и новых философов. Труд этот занял видное место в литературе новогреческого Просвещения. В то же время были опубликованы в греческом переводе (его осуществил Булгари) произведения Вольтера — поэма «Мемнон» и трактат «О раздорах среди церквей Польши». Для греческих патриотов особое значение имело то, что знаменитый французский философ, большой поклонник античной культуры, проявил себя также, особенно во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг., заклятым врагом султана и горячим поборником освобождения Греции. В трудах Булгари 60—70-х годов XVIII в., в его письмах за эти годы можно встретить благожелательные оценки Вольтера: «некоторый славный писатель наших времен»¹⁰, «старик Вольтер молод духом и остротой ума»¹¹.

Но все это, разумеется, не дает оснований считать, что Булгари стал вольтерьянцем. Произведения Вольтера для перевода он подбирал весьма избирательно. В трактате «О раздорах среди церквей Польши» Вольтер с позиций сторонника свободы вероисповедания выступал в защиту православного меньшинства Польши, которое угнеталось католическими властями. Булгари считал, что выступление тогдашнего властителя дум может привлечь внимание общественного мнения и к положению православного населения Османской империи. К переводу труда Вольтера он приложил свой очерк о свободе вероисповедания, в котором дал свое толкование этого вопроса, сильно разнившееся с рассуждениями корифея французского Просвещения¹². В Германии Булгари встречался с Вольтером, и они часто спорили на философские темы¹³. Несмотря на расхождения во взглядах, Вольтер проникся большим уважением к собеседнику и сообщил о нем Фридриху II. Прусский король пригласил греческого ученого в Берлин, а также написал о нем Екатерине II. Она предложила Булгари переселиться в Россию¹⁴.

То была эпоха «просвещенного» абсолютизма. «Просвещенные» монархи соревновались в покровительстве ученым, по преимуществу иностранным. Кроме того, у Екатерины II были особые причины привлекать в Россию видных и влиятельных греков. С 1768 г. шла русско-турецкая война, и в политических планах царского правительства Греции отводилось значительное место. С февраля 1770 г. русские сухопутные и военно-морские силы под командованием А. Г. Орлова вели операции совместно с греческими повстанцами. В этих условиях Булгари мог быть использован для контактов с греческим обществом. 22 июня (3 июля) 1770 г. обер-егермейстер С. К. Нарышкин обратился с письмом к Булгари, предлагая ему переехать в Петербург и занять должность преподавателя греческого языка в Шляхетском кадетском корпусе¹⁵.

Булгари получил приглашение приехать в Россию в момент, когда внимание всех греков, где бы они ни находились, было приковано к драматическим событиям на их родине. Он, живя в Германии, не был оторван от своих соотечествен-

¹⁰ [Булгари Е.] Разсуждение на действительно критическое состояние Оттоманской Порты. М. 1780, с. 35.

¹¹ ЦГАДА, ф. 18, д. 249, л. 22.

¹² Batalden S. Op. cit., p. 16.

¹³ Мартынов И. Ук. соч., с. 36. Впоследствии, в 1797 г. Булгари опубликовал брошюру антивольтерьянского содержания (Batalden S. Op. cit., p. 153).

¹⁴ Мартынов И. Ук. соч., с. 38.

¹⁵ Batalden S. Op. cit., pp. 19—20.

ников: в Лейпциге находилась значительная греческая община. К тому же этот город с середины XVIII в. был пунктом интенсивных русско-греческих контактов. Здесь обучались русские студенты; после начала русско-турецкой войны проездом часто останавливались русские офицеры, направлявшиеся в экспедиционный корпус А. Г. Орлова на Средиземном море¹⁶. Экспедиция Орлова давала греческим патриотам надежду на близкое освобождение родины. Булгари разделял эти настроения и чаяния; более того, он, как и часть образованного европейского общества, был обманут «просвещенными» намерениями Екатерины II. Он сообщил императрице о своем желании перевести ее «Наказ Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» на греческий язык, на что она охотно согласилась и даже наградила ученого¹⁷.

Булгари был склонен приехать в Россию, но у него возникли сомнения насчет возможности выполнять преподавательские обязанности при незнании русского языка и перспектив продолжения научной и просветительской деятельности. Окружение Екатерины II постаралось рассеять эти сомнения. С. К. Нарышкин в письме царице 5(16) октября 1770 г. предлагал точно определить круг обязанностей, которые будут возложены на ученого грека: «Ежели от онаго Евгения не будет требовано иного, как только, чтобы учить языку греческому в корпусе кадетском, а в свободныя часы сочинять греческий лексикон, придав ему кого-либо в помощь, то он может свободно сие исполнить, ибо он из нынешних греков есть наиученнейший»¹⁸. Прося вручить это письмо Екатерине II, он писал ее секретарю Г. В. Козицкому: «При сем изволите усмотреть, сколько я желаю по феллеллинству, чтоб нам приобрести такова многоученова человека. Не сомневаюсь, чтоб и Вы не приложили всевозможнаго старания получить онова великова мужа в наше отечество»¹⁹.

Уважение к Булгари, искренняя заинтересованность в его переезде в Россию свидетельствовали о подъеме эллинофильских настроений в России в те годы, которые затронули и придворные круги²⁰. О важности, которую Екатерина II придавала приезду Булгари в Россию, свидетельствует привлечение к этому делу одного из братьев Орловых. Директор Академии наук В. Г. Орлов²¹ в письме ученому 7(18) ноября 1770 г. подчеркивал те благоприятные возможности для научной деятельности, которые откроются для него в России: «В Вашем распоряжении будет Патриаршая библиотека, где имеются любопытные и интересные книги всякого рода на греческом языке, а некоторые на латинском языке. Из них Вы можете выбрать и опубликовать по вашему разумению. Приезжайте, и я полагаю, что Вас здесь не оставят без необходимого».

В конце декабря того же года Булгари сообщил В. Г. Орлову, что принимает приглашение и намеревается выехать в Петербург после установления теплой погоды. Узнав весной следующего года, что ученый, прежде чем отправиться в путь, ждет его письма, Орлов снова побуждал его не мешкать с отъездом: «Начинайте Ваше путешествие, и я желаю, чтобы Вы целым и невредимым прибыли сюда. Я весьма огорчен, что не смогу воспользоваться Вашим обществом в Петербурге. Мое здоровье требует, чтобы этим летом я принял курс лечения на водах. Но это не должно помешать Вам приехать сюда. Императрица о Вас наслышана, и Вы смело можете по прибытии обратиться к оберегермейстеру Нарышкину, большому вашему другу, и г-ну Козицкому»²².

¹⁶ Достян И. С. Русская общественная мысль и балканские народы. М. 1980, с. 24.

¹⁷ Булгари в письме Екатерине II 4 ноября 1770 г. благодарил «за щедро пожалованную твою мне милость и благодеяние», не указывая, в чем конкретно они выразились (АВПР, ф. Сношения России с Грецией, 1770 г., д. 732, л. 4).

¹⁸ ЦГАДА, ф. 18, д. 249, лл. 7–8.

¹⁹ Там же, л. 6; Batalden S. Op. cit., p. 21.

²⁰ О русском эллинофильстве второй половины XVIII в. см.: Достян И. С. Ук. соч., с. 7–11.

²¹ В. Г. Орлов и ранее знал о Булгари, т. к. тот посылал ему в подарок свои труды (см. письмо Е. Булгари В. Г. Орлову от 28 апреля 1768 г. — ОР ГБЛ, ф. 219, карт. 39, ед. хр. 36, л. 1).

²² Там же, карт. 7, ед. хр. 7, лл. 39, 61.

В июле 1771 г. Булгари прибыл в Петербург и получил аудиенцию у Екатерины II, которая назначила ему ежегодную пенсию в 1500 рублей. Каких-либо определенных обязанностей возложено на него не было, но как видного ученого и педагога его нередко привлекали для обсуждения вопросов, относящихся к образованию: проверке знаний возвратившихся из-за границы русских студентов, учреждению в Петербурге греческой гимназии²³. Основное же содержание занятий Булгари в первые годы пребывания в Петербурге составляли переводы различных политических и публицистических сочинений на греческий язык. Подбор произведений для этого вытекал не только из политических целей Екатерины II, но и настроений и стремлений переводчика. Он перевел «Наказ» Екатерины II на новогреческий, и тот в 1771 г. вместе с русским текстом был напечатан в 2 тыс. экземпляров в типографии Академии наук. Переводу ученый предпослал посвящение, в котором выражал надежду, что практическое применение принципов «Наказа» приведет к освобождению его родины от долголетнего ига. Значительная часть тиража предназначалась для распространения в Греции²⁴.

В России Булгари считал себя представителем своих угнетенных соотечественников. По прибытии в Петербург он выразил чувства радости и благодарности за приглашение приехать в Россию и просил о помощи в освобождении своей родины²⁵. Да и все произведения, оригинальные и переводные, написанные Булгари в Петербурге, были подчинены этой цели. В сентябре 1771 г. он нанечатал переведенную им с итальянского на новогреческий брошюру активного участника средиземноморской экспедиции А. Джики «Желания греков к Европе христианской». Имеется незавершенный русский перевод этого произведения А. Н. Радищевым, сделанный им в знак сочувствия к освободительным стремлениям греческого народа. Автор и оба переводчика — Радищев и Булгари — живо передавали отчаяние греков в связи с неудачей Морейского восстания 1770 г., их опасения, что Россия в ближайшее время заключит мир с Портой. Греки надеялись, говорилось в брошюре, что в результате русско-турецкой войны «вольность паки между нами возобновится, и что Греция прежний свой вид получит. Надежда толиких выгод в один миг исчезла, и весьма основательный страх мучительных изъязнений тиранами нашими нам приуготовляемых, как из отмщенья, так и для политических причин, наполнил сердца наши горестию и отчаяньем. Мы должны опасаться, чтоб россияне не положили победоносного оружия своего для другой причины, нежели из почтения к неприятелю»²⁶.

В 1772 г. Булгари опубликовал публицистическую работу, в которой рассматривалось состояние Османской империи. Сочинение это, изданное на греческом языке, вскоре вышло также на русском и французском языках. Автор, высказывая убеждение, что европейские государства должны объединиться для борьбы с Османской империей, обращался с призывом к монархам Европы: «Оставьте ваши несогласия, престаньте проливать кровь христианскую». Булгари, как и многие его современники, верил, что час крушения империи, под игом которой томилась Греция, уже близок. Он образно писал: «Великий Колосс колеблется, трепещет, близок к своему падению, уже наклоняется к оному. Сие высокое и гордое древо, потемняющее тению густых своих ветвей провинции, государства и владычества в Азии и Европе и суше питательный сок из других деревьев его окружающих, ожидает ныне конечного посещения»²⁷.

Хотя русско-турецкая война 1768—1774 гг. нанесла Османской империи сильный удар, надежды греков на освобождение от власти иноземных поработителей не оправдались. Многие греки, участники средиземноморской экспедиции А. Г. Орлова, спасаясь от репрессий Порты, переселились в Россию. Большинство осело в Причерноморье, отошедшем к России по Кючук-Кайнарджийскому миру. Здесь была образована Новороссийская губерния. В сентябре 1775 г. здесь была создана и церковная епархия, получившая название «Славенской и Херсонской». На этих землях

²³ B a t a l d e n S. Op. cit., p. 30.

²⁴ ЦГАДА, ф. 18, д. 249, л. 24; B a t a l d e n S. Op. cit., pp. 18, 29, 113.

²⁵ ЦГАДА, ф. 18, д. 249, л. 14.

²⁶ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. М.-Л. 1941, с. 227—228.

²⁷ [Булгари Е.] Ук. соч., с. 78.

жило много греков, болгар и сербов, эмигрантов из Османской империи, и Екатерина II решила поставить во главе новой епархии Булгари. Он вначале отказывался от назначения, мотивируя это тем, что не знает русского языка и не привык к управлению другими людьми²⁸, но пойти на конфликт с императрицей не решился. Осенью 1775 г. архидиакон Булгари стал архиепископом.

23 октября (3 ноября) 1776 г. Булгари прибыл в Полтаву — центр своей епархии. Но управлял он ею менее трех лет. Сверх получаемой пенсии в 1500 руб. Булгари было назначено жалование 1200 руб. и еще 1000 руб. — на продовольствие²⁹. Но материальные блага и почести мало интересовали человека, видевшего смысл жизни в научных занятиях.

Между тем обязанности архиерея, инспекционные поездки по обширной территории епархии, простиравшейся от Полтавы до Азовского моря и от Южного Буга до Дона, трудные проблемы отношений с жившими здесь униатами и старообрядцами требовали от Булгари много времени и сил. Весной 1779 г. он, ссылаясь на возраст (ему было 63 года) и слабое здоровье, обратился к Екатерине II с просьбой освободить его от должности архиепископа и рекомендовал назначить на это место своего помощника и друга, греческого ученого и просветителя Никифора Теотоки, прибывшего в Россию в 1776 году³⁰. Просьба была удовлетворена; одновременно годовая пенсия Булгари увеличена до 2 тыс. рублей³¹. Недалеко от Полтавы, на высоком холме, и сейчас возвышается Крестовоздвиженский монастырь, где находилась резиденция архиепископа. Булгари еще два года прожил здесь, а затем переехал в Херсон, где оставался до 1788 года. Здесь военный губернатор генерал-поручик И. А. Ганнибал (дед А. С. Пушкина) построил для него дом, прозванный херсонцами «архиерейским»³². После ухода с высокого церковного поста ученый смог целиком посвятить себя научным занятиям.

Булгари нашел себе покровителя в лице Г. А. Потемкина. К его помощи он прибег для осуществления своего грандиозного замысла: стихотворного перевода на древнегреческий язык «Георгик» и «Энеиды» Вергилия. Потемкин поддержал замысел Булгари. Его письма Потемкину рассказывают о ходе этой работы, занявшей много лет. В личной переписке ученый, как правило, пользовался латинским, итальянским и новогреческим языками³³. Потемкин хорошо знал греческий³⁴, и Булгари писал ему на своем родном языке. 27 августа (7 сентября) 1778 г. он сообщал: «Послал вашей светлости первую книгу «Георгик» Вергилия, переведенную героическими стихами на греческий. Прошу соблагovolить известить меня, можно ли использовать этот труд, чтобы я мог послать затем три остальные книги, перевод которых готов и только ждет вашего приказанья»³⁵. Через два года Булгари извещал, что продолжает работу по составлению примечаний к третьей и четвертой книгам «Георгик», и просил Потемкина выслать уже напечатанные книги, с тем чтобы «я отметил пропущенные опечатки в конце издания»³⁶. Перевод «Георгик» был типографски сложным предприятием; все связанные с ним расходы взяла на себя Екатерина II. Книга была напечатана в 1786 г. в Петербурге типографией Академии наук с текстом параллельно на древнегреческом и латинском языках. Открывала ее ода, которую переводчик посвятил своему меценату.

²⁸ Мартынов И. Ук. соч., с. 40.

²⁹ Batalden S. Op. cit., pp. 46–47.

³⁰ О нем см.: Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Т. II. СПб. 1827, с. 97–101; Mourouti-Genakou Z. O Nikiforos Theotokis (1731–1800) kai i simvoli autou eis tin paidei an tou Cenous. Athina. 1979.

³¹ Batalden S. Op. cit., pp. 62–63.

³² Грот К. И. Из бумаг А. В. Храповицкого. — Старина и новизна, СПб., 1911, кн. 15, с. 7.

³³ Булгари хорошо изъяснялся также по-французски и по-турецки (Записки И. И. Мартынова. — Заря, 1871, № 6, прил., с. 93), но писем его на этих языках не обнаружено. Иногда он пользовался и русским, которым владел пассивно (см. Письмо архиепископа Евгения Булгариса правителю канцелярии светлейшего князя Потемкина-Таврического Попову. — Прибавления к Херсонским епархиальным ведомостям, 1875, № 23, с. 693).

³⁴ Русский биографический словарь. Т. 14. СПб. 1905, с. 650.

³⁵ ЦГАДА, ф. 11, д. 948, л. 224.

³⁶ Там же, л. 257.

Потемкин побуждал Булгари наряду с античной филологией заняться и древней историей Северного Причерноморья: «Как Вы соединяете в себе знания разных веков, то Вы наш Исиод, Страбон и Златоуст. Возьмите же труд сделать описание исторического нашего края, что он был в древности, где искони были славные мужи и обилующие грады: Ольвия, Мелитополь, острова Ахиллесова пути и прочая. Разройте покрывающую деяния древность и покажите, как тут цвели общества и как разрушили оный войны или нашествия народов диких, где проходил Джингис-хан с лютыми полками»³⁷. Под влиянием ли этого обращения своего мецената или возникшего непроизвольно интереса, но Булгари занялся исследованием некоторых спорных вопросов древней истории России. Одна из его работ касалась истории сарматов. В другой он рассматривал вопрос о времени крещения киевской княгини Ольги³⁸.

Научные изыскания Булгари сделали его хорошо известным в русских академических кругах. 29 декабря 1776 г. (9 января 1777 г.) Петербургская Академия наук избрала ученого своим почетным членом³⁹. Сам же Булгари считал своим долгом сообщать Академии наук важные, с его точки зрения, научные новости. 27 мая (7 июня) 1782 г. на заседании Академии наук было доложено полученное от него из Херсона сообщение «О древней арабской надписи и о нахождении большого количества таких надписей на твердых скалах в Аравии»⁴⁰. Проведя 12 лет на юге России, Булгари в начале 1789 г. вернулся в Петербург. Это было связано с завершением перевода «Энеиды» Вергилия на древнегреческий. По распоряжению Екатерины II для него был нанят на средства казны дом «по собственному его выбору»⁴¹. Нет документальных данных о том, в каком районе Петербурга жил в 1790-е годы Булгари. Судя по всему, в соответствии с его желанием дом этот находился на Васильевском острове, поблизости от Академии наук и ее типографии.

Приличное содержание, получаемое от правительства, позволило ученому вести размеренную, хотя и довольно своеобразную жизнь. Навещавший часто Булгари его ученик И. И. Мартынов рассказывает: «Все часы дня имели у него свое назначение, которого он без крайней нужды никогда не нарушал. Ночью спал обыкновенно не более трех часов; а вставал в четвертом часу по полуночи; два часа почти всегда читал молитвы; потом приносили ему завтрак, самой умеренный, после которого садился писать и занимался сим до полудня. В сие время он не терпел, чтобы кто-либо мешал ему, и редко принимал кого бы то ни было, не окончив утренних своих занятий. В первом часу обедал; пищу употреблял всегда одинакую, которая переменялась однакож в течение недели; не ужинал никогда. Разности в винах так же не терпел. За столом любил быть с самыми короткими своими друзьями и одушевлял беседу беспрестанным острословием или веселыми анекдотами; редко рассуждал тут о глубоких каких-либо материях. Вне дома пи-когда почти не обедал, разве у самых искренних своих друзей; сим он хотел сохранить здоровье и сберечь время для упражнений в науках. После обеда со второго часу до четвертого отдыхал. В четвертом принимал к себе имеющих в нем надобность или желающих разделить с ним время. Не можно было не чувствовать особенного удовольствия, наслаждаясь его разговорами. Не знаешь было, чему удивляться в его рассуждениях, обширным ли познаниям, красноречию ли на всех языках, которые он знал, а особливо на латинском и греческом, живости ли и мудрому веселовравию, в самую даже глубокую старость, или кроткому, не при-

³⁷ Из бумаг князя Г. А. Потемкина-Таврического.— Русский архив, 1879, кн. 3, с. 19.

³⁸ Эти работы были опубликованы после возвращения его в Петербург (Булгари [с] Е. Историческое розыскание о времени крещения российской великой княгини Ольги... СПб. 1792; его же. Ответ митрополиту римско-католической церкви Станиславу Сестренцевичу на вопрос его «Каким языком говорили древние сарматы?».— Вестник Европы, 1805, ч. XXI, № 9).

³⁹ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, д. 55, л. 90; д. 63, лл. 48–49. В опубликованном списке почетных членов Петербургской Академии наук (Академия наук СССР. Персональный состав. М. 1974) имя Булгари отсутствует.

⁴⁰ Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. М.-Л. 1937, с. 377.

⁴¹ Грот К. И. Ук. соч., с. 8.

нужденному, снисходительному, привлекательному и внушающему особенное к нему уважение обращению. Но таковая с ним беседа не более одного, а много двух часов могла продолжаться. После сего он уходил в свой кабинет и читал книги до десяти часов. От десяти до двенадцати опять беседовал с богом. Таковая трезвая и устроенная жизнь избавила его от лекарств, которых он, по собственному его признанию, никогда не употреблял, и сберегла душевные силы его до маститой старости»⁴².

Строгий режим и прочно устроенный быт способствовали тому, что петербургский период жизни ученого оказался весьма плодотворным в творческом плане. В те годы Булгари работал над новыми темами и готовил к изданию ранее созданные им произведения. Опубликованные списки его научных трудов, включая переводы, насчитывают свыше 75 названий⁴³. Эти труды охватывают многие области знания: математику, физику, философию, филологию, историю, искусствоведение. Булгари, как и многим ученым того времени, была свойственна энциклопедическая широта интересов. И вместе с тем по душевной склонности он был больше «лирик», чем «физик». Вывод этот можно сделать не только на том основании, что почти 20 лет Булгари занимался переводом «Энеиды» с латинского на древнегреческий и что он написал несколько од, посвященных знаменательным событиям и влиятельным лицам.

О поэтических наклонностях ученого красноречиво говорит его письмо Козицкому относительно перевода (1771 г.) на греческий стихотворного послания Вольтера Екатерине II, в котором звучал призыв освободить Грецию от тиранов. Сначала Булгари сделал прозаический перевод послания. «Потом однако,— продолжал он,— не знаю, какая муза побудила меня перевести его и гражданскими стихами, которые ныне у нас употребительны, и вот переведенное таким образом, посылаю его вашей учености. Надеюсь, что мой перевод не отходит сколько-нибудь далеко от оригинала. Потому, что приложил всевозможные старание и усердие, чтобы точно передать смысл, форму и дух французского стихотворения. Об этом Вы сможете судить, сопоставив мой перевод с поэмой Вольтера, содержащейся в «Gazette littéraire de Berlin»⁴⁴.

Примерно четвертую часть трудов Булгари составляют богословские произведения. Религиозное мироощущение, принадлежность к церкви влияли на трактовку им философских и морально-этических проблем. В то же время теологические исследования сочетались у него с интересом к философским идеям, не совместимым с религиозным мировоззрением. Среди его трудов имеется незавершенный перевод на греческий язык трактата английского философа-материалиста Дж. Локка «Опыт о человеческом разуме»⁴⁵. При подготовке своих трудов по разнообразным областям знания Булгари придерживался научной методики. Она включала в себя учет и критический анализ трудов предшественников: «Архиепископ Евгений судил о сочинениях других строго, о поступках снисходительно. В первых не терпел недостатков, как просвещенный критик; последние переносил великодушно, как знающий слабости, человеку свойственные»⁴⁶.

После Французской буржуазной революции конца XVIII в. и под ее непосредственным воздействием греческое национально-просветительное движение вступило в пору нового подъема, который характеризовался прежде всего ростом книгопечатания на родном языке. По данным греческого просветителя А. Кораиса, за последнее десятилетие XVIII в. было напечатано больше книг на греческом языке, чем

⁴² Мартынов И. Ук. соч., с. 48—50.

⁴³ См.: Евгений (Болховитинов). Словарь исторический. Т. I. СПб. 1827, с. 150—161. Уточненный и дополненный список см.: Batalden S. Op. cit., pp. 148—172. Но и он не является полным. В нем отсутствует, например, написанный Булгаром еще во время пребывания в Греции трактат «О морских приливах и отливах» (Aravantinou P. Viografiki sillogi Logion tis Tourkokratias. Ioannina. 1960, с. 68).

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 18, д. 249, лл. 22—23.

⁴⁵ По мнению некоторых историков, богословские занятия служили для Булгари средством защиты от нападок обскурантов. Когда Синод в связи с его переводами из Вергилия упрекнул его в том, что он занимается «языческими творениями», Булгари перевел богословский труд А. Зерникавы «О происхождении святого духа» (О-в С. Ук. соч., с. 375—377).

⁴⁶ Мартынов И. Ук. соч., с. 51.

за весь предшествующий период, начиная от падения Константинополя⁴⁷. Финансовую помощь греческим ученым и педагогам в издании их трудов оказывали их соотечественники — богатые купцы, осевшие в различных европейских портах и городах. Особенно большой материальный вклад в распространение просвещения в Греции внесли четыре брата Зосима, жившие в Москве и Нежине⁴⁸. Все работы Булгари, увидевшие свет в первые годы XIX в., изданы были на средства этих меценатов: моральный трактат (Петербург. 1804)⁴⁹, «Трактат о системе Вселенной» (Вена. 1805), «Метафизика, содержащая онтологию, космологию и психологию» (Венеция. 1805). Эти работы Булгари, как и большинство его оригинальных и переводных произведений, написаны на древнегреческом.

О языке произведений своего учителя Мартынов писал: «Еллинский язык его самый древний, трудной и красноречивый, и то даже, что он писал нынешним греческим языком, не легко понимать простому греку. Он старался сие последнее наречие как можно более приблизить к еллинскому»⁵⁰. Тяготение Булгари к архаическому литературному языку вызывало критику со стороны греческих просветителей демократического направления, считавших, что нужно писать понятным для народа языком. Употребление им древнегреческого существенно ограничивало его аудиторию и делало его по преимуществу «учителем учителей». Но было бы несправедливо на этом основании считать Булгари ретроградом или консерватором. Им двигало прежде всего патриотическое стремление непосредственно связать культуру и науку новой Греции с культурным наследием древней Эллады. Ученый гордился тем, что, несмотря на оковы иноземного ига, его соотечественники добились немалых успехов в развитии науки. Встречавшийся с Булгари в 1800 г. его будущий биограф Е. Болховитинов рассказывал, с какой юношеской горячностью старый ученый оспаривал его утверждение относительно упадка наук в Греции: «Нет, нет, кричит он с жаром, природные дарования греков не потерпели ущерба, и в Греции достаточно величайших людей в любой отрасли наук»⁵¹.

В 1801 г. Булгари поселился в Александро-Невской лавре в Петербурге. Но и здесь заботы его оставались вполне земными. 7(19) ноября 1802 г. он обратился к Александру I, жалуюсь на академическую типографию, отказавшуюся выдать ему несколько экземпляров его перевода «Георгик» и «Энеиды» Вергилия: «Я бы не осмелился ничего требовать, — доволен будучи тем, что мне дано, есть ли бы многие из разных стран, а особливо из Греции непрестанно не просили у меня перевода сего, желая первого из латинских стихотворцев Вергилия видеть на греческом языке, так что я принужден был в типографии покупать на собственные деньги несколько экземпляров для друзей и других особ, которым я отказать в том не мог»⁵². Царь дал указание министру народного просвещения П. В. Завадовскому «из числа находящихся за продажей, в типографии императорской Академии наук напечатанных на счет кабинета книг перевода его виргилиевых творений, отпускать просителю сколько ему нужно будет, не требуя от него за них платы»⁵³.

Булгари глубоко интересовался политическими событиями, особенно связанными с его родиной. В 1800 г. на Ионических островах, освобожденных от французской оккупации эскадрой Ф. Ф. Ушакова, возникла Республика Семи Соединенных островов, находившаяся под покровительством России и ставшая первым греческим государством нового времени, очагом национально-освободительного движения⁵⁴.

⁴⁷ Coray. Mémoire sur l'état actuel de la civilisation dans la Grèce. P. 1803, p. 61 (In: Politika filladia (1798–1831) tou Ad. Korai. Athina. 1983).

⁴⁸ Подробнее см.: Арш Г. Л. Этеристское движение в России. М. 1970, с. 150–151.

⁴⁹ В русском переводе, вышедшем два года спустя в Москве, он назывался: «Разсуждение против ужасов смерти».

⁵⁰ Мартынов И. Ук. соч., с. 48.

⁵¹ Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македону. — Русский архив, 1870, №№ 4–6, с. 785–786.

⁵² ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 12, д. 3, л. 2.

⁵³ Там же, л. 1.

⁵⁴ Подробнее см.: Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. М. 1976.

В 1803 г. в Петербург прибыл поверенный в делах республики Д. Наранцис. Большую часть времени в своей монастырской келье Булгари проводил теперь с ним⁵⁵. И последние часы своей жизни провел он с ним, а не со своим духовником. «Говорил он с Поверенным в делах Ионийской республики Г. Нерандзи, который держал его за руку, как он кончался, замечая биение его пульса»⁵⁶. Ученый скончался на 90-м году жизни, 27 мая (8 июня) 1806 г., и похоронен в Александро-Невской лавре.

Поставив целью жизни распространение просвещения в Греции, Булгари остался верен ей до конца своих дней. Значительную часть имевшихся у него на счету в Петербургском банке 10 тыс. руб., а также драгоценные вещи он завещал греческим учебным заведениям: академии, которую предполагалось основать на Ионических островах, а также училищам на горе Афон и о. Патмос⁵⁷. Начавшаяся в 1806 г. русско-турецкая война надолго задержала осуществление этой части завещания Булгари. Лишь 1(13) апреля 1818 г. российский посланник в Стамбуле Г. А. Строганов сообщил в Петербург, что он вручил поверенному училища на Патмосе одесскому купцу 1-й гильдии М. Фотули 1423 пиастра 4 аспры (эквивалент 1032 руб. 76 коп., причитавшихся училищу согласно завещанию Булгари). Такую же сумму полагалось вручить и училищу на Афоне. Но выяснилось, что его давно уже не существует, и остались лишь развалины здания близ Ватопедского монастыря, от которого училище зависело. Поэтому Синод распорядился передать и эти деньги училищу Патмоса. Однако афонские монахи заявили свои претензии, ссылаясь на то, что они вновь собираются открыть такое училище⁵⁸. Дальнейшая судьба этой части завещанных Булгари денег не выяснена.

За годы педагогической и научной деятельности Булгари сумел собрать ценную библиотеку. Еще во время своего пребывания на юге России он продал из нее 1500 томов Потемкину. Книги предназначались для университета, который предполагалось основать в Екатеринославе (ныне — Днепропетровск)⁵⁹. Однако наместник Новороссии не успел осуществить это намерение. После разных перипетий книжная коллекция Булгари попала в библиотеку Казанского университета, где хранится доныне⁶⁰. Остальную часть библиотеки ученый завещал Петербургской духовной академии (сейчас эти книги находятся в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Для XVIII века — века Просвещения был характерен интерес к культуре Древней Греции. Для своей «Риторики» М. В. Ломоносов впервые перевел на русский некоторые произведения древнегреческих писателей, в том числе отрывки из «Илиады» Гомера. Пребывание в России знатока и поклонника древнегреческой культуры, каким был Булгари, дало исследованиям в этой области новый толчок. Его ученик Мартынов, окончивший Полтавскую духовную семинарию, издал в 1823—1829 гг. многотомный труд «Греческие классики»: переводы из Софокла, Геродота, Пиндара, Гомера, других авторов. В Полтавской семинарии учился и поэт Н. И. Гнедич, прославившийся переводом «Илиады». Сам Булгари в сотрудничестве с поэтом и переводчиком Н. А. Львовым в 1794 г. опубликовал параллельно на русском и греческом том стихотворений Анакреона — первое в России полное издание сочинений знаменитого древнегреческого поэта⁶¹.

Уже при жизни Булгари его вклад в греческую науку и просвещение получил широкое признание. Его младший современник Кораис писал в 1803 г. о нем: «Этот

⁵⁵ Стурдза А. С. Евгений Булгарис и Никифор Теотокис, предтечи умственного и политического пробуждения греков. — Москвитянин, 1844, № 2, с. 356.

⁵⁶ Мартынов И. Ук. соч., с. 50.

⁵⁷ Там же, с. 43—44.

⁵⁸ АВПр, ф. Главный архив, III-23, 1817—1819 гг., д. 12, лл. 14—15, 20—21.

⁵⁹ Скворцов В. Ук. соч. — Полтавския епархиальныя ведомости, часть неофициальная, 1877, № 24, с. 1119.

⁶⁰ С. Баталден, работавший в отделе рукописей и редкой книги Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского, где хранится эта коллекция, отметил, что наряду с редкими изданиями древнегреческих классиков она содержит труды Эразма Роттердамского со многими маргиналиями Булгари (Batalden S. Op. cit., pp. 76, 105).

⁶¹ Ibid., pp. 80—83.

уважаемый прелат является сегодня старейшиной образованных людей нации. Одним из первых он весьма существенно способствовал духовной революции, которая в настоящее время совершается среди греков»⁶². Видный деятель новогреческого Просвещения К. Кумас так отзывался о Булгари: «Евгений обезсмертил себя своею ученостию и тем переворотом, который произвел в ходе образования Греции. Обширные и разнообразные сведения по всем почти отраслям наук — плод превосходных дарований и неутомимого трудолюбия, ставят Евгения на ряду первостепенных ученых не только Греции, но и Европы»⁶³.

Булгари высоко ценили и в русских научных и литературных кругах. Известный историк и археограф А. И. Мусин-Пушкин в предисловии к одной из работ ученого, изданной в России, писал об авторе: «Отличныя сего мужа дарования, великое знание древностей и похвала, которую ученые общества о трудах его отзываются, все сие удостоверяет меня, что и настоящее розыскание его будет от публики удостоено благосклонного принятия»⁶⁴. Г. Р. Державин изобразил Булгари в своем знаменитом «Водопаде» в образе «архейских муз», оплакивающих «Перикла» (Потемкина)⁶⁵. Имя Булгари — одного из крупнейших представителей новогреческого Просвещения тесно связано с богатой, хотя и мало еще изученной историей разносторонних русско-греческих культурных связей.

⁶² Согау. *Op. cit.*, p. 16.

⁶³ Цит. по: Скворцов В. Ук. соч.— Полтавския епархиальныя ведомости, 1877, № 24, с. 1129.

⁶⁴ Булгари Е. Историческое розыскание, с. II.

⁶⁵ Сочинения Державина. Т. I. СПб. 1864, с. 481.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории и Научных советах АН СССР

В БЮРО ОТДЕЛЕНИЯ

15 января 1987 г. состоялось очередное заседание Бюро Отделения истории АН СССР под председательством академика-секретаря Отделения акад. С. Л. Тихвинского. С научным докладом «Методологические основы научных дискуссий» выступил чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко.

Дискуссии и споры, выражающие различное понимание существенных черт, взаимосвязей и закономерностей функционирования и развития тех или иных явлений объективной реальности, сказал докладчик, являются естественным и необходимым компонентом в научно-познавательном процессе. Наличие разных мнений побуждает затем ученых к активной разработке спорных проблем, что приводит к их решению. Однако, чтобы научные дискуссии были плодотворными, следует ясно представлять гносеологическую природу возникновения этих проблем, те методологические процедуры в познавательном процессе, выполнение которых приводит к разным результатам, а также соблюдать условия, обеспечивающие успешный ход дискуссий.

Одной из причин различной трактовки одних и тех же явлений нередко оказывается неадекватность отражения в понятиях их основного содержания и некорректное оперирование научными понятиями. Понятия — это форма выражения научных знаний. Понятия отражают существенные свойства и черты, присущие объективной реальности. Естественнo-языковым выражением понятий служат научные термины. Главное в понятийном синтезе, т. е. в обобщении отдельных черт объекта, состоит в полном охвате таких черт, которые целостно характеризуют его объективную природу: содержание понятий должно быть полным. Между тем методологические принципы формирования научных понятий и оперирования с ними нередко нарушаются. Имеется немало примеров неполного раскрытия содержания понятий, отождествления понятий родовых и видовых, подмены установившегося понимания содержания понятий иным содержанием. На этой почве возникают споры и дискуссии без оправданной основы. Просчеты при формировании понятий и оперировании ими требуют усиления внимания к проблемам понятийного аппарата исторической науки.

Основная причина различной трактовки сущностной природы одних и тех же фактов коренится в их категориальном синтезе. Категории — предельно широкие научные понятия. В отличие от собственно понятий, отражающих свойства отдельных объектов реальности, категории характеризуют целые стороны этой реальности. Всякая наука наряду с системой понятий обладает системой соответствующих категорий. Всякое обобщение базируется на определенной теории и методологии научного познания; поэтому все категории включают в себя определенную социальную, партийно-классовую направленность.

Основные категории марксистской историографии — категории исторического материализма. Они играют в научном познании двойную роль. Во-первых, предель-

но синтезируют научное знание, что необходимо для успешного оперирования в пределах данной науки, для междисциплинарного «перелива» знаний и их практического использования. Во-вторых, категориально обобщенное знание служит теоретико-методологической основой получения новых знаний. Здесь особенно велика его роль в категориальном синтезе, суть которого состоит в том, что конкретно-научные факты, полученные на эмпирическом уровне познания и характеризующие реальность со стороны внешних явлений, подводятся под определенные категории, в результате чего раскрывается глубинная, сущностная природа реальности. На базе одних и тех же фактов сущностная природа реальности будет рисоваться по-разному в зависимости от того, под какие категории будут подводиться факты. Наибольшими, принципиально отличными эти различия окажутся в тех случаях, когда соответствующие категории относятся к разным системам теоретико-методологических воззрений, отражая различные партийно-классовые интересы.

Раскрытие внутренней сути фактов путем подведения их под разные категории возможно даже в пределах одной и той же системы теоретико-методологических воззрений, включая марксистскую. Но и в этом случае внутренняя сущность реальности будет рисоваться неодинаково. Характер различий будет иным, чем в первом случае, но может оказаться существенным. Тут коренится основная методологическая причина расхождений в объяснении одних и тех же фактов историками-марксистами. К сожалению, методологическая основа разных точек зрения должным образом не раскрывается историками, что приводит к издержкам в ходе дискуссий и тормозит их развертывание.

При четком разграничении пределов марксистского и немарксистского подходов к категориальному синтезу необходимо освободить советскую историческую науку от всего, что сдерживает развертывание научных дискуссий и снижает их научную эффективность. Для этого, как полагает докладчик, следует соблюдать ряд условий: требуются углубление теоретико-методологических подходов к спорным проблемам и привлечение комплекса новых конкретно-исторических данных, а не многократное повторение уже высказанных соображений и приведение лишь отдельных новых фактов; в центре дискуссий должно находиться выяснение сути расхождений по наиболее существенным аспектам, а не спор по деталям или искусственно выдвинутым проблемам; важное значение имеет четкое раскрытие понятий. Дискуссии должны быть конструктивными, полемика должна сочетаться с обоснованием других решений и трактовок, а ее формы должны быть корректными при изложении и оценке мнения оппонентов.

Свои соображения по докладу высказали академики Ю. В. Бромлей, Д. Ф. Марков, И. И. Минц, А. Л. Нарочницкий и Б. А. Рыбаков, члены-корреспонденты АН СССР Г. М. Бонгард-Левин, П. В. Волобуев, А. А. Искендеров, Ю. А. Писарев и З. В. Удальцова, в прениях приняли участие Ю. И. Кораблев, А. Н. Сахаров, Г. Д. Алексеева. После заключительного слова докладчика академик-секретарь подытожил прения.

С. Л. Тихвинский доложил о дальнейшем совершенствовании координационной работы в условиях перестройки и создании Совета по координации исторических исследований. В него должны войти представители АН СССР и союзных республик, Института марксизма-ленинизма и Академии общественных наук при ЦК КПСС, преподаватели вузов, архивисты, специалисты различных регионов. Основная задача Совета состоит в том, чтобы сконцентрировать усилия всех историков на главных направлениях, избежать дублирования в тематике и мелкотемья.

Акад. Ю. В. Бромлей, члены-корреспонденты АН СССР В. П. Алексеев, А. А. Искендеров, Г. Ф. Ким и Ю. А. Писарев высказали свои мнения о перспективах деятельности Совета, Бюро утвердило его состав (председатель — акад. С. Л. Тихвинский, заместители председателя — члены-корреспонденты АН СССР И. Д. Ковальченко и Ю. С. Кукушкин, В. А. Куманев, ученый секретарь — В. Г. Овчинников).

О составе рабочих групп по подготовке докладов-прогнозов о развитии исторической науки до 2000 г. сообщили руководители этих групп академики Ю. В. Бромлей, И. И. Минц, А. Л. Нарочницкий и Б. А. Рыбаков, члены-кор-

респонденты АН СССР Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ким, И. Д. Ковальченко и З. В. Удальцова. Бюро одобрило предложенные составы.

Был утвержден план работы Бюро на первое полугодие 1987 года.

* *

*

На заседании 29 января 1987 г. председательствовал акад. С. Л. Тихвинский. Открывая его, он подчеркнул значение для историков материалов январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС.

О работе по перестройке деятельности учреждений Отделения в свете решений XXVII съезда КПСС отчитались их руководители: акад. Д. Ф. Марков (директор Института славяноведения и балканистики), акад. Б. А. Рыбаков (директор Института археологии), чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцова (директор Института всеобщей истории), чл.-корр. АН СССР Г. Ф. Ким (и. о. директора Института востоковедения), Б. В. Левшин (директор Архива АН СССР), Г. А. Трухан (зам. директора Института истории СССР), Л. М. Дробижева (зам. директора Института этнографии) и М. М. Кирьян (зам. начальника Института военной истории Министерства обороны СССР).

В прениях выступили академики И. И. Минц, А. Л. Нарочницкий и Б. Б. Piotровский, члены-корреспонденты АН СССР А. А. Искендеров и Ю. А. Поляков. Подводя итоги обсуждения, академик-секретарь подчеркнул, что перестройку необходимо осуществлять быстрее, хотя она и требует длительной, напряженной и творческой работы не только в организационной, но и в исследовательской сферах.

Состоялось также обсуждение хода подготовки докладов-прогнозов¹ по важнейшим направлениям развития исторической науки. Выступили академики А. Л. Нарочницкий, Б. Б. Piotровский и С. Л. Тихвинский, члены-корреспонденты АН СССР Г. Ф. Ким, И. Д. Ковальченко, Ю. С. Кушкин, Ю. А. Поляков и З. В. Удальцова, а также В. Г. Овчинников и М. Н. Губогло.

По представлению чл.-корр. АН СССР А. А. Искендрова Бюро утвердило к печати рукопись книги акад. Е. М. Жукова «Избранные труды по истории Японии», а по представлению чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко — рукопись сборника «Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях».

Было заслушано сообщение зам. директора Института этнографии С. И. Брука об избрании специалиста по среднеазиатской археологии, доктора исторических наук М. А. Итиной членом-корреспондентом Немецкого археологического института (ГДР).

Бюро рассмотрело также некоторые другие вопросы.

А. Ш.

¹ Их характеристику см.: В Бюро Отделения.— Вопросы истории, 1987, № 3.

К ИТОГАМ АТТЕСТАЦИИ НАУЧНЫХ СОТРУДНИКОВ

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС о совершенствовании оплаты труда научных работников в институтах Отделения истории была проведена переаттестация. Основная цель этого мероприятия — совершенствование научной работы и концентрация усилий ученых на главных направлениях, поднятие качества и эффективности исследований.

Редакция журнала «Вопросы истории» обратилась к руководителям ряда институтов с просьбой поделиться своими соображениями об итогах проведенной в 1986 г. переаттестации.

Директор Института истории СССР С. С. Хромов. Работа по переаттестации была проведена дирекцией совместно с партийными и общественными организациями. На новые должности и оклады переведены 369 научных сотрудников. На партийном и профсоюзном активах были обсуждены и приняты нормативные документы: о порядке введения и применения новых условий труда, установления надбавок к должностным окладам сотрудников, участвующих в разработке основных направлений работы института. Внесены соответствующие коррективы в тематику исследований и в структуру института. В соответствии с новой структурой создано 5 отделов и 23 сектора. В структуру института включен также Научный архив. Упразднены сектор истории развитого социализма в СССР и Группа по изучению истории революционной ситуации в России 1859—1861 годов. Новые условия оплаты труда введены в пределах установленного фонда заработной платы.

В состав аттестационных комиссий входили представители дирекции, общественных организаций. Особое внимание комиссии обращали на количество, качество и своевременность выполнения плановых работ, особенно за последние пять лет, на умение руководить творческими коллективами, видеть перспективы их деятельности.

Были подготовлены соответствующие материалы о сокращении отдельных сотрудников, не выполняющих в срок плановых заданий или дающих продукцию низкого качества, а также об отказе от услуг отдельных сотрудников, не имеющих перспективы в научной работе, переводе продуктивно работающих докторов наук пенсионного возраста на должности ведущих и старших научных сотрудников-консультантов.

В результате переаттестации 146 сотрудников были повышены, 17 понижены и 206 оставлены в прежних должностях. 156 сотрудникам повышены должностные оклады, а 36 — понижены. Подготовительные мероприятия и аттестация позволили сократить численность сотрудников на 22 штатные единицы и таким образом достичь экономии фонда заработной платы.

В новое штатное расписание института включено 6 главных научных сотрудников (3 академика, 2 члена-корреспондента АН СССР, 1 доктор наук), 52 ведущих научных сотрудника (51 доктор и 1 кандидат наук), 103 старших научных сотрудника (25 докторов и 78 кандидатов наук), 82 научных сотрудника (1 доктор, 64 кандидата наук), 93 младших научных сотрудника (3 кандидата наук), 11 ведущих научных сотрудников-консультантов и 2 старших научных сотрудника-консультанта. 20 человек утверждены заведующими секторами.

Работа аттестационных комиссий проходила в деловой обстановке, в условиях гласности и демократизма. Аттестация дала более четкое представление о реальных возможностях и вкладе каждого сотрудника в развитие науки, выявила его место в реализации планов работы института и соответствие его профессионального уровня задачам, поставленным перед наукой. Аттестация способствовала укреплению трудовой и исполнительской дисциплины, помогла сосредоточить усилия ученых на основных направлениях исследований. Вместе с тем аттестация выявила ряд недостатков как в отношении подготовки соответствующих документов, так и при характеристике квалификации сотрудников. В ряде случаев имело место завышенное представление на должности. Аттестация показала, что определение критериев, по которым сотрудники должны избираться на соответствующие должности, требует дальнейшего совершенствования. Эту работу надо проводить при широкой гласности и с привлечением всех членов трудового коллектива. В аттестационных комиссиях, состав которых целесообразно расширить и регулярно обновлять, должны быть представлены специалисты по всем основным направлениям исследований.

Зам. директора Института востоковедения АН СССР чл.-корр. АН СССР Г. Ф. Ким. При проведении аттестации в институте преследовались цели: обеспечить повышение требовательности и объективности, гласность и демократизм в оценке труда сотрудников, преодолеть уравниловку, добиться максимально справедливого распределения кадров по новой должностной шкале в соответствии с качеством научного вклада каждого.

В аттестационных комиссиях были представлены администрация, партийная, профсоюзная и комсомольская организации, Совет молодых ученых. В состав ко-

миссий вошли также наиболее авторитетные специалисты по основным направлениям востоковедения. Было разработано положение о порядке проведения аттестации, которое после обсуждения было принято общим собранием сотрудников института.

В процессе подготовки к переаттестации все сотрудники подготовили отчеты о своей работе за последние пять лет, с которыми выступили на заседаниях секторов. При обсуждении докладов оценивались не только объем, но и качество выполненной работы, новизна, теоретическая и научно-практическая значимость исследований, рассматривался вопрос, в каких приоритетных работах 12-й пятилетки будет занят сотрудник.

Центральная аттестационная комиссия (ЦАК) института назначала по 2—3 человека из своего состава в качестве экспертов для предварительного знакомства с материалами переаттестации на комиссиях отделов. На ее заседаниях заслушивалось мнение экспертов и руководителя научного подразделения о каждом сотруднике. Руководитель подразделения докладывал результаты переаттестации в присутствии аттестуемого, которому задавались вопросы и давались рекомендации. В ряде случаев ЦАК не соглашалась с решениями комиссий отделов, занизивших или завысивших должность, рекомендуемую сотруднику. Особенно тщательно рассматривались дела по аттестации молодых сотрудников. Учитывалось мнение Совета молодых ученых и комитета ВЛКСМ. Демократизм, гласность, многоступенчатость аттестационного процесса обеспечили условия более объективного подхода к оценке работы сотрудников.

По результатам аттестации не было аттестовано 8 человек; повышено в должности 225 человек (главные научные сотрудники — 2, ведущие научные сотрудники — 37, старшие научные сотрудники — 32, научные сотрудники — 154); понижено в должности 19 человек; переведено в консультанты 4 человека, ушли на пенсию — 11 человек.

Аттестация показала, что пока еще решены не все вопросы оценки научного вклада каждого сотрудника. Отсутствует четко действующий механизм избавления от слабо работающих или утративших свою квалификацию сотрудников.

Аттестация научных кадров — это только начало перестройки в деятельности института. Предстоит значительная работа по ее улучшению. Надо смелее отказываться от окостеневшей структуры, больше создавать временных творческих групп и лабораторий для разработки новых, остро политических, кардинальных проблем, выдвигаемых современностью, для углубленной разработки фундаментальных проблем.

Директор Института этнографии АН СССР акад. Ю. В. Бромлей. Подготовка к аттестации началась в институте с того, что дирекция совместно с руководителями подразделений определила главные, приоритетные направления и темы исследований. Были рассмотрены структура института и распределение сотрудников по основным направлениям и объектам работы.

В настоящее время выделено 18 приоритетных тем, связанных с разработкой теории этноса, изучением современных национальных процессов в мире, и прежде всего в СССР. Речь идет прежде всего об изучении культурно-бытовых аспектов этих процессов, социальных явлений, обусловленных национальными, этнокультурными особенностями, в том числе психологического характера. К числу приоритетных отнесены темы, имеющие непосредственный выход в практику. Организации института, и прежде всего партийная, активно участвовали в работе по подготовке и проведению аттестации.

В институте создано шесть отделов. В составе отдела этнографии восточнославянских народов создан сектор этнографии русских, а в составе отдела этносоциологии — сектор социально-психологических проблем национальных отношений.

При осуществлении аттестации было проведено обсуждение на заседаниях секторов работы сотрудников за последние 5 и 10 лет, а также рассматривалась их загрузка в 12-й пятилетке, степень участия в разработке приоритетных тем.

В результате аттестации 63 человека повышены в должности, 3 человека утверждены в должности главного научного сотрудника, 19 — ведущего научного сотрудника (15 докторов, 4 кандидата наук). Все они возглавляют направления, ру-

ководят работой группы, отвечают за координацию разработки какой-либо темы по союзным республикам. Из младших научных сотрудников 3 получили должность старшего, а 31 — научного сотрудника.

Таким образом, из 37 работающих в институте докторов наук 3 аттестованы в должности главного, 19 — ведущего, 6 — старшего научного сотрудника (кроме того, докторами наук являются заместители директора, заведующие секторами). Среди 73 кандидатов наук теперь 4 ведущих, 35 — старших, 33 — младших научных сотрудника (1 — зав. сектором). 13 сотрудников понижены в должности (10 старших научных сотрудников переведены в научные сотрудники и 2 младших — в старшие лаборанты). 2 человека не были аттестованы (один уволен, другой переведен на низшую должность). Таким образом, аттестация позволила осуществить продвижение молодых перспективных сотрудников, освободиться от плохо работающих, недостаточно работающих понизить в должности или оплате.

Результаты аттестации были обсуждены в коллективе.

Директор Института славяноведения и балканистики АН СССР акад. Д. Ф. Марков. В процессе работы аттестационных комиссий стала яснее картина конкретной научной отдачи каждого сотрудника института, выявилась неравномерность нагрузки в секторах, обнаружились большие различия в интенсивности работы сотрудников и т. п. Анализ реального положения с кадрами позволил более обоснованно и целенаправленно решать проблему освобождения от неперспективных сотрудников. В результате аттестации значительная часть младших научных сотрудников (64 из 107), проявивших себя в научной работе, переведена в научные сотрудники. Из 98 старших научных сотрудников 41 переведен в ведущие научные сотрудники.

При составлении плана научно-исследовательских работ на 12-ю пятилетку (с перспективой до 2000 г.) в институте был обстоятельно проанализирован вопрос о кадровом обеспечении намеченных исследований. Дело в том, что к 1990 г. свыше 50% ныне работающих сотрудников достигнут пенсионного возраста. Вот почему в текущей пятилетке следует расширить подготовку молодых специалистов необходимого для института профиля. Принято также решение об обязательном прохождении внеочередной аттестации определенной частью сотрудников (прежде всего достигших пенсионного возраста).

Аттестация показала, что большую остроту приобретает и проблема подготовки резерва руководящих работников — заведующих секторами, группами, коллективами, интенсификации научного роста сотрудников среднего поколения и др. Важной остается и задача использования возможностей, предоставляемых новой системой оплаты труда для общей интенсификации работы коллектива.

ФОРУМ ИСТОРИКОВ ОКТЯБРЯ

Всесоюзная научная конференция на тему «Великий Октябрь — торжество идей марксизма-ленинизма» состоялась в г. Калинин в сентябре 1986 года. Ее организовали Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», Институт истории СССР АН СССР, ИМЛ при ЦК КПСС, Минвуз РСФСР и Калининский университет. В ее работе участвовали ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Риги, Кишинева, Баку, Фрунзе, Душанбе, Свердловска, Новосибирска, Горького, Одессы, Казани, Тамбова, Томска и других городов.

Конференцию открыл вступительным словом председатель ее Оргкомитета акад. И. И. Минац. Он подчеркнул значение Октябрьской революции как фактора, во многом обусловившего развитие мира за последние 70 лет. С докладом «Великий Октябрь и Тверской край» выступил первый секретарь Калининского обкома КПСС Н. Ф. Татарчук.

Теме «Октябрьская революция — воплощение в жизнь марксистско-ленинского учения о гегемонии пролетариата» был посвящен доклад К. В. Гусева, который показал, что исход революции зависел от того, сыграет ли в ней пролетариат роль гегемона. Для выполнения этой исторической задачи он нуждался в передовой революционной теории и боевой политической партии. Именно поэтому Россия стала родиной ленинизма и пролетарской партии нового типа, которая повела пролетариат за собой и обеспечила не только его гегемонию в трех народных революциях, но и его всемирно-историческую победу в октябре 1917 года. Опыт Октябрьской революции, российского пролетариата дает основу для решения таких вопросов, как роль рабочего класса в антимонополистической и национально-освободительной борьбе на современном этапе, связь борьбы за демократию и социализм с борьбой за мир.

С докладом «Роль собственного политического опыта масс в выборе Россией в 1917 г. социалистического пути развития» выступил чл.-корр. АН СССР П. В. Волобуев. Как ни велика роль передовых, революционных партий, способных указать массам верное направление, формы и методы борьбы и повести их за собой, сказал он, решающее значение при выборе нового пути имеет собственный политический опыт масс, опыт их непосредственного участия в борьбе за удовлетворение своих экономических нужд и политических требований, сопоставления лозунгов и дел борющихся партий. После Февральской революции политика русской буржуазии вела лишь к углублению кризиса российского общества. Мелкобуржуазные партии пытались обеспечить развитие страны по буржуазно-демократическому пути, что вело их к соглашательству с буржуазией. Программа большевиков, изложенная в Апрельских тезисах В. И. Ленина, где ставилась задача перехода к социалистическому обществу, содержала реальную альтернативу планам буржуазии и ее союзников. Однако в первые месяцы после Февральской революции большинство трудящихся еще верило меньшевикам и эсерам, которые говорили, что по соглашению с буржуазией, путем реформ можно добиться удовлетворения чаяний народа. Июльские события и корниловщина сыграли важную роль в политическом просвещении масс, показав гибельность соглашательства с буржуазией. В результате накануне Октября большинство народа по собственному добровольному выбору встало на сторону Советов и доверило революционному пролетариату и его партии свою судьбу.

С докладом «Великий Октябрь и революционный подъем в Европе» выступил Я. С. Драквин. Он охарактеризовал главные направления непосредственного международного воздействия Октября, который стал мощным фактором усиления борьбы народов за мир, открыл для многомиллионных масс трудящихся путь к социальному и национальному освобождению, содействовал осознанию необходимости разрыва революционных сил с реформизмом, формированию международного коммунистического движения. В начале 20-х годов стало ясно, что революционерам в Европе не удалось одновременно размежеваться с реформистами и повести массы на штурм капитализма. Идейной конфронтации в этих условиях было уже недостаточно, надо было учиться руководить массами. Учитывая обстановку, III конгресс Коминтерна ориентировал коммунистов на совместные действия с другими отрядами рабочего класса. Новый курс Коминтерна формировался медленно и трудно, пока в середине 30-х годов не была сформулирована стратегия единого рабочего и народного антифашистского фронта.

Последующая работа конференции протекала в секциях. В первой — «Переход масс на сторону партии большевиков — важнейшая предпосылка победы социалистической революции в России» — рассматривались три группы проблем. Общие вопросы борьбы большевиков за массы в период борьбы за установление и укрепление Советской власти получили освещение в докладах и сообщениях В. А. Кувшинова, В. И. Старцева (Ленинград), В. С. Орлова (Калинин), Е. И. Барвенковой (Кемерово), И. Л. Афанасьева (Ленинград) и др. В сообщении Н. А. Вахрушевой (Йошкар-Ола) процессы, протекавшие среди непролетарских масс трудящихся, были рассмотрены с точки зрения социальной психологии и, в частности, подчеркивалась необходимость изучения не только их революционности, но и классовых иллюзий, заблуждений и т. п.

Вторая группа выступлений касалась особенностей борьбы большевиков за массы в различных регионах и пролетарских центрах страны. На материалах Москвы об этом говорили Н. Н. Марченкова и В. П. Пройдина, о событиях на севере и северо-западе Европейской части России — Г. А. Парахонская (Калинин), на Урале — Н. Н. Попов, Г. А. Дробышев и Д. В. Гаврилов (все — Свердловск), на Дону и Северном Кавказе — В. Ф. Карпов (Ростов-на-Дону). В ходе выступлений освещалась деятельность большевиков в национальных районах страны. В сообщении И. Р. Тагирова (Казань) речь шла об отношениях большевиков с национально-демократическими революционными организациями; характеризовали работу большевиков на Украине В. Ф. Солдатенко (Киев), в Белоруссии — П. А. Селиванов (Минск), в Латвии — А. П. Муцениек (Рига), в Молдавии — А. Т. Роман (Кишинев), в Азербайджане — Р. Н. Худиев (Баку), в Средней Азии — И. М. Скоробогатов (Душанбе). Такое построение программы секции позволило сделать важный вывод: то, что подчас выглядит местной спецификой, на деле является закономерностью, общей для ряда районов (например, широкое использование большевиками союзов с национально-демократическими организациями в мусульманских районах и т. д.).

Третья группа сообщений была посвящена деятельности большевиков в различных классах и социальных слоях, составлявших трудовое население России. Ее открыли выступления о формах и методах работы большевиков в среде пролетариата: об их борьбе за рабочий контроль рассказала Е. В. Колесова (Калинин), а за коллективный договор — Н. А. Агамалиева (Баку), о росте политической сознательности рабочего класса в 1917 г. — Л. В. Ольховая (Свердловск), Г. И. Дайчик (Минск) и т. д. О деятельности большевиков среди солдат говорили Р. С. Цейтлин (Казань) и В. С. Флеров (Ярославль). При этом подчеркивалась важность левоблокистской тактики. Ряд интересных сообщений касался работы большевиков среди крестьян. А. В. Седов (Горький) рассмотрел влияние большевиков на формирование и деятельность крестьянских комитетов, а в выступлениях И. Ф. Смирнова (Орел), А. Н. Васильева (Пермь), Т. В. Якимовой, В. Г. Зыковой и Г. А. Шахтарина (все — Томск) были прослежены особенности работы большевиков среди крестьян Центрально-Черноземного района, Урала и Сибири.

Важным элементом конференции было обращение к проблематике городских средних слоев. Сообщения о политике большевиков по отношению к этой части населения открыл доклад В. В. Канищева (Тамбов), касавшийся историко-социологических аспектов проблемы. К началу 1917 г. около трети большевиков были представителями городских средних слоев. К Октябрю удельный вес в партии интеллигентов и служащих составлял 10% (в связи с массовым притоком в ряды партии рабочих, солдат и крестьян), однако абсолютное количество представителей городских средних слоев возросло в партии в 5—6 раз. О работе большевиков в среде интеллигенции Урала говорил В. М. Войнов, о борьбе большевистского студенческого актива за учащуюся молодежь — Н. Я. Олесич (Ленинград). Большевистский опыт привлечения молодежи на сторону социалистической революции характеризовали А. Я. Лейкин (Ленинград) и Т. В. Иванова (Калинин), а борьбу большевиков за массы трудящихся женщин в 1917 г. — В. Н. Кулик (Калинин).

Вторую секцию «Великий Октябрь и крах непролетарских партий» открыли доклады и сообщения Х. М. Астрахана (Ленинград), Е. А. Серовой, Г. Д. Алексеевой, М. В. Спириной, Л. М. Овруцкого, В. Л. Дьячкова (Тамбов) об основных теоретических концепциях меньшевиков и эсеров (их отношении к классовой борьбе, к социалистической революции и т. д.) и их крахе в период Великого Октября. О крушении идеологии российского анархизма говорилось в докладе В. В. Комина (Калинин). Динамику численности меньшевистских рядов в 1917 г. показал В. И. Миллер, о поражении меньшевиков в профсоюзном движении говорил П. А. Подболотов (Ленинград), о крахе «новожизнества» — А. В. Купцов (Рига). Изменения в тактике кадетов и меньшевиков после Октябрьской революции (их попытки использовать в борьбе за массы «беспартийные» организации) рассматривали М. С. Молодцова (Ленинград), Ю. В. Аксю-

ти п, В. П. Федюк (Ярославль), а процессы, протекавшие в тот период в среде монархистов,— В. Д. Зими́на (Калинин).

Ряд сообщений касался исторических судеб национальных непролетарских партий. Их взаимоотношениям с общероссийскими партиями накануне и после победы Великого Октября посвятил доклад В. П. Булдаков. Тактику большевиков Белоруссии по отношению к непролетарским партиям охарактеризовали Н. С. Сташкевич и Ж. А. Концевая, Э. А. Липецкий (все — Минск), а процессы, протекавшие в еврейских мелкобуржуазных партиях,— М. М. Червякова (Калинин). Недостаточно изучавшаяся тема — крушение националистических антисоветских партий в Сибири (1917—1919 гг.) — стала предметом выступления В. Г. Лебедева, подготовленного им совместно с В. А. Демидовым (Новосибирск).

В программу секции были включены сообщения Н. И. Вострикова (Липецк) об отношении большевиков к городским средним слоям после Октября и А. В. Кваку́на (Волгоград), который, применив математические методы, сделал попытку проанализировать факты политического размежевания интеллигенции. Группа сообщений касалась итогов выборов в Учредительное собрание. Л. Г. Протасов (Тамбов), оценив состояние изученности проблемы, отметил, что итоги выборов, в целом верно отражая политические настроения масс, в то же время зафиксировали отставание от их революционно-практических действий. Итоги выборов в казачьих районах стали предметом сообщения Л. И. Футорянского (Оренбург), на Урале — В. В. Каплюкова (Свердловск), на севере Европейской России — С. В. Безбрежнева (Петрозаводск).

Работа третьей секции «Великий Октябрь и дальнейшее распространение идей марксизма-ленинизма. Международное значение Великого Октября» началась с доклада Н. М. Якупова (Одесса) о международном значении опыта большевиков по созданию политической армии социалистической революции и сообщения А. Л. Литвина и Л. М. Якубовой (оба — Казань) о факторах, влиявших на распространение марксистско-ленинского мировоззрения в России в годы гражданской войны. Большая группа выступлений касалась особенностей распространения идей марксизма-ленинизма в различных районах страны. Применительно к Украине эти проблемы рассматривались в сообщении И. Л. Гошуляка (Киев), к Молдавии — А. Г. Мораря (Кишинев), к различным регионам Средней Азии — Б. Д. Эльбаума (Ашхабад), В. И. Абылгазиева (Фрунзе), И. Кельдиева и К. Н. Абдуллаева (Душанбе), И. Эркабаева (Ленинабад). О росте революционного сознания белорусского крестьянства говорила Е. К. Пригупова (Минск), о роли социальной политики Советской власти в политическом просвещении трудящихся Туркестана — Г. М. Михайлов (Ташкент).

На секции были заслушаны также сообщения И. Д. Эйнгорна (Новосибирск), Н. В. Каби́кова (Калинин), Е. Г. Петрова (Великие Луки) и А. Е. Лейкина (Москва) о деятельности православного духовенства и некоторых сектантских групп в 1917 г., а также в годы гражданской войны и о борьбе Советской власти с их контрреволюционными вылазками.

Влияние Великого Октября на революционное и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке характеризовали Ю. П. Дементьев и М. М. Гориннов, а завершил работу секции доклад Г. И. Ильящук (Минск) о работе партии большевиков по распространению за рубежом правды об Октябрьской революции в первые два года Советской власти.

На заключительном пленарном заседании были одобрены рекомендации. В них особое внимание обращается на необходимость преодоления иллюстративного метода, который продолжает жить как в чистом виде (сравнительно редко), так и (гораздо чаще) в стереотипах изложения, основанных не на анализе совокупности источников, а на примерах, извлеченных из их незначительной части. В этой связи рекомендовалось более широкое использование математических методов. Конференция отметила важность углубленного изучения таких проблем, как социальная структура рабочего класса и непролетарских слоев населения России в 1917 г.; особенности психологии различных классов и социальных групп в условиях развития революционного процесса; закономерности развития революционного творчества

масс; альтернативность развития революции, ее специфические особенности в различных регионах страны; закономерности возникновения и развития массовых организаций трудящихся (пролетарских, крестьянских, солдатских и т. д.); роль женщин и молодежи в революции; значение тактики левого блока в борьбе партии большевиков за массы; влияние деятельности объединенных социал-демократических организаций на настроения и борьбу рабочего класса; буржуазно-помещичий лагерь противников революции, его состав и деятельность на разных этапах революции; идеологическая борьба в России в период борьбы за победу социалистической революции; борьба партии большевиков против идеологической контрреволюции в послеоктябрьский период. Признано целесообразным проведение симпозиумов о психологии масс в период социалистической революции и роли в ней отдельных социальных групп (и выражавших их интересы политических партий и организаций).

Итоги конференции подвел в заключительном слове К. В. Гусев.

В. И. Мельников

КОНФЕРЕНЦИЯ «УРАЛ И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ»

Организаторами конференции, состоявшейся 15—16 октября 1986 г. в Свердловске, были Научный совет АН СССР по историографии и источниковедению, Институт экономики Уральского научного центра АН СССР, Уральский университет. В ее работе приняли участие преподаватели вузов и сотрудники научных учреждений из 30 городов страны. Участников конференции приветствовал проректор Уральского университета В. М. Жуковский.

На пленарном заседании с докладами выступили: А. В. Бакунин (Свердловск) — о ленинском теоретическом наследии как основе историографии Урала и В. А. Дунаевский — о задачах и основных направлениях истории исторической науки в свете решений XXVII съезда партии. Некоторые итоги разработки истории Урала были подведены в докладах О. А. Васьковского и Н. Н. Попова (оба — Свердловск) (Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война), А. А. Преображенского и А. С. Черкасовой (период феодализма), Д. В. Гаврилова (Свердловск) (рабочие Урала периода капитализма), Н. В. Ефременкова (Калинин) и Р. П. Толмачевой (Свердловск) (советское крестьянство). Докладчики подчеркивали необходимость повышения научного и идейно-теоретического уровня трудов по истории Урала, улучшения организации исследований и популяризации исторических знаний.

В секции «Историография истории Урала периода феодализма» в выступлениях В. Ф. Геннига (Киев), В. Д. Викторовой (Свердловск), В. А. Оборина (Пермь), Л. В. Чижовой, Г. Н. Ключевой (Устинов), С. Г. Пархимовича (Тюмень) было показано зарождение, развитие и современное состояние изучения истории Урала XVII — первой половины XIX в., освещены дискуссионные проблемы. Доклады и сообщения А. И. Юхта, А. И. Комиссаренко, Я. Е. Водарского, Б. Г. Плющевского (Устинов), С. С. Смирнова (Челябинск), Н. С. Половинкина (Тюмень), В. В. Мухина, В. А. Шмырова (оба — Пермь) и др. содержали анализ исследований по истории Урала эпохи феодализма (развитие промышленности, сельского хозяйства, городов, формирование пролетариата, положение и борьба крестьян), показ степени изученности этих проблем, направлений дальнейших исследований.

На секции «Историография истории Урала периода капитализма» в центре внимания Ю. А. Буранова, В. И. Усанова, Л. В. Ольховой (оба — Свердловск), Г. Г. Касарова, П. Е. Любарова (Одесса), М. И. Черныша, Я. Б. Рабиновича (оба — Пермь), А. Ю. Друговской (Курск), Ю. А. Якоб-

сона (Иваново), М. Г. Мейеровича (Ярославль) и др. были работы дореволюционных и советских историков о социально-экономическом развитии региона, положении рабочих, общественном и революционном движении. Значительное внимание уделялось историографии формирования и положения пролетариата Урала, изучению аграрного вопроса. В. Г. Сарбей (Киев) говорил о месте, которое занимает история Урала в Биографической хронике В. И. Ленина, и использовании ее материалов в советской историографии.

Были выявлены наиболее актуальные вопросы, требующие специального исследования: критерии и хронологические рамки промышленного переворота, соотношение капиталистических и пережиточных факторов в экономике, темпы развития капитализма в сельском хозяйстве, социальный облик горнозаводского пролетариата в период капитализма, степень связи его с землей, масштабы и формы классовой борьбы рабочих в пореформенный период. Крайне слабо освещалась на секции историография истории промышленного развития Урала в период капитализма.

На секции «Историография истории Урала переходного от капитализма к социализму периода» практически были затронуты все аспекты региональных историографических исследований. В выступлениях К. К. Каримова (Уфа), И. В. Скипиной, Э. Э. Бодровой, Д. Н. Шаталова (все — Свердловск) были затронуты вопросы организации исследований и развития источниковой базы по истории Урала. Наибольшее внимание было уделено анализу литературы о первых годах Советской власти. Е. Б. Заболотный (Тюмень), Я. Л. Ниренбург, Г. В. Пожидаева, Л. А. Фофанова (все — Свердловск) подвели итоги изучения проблем истории Великого Октября в регионе. Было отмечено, что современные изыскания в этой области касаются широкого круга вопросов, однако многие аспекты, прежде всего связанные с действием в конкретных условиях объективных закономерностей общественного развития, социально-экономических и политических факторов, нуждаются в дальнейшей разработке.

В докладах и сообщениях В. А. Данилова (Тюмень), П. Ф. Плотникова, А. Т. Тертышного, В. В. Третьякова (все — Свердловск), В. С. Скробова был показан уровень изученности истории гражданской войны и империалистической интервенции на Урале. Отмечая достижения в разработке вопросов военного строительства, они подчеркнули необходимость дальнейшего исследования его экономических, социально-политических проблем. Историография истории Урала периода социалистического строительства на секции была представлена слабее. В докладах и сообщениях Н. И. Коровина (Иваново), В. П. Петрова (Тюмень), В. Д. Камынина, С. П. Постникова, В. П. Гурова, В. М. Куликова, Л. И. Пересторониной, В. Г. Чуфарова, М. Е. Главацкого, Г. С. Андриановой, В. П. Полева (все — Свердловск) была рассмотрена историография истории рабочего класса и крестьянства переходного периода, а также сельского хозяйства, культурной революции. Были высказаны пожелания о более целенаправленной и систематической разработке проблем построения основ социализма.

На секции «Историография истории Урала периода завершения строительства социализма и его совершенствования» К. Б. Валлиулин (Уфа), А. И. Суханов (Устинов), Л. И. Гвоздкова, Л. А. Лыкова, М. Г. Чернова, М. Н. Денисевич, В. Ю. Суворов (все — Свердловск) рассмотрели основные итоги изучения истории рабочего класса в послевоенный период, выделили направления, которые разрабатываются наиболее активно: ведущая роль рабочего класса в процессе социалистического строительства, трудовая и социальная активность, культурно-технический уровень рабочих. Было обращено внимание на необходимость комплексно представить социальную политику КПСС на современном этапе, раскрыть вклад рабочего класса в укрепление социалистической дисциплины, совершенствование научной организации труда, ускорение научно-технического прогресса.

А. М. Чинчиков (Саратов), Г. К. Павленко (Челябинск), О. В. Литягина (Оренбург), Г. Е. Корнилов, В. П. Мотревич, Н. В. Акифьева, В. Л. Берсенев, Г. В. Дюпина, Т. П. Мусихина (все — Свердловск) подвели итоги изучения истории советского крестьянства Урала. Несмотря на актив-

ность в исследовании этой проблемы, историографическая ее разработка недостаточна, некоторые аспекты требуют дальнейшего изучения: социальная психология советского крестьянства, развитие творческой активности колхозников, деятельность агропромышленного комплекса в регионе.

Конференцией приняты рекомендации: создать обобщающий труд по историографии истории Урала, практиковать выпуск проблемных историографических сборников, усилить разработку теоретико-методологических концепций истории края, развернуть критику буржуазных фальсификаций истории региона, совершенствовать координацию исследований, создать секцию «История исторической науки» при кафедре историографии и источниковедения истории СССР Уральского университета с подсекцией по историографии всеобщей истории в Пермском университете; подготовить научную конференцию по историографии истории развития производительных сил Урала в дореволюционный период и в советское время.

В. Д. Камынин, В. И. Усанов

Рецензии

М. П. КОСТЮК. *Трудовой вклад крестьянства в победу и упрочение социализма*. На материалах БССР. Минск. Наука и техника. 1986. 238 с.

Книга заместителя директора Института истории АН БССР доктора исторических наук М. П. Костюка оригинальна по замыслу и исполнению. В литературе по проблемам социалистического преобразования сельского хозяйства тема трудового вклада крестьянства в построение и упрочение социалистического общества в масштабе как страны, так и союзных республик не получила еще полной и всесторонней разработки. Если такой ее аспект, как роль крестьянства в развитии колхозного производства, в поставках сельскохозяйственной продукции, исследован неплохо, то этого нельзя сказать о вкладе крестьянства в создание материальных фондов индустриализации, в формирование материально-технической базы колхозного строя. Более того, в большинстве работ о развитии союза рабочего класса и крестьянства в переходный период освещается главным образом руководящая роль рабочего класса в развитии промышленности, создании и упрочении колхозного строя, а вклад крестьянства в осуществление курса партии на индустриализацию, в победу социализма в широком смысле на конкретном материале не показывается.

Существенное отставание в разработке данной темы, как аргументированно показывает автор, имеет место и в историо-

графии Белоруссии. Не выяснено, например, значение сельскохозяйственного налога и других поступлений из деревни в накоплении средств для развития промышленности, не исследован вопрос об отходничестве крестьянства в промышленность. В обобщающей работе «Победа колхозного строя в Белорусской ССР» (Минск. 1981) отражены лишь некоторые стороны производственной деятельности крестьянства в развитии сельского хозяйства (с. 7—13).

М. П. Костюк поставил перед собой следующие задачи: показать участие крестьянства в формировании материальных фондов индустриализации, его вклад в создание материальной базы колхозного строя; осветить процесс превращения колхозников в основную производительную силу деревни, нарастание их трудового участия в общественном хозяйстве (с. 14). Хронологические рамки исследования охватывают 1926—1941 гг., включающие такие этапы, как построение фундамента социализма (1926—1932 гг.), завершение построения социализма в основном (1933—1937 гг.), начало упрочения и дальнейшего развития социализма. В ходе изложения материала автор стремится определить особенности осуществления анализируемых процессов и явлений в республике на каждом из этих эта-

пов, органически увязывая этот материал с общесоюзным.

В монографии использованы материалы из фондов центральных и местных партийных и государственных архивов. Особенно основательно изучены автором документы из Партархива Института истории партии при ЦК КПБ и ЦГАОР БССР, а также ЦГАНХ СССР.

Проведение индустриализации, отмечается в книге, было в первую очередь делом рабочего класса, но в условиях России, где революционные преобразования осуществлялись в короткий срок, с максимальным использованием всех внутренних материальных и людских ресурсов, он нуждался в помощи со стороны крестьянства — самого многочисленного класса общества. В то время оно уже располагало определенными материальными возможностями, позволявшими ему принять участие в осуществлении индустриализации (были восстановлены в основном производительные силы деревни, активно шел процесс осереднячивания, значительно увеличились доходы на душу сельского населения и т. п.).

Детально прослеживает М. П. Костюк различные каналы поступления из деревни материальных средств на развитие социалистической индустрии: сельскохозяйственный налог, займы индустриализации, «самообложение» сельского населения и др. Участие крестьянства республики в этих вложениях из года в год росло (с. 36—37). После завершения в деревне социалистических преобразований, приведших к значительному росту материального уровня сельских тружеников, крестьянство стало располагать значительно большими средствами для помощи развивающейся индустрии.

В книге показано, что основная часть материальных поступлений из деревни в реконструктивный период направлялась Советским государством на нужды индустриализации (с. 97). В то же время часть поступающих от крестьянства средств возвращалась в деревню в форме поставок машин и орудий, минеральных удобрений, сортовых семян и т. д., а также бюджетного финансирования и кредитования колхозов. К сожалению, М. П. Костюк не попытался хотя бы в самых общих чертах определить соотношение средств, поступающих из деревни в город и из города в деревню. Опыт составления таких балансов применительно к 1-й пя-

тилетке (правда, не во всем удавшийся), предпринят А. А. Барсовым¹.

При освещении роли крестьянства в создании материально-технической базы колхозного строя автор упустил такой вопрос, как распространение среди крестьянства в начале 30-х годов акций Трактороцентра. В постановлении СНК СССР от 27 декабря 1930 г. подчеркивалось, что строительство новых и расширение действующих МТС может быть успешно осуществлено лишь при условии, если само крестьянское население примет в нем активное участие, вкладывая свои денежные средства. Средства эти были мобилизованы путем распространения акций Трактороцентра, ведавшего строительством МТС. Капитал этого акционерного общества составляли поступления из госбюджета и от кооперативных союзов, а также от реализации акций. Из 540 млн. руб., затраченных на строительство МТС в 1931 г., 211,6 млн. (39% общих капиталовложений) были внесены колхозами и другими производственными объединениями крестьян².

Следовало также подчеркнуть, что колхозное крестьянство являлось практически единственным источником формирования кадров механизаторов МТС. Более того, основная масса колхозных механизаторов имела статус колхозников, только с апреля 1935 г. часть механизаторов — комбайнеры были включены в штаты МТС, т. е. стали сельскохозяйственными рабочими.

В книге содержится конкретный материал, характеризующий непосредственное участие крестьянства в промышленном строительстве, в реконструкции старых и возведении новых предприятий. Одна из форм такого участия — отходничество — имела место в белорусской деревне уже во второй половине 20-х годов и особенно широко распространилась в 30-е годы в виде оргнабора (с. 43—44, 98—100). М. П. Костюк приводит данные о том, что немало крестьян-отходников оседали на фабриках и заводах, пополняя ряды рабочего класса. Автор прав, утверждая, что в основе этих процессов лежал рост

¹ Барсов А. А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М. 1969.

² Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. М. 1957, с. 346; ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 14, д. 111, л. 14.

производительности крестьянского труда в результате повышения механизации сельскохозяйственного производства. Однако миграционные процессы из деревни в город в 30-е годы далеко не всегда определялись этими факторами. Имело место и стихийное («самовольное») отходничество; оргнабор не всегда учитывал интересы колхозов; в хозяйствах порой оголялись те или иные участки производства, руководителям колхозов приходилось решать проблему пополнения трудовых ресурсов за счет использования других источников.

Примечательны в этой связи приводимые М. П. Костюком (с. 103—104) данные о том, что во второй половине 30-х годов число колхозников, принимавших участие в общественном хозяйстве, превышало количество трудоспособных, поскольку к работе приходилось привлекать подростков, лиц преклонного возраста, работников со стороны (эти факты автор справедливо оценивает (с. 105) как «свидетельство большого трудолюбия крестьян, их заботы о развитии общественного хозяйства»). Наводят на размышления и данные о ликвидации в 1937 г. в связи с отходничеством значительного числа хозяйств колхозников и единоличников (с. 99). Вряд ли правильно при анализе отходничества и сопутствующих ему явлений исходить только из позитивных оценок.

Рассматривая различные формы участия крестьянства в социалистическом строительстве, автор приходит к выводу, что «основной вклад в формирование фондов социалистического строительства крестьяне вносили поставками государству сельскохозяйственных продуктов и сырья» (с. 43), и подкрепляет его большим фактическим материалом. В книге показано, как в ходе социалистического преобразования сельского хозяйства колхозное крестьянство превратилось в основную производительную силу деревни. Заслуживают внимания приводимые автором динамические показатели о росте численности крестьянства БССР, принимавшего участие в общественном труде, о выработке колхозниками трудодней в целом по расчету на одного трудоспособного и на один колхозный двор (с. 104, 106, 109).

Большое внимание М. П. Костюк уделил вовлечению женщин в колхозное производство, овладению ими профессией

механизатора, выдвижению их на руководящие должности. Затрагиваются им и вопросы общественно-политической активности колхозного крестьянства, подчеркивается тесная связь этой формы его социальной активности с трудовой активностью. Автор не обходит трудности и негативные явления, анализирует причины невыполнения некоторыми колхозниками обязательного минимума трудодней и т. д. (с. 118—119). В книге характеризуются меры, которые партия и правительство принимали для исправления этих недостатков. Анализируя основные показатели развития колхозного производства республики за 1933—1940 гг., М. П. Костюк отмечает как крупные достижения в этой области, так и недостатки, в частности отставание животноводства.

В то же время можно было шире охватить негативные явления рассматриваемого периода, связанные с субъективным фактором, например, сказать о натуроплате колхозов за работу МТС, с 1933 г. определявшейся на основании т. н. видовой урожайности, разница между которой и амбарными (фактическими) сборами достигала 30%³. Вследствие этого товарность колхозов искусственно завышалась, они вынуждены были значительно переплачивать МТС. В книге же только указывается, что натуроплата колхозов МТС за выполненные сельскохозяйственные работы была одной из основных форм поступления зерна в государственные закрома, причем объем ее в 3-й пятилетке превышал обязательные поставки хлеба государству (с. 89). Об отрицательном влиянии культа личности на социалистическое строительство в деревне говорится только в общей форме (с. 230).

В целом М. П. Костюк значительно продвинулся по пути исследования темы. Его монография существенно дополняет обобщающий труд историков Белоруссии о победе колхозного строя в республике и ранее вышедшую книгу того же автора⁴, расширяет историографию советского крестьянства.

И. Е. Зеленин

³ См. Зеленин И. Е. Колхозы и сельское хозяйство СССР в 1933—1935 гг. — История СССР, 1964, № 5, с. 14.

⁴ Костюк М. П. Идеино-политическое воспитание крестьянства. Из опыта работы Компартии Белоруссии в период строительства социализма. 1926—1937. Минск. 1979.

Селянський рух на Україні. Середина XVIII — перша чверть XIX в. Збірник документів і матеріалів. Київ. Наукова думка. 1978. 534 с.; Селянський рух на Україні. 1826—1849 рр. Збірник документів і матеріалів. Київ. Наукова думка. 1985. 503 с.

За последние 15 лет украинские археографы обогатили литературу по истории крестьянского движения на Украине рядом публикаций, начав в 70-е годы издание ранее неизвестных материалов в тематических сборниках¹ и перейдя затем к изданию серии «Крестьянское движение на Украине». Первые ее тома подготовлены редколлегией и коллективом составителей² под руководством Н. Н. Лещенко — автора ряда монографий по истории крестьянского движения на Украине XIX — начала XX века.

Документы выявлялись в центральных государственных архивах СССР и УССР, областных архивах республики, научных библиотеках, а также в Главном архиве древних актов в Варшаве. Для публикации отобраны те из них, которые содержат новые факты о крестьянском движении на Украине.

Дата документа, открывающего первый том, — 12 июля 1748 г., т. е. украинская серия охватывает почти пять десятилетий XVIII в., не освещенных в серии «Крестьянское движение в России XIX — начале XX в.». А всего в томе содержатся 186 документов, и только один из них — выдержка из рапорта Г. А. Потемкина Екатерине II, касающегося Турбайского восстания крестьян (док. № 104), — перепечатан из книги 1947 года³. Кстати, ссылка на публикацию без повторения архивного шифра наводит на мысль об утрате оригинала. В томе за 1826—1849 гг. — 211 документов из 2 тыс. выявленных, и только четыре из них (№№ 8, 42, 198 и 206) были частично или полностью опубликованы ранее. Но составители правильно сделали, включив их в том, т. к. они отражают деятельность вы-

дающихся народных бунтарей У. Кармалюка, С. Олейника, Л. Кобылицы.

Украинская серия не только дополняет российскую, издававшуюся под руководством Н. М. Дружинина, но и в ряде случаев открывает новые страницы истории классовой борьбы украинского крестьянства. Речь идет не только о событиях второй половины XVIII века. Чрезвычайно интересен материал о крестьянском движении на западноукраинских землях, отражающий переплетение антикрепостнической, антипомещичьей борьбы крестьян с национально-освободительной. Носителем идеи воссоединения украинских земель выступает западноукраинский крестьянин.

Анализ форм крестьянского движения, его сильных и слабых сторон показывает общность приемов действий крестьян различных регионов Украины и России в целом, что свидетельствует о закономерностях, пробивавших себе дорогу независимо от местных особенностей. Это наблюдение позволяет, например, гипотетически представить «модель социального поведения» вожаков российского крестьянства в случае перерастания революционной ситуации 1859—1861 гг. в революцию. Действия депутата венского парламента крестьянина Лукьяна Кобылицы отражают те же черты крестьянского демократизма и монархизма, которые были свойственны крестьянским депутатам Думы⁴. Приведенные документы свидетельствуют об общности главных целей крестьянского движения при большом разнообразии причин, обстоятельств и форм его, а это, не вдаваясь в конкретную характеристику отдельных документов (или их групп), составляет основную историографическую ценность новой публикации.

Украинская серия — прежде всего явление археографическое, и поэтому вопросы археографической культуры издания требуют особого внимания, учитывая, что серия еще не завершена. Выше отмечалась обстоятельность работы по выявлению и отбору документов для публика-

¹ См. Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст. Зб. док. Київ. 1970; Класова боротьба селянства Східної Галичини (1772—1849). Док. і м-ли. Київ. 1974.

² Составители: В. П. Баран, Г. В. Борjak, Г. В. Болотова, М. И. Бутич, М. Г. Вавричин, Л. З. Гисцова, М. С. Грабова, А. А. Купчинский, Г. С. Сергийчук, Ф. И. Стеблій, В. В. Страшко, В. С. Шавдра, Н. М. Яковенко.

³ Г у с л и с т и й К. Турбайське повстання. Київ. 1947, с. 19—20.

⁴ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 16, с. 425—426; т. 17, с. 315.

ции. Имея такого предшественника, как общероссийская серия, составители поступили правильно, в принципе избегая перепечаток. Сравнивая новые документы с известными уже по ней, мы вновь убеждаемся, что осуществленное под руководством Н. М. Дружинина издание охватило все крупные и почти все менее значительные факты крестьянского движения в XIX в., имеющие принципиальное значение. Однако новый комплекс документов, освещающий уже известные по литературе события, расширяет наши представления о них.

Документы, вошедшие в украинскую серию, значительно дополняют «Хроника крестьянского движения». Только 161 из 941 ее статей первого тома (с. 406—476) и 347 из 1221 статьи второго (с. 352—458) основаны на ранее опубликованных документах. Следовательно, три четверти статей «Хроники» вводят в оборот новые документы. Правда, этот показатель несколько неточен, т. к. в первом томе составители в ссылочном аппарате к статьям «Хроники» не указывали номера опубликованных документов (этот недостаток исправлен во втором томе). Но так или иначе и в данной серии «Хроника» как прием публикации массовой делопроизводственной документации показала не только свою экономичность, но и научную целесообразность, т. к. дает исследователям систематический формализованный материал. Приемы ее составления не отличаются существенно от приемов, принятых в общероссийской серии, что позволяет использовать все эти материалы для статистики крестьянского движения в целом по стране.

Значительно облегчает работу с серией и нововведение — нумерация статей «Хроники». Отметим, однако, что формулировки во «Введении» к «Хронике» и в археографическом предисловии к первому тому не всегда совпадают (ср. с. 20—21 и 26 — об определении понятия «массовость» в «исках казачества», поджогах, побегах и проч.). Но эти разночтения существенно не повлияли на практику составления статей «Хроники». Жаль, что авторы отказались в ней от статистического обоб-

щения в форме таблиц и что в научно-справочном аппарате второго тома уже нет «Перечня опубликованных документов», а это затрудняет работу исследователя, так же, как и отсутствие именного указателя.

Вторым каналом расширения информативности публикации являются примечания, в которых используется дополнительный материал, выявленный в архивах. Научный уровень примечаний высок, однако встречаются и небрежности. Примечание 8-е второго тома посвящено Кармалюку, где он назван «Кармелюком», и ради этой новой транскрипции изменено название работы А. Х. Хвыли и даже документального сборника, изданного в 1948 г.⁵, — на самом деле в обоих случаях он именуется Кармалюком, как и в заголовках к документам тома (см. №№ 6, 8, 42, 56, 67, 70, 71) он назван Кармалюком.

Археографическая обработка текста документов, их оснащение заголовками проведены тщательно. Конечно, было бы лучше документы на немецком, польском и венгерском языках публиковать не только в переводе, но и в оригинале. Хотя рецензент первого тома прав, утверждая, что даже «наилучший перевод не может передать всех языково-стилистических особенностей документа»⁶, все же не стоит применять этот принцип к массовой документации, которая также содержится в томе. Отметим еще одну неточность: в легенде читаем, например: «Подлинник. Перевод с польского», когда следовало писать: «Перевод с польского подлинника».

Второй том вышел через семь лет после первого — это примерно то время, которое потребовалось, чтобы издать восемь томов общероссийской серии. Научная ценность рецензируемого издания, казалось бы, предполагает большую оперативность.

Б. Г. Литвак

⁵ См. Хвыля А. Х. Устим Кармалюк. Київ. 1936; Устим Кармалюк. Зб. док. Київ. 1948.

⁶ Архіви України, 1979, № 3, с. 60—62.

Интерес к вопросам, связанным с образованием государственной территории и географией древних поселений Руси, появился у историков уже в XVIII веке. Изучение этих вопросов продолжают советские историки. До сих пор не утратил своего значения труд А. Н. Насонова о государственных образованиях на территории Древней Руси в IX — первой трети XIII века¹. За последнее время советская историческая наука обогатилась новыми публикациями, археологическими, сфрагистическими, эпиграфическими материалами, усовершенствовалась методика их исследования. Это расширило возможности дальнейшего изучения проблемы.

В работе ведущего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР доктора исторических наук В. А. Кучкина дано более глубокое толкование ряду прочно вошедших в научный оборот источников, уточнено прочтение летописных свидетельств, родословных книг и актового материала, привлечены и новые, скрупулезно изученные автором источники, широко применен прием ретроспекции — использования более поздних сведений и картографического материала путем проецирования их данных (после тщательной проверки) на предшествующее время, расширены и хронологические рамки исследования.

Само понятие «государственная территория» было сформулировано в советской историографии А. Н. Насоновым. В. А. Кучкин принимает его трактовку с небольшими поправками, считая, что в это понятие необходимо включить указание и на ненаселенные земли, подчиненные феодальной власти.

Рассматривая процесс формирования Ростовской земли — княжения, являвшегося частью Древнерусского государства, автор во многом идет вслед за А. Н. Насоновым, который показал постепенный рост территории Древнерусского государства, создававшегося и силами местной власти и усилиями, идущими из центра. Он разделяет мнение А. Н. Насонова, что распространение феодальной дани, суда и повинностей вело к росту классовой борьбы, к созданию государственной тер-

ритории с выраженными границами и административным делением.

Пересмотренный и тщательно проанализированный В. А. Кучкиным материал показывает, что до второй четверти XII в. Ростовская земля находилась под политическим господством южпорусских князей, которые получали дань с ее населения и вершили над ним суд. После 1125 г., при Юрии Долгоруком, она превращается в суверенное Суздальское княжество. В. А. Кучкину удалось уточнить, по сравнению с данными А. Н. Насонова, даты некоторых событий в княжестве, очертить его границы.

Существенно, что автор прослеживает формирование территории княжеств в связи с происходившими там социально-экономическими сдвигами. Для Суздальского княжества он отмечает усиление процесса внутреннего феодального освоения территории, расширяет наши знания о строительстве новых городов, уточняя время их основания. Увеличение населения, рост производительных сил, усложнение социальных отношений — все эти процессы способствовали появлению признаков феодального дробления Суздальского княжества, приостановленного властью Андрея Боголюбского.

Выполненное впервые столь подробно описание Владимирского княжества в начале XIII в. показывает, какую огромную территорию оно занимало. В. А. Кучкин по-новому интерпретирует некоторые летописные известия и привлекает свежий материал, позволяющий проследить пути расширения княжества на восток и север за счет земель, контролировавшихся Волжской Булгарией. Карты-схемы, составленные с учетом картографических материалов XVIII—XIX вв., иллюстрируют и распад Владимиро-Суздальского княжества во втором десятилетии XIII в. на более мелкие княжества. При этом исправлены ошибки, допускавшиеся ранее при изучении процесса их дробления. В книге воссоздана наиболее подробная и полная картина сложных перипетий, связанных с формированием государственной территории Северо-Восточной Руси.

В. А. Кучкин собирает и анализирует весь известный летописный материал и на его основе подробно описывает опусто-

¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М. 1951.

шительные удары монголо-татар, нанесенные по северо-восточным городам в XIII веке. Разгрому периодически подвергались старые, давно колонизованные и густонаселенные районы центра Ростово-Суздальской земли. Но вторжение в Тверское, самое западное княжество, население которого из-за усиливавшегося натиска Литвы сдвигалось в районы Твери и Москвы, к запустению и обезлюдению не привело. Автор детально характеризует районы, где, избегая ударов монголо-татар, скапливалось население Суздальщины (Новгород Великий, Белоозеро, Ярославское Поволжье, Москва, Тверь, р. Шексна). Такая концентрация сил способствовала, и это подробно показано в книге, развитию западных, северных и восточных окраин прежней Ростово-Суздальской земли и образованию новых, периферийных княжеств. Судьба Владимирского великого княжества, терявшего значительную часть территории, переходившей к окраинным княжествам, становится более зримой.

По-новому освещены в книге спорные и недостаточно изученные аспекты развития территории княжеств Северо-Восточной Руси в XIV веке. К их числу можно отнести выяснение сравнительно точных пределов Тверского княжества путем сопоставления источников того времени с более поздними. Это позволило локализовать ряд тверских волостей, уточнив данные С. Б. Веселовского и других исследователей о границах этого княжества, установить местоположение загадочного летописного города Святослава Поля, объяснить вариантность древнего названия города Старицы, воссоздать территориальное деление Тверского княжества до и после смерти Михаила Ярославича (1318 г.) и таким путем выяснить содержание утраченного завещания тверского князя, которое, по выражению А. Е. Преснякова, имело то же значение в истории Тверского княжества, какое духовная Ивана Калиты имеет для истории московских междукняжеских отношений².

Характеризуя эволюцию государственной территории Твери до конца XIV в., В. А. Кучкин связывает ее с событиями политической истории, экономическими и социальными тенденциями. Он приходит

² Пресняков А. Е. Образование Велико-русского государства. Пг. 1918, с. 191.

к выводу, что до 60-х годов XIV в. в Тверском княжестве происходили те же процессы, что и во всей Северо-Восточной Руси: образовалась территория, которой правил великий князь без права передачи власти по наследству. Управление регулировалось Ордой. Со второй половины XIV в. усиливался процесс объединения Тверской земли под одной властью.

При изучении Суздальского, Городецкого и Нижегородского княжеств автору удалось очертить их территорию и локализовать многие поселения и угодья, что вносит новое в представления о хозяйственной освоенности края и истории поселений, существовавших здесь в последующие века. Уточняя мнение А. Е. Преснякова, В. А. Кучкин показал, что удельное членение территории Нижегородского княжества было довольно прочным и имело, как и в других крупных государственных образованиях Северо-Восточной Руси, свою систему деления на уделы.

Для понимания истории Галичского княжества большое значение имеют предложенные автором объяснения спорного вопроса о том, какой характер носили «купли» Ивана Калиты. В развитии Юрьевского, Дмитровского, Стародубского и Галичского княжеств в XIV в. автор усматривает те же тенденции, что и в крупных княжествах: объединительные устремления на местах и общую тягу к созданию единого национального государства.

Пересмотр интерпретации источников по истории Ростовского княжества привел автора к заключению, что на протяжении XIV в. шел процесс его дробления, выражавшийся как в образовании уделов членов ростовской княжеской фамилии, так и возникновении на его территории великокняжеских и московских владений. По материалам XV в. автор доказывает реальность существования Бохтужского удела, уточняет роль Устюга как удельного города в составе Ростовского княжества и характеризует владения ростовских князей в Двинской земле.

Территорию самого значительного княжества XIV в., Ярославского, В. А. Кучкин изучает путем корректировки данных родословных книг и синодика с помощью свидетельств летописных сводов и актов, расширяя тем самым круг источников по этой проблеме. Представление о раннем дроблении территории Яросла-

ского княжества оказывается неверным, автор относит его к середине 40-х годов XIV века. Ретроспективное рассмотрение источников XV—XVI вв. помогло ему выявить расположение ярославских уделов к концу XIV века. Общая тенденция в развитии княжеств Северо-Восточной Руси — заинтересованность князей в политическом единстве и подчинении старшему представителю княжеского дома — была обусловлена, как показано в книге, близостью владений князей разных родственных линий к стольному городу того или иного княжества.

Важное значение имеют раздел, посвященный формированию территории Моложского княжества, и уточнения, касающиеся Белозерского. Купля Белоозера Калитой и другие его приобретения рассматриваются автором как получение ханского ярлыка на Белозерское княжество.

Особо следует отметить приложенную к книге карту «Княжества Северо-Восточной Руси к 1389 г.», отражающую результаты историко-географического исследования автора.

Монография заслуживает высокой оценки. Вместе с тем излишне категоричны авторские суждения о некоторых исследованиях. Думается, В. А. Кучкин не всегда учитывает конкретно-исторические условия, в которых работали историки XIX — начала XX в., и в разборе их трудов у него часто превалирует подход с высоты современных достижений в области методологии истории, историографии и источниковедения и недостаточен элемент историзма. Отказ Н. М. Карамзина от рассмотрения проблем «удельного пе-

риода» автор объясняет лишь особенностями его концепции развития Русского государства. Но ведь при жизни Карамзина еще не были изучены связанные с этим вопросом источники. Подобный подход встречается и при оценке ряда других положений, содержащихся в «Истории государства Российского» (с. 9—10). Сказанное можно отнести не только к Карамзину, но и к М. П. Погодину, не сумевшему, по мнению В. А. Кучкина, установить границы княжеств XI—XIII вв. (с. 12). Д. А. Корсакова, труд которого относится к началу 70-х годов XIX в., В. А. Кучкин упрекает (с. 18) в слабости методологических посылок.

Перепазыщенной конкретными данными представляется В. А. Кучкину (с. 28) работа М. К. Любавского (1929 г.). Однако даже простое перечисление названий волостей, сел, монастырей, взятых из неопубликованных источников, давало общую картину, по которой можно было судить о степени заселенности и освоенности территории Русского государства, а карта, составленная М. К. Любавским, не утратила своего значения и поныне. В целом же историографический обзор в монографии дает полное и динамичное представление о степени изученности проблем, которыми занимается автор, и о вкладе, сделанном его предшественниками.

Работа В. А. Кучкина, несомненно, послужит толчком к дальнейшему и более детальному изучению процесса внутреннего освоения различных земель и истории поселений в Русском государстве.

Л. И. Иванова

Движение неприсоединения в современном мире. М. Международные отношения. 1985. 287 с.

Рецензируемая монография, подготовленная Институтом мировой экономики и международных отношений АН СССР¹ в отличие от многих работ, выходявших в предшествующие годы, содержит комплексный анализ основных

аспектов современного движения неприсоединения, объединяющего более 100 государств. Круг вопросов, поставленных и рассмотренных в монографии, обширен: место развивающихся стран в системе современных международных отношений, возникновение и эволюция движения неприсоединения, его социально-политическая структура, правовые принципы, основные тенденции, механизм, порядок деятельности, отношение

¹ Авторский коллектив: Я. Я. Этингер (руководитель), Ю. Н. Алексеев, Ю. И. Алимов, В. В. Беневолентский, Л. В. Виноградова, И. Н. Зорина, О. Б. Резников. Отв. ред. Я. Я. Этингер.

к проблемам обеспечения мира, международной безопасности и разоружения, экономическая программа, проблема «Запад и движение неприсоединения» и др. Авторы опираются на солидную источниковую базу: документы движения неприсоединения, материалы ООН и ее специализированных учреждений, правительственные акты ряда стран, прессу и т. п., вводят в оборот много неизвестных ранее фактов.

Говоря о возрастании в мировой политике роли развивающихся стран, как и движения неприсоединения в целом, авторы отмечают, что «процесс этот, по всей видимости, необратим, хотя в последние годы на него оказывают неблагоприятное влияние ухудшение экономического положения развивающихся государств, обострение международной напряженности и возрастание агрессивности американского империализма и его союзников» (с. 33).

Анализ истории движения неприсоединения, начиная от его возникновения (I конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран состоялась в 1961 г. в Белграде) и до VII конференции лидеров неприсоединившихся стран (Дели, 1983 г.), привел авторов к выводу, что «движение неприсоединения как форма политического самовыражения развивающихся стран постепенно эволюционирует в сторону активизации их участия в решении все более широкого круга международных проблем» (с. 64). Эти страны, и это убедительно показано в монографии, видят одну из своих главных задач в активной борьбе за сохранение мира, за прекращение гонки вооружений и разоружение, против агрессивной политики империализма.

Справедливо подчеркнуто в работе важное значение Делийской конференции, внесшей значительный вклад в борьбу за мир и предотвращение ядерной угрозы. Сейчас, после VIII конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Хараре (1986 г.), значение Делийской конференции представляется еще более весомым, что даст основание выделить 1983–1986 гг. в самостоятельный этап в истории движения неприсоединения. На конференции в Дели, происходившей в обстановке обострения международной ситуации, подвергся существен-

ному пересмотру традиционный подход движения неприсоединения к проблемам войны и мира. В центр внимания была поставлена борьба за устранение ядерной угрозы, и эта задача стала одним из важных интеграционных факторов в движении. Борьбу за мир, безопасность и разоружение неприсоединившиеся страны, как показано в монографии, неизменно связывают с борьбой против империализма, колониализма и неоколониализма (с. 199).

Авторы отмечают, что для социально-политической структуры и основных тенденций в движении неприсоединения характерен идеологический плюрализм. Движение лишено единой социально-классовой общности, не говоря о собственной формационной основе (с. 102). Авторы, по-видимому, не ставили целью всесторонний анализ идеологической борьбы, которая со все большей остротой разворачивается как вокруг, так и внутри движения неприсоединения. Эта проблема еще ждет своих исследователей.

В книге предпринята попытка дать типологию стран, объединяемых движением неприсоединения. Авторы выделяют три группы: «радикальные» государства, выступающие с последовательно антиимпериалистических позиций, консервативные режимы и «центристские» страны. Но «главный водораздел проходит между странами социалистической ориентации и рядом социалистических государств, с одной стороны, и странами, придерживающимися капиталистического пути развития, — с другой» (с. 102–103). В работе дан обстоятельный анализ позиций этих групп по важнейшим проблемам современной международной жизни.

Значительное место в книге отведено исследованию экономической программы движения неприсоединения. Важной составной ее частью является требование коренной перестройки международных экономических отношений и установление в мире нового международного экономического порядка. Авторами рассмотрена борьба движения за перестройку международных экономических отношений, а также экономическое сотрудничество между развивающимися странами. Этот анализ поможет будущим исследователям выявить динамику развития противоречий между капита-

листическими и развивающимися странами. Изучение этих противоречий, которые хотя и развиваются волнообразно, но обнаруживают явную тенденцию к обострению, представляет большой теоретический и практический интерес.

Для распространения своего влияния на движение неприсоединения империалистические государства, и это убедительно показано в книге, «используют разнообразные методы экономического, военно-политического и идеологического воздействия» (с. 243). Авторы рассматривают разногласия между США и Западной Европой в оценках значения и роли движения неприсоединения в современном мире. Если Вашингтон считает, что неприсоединение противоречит интересам Запада, то страны ЕЭС подчеркивают его стабилизирующее влияние на международную обстановку и выступают против прямого перенесения противоборства по линии «Восток — Запад» в эту зону современного мира. Однако империалистические государства стремятся притупить антиимпериалистическую направленность движения неприсоединения, удержать объединенные в нем страны в орбите политического, экономического и идеологического влияния империализма (с. 269).

В работе сформулирован ряд выводов, имеющих важное научно-теоретическое и политическое значение. Авторы обоснованно подчеркивают тенденцию, существующую в движении неприсоединения, к его глобализации и универсальности (сторонники этой тенденции исходят из того, что сама по себе доктрина неприсоединения имеет глобальный характер и расширение движения является «лучшим путем» преодоления «трехконтинентализма»). Ей противостоит другая тенденция — не допустить безбрежного разводнения движения (в частности, приема в него нейтральных государств) и утраты им антиимпериалистической направленности.

Монография представляет собой фундаментальное исследование, расширяющее наши знания о важном феномене современной международной жизни. Прделанный авторами анализ создает хорошую основу для дальнейшей разработки ряда пока еще недостаточно исследованных проблем, таких, как борьба движения неприсоединения против остатков колони-

лизма (особенно в связи с проблемой Намибии), расизма и апартеида. Весьма актуальна и проблема соотношения процесса политической и социально-экономической дифференциации среди участников движения, с одной стороны, и факторов их единства, общности интересов и действий в мировой политике — с другой. Необходимы дальнейшие усилия исследователей для выявления многообразных форм политики и философии неприсоединения, включая «континентальную» специфику, характер противоречий внутри движения неприсоединения и перспективу их развития.

Предстоит также более целенаправленно и глубоко изучить вопрос о подходе движения к урегулированию международных конфликтов, особенно в зоне неприсоединения. В последние годы это движение сталкивается с ростом числа неурегулированных конфликтов и споров между его членами в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии и других районах, что серьезно сказывается на сохранении единства и сплоченности его рядов, значительно усложняет выработку взаимоприемлемых договоренностей. Нередко в поисках урегулирования конфликтных ситуаций обнаруживается узорегионалистский подход, а порою — и попытка придать некоторым проблемам определенную идеологическую (иногда — антисоветскую и антикоммунистическую) направленность.

Представляется весьма плодотворным и необходимым рассмотрение вопроса о влиянии политики неприсоединения на внутренние процессы в развивающихся странах, а также анализ внешнеполитических установок в практической деятельности их правительств под углом зрения соответствия декларированным ими же самими принципам движения неприсоединения. Особенно важно изучить его в конкретно-историческом проявлении в развивающихся странах, ставших «центрами силы» или региональными лидерами (Индия, Индонезия, Саудовская Аравия, Нигерия, Бразилия и т. д.). Рецензируемая монография стимулирует исследователей к дальнейшим творческим поискам. Советская историография по проблеме движения неприсоединения пополнилась еще одной серьезной и интересной работой.

А. М. Хазанов

Роль религии в современной общественно-политической жизни США весьма своеобразна, можно сказать, уникальна для западного мира. С одной стороны, она чрезвычайно велика. С другой — церковь в США никогда не претендовала на прямую связь с политической властью. Она изначально отделена от государства, и видимая «слабость» политических позиций религии как раз и обеспечивала прочность ее влияния. Поскольку религия никогда не рассматривалась в США как самостоятельная политическая сила, как отдельная группа «особых интересов», история этой страны не знала антиклерикальных движений. Господство пуританского этоса в североамериканских колониях Англии предшествовало складыванию американской нации, и религиозные ценности пуританизма стали формирующим компонентом развития ее самосознания. Эта особенность обусловила большое влияние религиозных установок на систему политической культуры США.

Религия, не связанная непосредственно с определенными политическими силами, представляет в США мощный идейно-психологический фактор. Она как бы пронизывает различные типы массового политического сознания, которое и по сей день, как правило, ориентировано на те или иные религиозные течения. Исследователи различных, казалось бы, далеких от религии современных политических реалий постоянно сталкиваются с религиозной проблематикой, с необходимостью учитывать ее при осмыслении происходящих в стране политических процессов.

Советская американистика сравнительно недавно обратилась к изучению истории взаимодействия религии и политики в США¹. Рецензируемая работа, подготовленная авторским коллективом Института США и Канады АН СССР², — серьезный и плодотворный опыт исследования этой проблемы на материале последних

полутора десятилетий. В книге убедительно показана жесткая взаимозависимость (хотя и поданная иногда в излишне категоричной форме) политики различных религиозных групп с политическим поведением определенных социальных слоев и прослоек, важная роль религиозного сознания в общественной психологии американцев. Этот пласт их массового сознания анализируется авторами с учетом социальной дифференциации и предстает, вопреки пропагандистскому стереотипу «среднего американца», как весьма сложный и противоречивый социально-психологический феномен. Достоинством работы является ее информативность, которая, однако, подчинена общим задачам исследования и, как правило, не переходит в простую описательность.

Авторы сосредоточиваются на протестантизме, и это не случайно. Религиозная терпимость и равноправие конфессий в США отнюдь не исключают того, что в их числе имеются «первые среди равных». Таковыми являются многочисленные протестантские церкви и секты, преобладающие не только количественно, но играющие роль своего рода идеологического и культурного лидера. Особая роль протестантизма генетически связана с существованием в американской нации привилегированного религиозно-этнического ядра белых протестантов англосаксонского происхождения. Поэтому вполне оправдано стремление авторов рассматривать колебания и внутреннюю борьбу в протестантизме в контексте колебаний и внутренней борьбы в американском обществе в целом (с. 5).

Авторы проводят детальный анализ современной конкретно-исторической ситуации на основе мобилизации и критического использования многообразных данных — опросов, социологических исследований, прессы, идеологических материалов и т. п. В результате проясняются многие важнейшие аспекты текущей политики США и общественно-политических настроений масс, убедительно показана роль религиозной политики и религиозного сознания как действенного фактора, обуславливающего политические предпочтения тех или иных общественных групп.

¹ См.: Кислова А. А. Социальное христианство в США. М. 1974; Фурман Д. Е. Религия и социальные конфликты в США. М. 1981; Митрохин Л. Н. Религия «нового века». М. 1985.

² Авторы: Б. З. Фаликов, С. Б. Филатов, Д. Е. Фурман. Отв. редакторы: Ю. А. Замошкин, Д. Е. Фурман.

Содержательны разделы об изменении характера и социально-политической функции консервативного протестантизма. Рост влияния правых течений протестантизма оценивается авторами в контексте общего «консервативного поворота» в США конца 70-х — начала 80-х годов, приведшего к власти правореспубликанскую администрацию. Вместе с тем в книге очерчены пределы этого поворота применительно к массовому сознанию и доказывается его относительный характер.

Главной причиной успехов религиозных консерваторов авторы считают моралистическую реакцию на крайности либеральной переоценки ценностей «американизма» в 60—70-е годы. Однако возрождение протестантской ортодоксии имеет не только моралистическую, но и общемировоззренческую подоснову. Недостаточно также объяснять бурное развитие либерального протестантизма в 60-е — начале 70-х годов лишь общим процессом секуляризации, «теологией смерти Бога» и тем более внешними обстоятельствами общественно-политической жизни США, ускорившими этот процесс. Возражение вызывает и несколько абстрактно-умозрительное, без должного учета конкретно-исторического контекста, истолкование проблемы издержек либеральной переоценки ценностей (с. 69).

При исследовании второй по значению религии в США — католицизма в книге дается краткий, по содержательный очерк истории его развития с XVIII столетия до наших дней, показаны особенности американского варианта католицизма, коренившиеся в условиях его становления на американской почве. При этом удачно решается задача выяснения причин и следствий вынужденного лавирования католической церкви США между тремя разнонаправленными силами — буржуазным государством, консервативной общественно-политической позицией Ватикана и демократической социальной базой самой церкви (в конце XIX — начале XX в. это были в основном городские рабочие).

Подчеркиваемая авторами роль либерализации позиций Ватикана в происшедшем в 70-е годы изменении принципиальных политических установок католической церкви США не подлежит сомнению. Думается, однако, что анализ перемен в политике католической церкви США, та-

ких, как отказ от традиционной лояльности по отношению к властям, в том числе и в вопросах внешней политики, прямое вмешательство в политическую жизнь, переход на позиции социальной критики, осуждение диктаторских режимов в Латинской Америке, поддержка разрядки и движений за мир и разоружение, следовало бы увязать с общими социально-политическими и культурно-ценностными процессами, происходившими в то время в США. В таком случае констатируемая авторами «несводимость» позиции католической церкви к традиционным идеологическим размежеваниям на консерватизм и либерализм представит как часть общего размывания границ между этими основными направлениями буржуазной идеологии, характерного для общественного сознания современных Соединенных Штатов.

В книге предпринята попытка осмысления политической роли современного американского иудаизма. Хотя эту религию исповедует лишь около 2% населения (с. 167), причисление ее к трем основным религиозным направлениям в США закономерно, поскольку, во-первых, политическое влияние еврейского населения в этой стране значительно превосходит его численность, во-вторых, политическая роль иудаизма определяется его причастностью к острейшим проблемам американской внешней политики, связанным с поддержкой экспансионистских устремлений Израиля. В монографии дан анализ политической роли иудаизма. На интересном материале исследуется в ней комплекс политически острых проблем сложной и неоднозначной динамики взаимоотношений иудаизма с сионизмом и правящими кругами Израиля, а также взаимодействия этих процессов с изменениями внутривнутриполитической ситуации в США. Вместе с тем эта новая для советской историографии проблематика очерчена в конспективно сжатой, хотя и емкой форме. Этот раздел книги может послужить отправной точкой для дальнейших, более развернутых исследований.

Представляет интерес анализ нового для религиозной жизни США феномена — относительно массового распространения индуистских и буддистских культов. В него вовлечены уже миллионы американцев, прежде всего интеллигентной молодежи. Специфические качества индуизма и буддизма, объясняющие их привле-

кательность для американцев, описаны в работе с точки зрения их альтернативной мировоззренческой функции. Распространенную в науке мысль о кризисе основ западного мирозерцания авторы дополняют указанием на факты, говорящие о прочности этих основ в сознании американцев. В книге показан (хотя и бегло) не только рост влияния индуизма и буддизма на культуру США, но и обратный процесс преобразования на американской почве самих восточных религий под влиянием иудеохристианской традиции. Подобная трансформация обуславливает, по мысли авторов, особую роль восточных культов в США в качестве очагов оппозиции господствующим культурным и политическим установкам, «консервирующих» левый радикализм 60-х годов (с. 220).

Вывод этот излишне категоричен. Общественно-политическая роль восточных культов отнюдь не однозначна и в целом скорее содействует направлению социального недовольства и потенциального протеста в более безопасное для существующего политического порядка русло. Об этом свидетельствуют и приводимые в книге материалы о влиятельных в США восточных культах — от буржуазно-респектабельной психотерапии «трансцендентной медитации» до парадоксальной стыковки экзотической эротики секты «Харе Кришна» с моральным ригоризмом протестантской правой.

Монография убеждает, во-первых, в том, что религия, несмотря на секуляризаци-

онные процессы, продолжает воздействовать на мировоззрение американцев, определяя во многом прямо или косвенно и их политическое сознание; во-вторых, политическая активность религиозных групп и организаций в США переживает пору подъема, причем эта активность имеет самую различную окраску. Достоинством работы является стремление авторов рассматривать общественно-политическую роль ведущих религий США во взаимосвязи как с общеполитической борьбой, так и с эволюцией массового сознания американцев, их морально-этических ценностей. Монография представляет собой исследование одного из важных аспектов общей проблематики «религия — политика», актуальность которой не только не снижается, но приобретает в наше время все большее значение.

В задачу книги не входило теоретическое рассмотрение собственно теологических проблем, равно как и исследование традиционно связанных с религиозным сознанием онтологических ценностей массовой психологии (смысл жизни, добро и зло, жизнь и смерть). Думается, однако, что было бы уместно хотя бы в общей форме поставить вопрос о влиянии религиозных представлений на те общемировоззренческие установки, которые соотносятся с глобальным характером современной политики и становлением нового политического мышления.

М. И. Повинская

Н. А. КРАСНОВСКАЯ. *Происхождение и этническая история сардинцев.*
М. Наука. 1986. 223 с.

Монография старшего научного сотрудника Института этнографии АН СССР кандидата исторических наук Н. А. Красновской посвящена одной из специфичных этнических общностей Европы. Исследование истории сардинцев имеет весьма существенное значение для изучения истории Италии в целом.

Книга содержит краткую географическую характеристику Сардинии, отмечает наиболее важные проблемы ее этнической истории. В критическом плане

рассмотрена существующая литература по теме. Монография — практически первое в нашей историографии исследование основных этногенетических проблем Сардинии. Кроме того, книга содержит анализ разных сторон народной культуры островитян и повествует о их судьбе с момента включения Сардинии в состав Италии и до нашего времени.

История сардинцев разворачивается в книге как длительный и сложный процесс, протекавший на территории с твер-

до зафиксированными границами. Этническое и культурное развитие островитян исследуется автором в постоянной увязке с историей соседних регионов — Апеннинского и Пиренейского полуостровов, а для более ранних периодов — также с Северной Африкой и всем Западным Средиземноморьем.

Автор приводит мысль о том, что, несмотря на различные перипетии истории, этническая ситуация на Сардинии постоянно характеризовалась соотношением двух категорий населения: племен центральной части острова, проникших туда в разное время и из разных мест, но уже в период античности воспринимавшихся как автохтонные жители Сардинии, и населения приморской полосы — колоний различных народов древнего мира, не терявших связей с ядром своего этноса и по-разному влиявших на коренное население острова. Охарактеризовав специфику каждого из этих этносов и нарисовав картину их взаимоотношений с предшествующим населением, Н. А. Красновская дает четкую схему пластов, последовательно сменявших друг друга в этногенезе сардинцев.

В разделе о древнейшей истории острова особенно интересны страницы о населении бронзового века, строителях множества мегалитических башен (нурагов). Автор прослеживает связи нурагической культуры с Восточным Средиземноморьем, Критом и Эгеей. В книге охарактеризованы происхождение местных племен и первые попытки колонизации острова. Н. А. Красновская высказывает свое мнение по одному из сложных вопросов истории Средиземноморья, поставленному век назад и неразрешенному до сих пор: о загадочных племенах шардана, их миграциях и возможной роли в этногенезе сардинцев. По правомерной мысли автора, шардана, колонизовавшие южные берега острова (носившего тогда название Ихнуса), вытеснили в горы местное население. Когда позднее на острове появились финикийцы и греки, шардана оказались первым этносом, с которым они здесь столкнулись. По этой причине остров и стал называться Сардинией.

Материал, касающийся колонизации острова финикийцами, греками, карфагенянами, впервые введен автором в оборот. Приходится лишь сожалеть, что в книге очень скупо сказано о попытках

освоения Сардинии древними греками. Остается непонятным вопрос об их влиянии на этнокультурное развитие островитян. Господство же карфагенян, завоевавших Сардинию и владевших ею в течение трех столетий, как подчеркивает автор, в силу ряда причин не способствовало консолидации ее населения в единый этнос (с. 194).

Особенно важными и интересными в книге представляются главы о завоевании Сардинии Римом и ее романизации и этнической истории острова в раннем средневековье. На основе скрупулезного исследования археологических, исторических и лингвистических материалов, охватывающих полтора тысячелетия (III в. до н. э. — XI в.), автор реконструирует медленный и сложный процесс формирования сардинской этнической общности. В книге справедливо утверждается, что ни один из народов, когда-либо (в древности и в средние века) пытавшихся завоевать остров, не оказал на ее жителей столь сильного влияния, как римляне (с. 58—60, 195). Романизация Сардинии — и это хорошо показано в монографии — шла долго и мучительно.

В течение нескольких веков на острове существовало два различных в этническом и социально-экономическом отношениях региона — Романия и Барбария. Вначале, как показано в книге, отношения между ними характеризовались враждебностью, но постепенно утвердилось римская политико-правовая система, пустила прочные корни культура Рима, распространился латинский язык. Однако и римляне не смогли сплотить местных жителей в единое целое. Почти совсем не удалось изменить этническую карту Сардинии вандалам, высадившимся на острове в V веке. Языком-интегрантом и при них оставался латинский.

В период господства византийцев (VI — X вв.) произошло обращение горных сардов в христианство, что принято считать завершающим звеном длительного и многоступенчатого процесса романизации островитян. Эллинизация же затронула Сардинию неглубоко, и греческий (византийский) оставил мало следов в языке жителей острова. Автор убедительно доказывает, что в конце византийского господства произошел отрыв местного романоязычного населения от общей массы римского народа. Латинский язык развивался здесь своим путем и это в конце

концов привело к образованию сардинского языка.

Автор характеризует местные феодально-политические институты — т. н. юдикаты (с. 76—80). К XI—XII вв. она относит зарождение сардинской феодальной народности. Остров переменял ряд «хозяев» (генуэзцев, пизанцев, каталонцев, кастильцев, пьемонтцев), культура его населения испытала влияние нескольких европейских этносов, но его этническая целостность сохранялась вплоть до вхождения Сардинии в состав Италии.

В книге рассмотрены основные направления традиционной хозяйственной деятельности островитян, годовой цикл трудовых буден и праздников, одежда, семейные обычаи и обряды. Обширный литературный материал, собранный автором, дополнен личными этнографическими наблюдениями и изучением местных музейных коллекций во время нескольких поездок Н. А. Красновской на Сардинию. В книге удалось не только проследить этапы развития местного этноса, но и проиллюстрировать, каким образом наследие прошлого, подчас весьма отдаленного, живет в тех или иных элементах его народной культуры.

Автор показывает, как непонимание местных проблем и невнимание к ним со стороны итальянских властей вызвали возникновение «сардинского вопроса». Политика правительства приводила к разорению местного населения, обнища-

нию крестьян. Непризнание сардинского и внедрение итальянского языка, итальянизация местного населения угрожали сохранению его самобытности. В результате ширилось движение сардинцев за автономию, за признание сардинского языка наряду с итальянским равноправным языком. Вместе с тем, пишет Н. А. Красновская, различные по своей социально-политической окраске движения сардинцев за редким исключением не идут дальше требований культурной и некоторой административной автономии (с. 191).

В заключении подчеркивается, что сардинцы, несмотря на специфику своей истории, прошли путь, характерный и для других народов Европы. Это особенно четко выявлено автором при анализе специфики перехода сардинцев к феодальной формации, а также и становления на острове капиталистических отношений (с. 200, 201).

Книга Н. А. Красновской представляет собой первое в советской науке исследование этнической истории сардинцев. Изучение этого этноса интересно не только само по себе, но и потому, что своеобразный путь формирования этого народа может рассматриваться как определенная этническая модель, которая может быть использована при изучении путей формирования других этносов Средиземноморья.

Л. М. Коваль

КОРОТКО О КНИГАХ

Я. А. ТИТАРЕНКО. *В. И. Ленин и защита Великого Октября. Выдающаяся роль В. И. Ленина в организации борьбы трудящихся Украины против внешней и внутренней контрреволюции (1918—1920 гг.)*. Киев. Вища школа. 1986. 168 с.

История совместной вооруженной борьбы трудящихся России и Украины против интервентов и белогвардейцев получила обстоятельное освещение в научной литературе. «И тем не менее эта большая и важная тема далеко еще не исчерпана», — пишет акад. И. И. Минц в предисловии к книге доцента, кандидата исторических наук Я. А. Титаренко (Киев) о роли В. И. Ленина в организа-

ции и руководстве вооруженной борьбой трудящихся против внешней и внутренней контрреволюции на Украине в годы гражданской войны (с. 5). «Автору удалось, — свидетельствует акад. И. И. Минц, — выявить новые документы и материалы для более полного освещения деятельности В. И. Ленина, Советского правительства, большевиков Украины по установлению братских интернациональных связей советских республик в интересах борьбы с мировым империализмом» (с. 7).

Написана монография как на опубликованных, так и на архивных источниках. Открывается она разделом, освещающим то особо важное место, которое за-

нимает в идейно-теоретическом наследии Ленина проблема вооруженной защиты социалистической революции, социалистического Отечества. Раскрывая предпосылки интернационального сплочения и военного единства Советской России с Украинской и другими советскими республиками, автор пишет о давних традициях совместной борьбы трудящихся против царизма, социального и национального угнетения. При этом подчеркивается значение теоретической и практической деятельности большевиков во главе с Лениным в подготовке предпосылок для такого единства, одной из которых явилась ленинская программа по национальному вопросу.

Важное место занимает в книге рассмотрение роли Ленина как руководителя вооруженной борьбы против интервентов и белогвардейцев на различных этапах гражданской войны. Приводимый автором материал свидетельствует о постоянном внимании вождя партии и Советского государства к положению дел на Украине, его заботе о скорейшем ее освобождении, о помощи трудящимся республикам в разгроме общего врага.

Одна из центральных проблем книги — деятельность Ленина, большевиков по подготовке, оформлению и осуществлению военно-политического союза РСФСР с Украинской и другими советскими республиками. На конкретном материале автором показано, что этот союз обеспечил военное единство трудящихся всех наций и народностей Страны Советов и явился одним из факторов, обеспечивших разгром объединенных сил интервентов и белогвардейцев, дальнейшее укрепление и развитие Украинской Советской Республики (с. 108).

Исследует автор и вопросы практического осуществления заключенного между республиками договора о борьбе с империализмом, идейно-политическую работу в связи с этим среди трудящихся. При этом не упрощаются условия и обстоятельства, в которых приходилось ее вести, обрисованы трудности, сложность обстановки, в частности необходимость последовательной, непримиримой борьбы с проявлениями великодержавного шовинизма, буржуазного национализма и сепаратизма в вопросах военного единства Украины и России. Автор учитывает и наличие на Украине националистических партий, их активность. В книге показано, как под руководством Ленина, большевиков неуклонно разоблачались идеология и политика буржуазных и мелкобуржуазных националистических партий и групп.

Материал книги свидетельствует о том, что единство, нераздельность национальных и интернациональных интересов и задач трудящихся является непременным условием успеха в защите революционных завоеваний, в борьбе с империалистической агрессией.

К. И. Седов

Я. ДЗИНТАРС. *Тайны рижского подполья. Борьба рабочих Риги в годы гитлеровской оккупации (1941–1944).* Рига. Авотс. 1986. 239 с.

Книга старшего научного сотрудника Института истории АН ЛатвССР, кандидата исторических наук Я. К. Дзинтарса — результат его 20-летней работы в центральных и республиканских архивах, а также архивах Польши и ГДР, США и ФРГ. Автор использовал и воспоминания (их более 850) оставшихся в живых участников подполья, материалы бесед с родственниками погибших. «Скрупулезный анализ, многократное перекрестное сопоставление... воспоминаний, наконец, тщательное сравнение с архивными данными, с событиями в близлежащих областях страны и даже за ее пределами, а потом строгий отбор фактов, выдержавших проверку» (с. 21), — такой видел Я. К. Дзинтарс свою задачу.

История антифашистского подпольного движения в Латвии имеет свои особенности. Лишь за год до начала Великой Отечественной войны Латвия возвратилась на путь социалистического развития. Из-за специфических социально-политических условий партизанское движение в республике стало массовым только в конце 1943 — начале 1944 года. В течение же первых двух с половиной лет гитлеровской оккупации, отмечает автор, настроения основной массы населения выражались здесь в подпольной борьбе с фашистами. В начальный период войны в Латвии не удалось создать подпольные комитеты партии (лишь в Риге осенью 1942 г. существовала подпольная организация). Это объяснялось тем, что после 20-летнего периода буржуазной диктатуры партийная организация была еще сравнительно малочисленной. В этих условиях ЦК КП(б) Латвии, его Оперативная группа и подпольные комитеты партии опирались на созданные уже в ходе войны подпольные организации и группы.

В книге убедительно показано, что борьба рижских рабочих, а также трудящихся всей республики в тылу немецко-фашистских захватчиков представляла собой борьбу за восстановление в ней Советской власти и являлась важной составной частью Великой Отечественной войны. Подпольщики Риги и других населенных пунктов республики уничтожали оккупантов и их подручных, совершали диверсии, вели работу среди населения, собирали и передавали сведения о противнике, взаимодействуя с партизанами, армейскими разведывательными органами. Тем самым опровергаются писания латышских буржуазных эмигрантов, реакционных историков на Западе, которые искажают размах и характер борьбы против гитлеровской оккупации в Прибалтийских республиках.

Я. К. Дзинтарсу удалось установить, что в Риге и ее окрестностях в годы гитлеровской оккупации действовало до 200

подпольных антифашистских организаций и групп, почти целиком состоявших из представителей рабочего класса, прежде всего рабочей молодежи (с. 12). На первых порах у этих организаций и групп было много неудач, провалов и жертв, пока под руководством партии не сложились хорошо законспирированные организации подпольщиков. Совершая организационную структуру подполья, Оперативная группа ЦК КП(б) Латвии в период массового подпольного движения летом — осенью 1943 г. стремилась обеспечивать взаимодействие подпольных организаций и активизировать их целенаправленную борьбу.

Антифашистское подполье в Латвии понесло огромные жертвы — погибли почти все его руководители и преобладающая часть активных участников. Только в Риге оккупантами было арестовано 12 тыс. участников подполья, подпольно-разведывательных групп и организаций, а также массового саботажа (с. 236). Но рижские рабочие, другие активные участники подполья, заключает автор, продолжали бесстрашно бороться с немецко-фашистскими оккупантами и их приспешниками — латышскими буржуазными националистами. Книге удачно предпослан эпитафия из Я. Райниса: «Погибнут сотни, но вместо них немало тысяч придет других. Замолкнет голос, но в тот же миг другие десять подхватят крик». Размах, результаты борьбы, героизм и самоотверженность трудящихся Риги и ее окрестностей свидетельствуют о том, что главной силой, противостоявшей врагу в его тылу, был в Латвии рабочий класс, руководимый ленинской партией.

Н. К. Стрелкова

История завода «Арсенал» имени В. И. Ленина. Киев. Наукова думка. 1986. 559 с.

История одного из старейших предприятий страны — киевского завода «Арсенал» уже нашла отражение в литературе. Новая работа о нем имеет обобщающий характер, изложение в ней доведено до наших дней. Она подготовлена сотрудниками Института истории АН УССР, преподавателями киевских вузов¹

¹ Авторский коллектив: П. Т. Тронько, В. П. Горшков, С. В. Гусовский, Г. Г. Денисенко, А. С. Долбилов, С. З. Заремба, Г. С. Калинин, И. Т. Коростелева, С. В. Кульчицкий, А. Е. Кураков, А. В. Куркотов, Б. А. Кучменко, Н. М. Лемешук, Е. И. Луговая, М. И. Махнов, В. С. Мохор, В. С. Назаренко, П. П. Папченко, А. П. Пестов, Е. Д. Петрашевский, А. Г. Пилипенко, Н. Р. Плющ, Е. П. Талан, Г. И. Серебряков, Е. М. Скляренко, П. С. Сохань, С. М. Сырцова, М. И. Шемета. Редакционная коллегия: П. Т. Тронько (главный редактор), Д. Б. Головкин, В. А.

в содружестве с работниками завода, в ней использованы периодическая печать, материалы архивов.

Первые главы книги охватывают период по февраль 1917 года. За полтора столетия «Арсенал» из мануфактурного предприятия (основанного условно в 1764 г.) постепенно превращался в капиталистическое, технически переоснащался (с. 45). Авторы подробно останавливаются на положении рабочих «Арсенала» в дореволюционные годы, их составе и численности, рассказывают о тяжелых условиях их труда и жизни.

Фактически с момента основания предприятия арсенальцы стали участниками социальной борьбы, усилившейся в XIX в. с притоком вольнонаемных рабочих. В книге освещается деятельность на заводе народнических кружков в 70–80-х годах XIX в., многие участвовавшие в них рабочие впоследствии выдвинулись в ряды руководителей рабочего движения (с. 68). В начале 90-х годов прошлого столетия на «Арсенале» развернули активную работу члены марксистских кружков, а в начале XX в. был создан социал-демократический кружок. Арсенальцы участвовали в первой российской революции. Работа большевиков среди рабочих «Арсенала» не прекращалась и в годы реакции, их влияние все более усиливалось.

В октябрьские дни 1917 г. «Арсенал» стал центром вооруженного восстания рабочих и солдат Киева, продемонстрировавших единство действий с трудящимися Петрограда. Рассказывая о январском восстании 1918 г. в Киеве против Центральной рады, авторы характеризуют его участников. В результате декабрьско-январских выступлений трудящихся Рада бежала, в Киеве была установлена Советская власть. Авторы пишут о суровых испытаниях, которые пришлось пережить арсенальцам: в городе до окончательной победы трудящихся поочередно хозяйничали немцы, петлюровцы, денкивцы, белополяки.

После изгнания оккупантов «Арсенал» приступил к мирному труду. Авторы характеризуют процесс восстановления и развития «Арсенала», его участие в борьбе за построение экономического фундамента социализма и завершение социалистической реконструкции народного хозяйства.

С первых дней Великой Отечественной войны, пишут авторы, на завод вернулись ветераны труда (с. 284), группа комсомолок-служащих перешла на работу в цеха, большинство цехов начало работать в три смены. С приближением

Горбик, С. В. Гусовский (зам. главного редактора), Г. Г. Денисенко (отв. секр.), А. С. Долбилов, А. А. Донченко, А. Е. Кураков, И. Ф. Курас, А. В. Куркотов, А. Г. Пилипенко, Е. М. Скляренко (зам. главного редактора), П. С. Сохань, В. П. Щербина.

фронта «Арсенал» пришлось эвакуировать. В короткие сроки была налажена его работа на новом месте. В книге показан самоотверженный труд арсенальцев, обеспечивавших фронт оружием, их участие в сражениях на фронте и в партизанском отряде «Победа или смерть», в подпольной организации «Арсеналец».

Характеризуя послевоенный период, авторы рассказывают, как восстанавливался завод, осваивалось производство фотоаппаратов и других оптических приборов, подробно освещают развитие завода за последние годы. Значительное место отведено в книге общественной жизни арсенальцев, их трудовым починам, рационализации и изобретательству, социально-культурному развитию коллектива. Однако недостаточное внимание авторы уделили трудностям, с которыми сталкивался завод. К сожалению, в книге нет именного указателя и хроники событий.

Н. В. Шевелева

В. В. УЗДЕНИКОВ. *Монеты России. 1700–1917*. М. Финансы и статистика. 1985. 504 с.

Книга сотрудника отдела нумизматики Государственного исторического музея (ГИМ) В. В. Узденикова, вышедшая под редакцией чл.-корр. АН СССР В. Л. Янина, содержит описание русских монет от введения в ход денежной реформы Петра I машинной чеканки до прекращения их выпуска в 1917 году. Еще недавно специалисты вынуждены были удовлетворяться дореволюционными публикациями такого рода материала, рассматривая главным образом на частное коллекционирование. Этим публикациям была свойственна ограниченность, проистекающая от неполноты крупнейших монетных собраний. В то же время пособия были перегружены описаниями малозначительных разновидностей чекана, собирание которых порой превращалось в самоцель, лишившую нумизматику в этом ее разделе качеств научной дисциплины. Оба эти недостатка свойственны даже наиболее значительному труду о монетах XVIII–XIX вв. (т. н. «Корпус русских монет»), выпущенному группой ведущих российских нумизматов.

Подготовленное на современном научном уровне справочное издание В. В. Узденикова опирается на совокупное исследование практически полных монетных собраний ГИМ и Государственного Эрмитажа с привлечением материалов других музеев и коллекций любителей. В нем описано и воспроизведено около 5 тыс. вариантов и разновидностей русских монет с указанием их особенностей,

включая весовую норму, описание гурта, принадлежность к чекану конкретного монетного двора. Структура каталога соответствует периодизации монетного дела, рубрики которой определяются многочисленными реформами.

Прежние каталоги стремились к описанию возможно большего числа разновидностей. Их обилие, особенно в XVIII в., объясняется тем, что в силу технического несовершенства монетные штампы часто портились, требовали замены (разумеется, в рамках утвержденного типа). Изображения на штампах вырезались вручную, а контроль над их изготовлением находился в зачаточной стадии. Резчики допускали многочисленные мелкие отклонения от утвержденного образца, и с изготовлением каждого нового штампа почти всегда появлялась новая разновидность монеты. Правильно считая эти факты лишь свидетельством низкого уровня монетного производства, автор нашел возможным их не описывать.

Учесть все малозначительные разновидности, которые иногда не поддаются даже словесному описанию, не способен ни один каталог. Например, в «Корпусе русских монет» описано лишь 30% разновидностей серебряных рублей Анны Иоанновны сравнительно с собранными ныне в ГИМ и Эрмитаже. Самый отбор разновидностей в старых каталогах был произвольным и случайным. В рецензируемом издании предложен и реализован научно обоснованный критерий отбора. Оно учитывает все изменения, которые вводились в оформление монет в установленном порядке, а обязательные указания в нем на наличие разновидностей конкретных вариантов монет достаточно ориентируют и специалистов, и коллекционеров.

Достоинством издания является наличие в нем разнообразных справочных материалов, прежде всего иллюстраций, позволяющих наглядно представить взаимосвязи монетных типов. Справочный аппарат организован двояко. В специальной главе сосредоточены общие сведения о всех монетах рассматриваемого периода или их отдельных группах, а в списках — сведения о конкретных монетах. При этом вводятся в научный оборот новые данные, разработанные автором сведения о никелевых монетах, о гуртовых надписях на монетах Петра I, о взаимном расположении сторон на русских монетах, о клеймах на квадратных планках, о новодельных монетах и т. д.

По объему и разносторонности справочных материалов книга не имеет аналога. С выходом ее в свет исторические, краеведческие и художественные музеи получили нумизматическое пособие, в котором нуждались.

И. Г. Спасский

НОВЫЕ КНИГИ

Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность. Документы и фотографии. Авторский коллектив: Н. Н. Иванов и др. М. Прогресс. 1986. 467 с. с илл. 17 500 экз. 11 руб.

Ленин — товарищ, человек. Сост. Н. В. Бычкова. 6-е изд. М. Политиздат. 1987. 352 с. с илл. 300 000 экз. 60 коп.

История СССР

Академик С. П. Королев. Ученый. Инженер. Человек. Творческий портрет по воспоминаниям современников. Сб. ст. М. Наука. 1986. 519 с. с илл. 60 000 экз. 4 руб. 20 коп.

Апьяков В. Е. и др. Краснознаменный Тихоокеанский. Владивосток. Дальневосточное книжное изд-во. 1986. 111 с. с илл. 30 000 экз. 2 руб. 40 коп.

Аристов В. Страницы славной истории. О Казанском университете. Казань. Изд-во КГУ. 1987. 224 с. 14 730 экз. 90 коп.

Археология Украинской ССР. В 3-х т. Т. 3. Киев. Наукова думка. 1986. 575 с. 2770 экз. 8 руб. 60 коп.

БАМ — земля комсомольская. Панорама всепародной стройки. Вып. 12. Сост. Л. С. Рогачевская. Благовещенск. Хабаровское книжное изд-во. 1986. 150 с. с илл. 8000 экз. 75 коп.

Безыменский Л. А. Укрощение «Тайфуна». М. Московский рабочий. 1987. 222 с. 75 000 экз. 50 коп.

Беспрозважных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений, XVII — середина XIX в. Хабаровск. Книжное изд-во. 1986. 336 с. 15 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Бирюлин В. В. Народный полководец. К 100-летию со дня рождения В. И. Чапаева. Саратов. Приволжское книжное изд-во. 1986. 144 с. 10 000 экз. 40 коп.

Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Подгот. О. С. Тальской. Иркутск. Восточно-Сибирское книжное изд-во. 1986. 570 с. (Полярная звезда). 50 000 экз. 3 руб. 60 коп.

Великий Октябрь: проблемы истории. М. Наука. 1987. 287 с. 2400 экз. 2 руб.

Виргинский В. С. Черепановы. Свердловск. Средне-Уральское книжное изд-во. 1987. 272 с. (Наши земляки). 27 000 экз. 45 коп.

Галь В. И., Куропятник И. И., Ротман Д. Г. Социалистическое соревнование. Словарь. Минск. Наука и техника. 1986. 191 с. 10 000 экз. 1 руб.

Герои и подвиги. Кн. 7. Сост. А. И. Телешенко. Саратов. Приволжское книжное изд-во. 1987. 255 с. 10 000 экз. 65 коп.

Драсханакерцци И. История Армени. Вступ. ст. М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван. Советакан грох. 1986. 399 с. 15 000 экз. 3 руб. 60 коп.

Дрейден С. В зрительном зале — Владимир Ильич. В 2-х кн. Кн. 2. 3-е изд., доп. М. Искусство. 1986. 543 с. с илл. 10 000 экз. 3 руб. 20 коп.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 1. 8-е изд. М. Изд-во АПН. 1987. 303 с. с илл. 300 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Исмаилов А. И., Исмаилова Э. И. Социалистический быт советского народа. Достижения, ретроспектива, перспективы. М. Наука. 1986. 159 с. 4900 экз. 1 руб. 20 коп.

Историко-этнографический атлас Прибалтики: одежда. Рига. Зинатне. 1986. 173 с. с илл. 20 000 экз. 7 руб.

История и историки. Историографический ежегодник, 1982—1983. М. Наука. 1987. 350 с. 2100 экз. 3 руб. 60 коп.

История международных отношений и внешней политики СССР, 1917—1987. В 3-х т. Т. 2: 1945—1970. М. Международные отношения. 1987. 455 с. 20 000 экз. 2 руб. 40 коп.

Кардашов В. И. Ближе всех к Ленинграду. Северо-восточные районы Ленинградской области, 1941—1944 гг. Л. Лениздат. 1986. 136 с. 15 000 экз. 35 коп.

Карпов И. К. и др. Становится город героем. Киев. Политиздат Украины. 1986. 265 с. с илл. 25 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Князев Г. Н., Проценко И. С. Доблесть бессмертна. О подвиге защитников Аджимушкай. М. Политиздат. 1987. 176 с. с илл. 200 000 экз. 40 коп.

Кондуфор Ю. Ю. Великий Октябрь на Украине. Киев. Радянська школа. 1986. 185 с. с илл. 37 000 экз. 65 коп.

Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М. Наука. 1986. 271 с. 6800 экз. 1 руб. 60 коп.

Коцебу О. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. 3-е изд. М. Наука. 1987. 383 с. с илл. 50 000 экз. 1 руб. 80 коп.

Краснов Ю. К. Борьба КПСС и Советского государства за европейскую безопасность. М. Высшая школа. 1987. 135 с. 3500 экз. 1 руб. 50 коп.

Культурное строительство в РСФСР. Т. 2: Документы и материалы, 1928—1941. Ч. 2. Сост. Л. И. Давыдова и др. М. Советская Россия. 1986. 384 с. (История культурного строительства в СССР. Документы и материалы. 1917—1977). 3000 экз. 95 коп.

Макаров А. Н. Идеология в социалистическом обществе. Научная идеология и социалистическое управление. Киев. Политиздат Украины. 1986. 199 с. 7000 экз. 1 руб. 20 коп.

Мальчин Ю. М. Ведущая сила советского общества. Деятельность КПСС по обеспечению ведущей роли рабочего класса в дальнейшем укреплении социально-политического и идейного единства советского общества. Киев. Политиздат Украины. 1986. 213 с. 8000 экз. 95 коп.

Мелентьев В. Д. Кутузов в Петербурге. Л. Лениздат. 1986. 205 с. с илл. (Выдающиеся деятели науки и культуры в Петербурге — Петрограде — Ленинграде). 50 000 экз. 90 коп.

Моргун А. Г. *От крепости Самара до города Куйбышева*. Куйбышев. Книжное изд-во. 1986. 223 с. с илл. 30 000 экз. 55 коп.

Москва. Октябрь. Революция. Документы и воспоминания. Сост. Л. Н. Лашманова и др. М. Московский рабочий. 1987. 495 с. с илл. 20 000 экз. 1 руб. 50 коп.

На земле, в небесах и на море. Сб. 9. М. Воениздат. 1987. 464 с. (Рассказывают фронтовики, 1941—1945). 65 000 экз. 2 руб. 50 коп.

Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области в одиннадцатой пятилетке. Статистический сборник. Л. Лениздат. 1986. 231 с. 5000 экз. 1 руб. 10 коп.

Народное хозяйство Молдавской ССР в 1985 г. Кишинев. Картя молдовеняскэ. 1986. 396 с. 3500 экз. 2 руб.

Октябрем мобилизованные. Женщины-коммунистки в борьбе за победу социалистической революции. М. Политиздат. 1987. 286 с. 200 000 экз. 90 коп.

Орлова Т. В. *Критика буржуазных фальсификаций партийного строительства КПСС*. Историография проблемы. Киев. Вища школа. 1987. 160 с. 2000 экз. 1 руб. 60 коп.

Отечественная артиллерия, 600 лет. М. Воениздат. 1986. 365 с. с илл. 35 000 экз. 2 руб. 50 коп.

Очерки истории Камчатской областной партийной организации, 1917—1985. Петропавловск-Камчатский. Дальневосточное книжное изд-во. 1986. 360 с. 5000 экз. 1 руб.

Памятники архитектуры Молдавии (XIV — начало XX века). Сост. Я. Н. Тарас. Кишинев. Тимпул. 1986. 247 с. с илл. 10 000 экз. 5 руб. 40 коп.

Папачин Ф. Г. *Учительство и революционное движение в России (XIX — начало XX в.)*. М. Педагогика. 1986. 213 с. 6000 экз. 1 руб. 10 коп.

Партийное подполье в Белоруссии, 1941—1944: Вилейская, Барановичская, Пинская, Брестская, Белостокская области. Страницы воспоминаний. Сост. Е. Н. Филатова и др. Минск. Беларусь. 1986. 415 с. 13 000 экз. 1 руб. 90 коп.

Поляков Ю. А. *Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население*. М. Наука. 1986. 272 с. 2450 экз. 2 руб. 10 коп.

Пути отцов — дороги сыновей. Сборник очерков. Сост. П. Л. Котельников. Саратов. Приволжское книжное изд-во. 1986. 232 с. с илл. 3500 экз. 70 коп.

Рабочая энциклопедия, 1921—1985 годы. Сост. А. Ф. Запин и др. Л. Лениздат. 1986. 399 с. с илл. 8000 экз. 1 руб. 20 коп.

Рзаев А. К. *Этюды из истории политико-правовых учений*. Баку. Азернешр. 1986. 176 с. 5000 экз. 75 коп.

Сквозь века. К истокам культуры народов СССР. Вып. 1. Сост. К. А. Гусева. М. Знание. 1986. 239 с. с илл. (СССР — братство народов). 55 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Сорока М. Х. *Фронтной трамвай*. Л. Лениздат. 1986. 176 с. (Оборона Ленинграда в годы Великой Отечественной войны). 30 000 экз. 60 коп.

Социальное развитие советской интеллигенции. М. Наука. 1986. 335 с. 3100 экз. 2 руб. 40 коп.

Тагиров Э. Р. *Деятельность КПСС по формированию социалистического образа жизни советской молодежи (1945 — начало 70-х годов)*. Казань. Изд-во КГУ. 1987. 238 с. 3850 экз. 1 руб. 70 коп.

Труды Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Т. 26: Нумизматика. Л. Искусство. 1986. 167 с. 5000 экз. 3 руб. 30 коп.

Фейнберг И. Л. *Абрам Петрович Ганнибал — прадед Пушкина: разыскания и материалы*. Сост., подгот. текста М. И. Фейнберг. 2-е изд. М. Наука. 1986. 126 с. с илл. 50 000 экз. 60 коп.

Филист Г. М. *Урбанизация и сектантство*. Минск. Беларусь. 1986. 128 с. 5000 экз. 30 коп.

Фролов Ю. М. *На вахте мира и труда*. Научно-популярные очерки истории Азовского ордена Трудового Красного Знамени морского пароходства. Донецк. Донбасс. 1986. 176 с. с илл. 15 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Хмельницкий А. П. *Спасенное детство*. М. Московский рабочий. 1987. 128 с. (Страницы героической истории). 39 000 экз. 20 коп.

Юзбашян К. Н. *Академик Иосиф Абгарович Орбели, 1887—1961*. 2-е изд., доп. М. Наука. 1986. 165 с. 3300 экз. 1 руб.

Яковенко В. К. *Партизанский комбриг*. О Герое Советского Союза Д. Г. Гуляеве. 2-е изд. М. Политиздат. 1987. 112 с. с илл. (Герои Советской Родины). 200 000 экз. 15 коп.

Ямщиков С. В. *Древняя живопись Карелии*. Петрозаводск. Карелия. 1986. 151 с. с илл. 30 000 экз. 3 руб. 50 коп.

Ярош Д. В. *Исторический опыт идейной закалки коммунистов, 1921—1937 гг.* М. Мысль. 1987. 176 с. 14 000 экз. 70 коп.

Всеобщая история

Арестов В. Н., Шудрик И. А. *нд с доставкой на дом*. «Нетрадиционные религии» в системе идеологических диверсий империализма. Харьков. Прапор. 1986. 118 с. 10 000 экз. 20 коп.

Ашин Г. К., Мидлер А. П. *В тисках духовного гнета*. Что популяризуют средства массовой информации США. М. Мысль. 1986. 253 с. с илл. (Империализм: события, факты, документы). 100 000 экз. 65 коп.

Белов А. *Клерикальный антикоммунизм: идеология, политика, пропаганда*. М. Политиздат. 1987. 256 с. (Критика буржуазной идеологии и ревизионизма). 80 000 экз. 40 коп.

Беньковский В. В., Лойко Л. В. *Мировая социалистическая система*. Даты, факты, комментарии. Минск. Университетское изд-во. 1986. 269 с. 7540 экз. 1 руб. 10 коп.

Вместе с патриотами Испании. Воспоминания участников национально-революционной войны испанского народа. 3-е изд., доп. и перераб. Киев. Политиздат

Украины. 1986. 334 с. 25 000 экз. 1 руб. 60 коп.

Внешняя политика стран Варшавского Договора. Первая половина 80-х гг. М. Наука. 1986. 319 с. 2000 экз. 1 руб. 80 коп.

Вовк О. Л., Кокешинский О. А. *Иудаизм в реакционных планах сионизма.* Симферополь. Таврия. 1986. 140 с. 4500 экз. 30 коп.

Зверева Г. И. *История Шотландии.* М. Высшая школа. 1987. 208 с. (Б-ка историка). 8000 экз. 40 коп.

История Древней Греции. Учебник для вузов. М. Высшая школа. 1986. 164 с. 50 000 экз. 1 руб. 60 коп.

Картунов А. В. *Концепции идеологических диверсий и агрессии.* Киев. Политиздат Украины. 1986. 191 с. (Вопросы идеологической борьбы и контрпропаганды). 6000 экз. 50 коп.

Кейзеров Н. М., Ножин Е. А. *Идеологическая борьба.* Вопросы и ответы. М. Политиздат. 1987. 256 с. 200 000 экз. 60 коп.

Ковалев В. *Досье репрессий.* М. Молодая гвардия. 1987. 239 с. (Империализм: события, факты, документы). 100 000 экз. 55 коп.

Колдобский В. Л. *Черные легионы.* М. Воениздат. 1987. 127 с. с илл. (Империализм: события, факты, документы). 65 000 экз. 40 коп.

Корнилов Ю., Шишкин Г. *Кто правит Америкой.* М. Политиздат. 1986. 335 с. 150 000 экз. 60 коп.

Кузьмин В. П. *Принцип системности в теории и методологии К. Маркса.* 3-е изд., доп. М. Политиздат. 1986. 399 с. 20 000 экз. 1 руб. 80 коп.

Кулькин А. М. *Капитализм, наука, политика.* М. Мысль. 1987. 270 с. 10 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Лосев С., Петрусенко В. *Запад на Потомаке.* Подъем и падение Ричарда М. Никсона. М. Изд-во АПН. 1987. 342 с. с илл. 75 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Неймарк М. А. *Западноевропейский социал-реформизм и идеологическая борьба.* М. Наука. 1986. 352 с. 2800 экз. 2 руб. 50 коп.

Новая история стран Европы и Америки. Первый период. Учебник для вузов. М. Высшая школа. 1986. 623 с. 33 500 экз. 2 руб. 50 коп.

Полюк С. П. *Ближний Восток: «нео-глобализм» в действии.* Одесса. Маяк. 1986. 112 с. 9000 экз. 20 коп.

Проблемы мирового революционного процесса. Вып. 6. Сост. М. И. Басманов и др. М. Мысль. 1986. 300 с. 12 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Семенов В. А. *Политика мира и курс на конфронтацию.* М. Международные отношения. 1986. 151 с. 22 000 экз. 25 коп.

Туган-Барановский Д. М. *У истоков бонапартизма.* Происхождение режима Наполеона I. Саратов. Изд-во СГУ. 1986. 199 с. 2000 экз. 1 руб. 80 коп.

Чернышев Н. Ф. *Капиталистическая монополия и милитаризм: истоки злоевого альянса.* М. Экономика. 1987. 208 с. (Империализм: события, факты, документы). 50 000 экз. 40 коп.

Широков А. И. *Фарисей и диверсанты.* Сионизм: идеология и политика антикоммунизма. Днепрпетровск. Проминь. 1986. 222 с. 30 000 экз. 35 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Александров В. *На чужих берегах.* Пер. с англ. М. Прогресс. 1987. 232 с. 50 000 экз. 50 коп.

Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв.* В 3-х т. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. Пер. с фр. М. Прогресс. 1986. 622 с. с илл. 18 000 экз. 4 руб. 30 коп.

Грюнебаум Г. Э. *Классический ислам.* Очерк истории (600—1258). Пер. с англ. М. Наука. 1986. 216 с. 10 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Койвисто М. *Вели пути.* Взгляды на внешнюю политику Финляндии. Пер. с фин. М. Международные отношения. 1987. 214 с. 1 руб. 20 коп.

Лукач Д. *Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества.* Пер. с нем. М. Наука. 1987. 616 с. 7100 экз. 3 руб. 20 коп.

Фальк-Рёйне А. *Путешествие в каменный век.* Среди племен Новой Гвинеи. Пер. с дат. 2-е изд., доп. и испр. М. Наука. 1986. 197 с. с илл. (Рассказы о странах Востока). 30 000 экз. 1 руб. 30 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

Новая и новейшая история, 1987, № 1.
Воронцов Г. А. Европейская безопасность и меры доверия; Мальков В. Л. Проблема выбора: Рузвельт и советско-американские отношения в 1943—1945 гг.; Городецкая И. Е. Стачка длиною в год; Фаталиев М. Б. Проект «пакта четырех держав» и Турция; Барг М. А. IX Международный конгресс по экономи-

ческой истории; Долорес Ибаррури. В годы второй мировой войны; Фишер И. Р. К вопросу о переходе от феодализма к капитализму в Чехии; Шейнис З. С. Народный посол Советской России М. М. Литвинов. Лондон 1918 г.; Зебров Д. К., Лебедев Л. К. Эрих Вайнерт: против фашизма стихом и оружием; Соловьев О. Ф. Империалистические дер-

жавы против революции в России (март — октябрь 1917 г.); Мартыненко Б. А. «Дрейф» Канады в 1939—1941 гг.; Обсуждение новых школьных программ по истории.

Советская археология, 1987, № 1. Цвейбель Д. С., Колесник А. В. Техника первичного расщепления кремня на стоянке Белокузьминовка в Донбассе; Гаврилюк Н. А. Пища степных скифов; Кузнецова Т. М. Зеркала из скифских памятников VI—III вв. до н. э. (классификация и хронологическое распределение); Сапрыкин С. Ю. Асандр и Херсонс (к достоверности легенды о Гикии); Савостина Е. А. Античное поселение Юбилейное I на Тамани (предварительные итоги изучения); Сариниди В. И. Бактрийский центр златоделания; Артемьева Н. Г. Раннесредневековые жилища Приморья; Буров В. А. О местоположении княжей сотни в древнем Новгороде; Савватеев Ю. А. Новые петроглифы на о. Ерпин Пудас; Третьяков В. П. Поселение Имерка 5 — памятник эпохи энеолита в Примокшанье; Анцилогов А. В. Поселение Ловозеро I; Атаев Г. Д. Чиркейские курганы бронзового века; Удеумуратов Б. Н. Керамический комплекс верхних слоев Алтын-депе; Кутайсов В. А. Эллинистический дом Керкинитиды; Максименко В. Е., Безуглов С. И. Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой; Афанасьев Г. Е. Муравьевский клад (к проблеме оногробуларо-хазарских миграций в лесостепь); Жилина Н. В. Тверская берестяная грамота № 1; Пущко В. Г. Крест Марка Пещерника; Бектинеев Ш. И. Весы и гиры — разновесы X—XIV вв. из Белоруссии; Ксензов В. П. Новые исследования верхнепалеолитической стоянки Юровичи; Косинская Л. Л. Жилища эпохи ранней бронзы в бассейне Вычегды; Прохорова Т. А. Погребение эпохи раннего железа из могильника Криволиманский I; Булава Л. А. К атрибуции золотого колпачка из Курджипского кургана; Плетнева С. А. Глиняный ритоп из Корчева и бронзовая личина из Тмутаракани; Дедов В. Н., Шведов М. Л. Находка древнерусского меча в Донбассе; Литвинов В. А., Макушников О. А., Дробушевский А. И. Клады древнерусских шейных гривен из Белоруссии; Випоградов В. Б. Два зеркала золотоордынской эпохи из Чечено-Ингушетии.

Преподавание истории в школе, 1987, № 1. Изучение материалов XXVII съезда КПСС — важнейшая задача школы; Тонилин А. В. Сближение уровня жизни городского и сельского населения; Поиски, находки, открытия.; Обсуждаем программы; Випокурова М. М. Изучение материалов XXVII съезда КПСС в теме «Экономический строй социализма»; Ворожейкина Н. И. Формирование умений в VII классе; Бахтияна О. И. Нравственное воспитание в V клас-

се; Носаченко И. М. Изучение бригадной организации труда; Эрпазаров Ю. Опыт профориентационной работы в сельской школе; Донской Г. М. Эстетическое воспитание на уроках истории средних веков; Старобинская Г. И. Самостоятельная работа с текстом учебника в VII классе; Резник А. Б. О форме учебных занятий по обществоведению; Иванова Л. Ф. Опора на социальный опыт учащихся.

Военно-исторический журнал, 1986, № 12. Патриотическое и интернациональное воспитание советских воинов; Андроников Н. Г. Заря Великой Победы; Невзоров Б. И. Достижение успеха при общем превосходстве противника в силах и средствах (По опыту 10-й армии в контрнаступлении под Москвой); Мальцев Н. А. Особенности партийно-политической работы в битве под Москвой; Тараканов В. В. Архивные документы о действиях советских войск под Москвой; Майоров А. М. Прославленный полководец Великой Отечественной войны (К 90-летию со дня рождения Маршала Советского Союза Г. К. Жукова); Лелюшенко Д. Д. Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский (К 90-летию со дня рождения); Пестов Б. Е. Герой-интернационалист; Каргалов В. В. Засечные черты и их роль в обороне Русского государства в XVI—XVII веках; Рощупкин В. Т. Прославленный герой гражданской войны (К 100-летию со дня рождения А. Я. Пархоменко); Аганов С. Х. Маршал инженерных войск М. П. Воробьев (К 90-летию со дня рождения); Стаценко И. Д., Щеглов А. Ф. Щит кубинской революции (К 30-летию создания РВС Республики Куба); Андреев Н. И. Рожденная в пламени сражений (К 45-й годовщине Югославской народной армии).

Военно-исторический журнал, 1987, № 1. Военно-историческую работу на уровне современных требований; Петров Б. Н. Анализ причин незавершенности некоторых наступательных операций Великой Отечественной войны; Горбачев В. А. Оперативный маневр авиации без смены базирования (По опыту Великой Отечественной войны); Полухин Н. Ф., Патычепко Ю. Д. Материальное обеспечение подвижных групп фронтов в Висло-Одерской операции; Савушкин Р. А. Эволюция взглядов на оборону в межвоенные годы; Филиппов В. В. В воздухе — аэростаты наблюдения; Соболев В. А. От Волги до Эльбы; Георгиев А. Г. Использование американскими войсками химического оружия в локальных войнах в Индокитае (1961—1971 гг.) (По материалам иностранной печати); Алексеев В. П. Применение подводных лодок в интересах ведения разведки; Агеев А. М. Взаимодействие регулярных советских войск с партизанскими формированиями в наступлении Восточного фронта в 1919—1920 гг. Ивашов Л. Г. О прошлом во имя будущего (Библиографический обзор военно-исто-

рической литературы последних лет по второй мировой войне); Г о в о р о в В. Л. Высший контрольный орган Министерства обороны СССР (К 40-летию создания Главной инспекции МО СССР); Е г о р о в Г. М. Надежный помощник Советских Вооруженных Сил (К 60-летию ДОСААФ СССР); С к о р и к о в Г. П. Командарм 2 ранга Я. И. Алексис (К 90-летию со дня рождения).

Украинский исторический журнал, 1987, № 1. Романцов В. Е. Рабочий класс Украинской ССР: проблемы роста; Забарко Б. М. Влияние Великого Октября на развитие международного рабочего и коммунистического движения; Мельник Л. Г. Разоблачение современных буржуазно-националистических фальсификаций общности происхождения, общего исторического прошлого русского и украинского народов; Черная М. В. Партийное руководство научно-техническим прогрессом в промышленности УССР в 1971—1980 гг.; Бесов Л. М. Опыт работы парторганизаций УССР по улучшению качества промышленной продукции (1981—1986 гг.); Николаенко В. Ю. Забота Советского государства о подъеме благосостояния и повышении идейно-политического и профессионального уровня учителей (60—80-е годы); Калакура Я. С., Антонюк А. В. Участие комсомольских организаций Укraiны в воспитании молодежи в духе непримиримости к буржуазной идеологии; Лещенко Н. Н., Сесак И. В. Роль земских учреждений Правобережной Украины в развитии начального образования; Скороход Ю. С. Ирано-иракский конфликт в стратегии американского империализма; Антонюк А. Ю. Работа партийных организаций промышленных предприятий Украины с новым партийным пополнением (1952—1958 гг.); Гарагонич В. В. Интернациональные связи молодежных организаций приграничных областей Украинской ССР с молодежью зарубежных социалистических стран; Самойленко Н. И. Популяризация советской литературы и искусства на страницах болгарских газет (вторая половина 50-х — 60-е годы); Лихолат Е. А. Положение крестьянства Западной Украины в период мирового экономического кризиса 1929—1939 гг.; Колесник Е. А. Библиотека А. М. Лазаревского; Фещенко В. Т. Иван Юлианович Кулик (К 90-летию со дня рождения); Данилюк Ю. Э., Войналович В. А. 125-летие киевского завода «Лепинская кузница»; Кузнецов Г. А., Блоха Ф. М. К вопросу об освещении истории народной войны на Черниговщине в годы Великой Отечественной войны.

Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1986, № 4. Аветисян Г. А. О некоторых вопросах идеологической работы; Барсегян Х. А. Арташес Каринян (К 100-летию со дня рождения); Тигранян Э. А. К вопросу о функциональных и архитектурно-композиционных особенностях общественных зда-

ний; Семенова З. Ф. О взаимосвязях русской и армянской средневековой архитектуры; Гомбош Карой. Малоазийский ковер в системе восточных ковров; Мхитарян М. А. Первая восточноармянская газета (К 170-летию издания еженедельника «Аревелян цануцмунк»); Даниелян Г. Е. Заселение репатрированных персидских армян в селе Кызылтамур и их участие в антицарских выступлениях в конце XIX века; Пивзьян Эм. А. К вопросу об источниках «Армянского судебника» Мхитара Гоша; Акопян А. П. Римская система укреплений на границе Малой и Великой Армении; Папаян В. А. Охрана торговых путей в Сефевидском государстве в XVII веке; Эйнатян Дж. А. Связь между календарем и небесными светилами в армянской календароведческой письменности; Варданян Ю. А. Об Ованаванкской рукописи чарыптур; Пигриян Г. П. Роль польских дипломатов-армян в турецко-польских отношениях в первой четверти XVII в.; Джалилов О. Дж. Трагические события в Западной Армении по историческим песням курдов.

Архивы Украины, 1986, № 5. Шмелев В. Г. Творческое содружество работников архивных, научных учреждений и вузов республики в подготовке документальных изданий; Прокочук В. В. Разработка примерных и типовых номенклатур дел — важная задача архивных учреждений; Овсienко А. Ф. Малоизвестные документы ЦГИА УССР в г. Киеве о революционной деятельности Г. К. Орджоникидзе (К 100-летию со дня рождения); Кравченко В. Н. Наиболее ранние инвентари Луцкого замка и староства (конец XVI — начало XVII в.); Савчук В. П. Использование документов Госархива Львовской области в военно-патриотическом воспитании молодежи; Гирич И. Б. Передвижная выставка документов ЦГИА УССР в г. Киеве, посвященная 80-летию первой русской революции 1905—1907 гг.; Рыбалко А. Л. Обзор фонда ЦГАОР УССР «Украинское общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами»; Рысич И. Л. Документы партархива Диспропетровского обкома Компартии Украины об откликах трудящихся области на статью А. В. Гиталова «Дума о хлебе»; Стетюха Н. В. Документы фонда ЦГАОР УССР «Бюро печати Украины» о первых социалистических преобразованиях в республике; Папакли Г. В. Новые архивные документы о деятельности А. М. Коллонтай на Украине (февраль — сентябрь 1919 г.); Мыцык Ю. А. Источники к изучению истории антифеодальной и освободительной борьбы украинского народа в конце XVI — первой половине XVII в. в фондах архивов ПНР; Белотелов Н. Г. Центральный архив Министерства здравоохранения УССР; Кравченко В. Н. Объединение «Прикарпатлес»; Государственный учет документов Государственного архивного фонда СССР.

Общественные науки, 1987, № 1. Володин А., Шахматов Б. Утопический социализм в России; Куманев В., Пирожков С. Совместная сессия обществоведов Академии наук СССР и Академии наук Украины; Комплексные целевые программы гуманитариев Сибири; Кураев В. Двусторонние связи обществоведов; Бабушкина Т. Многосторонняя проблемная комиссия «Рабочий класс и мировой революционный процесс»; Левыкин И. Общее и особенное в социалистическом образе жизни; Шейнин Э. Критика буржуазных концепций экономического сотрудничества стран СЭВ.

Вестник Ленинградского университета, серия 6, 1986, вып. 4. Сергеев А. И. Роль статьи В. И. Ленина «О характере наших газет» в развитии партийно-советской печати в годы гражданской войны; Зиновьев И. П. Вопросы военного строительства в программных документах партии; Кузнецов В. Е. Разработка В. И. Лениным некоторых вопросов социал-демократической тактики союзов и соглашений (1894—1904 гг.); Чистякова Т. И. Агитационно-пропагандистская работа большевиков в рабочих и солдатских клубах Петрограда (июль — октябрь 1917 г.); Смирнова Т. М. Национальная партийно-советская печать Северо-Запада РСФСР в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920 гг.); Рябова Л. К. Исследование темы «В. И. Ленин как историк» в работах В. А. Быстрянского середины 20-х годов.

Пролог Великого Октября. По материалам республиканской научной конференции, посвященной 80-летию революции 1905—1907 годов в России. Институт истории партии при ЦК КП Белоруссии. Минск. 1986. Кузьмин А. Т. Введение; Платонов Р. П. В. И. Ленин о характере революции 1905—1907 годов в России, стратегии и тактике большевиков; Павлов Я. С. Руководящая роль пролетариата в революции 1905—1907 годов; Солодков Т. Е. Советы рабочих депу-

татов в первой российской революции — прообраз будущей социалистической государственности; Павлюченко А. М. Обогащение теории и практики классовой борьбы на опыте первой российской революции; Бич М. О. Революционные события 1905—1907 годов в Белоруссии; Король А. С. Борьба большевиков Белоруссии за укрепление союза рабочего класса с крестьянством, за солдатские массы; Сташкевич Н. С., Солошенко В. И. Борьба большевиков в Белоруссии за осуществление тактики «левого блока»; Хадкевич А. Ф. Международное значение революции 1905—1907 годов в России; Молибашко В. А. Критика буржуазных фальсификаций роли большевистской партии в революции 1905—1907 годов.

Ленинградский Совет в годы гражданской войны и социалистического строительства 1917—1937 гг. Сборник статей. Институт истории СССР АН СССР. Ленинградское отделение. Л. 1986. Ирошников М. П. Предисловие; Балясников А. Б. Военная секция Петроградского Совета в годы гражданской войны и военной интервенции; Смолин А. В. Петроградский Совет в борьбе с контрреволюцией в годы гражданской войны; Хмыров А. Н. Деятельность Петросовета по охране детства и борьбе с беспризорностью в 1917—1920 гг.; Чистиков А. Н. Деятельность Петросовета по решению продовольственного вопроса в 1917—1920 гг.; Ильина Г. И. Петроградский Совет и культурное строительство в первые годы Советской власти (октябрь 1917—1920 гг.); Купайгородская А. П. Проблемы народного образования в деятельности Совета (1918—1927 гг.); Зубарев В. И. Перестройка в первые годы нэпа (1921—1923 гг.); Деревнина Л. И. Петроградский — Ленинградский Совет в борьбе за восстановление промышленности города (1921—1925 гг.); Лебипа Н. Б. Выборы в Ленсовет в 1927 г.; Гоголевский А. В. Ленинградский Совет в годы второй пятилетки (1933—1937).

Хроникальные заметки

◆ В Риге (октябрь 1986 г.) прошла Всесоюзная научная конференция «Борьба партии большевиков против непролетарских партий, за массы трудящихся национальных районов России в буржуазно-демократических и социалистической революциях», организованная АН СССР, ИМЛ при ЦК КПСС, Институтом истории АН ЛатССР и Институтом истории партии при ЦК КП Латвии. Были заслушаны доклады: акад. АН ЛатССР А. А. Дризул (Рига) — Борьба большевиков Латвии за массы в 1917 году; К. В. Гусев,

В. А. Полушкина — Общее и особенное в тактике большевиков по отношению к непролетарским партиям национальных районов страны; В. П. Булдаков — Национальные партии России. Особенности возникновения и развития; И. Э. Ропис (Рига) — Складывание буржуазных партий Латвии. В принятых на конференции рекомендациях отмечена важность дальнейшего изучения истории Великой Октябрьской социалистической революции в свете новых требований, предъявляемых КПСС к обществоведам.

◆ 21—22 ноября 1986 г. в Минске состоялся коллоквиум по истории внутренней политики и революционного движения России второй половины XIX — начала XX в., организованный Историческим факультетом Белорусского университета. С докладами выступили: В. Г. Чернуха (Ленинград) — Понятие «общественное мнение» в 60—70-е годы XIX века; Д. Иена (ГДР) — Г. В. Плеханов в годы первой мировой войны; Ю. Д. Марголис (Ленинград) — Кризис верхов накануне Февральской буржуазно-демократической революции; Е. Н. Мухина — Дворянство и крестьянская реформа 1861 года; А. П. Шевырев — Судостроительная политика морского министерства в 50—60-е годы XIX века, и др. Итоги обсуждения подвел И. В. Оржеховский (Минск).

◆ В Институте истории СССР АН СССР 16 декабря 1986 г. прошло заседание специалистов института и Исторического факультета МГУ, посвященное 300-летию со дня рождения В. Н. Татищева. Были заслушаны доклады: А. И. Юхт — В. Н. Татищев и Академия наук; А. Н. Иванов (Ярославль) — В. Н. Татищев и развитие геологии и палеонтологии в России XVIII в.; Д. Н. Шапский — К вопросу о методике изучения оригинальных известий В. Н. Татищева; Н. А. Кондрашов — Язык «Истории Российской» В. Н. Татищева; О. М. Рапов — Крещение Руси по «Истории Российской» В. Н. Татищева; Л. Н. Вдовин — «Лексикон Российский» В. Н. Татищева как источник по истории и культуре России XVIII века; Д. В. Андрусенко (Ленинград) — Вклад В. Н. Татищева в создание светской концепции истории церкви в России; О. А. Александровская — В. Н. Татищев и русская географическая школа в первой половине XVIII века; В. С. Астраханский — Текст первоначальной редакции второй и третьей частей «Истории Российской» В. Н. Татищева в «Записках» императрицы Екатерины II.

◆ 26 января 1987 г. состоялось заседание Группы по истории Франции Института всеобщей истории АН СССР, посвященное 85-летию со дня рождения В. М. Далина. Вступительное слово произнесла С. В. Оболенская. Были заслушаны выступления: А. В. Гордон — П. А. Кропоткин и Ж. Жорес. Две концепции Великой Французской революции; Е. В. Старостин — П. А. Кропоткин читает В. И. Ленина.

◆ В редакции журнала «Вопросы истории» состоялись заседания теоретического семинара. 2 февраля на нем выступил с докладом «Социально-экономические процессы в Китае на современном этапе» А. М. Григорьев; 13 февраля был заслушан доклад З. П. Яхимович «Диалектика классово-борьбы и борьбы за мир на современном этапе».

◆ З. А. Левина в работе «У истоков ленинизма. О книге В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют

против социал-демократов?» (М. Мысль. 1986) пишет о создании и распространении первого фундаментального труда Ленина. Специальная глава посвящена второму (до сих пор не найденному) выпуску работы, истории его создания, издания, установлению возможного содержания. В книге раскрыты значение этого ленинского труда, его роль в идейном разгроме пародничества, актуальность в наши дни.

◆ Название вышедшей в Политиздате книги И. М. Дажиной «Несломленные» (М. 1986) суммирует главное в поведении пяти большевиков — Г. И. Петровского, А. Е. Бадаева, М. К. Муранова, Ф. Н. Самойлова и Н. Р. Шагова, избранных депутатами IV Государственной думы, высланных в Сибирь за то, что они выступили против империалистической войны. Стенографические отчеты Думы, большевистские листовки, воспоминания, газетный материал, документы охраны дают возможность показать размах деятельности депутатов-большевиков, их связи с более чем 30 городами России.

◆ Книга Ф. Г. Сейраняна «Г. К. Орджоникидзе в годы социалистического строительства» (Тбилиси. Сабчота сакартвело. 1986) рассказывает о партийной, государственной и военно-организаторской деятельности Серго. Автор раскрывает роль Орджоникидзе в реализации политики партии по индустриализации страны, развитию оборонной промышленности и технического оснащения армии и флота.

◆ А. И. Барменков в работе «Свобода совести в СССР» (2-е изд. М. Мысль. 1986) излагает основы политики КПСС и Советского государства в отношении религии, церкви и верующих, показывает постепенное изменение социально-политических позиций православной церкви после победы Октябрьской революции, подвергает критическому анализу буржуазные представления о свободе совести.

◆ Монография В. Н. Земского «Ведущая сила всенародной борьбы. Борьба советского рабочего класса на временно оккупированной фашистами территории СССР (1941—1944 гг.)» (М. Мысль. 1986) характеризует роль рабочих в развертывании партизанского движения в тылу гитлеровских захватчиков.

◆ «В буднях великих строек. Женщины-коммунистки, героини первых пятилеток» (М. Политиздат. 1986) — книга о социалистическом строительстве 1930-х годов, когда женщины активно строили промышленные гиганты, организовывали колхозы, первыми в мире начали водить паровозы, морские и воздушные корабли.

◆ Героическая борьба рабочих и крестьян Дальнего Востока против интервентов и белогвардейцев — тема книги А. Д. Самойлова «На страже завоеваний Октября (Крах контрреволюции на Дальнем Востоке)» (М. Мысль. 1986). Большое место автор уделяет участию в этой борьбе местного населения.

◆ В сборник «Петрашевцы об атеизме, религии и церкви» (М. Мысль. 1986) включены работы М. В. Буташевича-Петрашевского и его единомышленников, чей революционный демократизм, пронизанный стремлением освободить людей от социального и духовного гнета, обусловил более глубокое понимание ими сущности религии.

◆ М. Е. Бычков в книге «Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование» (М. Наука. 1986) прослеживает формирование господствующего класса и его эволюцию в ходе упрочения Русского централизованного государства.

◆ Этапы развития основных отраслей сельского хозяйства Северной Осетии, история крестьянства республики в дореволюционный период — предмет исследования Б. П. Берозова («Путь, равный столетию. Очерк истории аграрного развития Северной Осетии в XIX в.». Орджоникидзе. Ир. 1986).

◆ «Казенные горные заводы Урала в период перехода от крепостничества к капитализму (к проблеме промышленного переворота)» (Красноярск. Изд-во Красноярского университета. 1986) — монография М. В. Путилова, в которой рассматривается процесс промышленного переворота в горнозаводском хозяйстве Урала, показано место казенных горных заводов в становлении российского капитализма.

◆ В книге А. Л. Витухновского «В гостях у Клио. История: о чем она рассказывает, чему учит, как помогает преобразовывать мир» (изд. 2-е, перераб. и доп. Петрозаводск. Карелия. 1986) рассказывается об истории как науке, изучающей прошлое, и о том, зачем его надо изучать, раскрываются арсенал средств и методы исторического исследования, а также то, как проявляется органическая связь прошлого с настоящим, чему учит нас прошлое, какова связь истории с политикой.

◆ Калининский университет подготовил и опубликовал «Практические занятия по истории южных и западных славян (средние века)» (составители: И. Г. Воробьева, М. М. Фрейденберг. Калинин. 1986). Тексты источников либо взяты из малодоступных изданий, ставших библиографической редкостью, либо вообще не публиковались ранее на русском языке. Источники снабжены примечаниями и комментариями и сгруппированы по пяти темам: «Гуситское движение», «Барщинно-крепостническое хозяйство в Польше», «Сербская деревня XIII—XIV вв.», «Южные славяне под османским господством», «Далматинский город XIV—XV вв.».

◆ В серии «Города Белоруссии» коллектив авторов во главе с М. Ф. Мельниковым выпустил историко-экономический очерк о городе Кричеве («Кричев». Минск. Беларусь. 1986). В работе рассмотрены: история города с 1136 г. (первое о нем упоминание в источниках) до

наших дней, развитие городского хозяйства и общественной жизни, вклад жителей в дело социалистического строительства.

◆ Демографический сборник «Методы исследования» (М. Мысль. 1986) касается проблем, связанных с повышением эффективности использования источников о демографических процессах и расширением их круга, количественным анализом (рождаемости, брачности и смертности), применением методов демографического анализа в экономике, построением аналитических и прогностических демографических моделей.

◆ Вышедший в Лениздате сборник «Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев» (подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Ю. А. Лимонова. Л. 1986) показывает, как складывались представления о России той поры на Западе, что привлекало в ней внимание зарубежных путешественников и дипломатов. В книге собраны основные сочинения иностранцев, побывавших в России на протяжении трех столетий.

◆ Политиздат Украины выпустил книгу [И. И. Курилова] и А. Н. Щуровского «Крестonosцы антиразрядки» (Киев. 1986), в которой разоблачается милитаристская практика империализма и раскрывается прогрессивная роль антивоенного движения.

◆ Журналист-международник С. Н. Кондрашов («Жизнь и смерть Мартина Лютера Кинга». Изд. 2. М. Мысль. 1986) характеризует борьбу выдающегося лидера негритянских масс США против расизма.

◆ Ю. Н. Королев и М. Ф. Кудачкин в работе «Латинская Америка: революции XX века» (М. Политиздат. 1986) исследуют революционный процесс в регионе — от мексиканской революции 1910—1917 гг. до сандинистской 1979 г. в Никарагуа. Авторы прослеживают преемственность, взаимосвязь, особенности национальных революций в Мексике, Чили, Боливии, Гватемале, Никарагуа, на Кубе и раскрывают предпосылки этих революций, их движущие силы и характер, роль рабочего класса и компартий в революционной борьбе, оценивают историческое значение и уроки этих движений.

◆ Основное внимание в работе В. Л. Корнеева «Индия: 80-е годы» (М. Мысль. 1986) сосредоточено на анализе основных черт и особенностей современного социально-экономического развития Индии. В книге предпринята попытка охватить важнейшие тенденции экономической и социальной жизни страны, показать переплетение традиционных и современных черт развития города и деревни.

◆ Л. И. Климович («Книга о Коране, его происхождении и мифологии». М. Политиздат. 1986) анализирует происхождение, содержание, историю изучения и переводов на разные языки этого памятника древнеарабской литературы. Выявляя исторические корни догм и установлений Корана, он уделяет особое

внимание их социальной роли в прошлом и настоящем.

◆ В фонде начальника Скулянского таможенного округа (Центральный государственный архив Молдавской ССР) найдено предписание начальника Бессарабского областного жандармского управления начальнику таможни в Новоселище: «Председатель Германского отдела Интернационального общества и один из деятельнейших членов оного литератор Карл Маркс, с английским паспортом под именем Валласа, намерен пробраться в Россию со злонамеренной целью». Далее следует распоряжение «о строжайшем наблюдении за появлением Маркса-Валласа во вверенном Вам округе» и указание «в случае задержания его» известить жандармское управление. Строжайшее секретное предписание следить с этой целью за границами летом 1871 г. было направлено всем жандармским управлениям.

◆ В Ленинграде, в доме на ул. Горюховой (ныне ул. Дзержинского), где по март 1918 г. размещалась ВЧК, открыт залово мемориальный Музей-кабинет Ф. Э. Дзержинского. Здесь три помещения — комната дежурного чекиста, приемная и кабинет. В экспозиции представлены личные вещи Феликса Эдмундовича — часы, трость, значок почетного члена спортивного общества «Динамо», книги.

◆ Личный листок № 4706 Ф. Э. Дзержинского найден в архиве Ветковского районного отдела внутренних дел (Гомельская обл., БССР). Судя по ответам на 27 вопросов, листок был заполнен в апреле 1923 г. в канун XII съезда РКП(б).

◆ Острожскую библию, напечатанную Иваном Федоровым в 1580—1581 г., и еще более 200 рукописных и печатных памятников обнаружили свердловские археографы в горнозаводских поселках уральского края.

◆ Во время раскопок в Гродно (БССР) белорусские археологи обнаружили уцелевшие после пожаров остатки жилых и хозяйственных построек, которые позволяют представить конфигурацию когда-то существовавших здесь закрытых дворов, мощеных улиц и проулков. Найдены

также обожженный кирпич XII в. с клеймами мастеров, т. н. орех — выточенная из кости главная деталь спускового механизма арбалета, семена гречихи и проса.

◆ На территории Лудского историко-культурного заповедника (Волынская обл., УССР, экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР завершила раскопки памятника древнерусского зодчества XII в. — церкви Иоанна Богослова. Хорошо сохранился фундамент здания, стены, сложенные из плинфы. По деталям можно воссоздать и внутреннее убранство храма: пол из цветных плиток, фресковые росписи, в которых преобладают геометрические композиции в виде восьмиугольных звезд, квадратов и ромбов. Остатки пристройки к церкви относятся к XII—XV векам.

◆ Золотой браслет, украшения конской сбруи, кинжал, на золотой обкладке ножен и рукояти которого — рельефные изображения птиц, сражающихся с верблюдами, и крылатого фантастического копия с хищным клювом, обнаружили специалисты Приморского археологического отряда экспедиции Азовского краеведческого музея в кургане, где в I в. был захоронен знатный сарматский воин.

◆ В Николаевском р-не Волгоградской обл. при строительстве оросительных систем обнаружены восемь курганов бронзового и раннего железного веков. В Ленинском р-не (той же области) археологи начали раскопки мазара — средневековой усыпальницы. Здесь найден железный оральник — пахотное орудие. При раскопках в Котельниковском р-не (тоже в Волгоградской обл.) найдены древние игральные кости.

◆ «Мастерскую» первобытных художников обнаружили в верховьях Енисея (местечко Мугур-Саргол) археологи Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. С помощью кремневых осколков мастер эпохи палеолита изображал зверей и птиц, сцены охоты, обряды, небесные светила: Солнце, Луну. Любопытно, что звезды в созвездии Большой Медведицы соединены тонкими линиями, как в современных звездных атласах.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ О РУССКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ КОНЦА XVII ВЕКА

4 сентября 1986 г. Институт славяноведения и балканистики АН СССР провел научную конференцию, посвященную 300-летию заключения «Вечного мира» между Россией и Польшей. В докладах и выступлениях подчеркивались значение «Вечного мира» 1686 г. для развития русско-польских отношений, его роль как примера разрешения конфликтов мирным путем и влияние на международные отношения конца XVII века. Основной доклад сделал И. Б. Греков. Он отметил, что «Вечный мир» создал принципиально новую политическую ситуацию в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе, позволившую окончательно оформить антиосманскую коалицию (Австрия, Венеция, Польша и Россия), которая добилась затем больших успехов в борьбе против Османской империи и ее вассалов, что привело к заключению Карловацкого (1699 г.) и Стамбульского (1700 г.) мирных договоров. После договора 1686 г. Оттоманской Порте и ее вассалу — Крымскому ханству уже не удалось, как это не раз бывало раньше, предотвратить создание антиосманского фронта, и они вынуждены были пойти на значительные уступки восточно- и центральноевропейским государствам.

В. П. Шущарин обрисовал международную ситуацию в Центральной Европе в 1680-х годах, когда Габсбурги поддерживали мирные отношения с Францией, используя свой военно-финансовый потенциал для расширения собственных владений в Среднем Подунавье, что вело к освобождению живших там народов, прежде всего венгерского, от ига Османской империи. Война же с Францией отвлекла силы Габсбургов от среднедунайского театра военных действий, что задержало освобождение этого региона на десять лет (до 1699 г.). В докладе «Отражение в «Синописе» идеологической подготовки русско-польского сближения» Е. В. Чистякова обратила внимание на появление накануне «Вечного мира» произведения, проникнутого идеей общности славянских народов. В докладе показана необходимость совместных действий России и других славянских стран в борьбе с османами.

Два доклада были посвящены культуре XVII в. и отражению в ней политических событий и идеологических течений того времени. А. И. Рогов отметил роль в польско-русском сближении польских живописцев, работавших в Москве. Принеся в Россию свои достижения в области искусства, они чутко относились к традициям русской культуры. Выдающимися мастерами этого круга были С. Лопуцкий, портретист, мастер знамен, картограф, чьи труды были хорошо известны в Западной Европе, и В. Познанский, расписывавший кремлевские храмы. Л. А. Софронова показала, что польское искусство XVII в. пропагандировало политические идеи. Одна из пьес была посвящена «Вечному миру». Драматурги проводили идеи сильной королевской власти, права наследования трона. Аналогичную функцию выполняли поэзия и изобразительное искусство.

Обсуждение докладов показало интерес научной общественности к истории русско-польских отношений XVII века.

Г. П. Мельников

В СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ КОМИССИИ ПО СОТРУДНИЧЕСТВУ В ОБЛАСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК *

III сессия советско-польской Комиссии по сотрудничеству в области общественных наук проходила с 22 по 28 сентября 1986 г. в Варшаве и Поронино (ПНР). В ее программе была теоретическая конференция на тему «Наследие В. И. Ленина и современность». Работой сессии руководили директор Института государства и права АН СССР акад. В. Н. Кудрявцев и заместитель Главного Ученого секретаря Польской АН Г. Холай.

Вопросы истории ставились и освещались в докладах не только историков, но и представителей других общественных наук. В докладе польского философа Т. Ярошевского «Основные идеи XXVII съезда КПСС и X съезда ПОРП» было обращено внимание на творческий характер ленинского метода изучения процессов исторического развития. Докладчик отметил реализм принятых съездами Программ КПСС и ПОРП, подчеркнул, что эти документы кладут конец волюнтаристским попыткам «перескакивания» через этапы общественного развития. Он подверг также критике тех польских ученых, которые изображают многоукладный характер экономики ПНР как осуществление «альтернативного» или «польского» социализма, противостоящего опыту строительства социализма в СССР и других братских странах. Доклад акад. В. Н. Кудрявцева был посвящен развитию советской политической системы, демократии и социалистического самоуправления в свете решений XXVII съезда КПСС.

Многие выступавшие указывали на важность и плодотворность изучения ленинского идейного наследия при решении задач ускорения развития социалистического общества, выдвинутых КПСС и ПОРП. Г. Холай показал, что ленинская мысль о неотделимости борьбы за социализм и борьбы за хлеб приобретает особую актуальность в настоящее время, когда решение продовольственных проблем в социалистических странах является не только условием повышения жизненного уровня их населения, но и важнейшим политическим фактором, устраняющим угрозу экономического и политического давления на них со стороны империалистических государств.

Н. И. Лапин отметил, что начавшаяся в Советском Союзе перестройка в экономической и социально-политической сферах охватывает и общественные науки, перед которыми встает задача — решительно преодолевать инерцию абстрактного, схоластического теоретизирования. Наиболее сложные проблемы общественных наук могут быть решены только при системном подходе и синтезировании результатов различных дисциплин. Я. Куровицкий (ПНР) посвятил свой доклад анализу вопроса о партийности общественных наук.

В докладе В. В. Куликова отмечалось, что ленинское учение об объективных критериях переходного периода сохраняет свое значение и в современных условиях. Завершение социалистического строительства В. И. Ленин связывал с положительным разрешением противоречий переходного периода, превращением новых форм хозяйствования в господствующие, созданием материально-технической базы социализма. Игнорирование принципиальных различий между переходным периодом и победившим социализмом ведет к серьезным политическим ошибкам и даже к кризисным ситуациям. Э. Мазуркевич (ПНР) осветил основные стадии реализации ленинского кооперативного плана в Польше и остановился на задачах и целях сельскохозяйственной политики, определенной решениями X съезда ПОРП.

С. С. Хромов анализировал положения Ленина о роли рабочего класса в строительстве социализма. Творчески развивая идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, Ленин обосновал закономерное возрастание сил рабочего класса, его роли в общественном развитии, его революционных возможностей. Рабочий класс России, завоевав в революционной борьбе роль гегемона, вождя широких масс трудящихся, никогда этой роли не утрачивал. Выполняя ленинские указания о диктатуре пролетариата, ее функциях, о значении союза рабочего класса с крестьянством, об управлении производством, национализации частнокапиталистической собственности и создании основ социалистической экономики, рабочий класс Страны Советов внес решающий вклад в строительство нового, социалистического общества. Роль рабочего класса возрастает в связи с осуществлением выдвинутой КПСС программы ускорения экономического и социального развития СССР.

В. Стружек (ПНР) раскрыл специфику современного этапа осуществления рабоче-крестьянского союза в Польше. На него оказывает негативное влияние ряд субъективных моментов, затрудняющих нормальное течение политических событий в стране. На почве этих искажений возникли антисоциалистическая идеология неограризма, социальная доктрина католической церкви, зародились течения «Солidarности», объединявшие индивидуальных земледельцев. Как отметил докладчик, рано еще говорить о разрешении в Польше всех противоречий между интересами трудящихся города и деревни.

* Информацию о предыдущей сессии см.: Вопросы философии, 1986, № 11.

Б. П. Балугев рассмотрел ленинские положения о народничестве и неонародничестве. Основное место в его докладе было отведено раскрытию общего и особенного в народничестве на различных этапах его развития: революционном, либеральном и неонародническом. Докладчик остановился также на борьбе Ленина с неонародничеством в начале XX в. и на ленинской критике эсеровских и энесовских программ как псевдосоциалистических.

Т. Валихновский (ПНР) раскрыл ленинскую теорию классовой борьбы на примере имевших место в Польше общественно-политических конфликтов. Кризисные ситуации, выраставшие из них, вызывались рядом не только объективных, но и субъективных причин: ошибками в управлении экономикой и социально-политическими процессами, упущениями в идейно-воспитательной работе, ослаблением борьбы с внутренней и внешней реакцией. Все это открывало возможности для экспорта контрреволюции, для активизации антисоциалистической оппозиции, развертывавшей разнузданную пропаганду против основ ленинизма и руководящей роли ПОРП.

В докладе И. С. Яжборовской отмечалось, что КПСС и ПОРП являются главными факторами развития советско-польского сотрудничества. Это обусловлено руководящей ролью обеих партий в государстве и обществе. Их объединяют общие цели строительства социалистического общества, единый подход к коренным проблемам современности, курс на соединение присущей социализму социальной справедливости с высшей экономической эффективностью.

Два доклада были заслушаны в Музее В. И. Ленина в Поронино. В. А. Дьяков проанализировал ленинские оценки польского национально-освободительного и рабочего движения в XIX — начале XX века. Ленин внимательно следил за развитием польского рабочего движения, знал о противоречиях в нем, подчеркивал заслуги польских социал-демократов, хотя и подвергал критике их идейно-теоретические ошибки и недостатки в практической деятельности. О правом крыле польского рабочего движения, включая ППС, Ленин отзывался отрицательно. Я. Собчак (ПНР) осветил контакты Ленина с польским революционным движением. Докладчик показал, что, по сути дела, идеологическое созревание польского революционного рабочего движения было процессом усвоения ленинских идей и положений, прежде всего по национальному и крестьянскому вопросам, по вопросу о единстве патриотизма и интернационализма.

Советских участников конференции и руководителей польской части Комиссии принял член Политбюро, секретарь ЦК ПОРП Т. Порембский.

Б. П. Балугев, В. Н. Порус

КОНФЕРЕНЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА ООН

III Международная конференция «Социальные трансформации. Исторический опыт трех российских революций», подготовленная Институтом истории СССР АН СССР и его Ленинградским отделением как одно из мероприятий, посвященных 70-летию Великого Октября, и проведенная 6—8 октября 1986 г. в Ленинграде в рамках деятельности Университета ООН (в Токио), имела целью определение общих и особенных черт в революционных процессах, протекавших в различных странах Европы, Азии, Латинской Америки в 60-х годах XIX в.—1917 г., их значения для мирового революционного процесса, выяснение роли различных факторов (социально-экономических, политических, внутренних и внешних) в возникновении революционного кризиса. Предметом конкретного рассмотрения на конференции были буржуазно-демократические и социалистическая революции в России, а также буржуазные и буржуазно-демократические революции в Китае, Мексике и Японии. В ее работе приняли участие ученые КНР, Индии, Мексики и Японии.

Конференцию приветствовали от имени Секции общественных наук Президиума АН СССР и Отделения истории АН СССР акад. С. Л. Тихвинский и от имени Университета ООН его вице-ректор проф. К. Мусакоджи. С. Л. Тихвинский зачитал также обращение к ее участникам вице-президента АН СССР акад. П. Н. Федосеева.

Во вступительном докладе акад. И. И. Минца «Общее и особенное в революционном процессе: вопросы методологии сравнительного анализа» были названы основные принципы, которыми руководствуются советские ученые в своей работе. Задача исследователей, подчеркнул он, выяснить соотношение «революции и реформы» в различных движениях, сопоставить движущие силы, дать четкую характеристику требований и форм борьбы, определить роль различных факторов, которые

оказывали позитивное или негативное воздействие на социальные трансформации в разных странах и на различных этапах развития, и на этой основе сформулировать общие и специфические черты этих трансформаций.

Методологический характер имел и доклад М. Моанти (Индия), посвященный выяснению комплекса внутренних и внешних факторов, которые оказывают влияние на развитие революционного кризиса, а также соотношению значимости этих факторов на различных этапах революционного процесса. В связи с обсуждением этого вопроса М. Кикучи (Япония) высказал мнение об особой роли войны в возникновении революций, в социальных трансформациях. Однако в других выступлениях подчеркивался приоритет внутренних факторов. Вместе с тем за внешними факторами (война) признавалась роль ускорителя революционного кризиса (Л. Кинкуан (КНР), В. Я. Лаверычев, М. Моанти, С. С. Хромов).

К. Сёдзи (Япония) в своем докладе в качестве «ключа» к исследованию различных общественных структур предложил использовать «теорию модернизации», имеющую хождение в зарубежной, прежде всего американской, литературе. С. С. Хромов, И. И. Минц, В. Я. Лаверычев, В. А. Попов, а также К. Мусакоджи отметили, что эта теория не является универсальной, т. к. опирается на показатели лишь технического развития и исключает классовые отношения и классовую борьбу.

С докладами о социально-экономических предпосылках революций в России выступили А. П. Корелин (буржуазно-демократических 1905—1907 гг. и Февральской 1917 г.) и В. Я. Лаверычев (социалистической). В. Я. Лаверычев показал несостоятельность утверждений, имевших хождение в прошлом, и подчас бытующих и в современной западной литературе, касающихся характеристики предпосылок социалистической революции: тезис о том, что Россия являлась полуколонией и выведение социалистической революции из фактора экономической отсталости страны. Докладчик привел данные, характеризующие Россию как страну со средним уровнем развития капитализма, достаточно развитыми социальными отношениями, позволившими пролетариату сыграть ведущую роль в революционном движении.

Место и роль различных классов в российском освободительном движении, гегемония пролетариата в революциях 1905—1907 гг. и 1917 г. рассматривались в докладе Ю. И. Кирьянова и С. В. Тютюкина. Они показали общие и отличительные черты российских революций по сравнению с буржуазными революциями того же времени в других странах (в частности, в Китае и Мексике, где ведущей силой выступали мелкобуржуазные слои); отметили, что гегемония пролетариата и широкое участие народных масс дают основание считать буржуазные по задачам революции 1905—1907 гг. и Февральскую 1917 г. буржуазно-демократическими.

А. В. Игнатьев в докладе «Международные отношения и революции в России» показал, что главной причиной трех революций в России являлись внутренние факторы. Отметив социально-экономические различия, докладчик констатировал и некоторое сходство революционных процессов в России, Китае, Мексике и Японии: исход революций определялся внутренними силами, реакция получала поддержку со стороны империалистических держав, революционный лагерь пользовался симпатией и поддержкой трудящихся за рубежом.

В докладе В. Т. Ермакова и С. А. Федюкина «Октябрьская революция и проблемы культуры» был поставлен неразработанный в историографии вопрос о культурных предпосылках социалистической революции. К октябрю 1917 г., резюмируется в докладе, Россия обладала определенным культурным фондом и духовным потенциалом, известным минимумом культурных сил, необходимым для того, чтобы победивший пролетариат мог приступить к осуществлению культурной революции, в ходе которой создавался новый тип культуры. В то же время унаследованный от прошлого уровень культурного развития был недостаточно высоким, что создавало немало трудностей в процессе социалистического строительства. В докладе были раскрыты основные направления культурной революции в первые годы Советской власти: критическое освоение культуры прошлого, демократизация культуры и культурной жизни, идеологизация и политизация культуры, формирование советской культуры как многонациональной, становление нового типа личности, формирование кадров культуры. При обсуждении доклада были поставлены вопросы о том, как изменялись содержание и уровень культуры масс в ходе революции, в какой степени культурная надстройка способствовала развитию социальной революции, как социальные процессы в СССР отражались на культурных процессах и др.

В докладе С. С. Хромова «Три российские революции и мировой революционный процесс» шла речь о влиянии российских революций на освободительное движение в странах Европы, Азии, Латинской Америки. Российское революционное движение вобрало в себя опыт революционной борьбы во Франции, Германии и других странах и вместе с тем в своем развитии поднялось до высот, которые обозначили перемещение в начале XX в. революционной мысли и революционного дела из Западной Европы в Россию. Российское революционное движение дало миру новую форму борьбы — массовую политическую стачку. Выдающееся место в

социальном обновлении мира принадлежит Великой Октябрьской социалистической революции. Вместе с тем С. С. Хромов показал, что революционный процесс в России в начале XX в. способствовал росту пролетарского интернационализма, усилению кампании пролетарской солидарности.

Различным аспектам этой важной темы было отведено значительное место также в докладах: С. Л. Тихвинский — «Три российские революции и Китай», Чэн Чжихуа (КНР) — «О некоторых объективных и субъективных условиях и факторах Октябрьской революции 1917 г. и революционного процесса в Китае 1911—1949 гг.» и др. С. Л. Тихвинский показал, как революция 1905—1907 гг. способствовала пробуждению Азии. В результате восстания в 1911 г. была свергнута маньчжурская монархия и провозглашена Китайская республика. Передовая мысль страны приветствовала Февральскую революцию в России, указывая на ее огромное значение для укрепления республиканского строя. Великая Октябрьская социалистическая революция донесла до Китая марксизм-ленинизм, в стране возникла коммунистическая партия, события в России оказали огромное влияние на демократическое движение в Китае, возглавляемое Сунь Ятсеном.

М. Моанти выразил согласие с положениями докладов Чэн Чжихуа и С. Л. Тихвинского о воздействии Октябрьской революции на развитие стран Востока, в частности на Индию (распространение ленинизма, деятельность партий, реализация идеи планирования), а также отметил влияние на эту страну революционных событий в Китае. О воздействии российских революций на страны американского континента говорил У. Гарза (Мексика). Он отметил, в частности, рост самосознания мексиканского общества, акты солидарности рабочих с революционной Россией, их отход от анархо-синдикализма и бернштейнизма.

В докладе Н. М. Лаврова «Российская революция 1905—1907 гг. и мексиканская революция 1910—1917 гг.» (вследствие болезни автора доклад зачитывался) было показано сходство революционных судеб России и Мексики в начале XX в., выявлены общие черты мексиканской революции и российских буржуазно-демократических революций (огромная роль в них народных масс, аграрный вопрос как главный в обеих революциях) и существенные их различия: гегемоном революции в России выступал пролетариат, тогда как в мексиканской руководящую роль сыграла молодая национальная буржуазия. В докладе Л. С. Поскониной были проанализированы корни, характер и движущие силы мексиканской и первой российской революций.

У. Гарза предпринял попытку дать сравнительный анализ мексиканской и Октябрьской революций. Однако сравнение буржуазно-демократической и социалистической революций, определение мексиканской революции как чисто буржуазной, игнорирование ее антиимпериалистического характера и роли в ней народных масс вызвали возражения И. И. Минца, А. А. Фурсенко, Л. С. Поскониной и других участников конференции, утверждавших, что правильнее сравнивать мексиканскую и первую российскую революции, хотя и между ними имелись не только сходство, но и различия, например, в движущих силах. Сравнение же с Октябрем 1917 г. имеет основание только по линии антиимпериалистической направленности обеих революций, но именно этого докладчик не сделал. В известной мере подход У. Гарзы можно объяснить его представлением о существовании лишь одной модели буржуазной революции (Французской конца XVIII в.). Ю. И. Кирьянов, А. П. Корелин, Р. Ш. Ганелин отметили, что буржуазная по задачам российская революция 1905—1907 гг. являла собою новый тип буржуазной революции, что обусловлено иными, чем в конце XVIII в., условиями — переходом капитализма в империалистическую стадию развития, иными движущими силами и средствами борьбы.

А. В. Попов в докладе «О характере революции 1868 г. в Японии» дал общую характеристику этой революции, показал значение для нее предшествующего периода (эпохи Токугава), общее и особенное в этой революции, выяснил роль внешних и внутренних факторов в ее подготовке, а также классовых сил, участвовавших в революции в Японии, России и некоторых других странах.

Доклад М. Кикучи «Реставрация Мэйдзи и российская революция» содержал сравнительный анализ развития России с 1861 по 1917 г. и Японии с 1868 по 1945 год¹. Методологической основой доклада являлась «теория модернизации». Стремясь доказать преимущество японской модели развития, докладчик приукрашивал развитие Японии после 1868 г. (как известно, до 1945 г. ее история была цепью агрессивных актов и войн). Доклад и выступления К. Сёдзи, базирующиеся на той же теории, имели более теоретический характер. Концепция этих японских ученых была подвергнута критике в выступлениях участников конференции. Отмечалось, что применение «теории модернизации» к анализу социальных трансформаций нарушает принцип многомерного подхода к изучаемым явлениям и процессам (С. С. Хромов, В. А. Шишкин, В. Н. Горегляд); что она не даст

¹ Освещение некоторых аспектов проблемы в советской литературе см.: Лещенко Н. Ф. Советская историография Мэйдзи исин и генезиса капитализма в Японии. В кн.: Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М. 1986.

возможности объяснить происхождение революции, в частности российской (В. Я. Лаверычев). М. Танака (японка, работающая в Мексике), сопоставляя революцию 1868 г. в Японии с российской 1905—1907 гг. и мексиканской 1910—1917 гг. революциями, констатировала, что японские события были менее масштабны и менее выразительны, но не коснулась глубинных причин этого различия.

В выступлении М. Кикучи прозвучал тезис о том, что войны как бы продолжили путь к российским революциям. Против такого утверждения высказались С. С. Хромов, В. Я. Лаверычев, А. В. Игнатьев, отметившие, что главными причинами революционного кризиса были внутренние, война же явилась лишь ускорителем его развития. Указывалось и на то, что неверно выводить реформу 1861 г. в России из ее поражения в Крымской войне, как это сделал М. Кикучи. За Отечественной войной 1812 г. подобного рода реформ, как известно, не последовало, что также свидетельствует о приоритете внутренних причин. Констатируя политическую слабость царизма и его внешнеполитические вожделения, Л. Кинкуан увидел в этом чуть ли не главную причину, приведшую не только к буржуазно-демократическим, но и к социалистической революции. Этот тезис был подвергнут критике И. И. Минцем и В. Я. Лаверычевым.

Причиной некоторых утверждений, вызвавших возражения и критику, были тенденциозный подбор источников, узость и однобокость использованной источниковой базы. На это указывали В. А. Попов — в связи с докладом М. Кикучи, А. А. Фурсенко, В. Я. Лаверычев — в связи с докладом У. Гарзы.

Несмотря на различие мнений по ряду вопросов, конференция способствовала более разностороннему сравнительному анализу социальных движений в ряде стран, показала признание зарубежными исследователями значения революций вообще и конкретно буржуазно-демократических и социалистической революций в России, их влияния на мировой революционный процесс.

Следующую конференцию Университета ООН (в Токио) предполагается провести в КНР.

Ю. И. Кирьянов

КОЛЛОКВИУМ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В Москве 21—23 октября 1986 г. в рамках совместного проекта по проблемам истории второй мировой войны проходил первый коллоквиум историков СССР и США. Он был посвящен развитию взаимоотношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами с момента восстановления между ними дипломатических отношений в 1933 г. и до создания антигитлеровской коалиции (июнь 1941—июль 1942 гг.). Организация и проведение коллоквиума осуществлялись Национальным комитетом историков Советского Союза и сектором истории США и Канады Института всеобщей истории АН СССР.

Американскую делегацию возглавлял У. Ф. Кимболл. В ее состав входили: Э. М. Беннет, Ч. С. Александер, Л. К. Гарднер, Т. А. Уилсон, Дж. Г. Клиффорд, М. А. Штолер, Д. М. Глэнтц, С. М. Майнер и Х. Д. Филлипс.

Приветствуя американских историков, Г. Н. Севостьянов подчеркнул важность и актуальность изучения истории второй мировой войны и, в частности, сотрудничества СССР и США в рамках антигитлеровской коалиции, истоков этой войны, противоречий Версальско-Вашингтонской системы.

Советские историки, выступая на коллоквиуме, показали, что курс СССР на создание системы коллективной безопасности отвечал интересам всех миролюбивых государств. Только отказ западных держав от сотрудничества со страной социализма в деле обуздания гегемонистских притязаний держав фашистско-милитаристского блока, линия на «умиротворение» агрессоров за счет национальных интересов других государств, и прежде всего СССР, заставили нашу страну подписать в 1939 г. с гитлеровской Германией пакт о ненападении, тем самым лишив «умиротворителей» надежд на внешнеполитическую изоляцию Советского Союза. Об этом говорилось в докладах Г. Н. Севостьянова «Проблемы коллективной безопасности и советско-американские отношения (1933—1938 гг.)» и В. М. Бережкова «Международное положение СССР накануне Великой Отечественной войны». Взгляды Х. Д. Филлипса и С. М. Майнера на внешнюю политику Советского Союза в 1939—1941 гг. вызвали серьезные и обоснованные возражения со стороны советских историков (В. Я. Сиполса, А. Ю. Борисова, А. М. Филитова).

В докладах Г. Н. Севостьянова и Д. Г. Наджафова («США и гитлеровское нападение на СССР») отмечалось, что во внешней политике США в пред-

военные годы явственно просматривались две тенденции: узконационалистическая, изоляционистская, фактически совпадающая с политикой «умиротворения» Англии и Франции, и «интернационалистская», выразившаяся в установлении дипломатических отношений с СССР в 1933 г. и послужившая основой для сближения интересов наших стран в рамках антигитлеровской коалиции.

Проблема взаимоотношений между СССР и США после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз определила второй круг вопросов, вызвавших дискуссию на коллоквиуме. Большинство американских его участников пыталось в определенной степени отойти от установившихся предвзятых мнений и опереться в своих выводах на анализ документов из американских и английских архивов и другие материалы, дающие новые факты о внешней политике США и Великобритании, их отношении к СССР. Например, Т. А. Уилсон, излагая основные положения своего доклада «Во имя интересов Америки: предоставление Советскому Союзу помощи по ленд-лизу», попутно заметил, что историка должен интересовать процесс исследования, а не конечные оценки, подчас небеспристрастные. Более глубокое изучение истории приводит к критическим суждениям о деятельности своей стороны. Л. К. Гарднер, известный в 60-е — 70-е годы как представитель «новой левой», а затем радикальной историографии, старался отделить историю от политологии, сказав, что историк не следует заниматься политическими рассуждениями и создавать какие-либо модели. Американские ученые пережили, по его мнению, мучительную переоценку внешнеполитических ценностей под влиянием таких факторов, как поражение США во Вьетнаме, а также и в результате развития самого исторического знания.

Рассматривая проблемы советско-американских отношений в период складывания антигитлеровской коалиции, американские участники коллоквиума не во всем были единодушны между собой, хотя в целом можно выделить общее в их концепциях. В докладе Э. М. Бсннета «Советско-американские отношения, 1939—1942 гг.: поиски союзников в угрожающем мире» подчеркивалось, что Ф. Рузвельт считал союз с СССР весьма важным с точки зрения противодействия германской агрессии. По его мнению, Рузвельт определял свою политику как «Европа — прежде всего», и поэтому отношения с Советским Союзом находились в центре его внимания. Он стремился после открытия советско-германского фронта оказывать влияние на формирование общественного мнения в США в пользу СССР.

В докладе Дж. Г. Клиффорда «Изоляционистский контекст американской политики в отношении Советского Союза в 1940—1941 гг.» центральной являлась идея об изоляционизме в политике Рузвельта вплоть до Пёрл-Харбора. Нападение Германии на Советский Союз, считает докладчик, не изменило отношения президента к СССР. Клиффорд, как и его коллеги, полагает, что на Рузвельта при определении курса его администрации в отношении Советского Союза после 22 июня 1941 г. сильно влияли такие факторы, как наличие изоляционистской оппозиции в конгрессе, антисоветские настроения в госдепартаменте и военных кругах, однако главным, по его мнению, было то, что президент с позиции изоляционизма концентрировал основное внимание на обороне Западного полушария, относя советско-германский фронт к периферии второй мировой войны. Эту точку зрения поддержал Т. А. Уилсон.

У. Ф. Кимболл в докладе «Дипломатия кризиса: июнь — декабрь 1941 г.», рассматривая проблему оказания Соединенными Штатами военной и экономической помощи Советскому Союзу, подчеркнул, что продемонстрированная Красной Армией в первые месяцы войны способность противостоять натиску гитлеровских войск убедила Рузвельта в необходимости более весомой поддержки усилий СССР. О значении операций на фронтах Великой Отечественной войны для победы над фашистской Германией и причинах искаженного освещения событий на Восточном фронте в американской историографии говорилось в докладе Д. М. Глэнтца «Американские представления об операциях на Восточном фронте в годы второй мировой войны».

Американские участники коллоквиума признавали, что, распространяя закон о ленд-лизе на СССР, США преследовали собственные интересы: с точки зрения обеспечения национальной безопасности они приобретали значительно больше, чем давали. Подробно об этом говорилось в докладе Т. А. Уилсона, подчеркнувшего, что Советский Союз (в отличие от Великобритании) обладал достаточной мощью, чтобы защитить себя.

В докладах У. Ф. Кимболла, Т. А. Уилсона и особенно Л. К. Гарднера («Повесть о трех городах: тройственная дипломатия и второй фронт, 1941—1942 гг.») отмечалось наличие серьезных американско-английских разногласий в начальный период существования антигитлеровской коалиции. С учетом этого фактора рассматривались взаимоотношения СССР и США, мотивы американской дипломатии и вопросы послевоенного устройства мира.

О. А. Ржешевский, Г. А. Куманев и Л. М. Чузавков в докладах о складывании антигитлеровской коалиции и проблеме второго фронта раскрыли ведущую роль Советского Союза в формировании антигитлеровской коалиции. То, что именно СССР составлял главное ее звено на всем протяжении войны, определялось прежде всего его решающим вкладом в вооруженную борьбу против держав «оси».

Была аргументированно доказана несостоятельность утверждений историков США (в частности М. А. Штолера) о невозможности открытия второго фронта в 1942 году.

Американские участники коллоквиума, говоря о причинах медлительности администрации США в вопросе об оказании военно-экономической помощи СССР, ссылались на сомнения западных держав в его способности оказать сопротивление натиску вермахта. Наша точка зрения по вопросу о возможностях отпора СССР врагу получила отражение в докладе А. И. Бабина «Укрепление обороноспособности Советского Союза и его вооруженных сил в предвоенный период», сообщении Д. М. Проэктора «О битве под Москвой», а также в сообщениях о партизанском движении в годы Великой Отечественной войны А. Н. Сорокина и А. А. Филимонова (оба — Минск). Как отметил Т. А. Уилсон, американцы уделяют сегодня мало внимания истории второй мировой войны и роли США в ней. Американские ученые говорили на коллоквиуме, что даже историкам мало известно о героическом сопротивлении советского народа фашистскому агрессору. Советские историки указали на то, что в американской историографии недооценивается всемирно-историческое значение событий на советско-германском фронте, масштабы и сила сопротивления советского народа гитлеровским захватчикам.

Значительное внимание на коллоквиуме было уделено восприятию Советского Союза американским общественным мнением. В докладе Ч. С. Александра «Соединенные Штаты и СССР: восприятие Советского Союза американцами в 1933—1942 гг.» отмечалось, что под влиянием героической борьбы советского народа в общественном мнении США и определенной части правящих кругов произошел поворот от антисоветизма в пользу сотрудничества с СССР. Взгляды советских историков были изложены в докладах В. В. Познякова «Нападение нацистской Германии на Советский Союз и реакция в Соединенных Штатах: американская общественность и средства массовой информации», Д. Г. Наджафова, Б. А. Гиленсона (Орехово-Зуево) «Культурные связи между СССР и США в 1930-х — начале 1940-х годов» и Т. С. Юрьевой (Ленинград) «Американские художники против войны и фашизма. Советско-американские культурные связи, 1930—1942 гг.»

Полезной была основанная на архивных данных информация Э. С. Шейниса о дипломатической деятельности М. М. Литвинова в США. С большим вниманием были выслушаны воспоминания генерал-полковника авиации Г. Ф. Байдукова о миссии советских военных специалистов в США в 1941 году.

Работа коллоквиума имела деловой, конструктивный характер. Плодотворность состоявшегося обмена мнениями, необходимость продолжения сотрудничества советских и американских историков были отмечены в заключительном слове заместителя председателя Национального комитета историков Советского Союза А. О. Чубарьяна и выступлениях сопредседателей коллоквиума Г. Н. Севостьянова и У. Ф. Кимболла.

Участники коллоквиума приняли совместное заявление, в котором говорится: «Советские и американские историки удовлетворены результатами коллоквиума по истории второй мировой войны, который проходил в серьезной научной атмосфере... Исторический опыт показывает, что в тяжелые годы борьбы против фашизма СССР и США смогли объединить свои усилия, несмотря на различия их социальных систем, несмотря на сложности и трудности. Анализ возникновения и развития советско-американского сотрудничества во время второй мировой войны показывает, что великие нации в критические моменты истории готовы успешно разрешать свои проблемы. Изучение истории служит хорошей базой для нахождения комплексного решения мировых проблем. Основной задачей историков являются поиски объективной правды. Мы надеемся, что исторический аспект будет способствовать решению советско-американских проблем в ядерный век». Была достигнута договоренность о проведении следующего коллоквиума в Соединенных Штатах в октябре 1987 года. На нем будут рассмотрены отношения между СССР и США в 1942—1943 годах.

Н. И. Егорова

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

Barbara SCHNEIDER. *Schweizer Auswanderer in der Sowjetunion. Die Erlebnisse der Schweizer Kommunisten im revolutionären Russland (1924–1930)*. Schaffhausen. 1985. 157 S.

Б. ШНАЙДЕР. *Швейцарские переселенцы в Советском Союзе. Из жизни швейцарских коммунаров в революционной России*.

Советскими историками довольно полно изучено движение солидарности трудящихся капиталистических стран с первым государством рабочих и крестьян, в том числе производственная помощь в восстановлении народного хозяйства Советской России — промышленная и сельскохозяйственная иммиграция. Интерес к этой теме проявляют и за рубежом, о чем свидетельствует книга Б. Шнайдер (Швейцария).

Автор вводит в научный оборот неизвестные советским специалистам документы из архивов, а также одного из музеев своей страны. Она изучила прессу Компартии Швейцарии (КПШ) и ее местных организаций, использовала воспоминания участников и современников событий. Она хорошо знает работы советских авторов о швейцарских коммунах в Советской России¹. С их историей тесно связана деятельность организатора этих коммун, деятеля международного рабочего движения, одного из создателей КПШ, Фридриха (Фрица) Платтена.

Еще в 1920 г., пишет Б. Шнайдер, Платтен сообщил В. И. Ленину о стремлении многих швейцарских инженеров, техников, квалифицированных рабочих переселиться в Россию². Но, как известно,

Наркомтруд РСФСР, занимавшийся этим вопросом, не считал тогда целесообразным массовое переселение и предупреждал иностранцев в обращениях по радио о суровых условиях труда и быта, которые их ожидали. На таком предупреждении настаивал Ленин³. Однако стихийная индивидуальная и отчасти коллективная промышленная иммиграция, особенно из США в 1920 — начале 1921 г., приобрела значительные размеры. Постановление СНК РСФСР от 22 июня 1921 г. внесло определенную регламентацию в этот процесс⁴. В начале 20-х годов отчасти в связи с неурожаем и голодом в Поволжье, но прежде всего руководствуясь чувством классовой солидарности и желанием помочь Советской стране, туда переселился ряд сельскохозяйственных коллективов, заблаговременно обеспечивших себя всем необходимым⁵. В конце 1922 г. Ленин горячо приветствовал опыт работы сельскохозяйственных коллективов иммигрантов и выражал пожелание о создании 200 показательных

в 1919 г. в связи с многочисленными просьбами, поступавшими в советские учреждения из-за рубежа. Б. Шнайдер неточно связывает возникновение идеи создания швейцарских коммун только с образованием Межрабпома.

³ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 51, с. 193, 425.

⁴ Ленинский сборник XX, с. 202.

⁵ Подробнее см.: Тарле Г. Я. Друзья Страны Советов. Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР в 1920—1925 гг. М. 1968.

¹ См.: Иванов А. Е. Фриц Платтен. М. 1963; Свенцицкая О. В. Фриц Платтен. М. 1974; ее же. Швейцарские коммуны на родине В. И. Ленина. — История СССР, 1970, № 2; и др.

² Проблема переселения иностранных рабочих в Советскую Россию возникла

коммун (хотя бы по одному образцовому хозяйству в каждом уезде) ⁶.

Начало организации швейцарских сельскохозяйственных коллективов относится к 1923 году. Б. Шнайдер излагает содержание статьи Платтена «Возможности переселения в Советскую Россию», опубликованной в газете КПШ «Vorwärts» 11 апреля 1923 г., после того как Наркомзем РСФСР выразил готовность выделить для швейцарских переселенцев одно из бывших помещичьих имений (с. 25). Как отмечает Б. Шнайдер, целью учрежденного в мае 1923 г. по инициативе Платтена Союза переселенцев в Советскую Россию было оказание ей помощи путем создания образцовых коллективных хозяйств с технически оснащенным производством (с. 28). Намерением иммигрантов было продемонстрировать преимущества организации труда и быта в форме коммуны.

С аналогичными целями отправлялись в Советскую Россию в начале 20-х годов граждане США и ряда других стран. Мотивом переселения была отчасти возможность избежать безработицы (хотя для швейцарцев это, видимо, не имело особого значения; по данным автора (с. 30), только 3% из них были безработными). Кроме того, к середине 20-х годов, как пишет Б. Шнайдер, в странах Западной Европы наметился отлив революционной волны. В Швейцарии нарастало преследование коммунистов, что усиливало их стремление переселиться в Советскую Россию (там же).

Б. Шнайдер детально описывает подготовку будущих коммунаров к переселению: поездку в Советскую Россию возглавляемой Платтеном комиссии с целью выбора места для коммуны, ходатайство перед правительственными учреждениями своей страны о получении субсидий, сбор вступительных членских взносов и средств, необходимых для начала работ, а также анализирует отношение КПШ к переселению рабочих ⁷. Обнаруженная ав-

тором в архивах анкета, заполнявшаяся будущими коммунарами перед выездом, содержит сведения о возможности и готовности внести денежные взносы, о наличии орудий производства и сельскохозяйственного инвентаря, а также необходимых предметов быта.

Осенью 1923 г. первая группа переселенцев из 20 человек (многие с женами, а некоторые и с детьми) во главе с Платтеном обосновалась в имении Новая Лава (Сызранский уезд Симбирской губ.) и образовала коммуну под названием товарищество «Солидарность». Советское государство предоставило переселенцам скот и некоторый инвентарь, а впоследствии освободило коллективы такого рода от налогов и выделило им кредит без процентов.

Книга во многом дополняет сведения об истории товарищества «Солидарность», ранее опубликованные советскими авторами ⁸. Устав, принятый общим собранием его членов 26 ноября 1923 г. (он сохранился в архиве Сызрани), определял организационные основы сельскохозяйственной коммуны, порядок ведения хозяйства на основе обобществления всех средств и орудий производства, а также труда и потребления. Опираясь в основном на сведения, почерпнутые из писем иммигрантов на родину, цитируя их, Б. Шнайдер рисует несколько противоречивую картину деятельности коммуны.

Непривычные климатические условия, засуха в первый год работы сильно повредили неокрепшему хозяйству, потребовали от коммунаров напряженного труда, не принесшего ожидаемых плодов. Сказывался недостаток у коммунаров сельскохозяйственных навыков (хотя имевшиеся машины и совершенные по тому времени орудия несколько облегчали положение). Из-за занятости Платтена на ответственной работе в Коминтерне он не мог постоянно находиться в коммуне. Ситуация осложнялась тем, что фор-

⁶ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 230.

⁷ В то время КПШ переживала сложный процесс становления. В ней не было полного единства по вопросу переселения рабочих в Советскую Россию. Оппоненты Платтена объясняли свое отрицательное отношение к его идее опасением, что отъезд коммунистов ослабит позиции партии в стране. Их также настораживало положительное отношение к переселению ра-

бочих со стороны буржуазных партий, усматривавших в нем путь к сокращению безработицы (с. 25—26, 34).

⁸ В работах О. В. Свенцицкой, основанных на изучении документов филиала Госархива Куйбышевской обл. в Сызрани, советской прессы, воспоминаний Платтена и некоторых других коммунаров, а также местных крестьян, достаточно подробно освещена история деятельности коллектива с конца 1923 по 1927 год.

ма коммуны была объективно преждевременной — для ее организации не было тогда в Советской России ни социальной, ни материальной базы. Известно, что большинство коммун, спустя короткий срок, перешло на устав сельскохозяйственной артели. Не все коммунары, приехавшие из-за рубежа, смогли приспособиться к трудностям и лишениям, о которых их неоднократно предупреждали. Это повлекло за собой некоторые недоразумения в их взаимоотношениях и стало причиной ухода из коллектива (в основном в промышленность) части его членов.

Б. Шнайдер пишет также о создании в апреле 1924 г. по соседству с Новой Лавой в имении Тепловка второй швейцарской коммуны. В 1927 г. обе они переместились в Подмосковье, где в с. Васькино возникло образцовое коллективное хозяйство, действовавшее по уставу сельскохозяйственной артели. Опыт работы швейцарских переселенцев вместе с привлеченными ими в хозяйство «Васькино» местными крестьянами оказался более удачным, чем опыт товарищества «Солидарность»; через восемь месяцев оно стало рентабельным⁹. Иностранные трудящиеся оказывали помощь Стране Советов не только в организации сельскохозяйственного производства. Большой их заслугой явилось создание в с. Васькино интернационального детского дома.

Значительный интерес представляют данные Б. Шнайдер о профессиональном составе, партийной принадлежности коммунаров. Из приведенных ею списков переселенцев (с. 109—113) явствует, что большинство из них были членами КПШ, преимущественно рабочими (слесари, сварщики и др.). В списке приведены даты жизни и годы пребывания иммигрантов в СССР. Часть из них несколько лет спустя вернулась на родину, а 25 человек из 113, хотя в дальнейшем и вышли из коммуны, переменяв занятие, остались в СССР, приняли советское гражданство (с. 94). Более подробно автор излагает биографии 18 коммунаров (с. 96—102).

Большой интерес представляют страницы о дружеских связях коммунаров с

местным населением. В Новой Лаве, как и в Васькино, вместе с иностранными переселенцами работали местные жители. Автор подробно пишет о том, как складывались их взаимоотношения, которые подкреплялись технической и другой помощью коммунаров крестьянам. Население всей округи, в частности, пользовалось мельницей и лесопилкой товарищества «Солидарность». Настороженность и недоверие первых дней сменились приветливостью крестьян к коммунарам. Об этом многие из них сообщали в письмах на родину (с. 73). Крестьяне заинтересованно наблюдали работу сельскохозяйственных машин, некоторые обучались в коммуне работе на тракторе. Убедительным свидетельством доверия крестьян к коммунарам служит избрание двух членов товарищества «Солидарность» депутатами сельского Совета, состоявшего из девяти человек (с. 73).

Благодаря рецензируемой книге читатели Швейцарии получили возможность узнать о своих соотечественниках, которые с энтузиазмом и чувством классовой солидарности, преодолевая трудности, внесли свой вклад в строительство социалистического общества в СССР. Масштабы этой помощи были невелики, но швейцарские переселенцы, создавая свои хозяйства на основе применения сельскохозяйственной техники и технологии, способствовали складыванию новых производственных отношений. Хотя в книге не всегда присутствуют всесторонний анализ и объективные оценки условий, в которых жили швейцарские иммигранты, она в основе своей достоверно и доброжелательно повествует о своеобразном и сложном явлении, которое вошло в историю сотрудничества трудящихся СССР и Швейцарии. Книга снабжена большим количеством документальных фотографий, приложениями и полной библиографией проблемы.

Изложение истории коммун Б. Шнайдер сопровождает рядом общих соображений о положении Советской России в 20-е годы, в особенности о состоянии ее сельского хозяйства. Некоторые оценки и выводы ее по этим вопросам не могут не вызвать возражений, поскольку носят налет объективизма или страдают односторонностью, недостаточным знанием фактов. Есть и неточности в изложении истории переписки и встреч Платтена с Лениным в 1921 году. В Биографической

⁹ В 1930 г. это хозяйство было передано Межрабпому и объединено с несколькими соседними совхозами в крупное по тому времени предприятие, которое долгие годы оставалось образцовым.

хронике отсутствует упомянутый автором факт его беседы с Платтеном 21 ноября 1924 г. относительно плана организации швейцарских коммун, однако в их встречах 2 и 9 ноября того же года этот вопрос мог обсуждаться.

Книга увидела свет в то время, когда в СССР принят ряд мер по увековечению памяти о швейцарских коммунарах и Платтене. Уже несколько лет существует

Музей Ф. Платтена и швейцарских коммунаров в с. Васькино Чеховского района Московской области. Ульяновский обком КПСС принял решение создать совхоз имени Ф. Платтена в с. Новая Лава и организовать там музей¹⁰.

Г. Я. Тарле,
И. К. Эльдарова

¹⁰ Ульяновская правда, 6.XI.1986.

D. CALDERON. *La Droite française. Formation et projet*. P. Messidor/Editions sociales. 1985. 214 p.

Д. КАЛЬДЕРОН. *Французские правые. Возникновение и планы.*

Изучение правых, которые на протяжении долгого времени управляли Францией, и сейчас, после победы на парламентских выборах 1986 г., вновь вернулись к власти, имеет важное политическое значение. Эта тема не раз была объектом исследования как во французской, так и в советской историографии¹. Современное состояние правых французских организаций — тема книги Д. Кальдерона, сотрудника еженедельника Французской коммунистической партии «*La Révolution*». Основное внимание автор сосредоточил на малоизученных аспектах взаимоотношений правых группировок в 80-е годы и эволюции их идейно-политических программ. Книга написана на основе широкого круга документальных материалов, включая выступления и интервью политических деятелей, прессу, мемуары, опросы общественного мнения.

Изложение построено по хронологическому принципу. В первой главе, охватывающей период с конца XVIII в. до 1958 г., автор кратко проследил процесс возникновения и становления правых политических течений, их борьбу за созда-

ние крупной политической партии, завоевание доверия масс и овладение государственной властью. Во второй — анализируется политическая стратегия правых от основания V республики в 1958 г. до их поражения на президентских выборах 1981 года. Третья, самая большая, посвящена деятельности правых в оппозиции (с 1981 г.).

В литературе нет четкого определения термина «правые», который появился и вошел в обиход французской политической жизни в годы Французской буржуазной революции конца XVIII века. Еще с тех времен под этим условным термином подразумевались консервативные и умеренные течения, четко обозначившиеся в XIX в. и окончательно оформившиеся в политические партии в XX столетии. Д. Кальдерон следует обычной терминологии и называет правыми как крупные партии, так и течения, группировки, отдельных политических и общественных деятелей (см., напр., с. 11).

Автор особо выделяет неудавшиеся попытки правых создать массовое («народное») движение фашистского типа в межвоенный период. Связь правых группировок с фашистскими организациями, а также сотрудничество с немецкими оккупантами в годы второй мировой войны подрывали доверие к ним французов. В этих условиях правые политические деятели выдвинули различные проекты, предусматривавшие восстановление позиций своих организаций, облегчение им доступа к власти. Эти проекты тесно связывались с концепцией «сильной власти».

¹ См., напр.: R é m o n d R. *La droite en France de la Première Restauration à la Ve République*. Vol. 2. P. 1968; Ф а д е е в а Т. М. *Стратегия буржуазного реформизма в современной Франции*. М. 1975; Чернега В. Н. *Республиканская партия в политической жизни Франции (1962—1981)*. М. 1982; Новиков Г. Н. *Голлизм после де Голля*. М. 1984; Политическая борьба во Франции и эволюция голлистской партии в 60—70-е годы XX в. М. 1984.

Большую роль в восстановлении политических позиций правых сил сыграл голлизм. Установление в конце 50-х годов V республики и особенно создание крупной голлистской партии «Объединение в защиту республики» (ЮНР) способствовали политическому успеху правых и привели к «резкому сдвигу в соотношении сил левые-правые в пользу последних» (с. 55).

Значительное место в книге занимает анализ взаимоотношений между деголлевцами и «независимыми республиканцами» во главе с В. Жискар д'Эстеном, а также между деголлевцами и сравнительно малочисленными и слабооформленными «традиционными» правыми группировками «независимых» и «умеренных». Как отмечает автор, их разделяли разногласия по вопросам социально-экономической и внешней политики. В частности, «традиционные» правые были недовольны усилением государственного вмешательства в экономику и не одобряли внешнеполитический курс де Голля, предусматривающий отказ от односторонней «атлантической ориентации» (с. 63). Вместе с тем «традиционные» правые часто шли на компромисс с деголлевцами, чтобы не выглядеть «противниками стабильности» и предотвратить рост влияния левых сил.

Д. Кальдерон считает, что в 60-е годы правые находились «в зените своего политического могущества» (с. 73). Соотношение сил изменилось после социально-политического кризиса 1968 г. и ухода де Голля в отставку. С этого момента голлисты стали быстро терять свое политическое влияние, а после смерти президента Ж. Помпиду в 1974 г. «голлистская фаза Пятой республики закончилась» (с. 98). К руководству страной пришли «независимые республиканцы» во главе с Жискар д'Эстеном, который, став в 1974 г. президентом, намеревался «не просто создать крупную либеральную партию, но и сделать из нее основу любого правительства в будущем» (с. 108). «Независимые республиканцы» ратовали за «политический, центристский и европейский либерализм», за еще большую независимость правительства от парламента (с. 93—95).

Значительные перемены произошли в позиции деголлевцев после того, как их лидером в 1974 г. стал Ж. Ширак. Под его руководством была создана новая дегол-

левская партия — «Объединение в поддержку республики» (ОПР). Участвуя в правительстве Жискар д'Эстена вместе в «независимыми республиканцами», ОПР сохраняла собственную политическую линию. Ширак подчеркивал, что только ОПР может стать «носителем перемен» и предложить проект социально-экономических реформ в духе «неолиберализма». Выдвижение такой программы, по мнению автора, свидетельствовало о пересмотре некоторых положений прежней голлистской доктрины: ОПР стала высказываться за «смягчение» этатизма и «атлантическую ориентацию» Франции. Противоречия между деголлевцами и «независимыми республиканцами» способствовали, по словам автора, существенному ослаблению позиций правых сил, одной из причин которого было объединение левых партий, выработавших совместную правительственную программу (с. 104). Провал правых на выборах 1981 г. вызвал кризис во взаимоотношениях их группировок, а также «кризис доверия избирателей к правым партиям, кризис их власти» (с. 114).

Д. Кальдерон рассматривает деятельность правых в оппозиции, когда они, по его мнению, стремились достичь политического консенсуса своих группировок и разработать совместный «неолиберальный проект», способный увлечь избирателей. Для восстановления доверия к своей политике правые развернули широкую кампанию по «идеологическому и политическому проникновению» в различные слои общества (с. 130), создали в начале 80-х годов сеть клубов, комитетов, ассоциаций, находившихся под влиянием деголлевцев и «независимых республиканцев». Д. Кальдерон анализирует их социальный состав и политическую деятельность, а также связь с крупным капиталом.

Автор изучил и «неолиберальный проект», разработанный руководителями ОПР и сторонниками Жискар д'Эстена, объединившимися в «Союз за французскую демократию» (СФД). В его подготовке участвовали крупные промышленники, например, И. Гаттаз и другие члены Национального совета французских предпринимателей. В этом проекте содержатся требования: ликвидировать налог на крупный капитал, уменьшить государственную регламентацию и обеспечить свободу предпринимательской дея-

тельности, провести денационализацию ряда предприятий и банков, ограничить права профсоюзов на предприятиях, заменить государственное социальное страхование «частным обеспечением» (с. 140—142). Д. Кальдерон пишет, что усиление в середине 80-х годов политического влияния правых было вызвано непопулярностью политики «жесткой экономии», проводимой с 1982 г. правительством левых сил во главе с социалистами (с. 159).

Автор предвидел победу правых на парламентских выборах 1986 года. Он подробно разбирает вопрос о возможности сосуществования правых партий с президентом-социалистом Ф. Миттераном и приходит к выводу, что противопоставление правыми себя президенту может угрожать им утратой «легитимности» в глазах избирателей, а поэтому они «вынуждены согласиться на сосуществование и не угрожать президентской законности» (с. 165). Это «сосуществование» облегчается, по мнению Д. Кальдерона, и политикой, проводимой руководством соцпартии, которое, хотя и «рядится в одежды непримиримого противника правых», на деле по многим вопросам занимает схожие с ними позиции (с. 173).

Кальдерон обратил пристальное внимание на довольно разнородное правое течение, сложившееся вокруг бывшего премьер-министра Франции Р. Барра. Это течение еще не приобрело окончательных организационных форм и состоит из внепартийных организаций, ассоциаций и местных федераций. В него входят многие партийные деятели ОНР и особенно СФД, а также крупные предприниматели, аристократия и высшие государственные служащие. По мнению автора, главная цель Барра — «объединение правых избирателей, создание течения, воплотившего в себе традиции правых, осуществление перехода к прагматическому либерализму» (с. 193).

В книге рассмотрена также ультраправая, полуфашистская, расистская группа «Национальный фронт» (НФ), возглавляемая Ж.-М. Ле Пенем, стремящаяся к возрождению идеологии т. н. народной правой, т. е. движения фашистского типа (с. 202). Главными атрибутами доктрины НФ являются «идеология репрессий», «ненависть к иностранцам, антипарламентаризм, элитарность, антисоветизм, милитаризм» (с. 204). Главари НФ требуют усилить политическую роль государства при одновременном сокращении государственного вмешательства в область социально-экономических отношений, «провести денационализацию», «ликвидировать как налог на крупные состояния, так и налог на доходы» (с. 203). Д. Кальдерон показывает тесные связи лидера НФ с руководителями других правых группировок.

Автор подчеркивает, что единственной силой, которая решительно и бескомпромиссно выступает против правых и выдвигает конкретные мероприятия по борьбе с кризисом, является Французская компартия (с. 212).

Книга содержит новый и интересный материал, позволяющий глубже понять различные тенденции и противоречия в лагере правых, особенности их политической стратегии на современном этапе, увидеть способы их идеологического воздействия на массы. К сожалению, в работе уделено недостаточное внимание классовым корням и социальной базе правых организаций, борьбе между ними по вопросам политической стратегии. Больше внимания заслуживает анализ политической деятельности и особенностей течений, не оформленных в партии, их роли в разработке «неолиберального проекта», социально-психологической характеристики правых.

Н. Н. Наумова

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Исторически преглед. София. 1986, № 10.

Т. Митев. БРСДП и первые проявления режима личного правления в Болгарии; М. Каймакова. Культурно-просветительная деятельность учеников Кирилла и Мефодия в Болгарии (886 г. — начало X в.); Н. Йосифов. Создание болгарского социалистического трудового законодательства (1944—1951 гг.); А. Христов. Болгарские журналы об англо-бурской войне 1899—1902 гг.; Л. Златев, И. Димитров. Этно-демографическое развитие г. Русе и Русенского округа под турецким игом (XV—XIX вв.); Е. Бояджиева. Вековая традиция пожертвований на церковное строительство в Зографском монастыре (по неопубликованному источнику).

Исторически преглед. 1986, № 11.

И. Митев. «Политическая весна» правительства М. Каэтану и Португальская компартия (26.IX.1968 г.—25.IV.1974 г.); Г. Барболов. Первая российская революция и крестьянское восстание 1907 г. в Румынии; Р. П. Гришина. Журнал «Славяне» об антифашистской борьбе болгарского народа (1942—1945 гг.); З. Радонков. Меры по сохранению памятников старины в Болгарии (1878—1944 гг.); М. Н. Тодорова. Ф. Бродель (1902—1985 гг.); М. Харбова. Наследники Софрония Врачанского; В. Николов. Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии глазами его участника (Воспоминания З. Груева Шопова).

Исторически преглед. 1986, № 12.

Д. Тишев. Р. Даскалов и репарационный вопрос (1921—1923 гг.); М. Тачева. Проблемы и точки зрения относительно исторической интерпретации Рогозенского клада; Й. Тончев. Забастовка рабочих-табачников 1929 г. в Болгарии; Ж. Колева. Болгарские выходцы из Македонии в Константинополе в период болгарского национального возрождения; Ц. Генчев. И. С. Аксаков и дело освобождения Болгарии; Й. Николов. Б. Цветкова — ученый и общественный деятель; Д. Тишев. Архивные документы о Р. Даскалове.

Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin. 1986, № 12.

К. Хольцапфель, М. Коссок. 1789 год и революционный цикл XIX в.: событие и его влияние; Л. Вернер. Либерализм и крупное буржуазное землевладение в Мекленбурге до 1850 г. О по-

литических взглядах Й. Г. фон Тюнена; Сообщения К. Петцольд. К выходу в свет заключительного тома «Германия во второй мировой войне».

Acta poloniae historica. LII. Wrocław. 1985.

Р. Михаловский. «Restauratio poloniae» в идеологии Анонима Галла; Х. Самсонович. Цехи в средневековой Польше; С. Плаза. Изменения в политической системе Речи Посполитой после прекращения Ягеллонской династии; Х. Ольшевский. Политическая система и политическая мысль в Польше при Яне Собеском; Я. Жарновский. Система защиты национальных меньшинств в Польше; Х. Булхак. Посредничество Польши между Румынией и СССР перед заключением Московского протокола о досрочном введении в действие пакта Бриана—Келлога (1928—1929 гг.); М. М. Дроздовский. Отношение правительства В. Сикорского к трагедии польских евреев (1939—1944 гг.); М. Кочерская. Состояние и перспективы изучения наследия Я. Длугоша.

Acta poloniae historica. LIII. 1986.

М. Бискуп. Развитие сети старопрусских городов до второй половины XVII в.; В. Иваньчак. Культурная жизнь чешского двора в позднее средневековье; Х. Литвин. Формирование сословия польских магнатов. 1454—1648 гг.; Л. Хасс. Франкмасонство и оккультные науки в XVIII в. Ж.-Л.-Л. де Ту де Сальвер; А. Шварц. Факторы культурной и общественной активности провинциальной интеллигенции Королевства Польского после восстания 1863 г.; Р. Вапницкий. Поколения межвоенной Польши; Л. Мулярская-Андзяк. Политика США в отношении Испании 1945—1953 гг.; Т. Котула. Древняя история Польши. Состояние и перспективы исследования; М. Камлер. Институт истории ПАН: направления исследований и проекты.

Z pola walki. Warszawa. 1986, № 4.

А. Чупиньский. Программа сотрудничества социально-революционной партии «Пролетариат» с российским рабочим движением; Проблемы и дискуссии. Методология исследований по истории ПОРП (стенограмма дискуссии, состоявшейся в редакции журнала 5 ноября 1985 г.); Материалы и документы. Я. Томицкий. Бела Кун и польское рабочее движение; С. Януцкий. Из истории Временного комитета револю-

ционной Польши (1920 г.); Л. Выщельский. Кем были «домбровцы»? Социальный состав и политический облик польских интербригадцев в Испании; Х. Салик. Польская социалистическая партия и кооперация в деревне на Западном Поморье (1945—1948 гг.); Ответы В. Гомулки на 9 вопросов участников VI варшавской воеводской отчетно-выборной конференции ПОРП (60-й день октябрьского, 1956 г. перелома) (подготовила Х. Козловская); Биографии. Н. Обрэмбская. Т. Военский (Очерк просветительской и общественной деятельности).

Anuarul institutului de istorie și arheologie «A. D. Xenopol». XXII (№ 1). Iași. 1985.

Л. Шиманчи. 60-летие научной деятельности профессора Ясского университета И. Мини; К XVI Международному конгрессу исторических наук. Д. Чуря. Польская гуманистическая историография о румынах; Ш. Лемни. Французские сочинения XVIII в. о румынах; А. Андроник. О генезисе румынского средневекового города: модель Ясс; Ш. Папакостя. Конец генуэзского господства в устье Дуная; С. Мэриш. Румыны XIX в. по описанию немецких путешественников; Р. Пэйюшан. Журнал «România Mare» и его роль в борьбе за национальное единство (1917—1919 гг.); И. Агригорайей. Международная деятельность Румынского государства в 1918—1939 гг.; К. Иордан. Из истории румыно-болгарских отношений; А. Стамболийский в Бухаресте; Англо-румынские отношения в межвоенный период. Г. Ситон-Уотсон. Англо-румынская частная политическая переписка (Р. В. Ситон-Уотсон и В. В. Тиля, 1919—1929 гг.); Д. Делетант. А. Гибсон — корреспондент «The Times» в Румынии, 1928—1940 гг.; В. Ф. Добринеску. Развитие румыно-английских отношений в межвоенный период; Г. Бузату. Англо-румынские отношения накануне второй мировой войны: дело Тили; Х. Ханак. Румыния в 1938—1939 гг., на заключительной стадии британской «политики умиротворения»; И. Пашалю. Структурная лингвистика и история: текстуализм М. Фуко; 125-летие основания Ясского университета. Д. Д. Русу. Развитие высшего образования в Яссах в первой половине XIX в.; Г. Платон. Роль Ясского университета в новейшей истории Румынии; М. К. Дорин. Ясский университет и современное румынское общество; Д. Г. Теодор. Экономические связи между Восточно-Карпатским регионом и Арабским Востоком в IX—X вв.; В. Нямцу, С. Кептя. Обработка дерева в г. Байа в XIV—XV вв.; Л. Бойку. 1711 год в международных политических связях румынских княжеств; Д. Шандру, И. Сайзу, И. Г. Дука и его программа экономического развития Румынии; Г. Бузату, И. Г. Дука и Н. Титулеску;

Н. Даскэлу. Дипломатия США и политическая ситуация в Европе в 1935 г.; Р. Цурля, Ш. С. Горовей, Л. Настасэ. Румынские историки о «новой исторической школе».

Revista de istorie. București. 1986. № 9.

2500-летие борьбы гето-даков за свободу и независимость. А. Вульпе. Первые древние упоминания о гето-даках в свете историко-археологического анализа; Г. Бикир. Даки и юго-восточная граница римской Дакии; А. Маджару. Черты историзма в народной памяти. Воспоминания о даках в римлянах; Ш. Олтяну. К вопросу о начале средних веков в истории Румынии (I). Историография. З. Михаил. Черты румынской материальной сельской культуры XIV—XV вв. в этнолингвистической перспективе; К. Петролеску. Органы управления в римской Дакии.

Revista de istorie. 1986, № 10.

Т. Удря. Победа революционно-демократических сил на выборах в ноябре 1946 г. — решающий момент в борьбе за власть; К. Параскив. Инцидент в Яйине (1905 г.) — эпизод из истории румыно-турецких отношений; К. Бэлаи. Структурные модификации в системе собственности крестьянских общин Валахии во второй половине XVII и начале XVIII века; Ш. Олтяну. К вопросу о начале средних веков в истории Румынии (II). Предпосылки становления феодальных отношений (IV—VIII вв.); В. Штефэнеску-Дрэганешти. К вопросу о лингвистических контактах проторумын и некоторых других народов в период существования древней Дакии; Н. Даскэлу. Внутреннее положение в Германии в 1934 г. (глазами румынской и американской дипломатии); К. Презан — автор исторических воспоминаний (И. Павелеску, А. Пандя, Е. Арделяну).

Historický časopis. Bratislava. 1986, № 5.

М. Кропалак. Значение XXVII съезда КПСС и XVII съезда КПЧ для развития исторической науки; К. Кучерова. М. В. Ломоносов как историк; О. Пысс. Место М. В. Ломоносова в истории науки и техники; Э. Ковальска. Народные школы и развитие образования в городах Словакии в XVIII в.; М. Пиш. Отношение словацкого общества к внутреннему положению и внешней политике Франции (1848—1871 гг.).

Ceskoslovenský časopis historický. Praha. 1986, № 6.

XVII съезд КПЧ и исторические науки. В. Плевза. XVII съезд КПЧ и задачи общественных наук; В. Колейтко. О задачах исторических наук после XVII съезда КПЧ; С. Цамбел. Актуальные задачи словацкой

историографии после XVII съезда КПЧ; Ф. Гавличек. Концепция и стратегия планомерного и всестороннего усовершенствования социализма; К. Герман. XVII съезд КПЧ и заграничные научные связи чехословацкой исторической науки; О. Фельдман, Я. Млынски, Л. Пехачек, Л. Слезак, А. Вербик. Период строительства основ социализма и его отражение в чехословацкой историографии; Ф. Фалтус. Идейное наследие фашизма и борьба против него; О. Тума. Торговые отношения Венеции с Византией в IX—XII вв.: факты, проблемы, перспективы (Окончание).

Slovanský přehled. Praha. 1986, № 6.

А. Долейши. XXVII съезд КПСС и новая концепция всеобщего мира и международной безопасности; В. Мелихар. X съезд ПОРП и его роль в современном развитии народной Польши; М. Заховал. XI съезд СЕПГ; Э. Ирмантова. Венгерская Народная Республика во время XII съезда ВСРП; Б. Легар. Содружество государств СЭВ и международные экономические отношения (1971—1986 гг.); И. Бекешова. Вклад в историю формирования мировой социалистической системы: Республика Таи-Ну-Тува.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ*

Алексеев Н. А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири: (Опыт ареал. сравнит. исслед.)/Отв. ред. Гурвич И. С.—Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984.—232 с. Рец.: Lysia k W. // Lud.—Wrocław, 1986.—Т. 70.—S. 297—299.

Андреев А. М. Местные Советы и органы буржуазной власти (1917 г.).—М.: Наука, 1983.—334 с. Рец.: Galili y Garcia Z. // Russ. rev.—Stanford, 1986.—Vol. 45, № 1.—P. 83—84.

Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подуш. подати в России, 1719—1728 гг./Под ред. Носова Н. Е.—Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982.—236 с. Рец.: Cragraft J. // Russ. rev.—Stanford, 1986.—Vol. 45, № 1.—P. 71—72.

Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881—1904 гг./Отв. ред. Шабуня Н. И.—М.: Наука, 1984.—231 с. Рец.: Masey D. A. J. // Amer. hist. rev.—Wash., 1986.—Vol. 94, № 4.—P. 964—965.

Быт і культура Беларусаў: Тэз. дакл. наук. конф., красавік 1984 г. Мінск/Навук. рэд. Бандарчык В. Н.—Мінск: ін-т мастацтвазнаўства, этнографіі і фальклору АН БССР, 1984.—115 с. Рец.: Sielicki F. // Lud.—Wrocław, 1986.—Т. 70.—S. 302—305.

Далин В. М. Из истории социальной мысли во Франции/Отв. ред. Черняк Е. Б.—М.: Наука, 1984.—256 с. Рец.: Jemnitz J. // Parttört. közlem.—Bp., 1986.—32. evf., 3 sz.—224—226. old.

Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX—начале XX века.—Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983.—135 с. Рец.: Taylor P. R. // Amer. hist. rev.—Wash., 1986.—Vol. 94, № 4.—P. 965.

История и историки: Историогр. ежегодник/Редкол.: Нечкина М. В. (отв. ред.) и др.—М.: Наука, 1971. 1973. 414 с.; 1972.

* Перечень составлен по журналам, поступившим в ИНИОН АН СССР в ноябре 1986 года.

1973. 408 с.; 1973. 1975. 367 с.; 1974. 1976. 359 с.; 1975. 1978. 367 с. Рец.: Петрова К. // Векове.—С., 1986.—Г. 15, кн. 4.—С. 76—81.

Корабли и вспомогательные суда советского Военно-Морского Флота (1917—1927 гг.): Справочник.—М.: Воениздат, 1981.—592 с. Рец.: Jaskulu A. M. // Wojskowy przegląd hist.—W-wa, 1986.—R. 31, № 4.—S. 266—273.

Краснобаев Е. И. Русская культура второй половины XVII—начала XIX в.: Учеб. пособие для студентов ист. спец. вузов.—М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.—223 с. Рец.: Cragraft J. // Russ. rev.—Stanford, 1986.—Vol. 45, № 1.—P. 68—69.

Козлов В. А. Культурная революция и крестьянство, 1921—1927: (по материалам Европ. части РСФСР).—М.: Наука, 1983.—215 с. Рец.: Manning R. T. // Russ. rev.—Stanford, 1986.—Vol. 45, № 1.—P. 86—87.

Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII—начала XV века.—М.: Наука, 1983.—295 с. Рец.: Kollmann N. Sh. // Russ. rev.—Stanford, 1986.—Vol. 45, № 1.—P. 64—65.

Налипов А. С. Борьба В. И. Ленина против ликвидаторства, 1908—1914.—Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1982.—209 с. Рец.: Mate I. // Parttört. közlem.—Bp., 1986.—32. evf.—220—224. old.

Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х—начале 80-х годов XIX в.: Правительств. политика/Под ред. Ганелина Р. Ш.—Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984.—260 с. Рец.: Grover D. R. // Russ. rev.—Stanford, 1986.—Vol. 45, № 1.—P. 77—79.

Первая марксистская организация России—группа «Освобождение труда», 1883—1903: Документы, ст., материалы, переписка, воспоминания/Редкол.: Иовчук М. Т. (гл. ред.) и др.—М.: Наука, 1984.—446 с. Рец.: Noimark N. M. // Russ. rev.—Stanford, 1986.—Vol. 45, № 1.—P. 104—105.

Пучков П. И. Этническая ситуация в Океании.— М.: Наука, 1983.— 250 с. Рец.: Radzik R. // Lud.— Wrocław, 1986.— Т. 70.— С. 294—297.

Пушкарев Л. Н. Юрий Крижанич: Очерк жизни и творчества/Отв. ред. Буганов В. И.— М.: Наука, 1984.— 212 с.

Рец.: Baron S. H. // Russ. rev.— Stanford, 1986.— Vol. 45, № 1.— P. 67—68.

Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в./Отв. ред. Преображенский А. А.— М.: Наука, 1985.— 367 с. Рец.: Marker G. // Amer. hist. rev.— Wash., 1986.— Vol. 94, № 4.— P. 961—962.

Хроникальные заметки

◆ Научный совет по вопросам социальной политики и демографии АН ГДР провел коллоквиум (декабрь 1986 г., Берлин), посвященный 40-й годовщине утверждения основных направлений социальной политики СЕПГ. Вступительное слово произнес председатель совета Гуннар Винклер. В докладе Хорста Бартеля давалась общая характеристика этой политики. С заключительным словом выступил Фриц Рёзель.

◆ 75-летию Африканского национального конгресса (ЮАР) была посвящена конференция, организованная Институтом всеобщей истории АН ГДР, Комитетом солидарности ГДР и состоявшаяся в январе 1987 г. в Берлине. С докладом о борьбе АНК против колониализма и расизма выступил Клаус Браде. Исторические корни освободительного движения в ЮАР осветил Фрэнсис Милли (ЮАР). Ахим Райхардт рассказал о контактах Комитета солидарности с освободительным движением в Африке.

◆ В феврале 1987 г. в Берлине (ГДР) проведена научная конференция к 750-летию этого города. Ее организаторы — Общество историков и Совет по историческим наукам ГДР, Центральный институт истории АН ГДР, Гумбольдтовский университет. Открыл конференцию председатель Общества историков Генрих Шеель. Заглавный доклад сделал Инго Матерна. На пленарном заседании выступали специалисты 14 стран, в том числе из СССР. На секционных заседаниях рассматривались исторические темы, касавшиеся разных эпох. Заключительное слово произнес Эрнст Диль.

◆ 19 декабря 1986 г. в Варшаве состоялась научная сессия «Константин Рокоссовский — Маршал двух народов», организованная Главным правлением Общества польско-советской дружбы и Главным политуправлением Войска Польского. Открыл сессию председатель Главного правления Общества Станислав Вроньский. Выступили генерал Тадеуш Шапило (Польша) и генерал-полковник А. В. Ковтунов (СССР). Доклады сделали: Тадеуш Конецкий (о деятельности К. К. Рокоссовского в Октябрьскую революцию и гражданскую войну в Советской России), Веслав Врублевский (о Рокоссовском как

полководце Великой Отечественной войны), Мечислав Вечорек (о вкладе Рокоссовского в освобождение Польши и победу над гитлеризмом), Адам Марцинковский (о Рокоссовском как Министре национальной обороны ПНР). Итоги дискуссии подвел Эугениуш Коэловский.

◆ По инициативе Института истории рабочего движения Академии общественных наук ПОРП в Варшаве (ноябрь 1986 г.) прошла научная конференция «Революция и контрреволюция в первые годы народной Польши». Оживленную дискуссию вызвали доклады Тадеуша Валихновского «Революция в Польше как схватка классовых сил», Рышарда Назаревича «ППР — ведущая сила польской революции», А. Косевского «Революции и контрреволюции в Европе после второй мировой войны».

◆ В ноябре 1986 г. исполнилось 30 лет со дня выхода в свет первого номера польского журнала «Wojskowy przegląd historyczny», посвященного новейшей военной истории, особенно второй мировой войне. На торжественном заседании редакционного комитета журнала выступили председатель комитета, член Политбюро и секретарь ЦК ПОРП Юзеф Барыля, члены комитета — министр науки и высшей школы Бенон Мискевич, зам. министра просвещения и воспитания Мариан Аныш, Мариан Згурняк, Юзеф Куропеска, Тадеуш Ендрущак, Тадеуш Равский и главный редактор журнала Марек Тарчынський.

◆ Антология мемуаров советских военачальников и военных корреспондентов о боях, которые велись на польской земле в 1944—1945 гг., составлена Станиславом Реперовичем. В нее вошли фрагменты из книг Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, И. С. Конева и других (Polsce nieśliśmy wyzwolenie. Warszawa. MON. 1985. 391 s.).

◆ Об участии поляков в партизанском движении в тылу фашистов на временно оккупированной советской территории (главным образом в Белоруссии и на Украине) пишет польский историк Мечислав Юхневич (M. Juchniewicz. Na Wschód od Bugu. Polacy w walce anti-

hitlerowskiej na ziemiach ZSRR, 1941—1945. Warszawa. MON. 1985. 267 s.).

◆ Коллективный труд польских историков характеризует участие поляков во второй мировой войне, включая оборону Польши от гитлеровцев в 1939 г., движение Сопротивления и действия польских армий на западном и советско-германском фронтах (*Walka i zwycięstwo. Wkład narodu polskiego w zwycięstwo nad hitlerowskimi Niemcami 1939—1945.* Warszawa. MON. 1985. 224 s.).

◆ Мечислав Вечорек рассматривает в своей книге боевую деятельность Армии Людовой на территории Польши и участие ее в военных операциях Красной Армии с лета 1944 по зиму 1945 г. (*M. Wieszczek. Armia Ludowa. Działalność bojowa, 1944—1945.* Warszawa. MON. 1985. 375 s.).

◆ Монография Болеслава Доляты рассказывает об освобождении Красной Армией и 2-й армией Войска Польского Нижней Силезии весной 1945 г. (*B. Dołata. Wyzwolenie Dolnego Śląska w 1945 roku.* Wrocław. Ossolineum. 1985. 204 s.).

◆ Вышел т. 2 совместной публикации АН Польши и Болгарии по истории отношений между этими странами. Он охватывает главным образом 1950-е годы и содержит ранее не публиковавшиеся архивные материалы (*Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-bułgarskich. T. 2: 1949—1960.* Wrocław. Ossolineum. 1985. XVI, 1107 s.).

◆ Первое издание иконографии Гданьска с 1573 по 1795 г. (репродукций гравюр на меди и офортов), отображающих расцвет местного зодчества, подготовлено польским искусствоведом Зофьей Якевской-Снежко (*Z. Jakr z e w s k a - S n i e ż k o. Gdańsk w dawnych rycinach.* Wrocław. Ossolineum. 1985. 147 s.).

◆ Сборник работ о скульптуре барокко и рококо в Австрии, Венгрии, Польше, Чехословакии и Швеции, о живописи XVIII в., роли Вены в культурном взаимодействии Венгрии и Германии, о периодизации указанных эпох выпущен Познанским университетом (*Studien zur europäischen Barock- und Rokokoskulptur.* Poznań. UAM. 1985. 318 S.).

◆ Результаты антропологического анализа останков скелетов епископов монастыря в Фарасе (Нубия), обнаруженных польской археологической экспедицией в 1961—1964 гг., публикует Тадеуш Дзержыкрай-Рогальский (*T. Dzierżukray-Rogalski. The Bishops of Faras: Anthropological-Medical Study.* Warszawa. PWN. 1985. 272 p.).

◆ Венгерские историки Шандор Балог и Шандор Якаб написали очерк истории Венгрии от начала ее освобождения Красной Армией в 1944 г. до конца 1970-х годов. В приложении помещены подробная хронологическая таблица важнейших событий за треть века и словарь биографий наиболее известных государственных и политических деятелей страны (*S. Balogh, S. Jakab. The History of Hungary*

after the Second World War, 1944—1980. Budapest. Corvina. 1986. 270 p.).

◆ Иштван Сентпетери (Венгрия) рассматривает административные типы организации обществ на Земле в XIX—XX столетиях в трех аспектах: с точки зрения марксистско-ленинской теории государства, в их освещении буржуазной социологией, в свете конкретных фактов (*I. Szentpéteri. Social Organizations.* Budapest. Akadémiai Kiadó. 1986. 279 p.).

◆ Заморский музей в Бремене (ФРГ) публикует серию «Сообщения». Исследование (подсерия Д, т. 13), осуществленное Сабиной Карасан-Диркс, изучающей судьбы турецких иммигрантов в ФРГ и историю Турции, посвящено истории семьи у турок до принятия ими мусульманской религии, после исламизации, в Османской империи, в республике и после второй мировой войны (на родине и в Западной Германии). Работа основана на немецкой, французской и английской литературе (*S. Karasan-Dirks. Die türkische Familie zwischen gestern und morgen.* Bremen. UMB. 1986. 287 s.).

◆ Статистическая служба ФРГ в Висбадене регулярно публикует демографические сведения по Западной Германии в целом, ее областям, округам и населенным пунктам или отдельным зданиям, имеющим свыше 10 жителей и самостоятельный адрес. Новейшие данные содержит статистика за 1985 год (*Amtliche Schlüsselnummern und Bevölkerungsdaten der Gemeinden und Verwaltungsbezirke in der BRD.* Stuttgart. W. Kohlhammer. 1985. 467 S.).

◆ Джудит Уильямсон из Сассекского университета (Англия) является автором серии статей о месте женщины в капиталистическом обществе после второй мировой войны и о том, как решается женский вопрос в развитых странах Запада за последние полвека. Теперь эти статьи стали главами книги (*J. Williams. Consuming Passing. The Dynamics of Popular Culture.* London. Marion Boyars. 1986. 240 p.).

◆ Британский музей в Лондоне выпускает работы по истории первобытной, восточной и античной культуры. Очередной выпуск, о древнеегипетских живописи и рельефе, принадлежит перу автора книги «Введение в древний Египет» (1979) Т. Джеймсу, использовавшему настенные материалы и папирусы (*T. G. H. James. Egyptian Painting and Drawing.* London. BMPL. 1985. 74 p., 90 ill.).

◆ Сборник статей о классовой базе государств в современных Нигерии, Ботсване, Заире, Уганде, Мозамбике, Гвинее-Бисау, Анголе и Черной Африке в целом включает очерки под общей редакцией Нельсона Касфира из Дармутского колледжа, написанные африканскими историками и социологами, преподающими в университетах Англии и США (*State and Class in Africa. Bour-*

nemouth. Franc Cass and Co. 1984. 125 p.).

◆ Профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (США) Юджин Вебер специализируется по новой истории Франции. В своей книге он показывает Францию конца прошлого века как страну технического прогресса, крупных социальных потрясений, политических скандалов, бытовых новшеств и как центр тогдашней западной культуры (E. Weber. France: fin de Siècle. Cambridge (Mass.). The Belknap Press. 1986. 294 p.).

◆ При Гарвардском университете (США) функционирует Совет по восточноазиатским исследованиям. Он поместил в серии печатаемых им монографий как т. 94 работу Паркса Кэубла, специализирующегося по истории Гоминьдана, о роли, которую играли капиталисты Шанхая в деятельности китайского правительства, от чанкайшистского переворота и формирования в Нанкине «национальной власти» до начала японо-китайской войны (P. M. Coble. The Shanghai Capitalists and the Nationalist Government, 1927—1937. Cambridge (Mass.). HUP. 1986. 357 p.).

◆ «Документы сената» — это серия, издаваемая конгрессом США от его возникновения. Очередной т. 13 547 в ней составили документы 22—27 за 1984 г., каждый из которых включает в себя подборку выступлений и прочих материалов по одному из рассматривавшихся в сенате вопросов: голод в Африке, избирательное право, принципы президентских вето, права федерального правительства в делах местных школ, финансы, отчет о 98-й сессии конгресса. В т. 13 548 вошел документ 28 — отчеты сенатского секретаря за октябрь 1983 — март 1984 года (Senate Documents. Nos. 22—27. Washington. USGPO. 1985. 850, 391 p.; No. 28. 1985. 1812 p.).

◆ Как отразилась капиталистическая модернизация на идеологии и культуре Колумбии? На этот вопрос отвечает в своей книге профессор Национального университета (Колумбия) Карлос Урибе, критически оценивающий империалистическую политику США и реакционное воздействие католической церкви (C. Uribe Celis. Los años veinte en Colombia. Bogotá. Ediciones Aurora. 1985. 208 p.).

◆ Специалист по индийской истории, археологии, этнографии, фольклору и искусству Р. Сэйлитор (Индия) составил энциклопедию национальной культуры, в статьях которой раскрывается мир древности и средневековья. Увидели свет очередные тома этого труда (R. N. Salletore. Encyclopaedia of Indian Culture. Vol. III: L—Q. New Delhi. Sterling Publishers. 1984. 813—1204 pp.; vol. IV: R—U. 1984. 1205—1503 pp.; Vol. V: V—Z. 1985. 1504—1817 pp.).

◆ Хайнц Юнг (ФРГ) исследует в своей книге государственно-монополистический капитализм применительно к условиям Западной Германии. Представляет

интерес изложение вариантов его развития (H. Jung. Deformierte Vergesellschaftung. Zur Soziologie des staatsmonopolistischen Kapitalismus der BRD. Berlin. Akademie-Verlag. 1986. 430 S.).

◆ При раскопках в Гданьске возле костела св. Катажины обнаружено славянское кладбище, относящееся к XII в., а среди захоронений XVII в. — могила астронома Яна Гевелия, что имеет особое значение, поскольку 1987 год провозглашен ЮНЕСКО «годом Гевелия».

◆ Неподдалеку от г. Печ (Венгрия) расчищен римский мавзолей IV в., а рядом с ним — остатки христианской часовни, под которой находилась гробница. На ее стенах есть фрески на библейские темы.

◆ С 1984 г. осуществляются раскопки вокруг Котбусской площади в Берлине для изучения средневекового поселения Хеллерсдорф. Установлены очертания многих зданий с каменными погребками, печами, очагами, хранилищами и мастерскими. На этом месте находилось ранее славянское поселение V—VII вв., от которого остались основания домов, большое количество очагов и ям для отбросов, черепки керамики, кости, зерно-терка. От церкви в Хеллерсдорфе уцелели углубления для фундамента, а на кладбище — 56 могил. Важной находкой от времени немецкого Берлина (после 1307 г.) являются бронзовые весы. Обнаружены также сосуды, мотыга, овальная пряжка.

◆ В античной Олимпии VII в. до н. э. (Греция) выявлено большое количество древних колодцев, бронзовые пластины, остатки очагов и костей животных. Тогда здесь находился гостиничный лагерь, в котором останавливались зрители, приезжавшие на Олимпийские игры.

◆ В провинции Шаркия (Египет) открыты саркофаги V в. до н. э., сделанные из ливанского кедра. В них лежали деревянные ушебти (заупокойные статуэтки), покрытые гипсом и золотом.

◆ Археологи расчистили 10-метровый пролет степи в древнейшей на территории Ирака мечети имама Али Бен Аби Талеба, а возле нее нашли монету с изображением основателя Багдада халифа Али Джафара аль-Мансура, отчеканенную в 157 г. хиджры (779 г. н. э.).

◆ В Тель Басмайа (35 км к юго-востоку от Багдада) обнаружены остатки вавилонского поселения II тыс. до н. э. из двух кварталов с узкими переулками, меж домами из глиняных кирпичей, окруженными стеной с башнями. Среди находок — серебряные и медные монеты, фигурки человека и животных, раскрашенные сосуды, масса осколков стеклянных изделий.

◆ В инсяньском буддийском монастыре XIV в. в провинции Шаньси (Китай) найден документ размерами примерно 2,5×1 метр. В нем говорится о функционировании бумажных денег. Это — первое упоминание в истории об азиатских ассигнациях такой древности.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Создано уже немало трудов о революции 1905—1907 гг. в Туркестанском крае. Большое внимание уделялось ей в обобщающих работах по истории республик Средней Азии¹. Нашли отражение в литературе и некоторые выступления трудящихся Ферганской области в годы первой российской революции². Но комплексного изучения истории возникновения и развития революционного движения в этом районе еще не проводилось. Ниже предпринята попытка осветить малоисследованные стороны революционных выступлений трудящихся Ферганской долины на основе архивных документов, которые впервые вводятся в научный оборот.

Трудящиеся Туркестанского края уже задолго до революции 1905—1907 гг. выступали против царизма. В политическом пробуждении трудовых слоев населения решающую роль играли сближение местных рабочих в процессе производственной деятельности с русскими рабочими, общность их политических, экономических и социальных задач. Усилению революционности трудящихся способствовали политические ссыльные, которые вели пропаганду социал-демократических идей, участвовали в организации марксистских групп и кружков, издании демократических и революционных газет, листовок, прокламаций.

В конце XIX — начале XX в. здесь отбывали ссылку первый переводчик «Капитала» на русский язык народоволец Г. А. Лопатин, многие другие борцы против самодержавия³. Влияние политических ссыльных на местное население было настолько ощутимым, что генерал-губернатор Туркестанского края доносил министру внутренних дел: «Было бы... ошибочно признавать абсолютную невозможность попыток со стороны высланных в край государственных преступников организовать уличные беспорядки, неминуемо влекущие за собой активное вмешательство полиции, а иногда и войск»⁴. Он просил министра в дальнейшем высылать «государственных преступников» не в областные центры, а в более глухие места, на что получил согласие⁵.

В годы, предшествовавшие революции, в крае росло стачечное движение. 20 ноября 1902 г. на каменноугольной шахте Абвальской волости Маргиланского уезда 40 рабочих забастовали, требуя улучшения материального положения и бытовых условий⁶. В постановлении мирового судьи отмечалось: «Произведенным по этому делу дознанием, а потом предварительным следствием выяснено, что причина возникших беспорядков — скверные условия жизни, в которые поставлены рабочие: помещение для рабочих сырое, тесное, темное, хлеб отпускается рабочим невыпеченным, вода для питья соленая, выкачиваемая из шахты»⁷. За учас-

¹ История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент. 1967; История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент. 1971; Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент. 1974; и др.

² См., напр.: Возникновение и деятельность социал-демократических организаций в Туркестане. Летопись событий. Ташкент. 1971; Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября. Ташкент. 1973; Революция 1905—1907 гг. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент. 1985; и др.

³ Революция 1905—1907 гг. в Средней Азии и Казахстане, с. 56.

⁴ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 212, лл. 1—1об.

⁵ Там же, л. 2.

⁶ Там же, ф. 150, оп. 1, д. 75, л. 3; д. 45, л. 2.

⁷ Там же, д. 45, л. 21.

тие в забастовке было арестовано шесть человек. Рабочий П. Н. Лякин на допросе сказал: «Рабочие живут на копейках в очень тяжелых условиях: казарма сырая, так что вода капает с потолка на нары, и некоторые рабочие предпочитали ночевать в шахтах; воды нам для питья не возили, и мы должны были пользоваться водой из шахт; хлеб давали невыпеченный. Из лавки товар отпускается по очень высоким ценам: так, селедка, стоившая 10 коп. в Маргилане, продавалась по 25 коп.; когда рабочие предъявили на это управляющему жалобу, он предложил расчет»⁸.

Невыносимо тяжелое положение рабочих способствовало назреванию революционного движения в крае. В результате деятельности членов социал-демократических кружков революционные идеи проникали в сознание трудящихся коренных национальностей, с помощью русских рабочих они втягивались в революционное движение. Выступления рабочих в Фергане усилились с началом экономического кризиса в стране и явились прямым продолжением революционной борьбы русского пролетариата. В крае распространялись социал-демократические листовки. В июне 1903 г. в городской библиотеке г. Новый Маргилан была обнаружена напечатанная на гектографе листовка «Как управляют царь и его министры Россией». В ней разоблачалась реакционная сущность монархии Романовых, содержался призыв к народным массам усилить борьбу против царского гнета. В начале текста крупными буквами было написано: «Для маргиланцев, прочитав, оставляйте там (в городской библиотеке.— Авт.), чтобы прочитали другие»⁹. В 1904 г. в Фергане произошло 74 забастовки и волнения рабочих¹⁰.

Трудящиеся гневно осудили расстрел царскими войсками мирной демонстрации в Петербурге 9 января 1905 года. В городах происходили политические стачки и выступления. «Среди рабочего населения края,— писали «Туркестанские ведомости»,— начинает проявляться недовольство существующим порядком... Неспокоее состояние среди элементов русского населения края... передается в массу туземного населения»¹¹. В Коканде, Андижане, Маргилане, Фергане и других городах области возникают стачечные комитеты, сыгравшие важную роль в революционной борьбе рабочих. Распространялись листовки на узбекском языке¹². Выходившая в Ташкенте общественно-экономическая и литературная газета Туркестанского генерал-губернаторства «Русский Туркестан» писала, что революционное движение в России привлекает все большее внимание коренного населения края¹³. Это подтверждают события в Андижане, где в забастовках и демонстрациях принимали активное участие представители коренного населения. 20 апреля 1905 г. здесь состоялась демонстрация рабочих железной дороги и маслобойных заводов с призывами: «Да здравствует революция!», «Долой царизм!»¹⁴.

В годы первой российской революции в местных газетах часто появлялись статьи прогрессивных авторов, призывавших к борьбе против царизма и местных угнетателей. Редактор одной из них — «Новая Фергана» — А. Г. Зурабов за опубликование сообщений о революционных событиях в Фергане был привлечен к уголовной ответственности, а газета — запрещена. В ней рассказывалось о неповиновении солдат казачьей части приказам офицеров, а генералы царской армии назывались «самыми большими ворами». Газета поместила также сообщение о том, что солдатами трех батарей 1-й Туркестанской артиллерийской бригады были освобождены арестованные по политическим мотивам.

Руководителем организации РСДРП в г. Фергане был рядовой 6-й роты 2-го Закаспийского железнодорожного батальона В. В. Особо¹⁵. В Ферганскую группу РСДРП входили наряду с рабочими служащие железной дороги и про-

⁸ Там же, л. 25.

⁹ Там же, ф. 133, оп. 1, д. 686, л. 87.

¹⁰ ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. Азиатская часть, д. 112, л. 7.

¹¹ Туркестанские ведомости, 2.VI.1905; см. о ней: Рыженков М. Р. Газета «Туркестанские ведомости». — Вопросы истории, 1986, № 10.

¹² Симон Н. Ф. К вопросу о революции 1905—1907 гг. в Туркестане. — Известия Узбекского филиала АН СССР, Ташкент, 1941, с. 17.

¹³ Русский Туркестан, 1905, № 28.

¹⁴ Туркестанские ведомости, 30.X.1905.

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. 133, оп. 1, д. 686, л. 88.

мышленных предприятий. Прикрепленные к предприятиям города члены организации распространяли революционную литературу, вели пропаганду марксизма¹⁶. В доме члена кружка РСДРП О. П. Никифоровой была организована подпольная библиотека социал-демократической группы¹⁷. Важнейшее значение для роста революционного движения в Фергане имели решения III съезда РСДРП. Ферганцы узнали о них от членов Ташкентской группы РСДРП, а также из газет «Вперед», «Пролетарий», «Борьба пролетариата», которые нелегально распространялись среди русских рабочих и солдат. Активную революционную работу среди трудящихся вели К. И. Аркадьев, Э. В. Шульман, Я. С. Мастеркова¹⁸ и др. Они распространяли «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, работы В. И. Ленина «Что делать?», «Аграрная программа русской социал-демократии», отдельные номера газет «Искра», «Солдатский листок» и др., нелегальную литературу, получаемую из Ташкента и Петербурга.

Всеобщая октябрьская политическая стачка 1905 г. охватила и Фергану: в нее включились железнодорожники, рабочие промышленных предприятий, почтово-телеграфные служащие и передовая интеллигенция¹⁹. Вести о манифесте 17 октября 1905 г. дошли до Ферганы уже 19 октября. В тот день вечером представители либеральной буржуазии организовали банкет. Узнав об этом, рабочие вышли на демонстрацию. С пением «Марсельезы» они направились к зданию, где собрались либералы, и выразили свое негодование по поводу содержания манифеста²⁰. 20 октября вечером на церковной площади состоялся многочисленный митинг. Представители буржуазии всячески восхваляли манифест. От имени трудящихся на митинге выступил И. И. Аксентович²¹. Он призывал не верить манифесту, не поддаваться обману, решительно бороться за свержение царизма. Его слова были встречены бурными аплодисментами. На митинге развевались пять красных знамен, флаг с царским вензелем был затоптан. Выступившие рабочие призывали к свержению самодержавия и завоеванию демократических свобод. С революционными лозунгами, песнями, под красными знаменами участники митинга устроили демонстрацию. Впереди шел военный оркестр, игравший «Марсельезу» и другие революционные песни²².

Под влиянием этих выступлений усилились волнения крестьян. Военный губернатор Ферганской области 7 ноября 1905 г. решил направить в некоторые уезды конный карательный отряд для «острастки местного туземного населения». Отряд, минуя Коканд, следовал по маршруту Маргилан — Чимчион — Риштан — Охчи — Яйпан — Канибадам — Бешарык — Бувайды²³.

Узнав о расстреле 15—16 ноября царскими властями восставших солдат Ташкентской крепости, солдаты 6-й роты 2-го Закаспийского железнодорожного батальона 17 ноября, выразив свое негодование, решили провести панихиду по

¹⁶ Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 254, л. 5.

¹⁷ Там же, ф. 133, оп. 1, д. 586, л. 87.

¹⁸ К. И. Аркадьев, участник революционного движения в Нарве, после демобилизации из армии остался в Фергане. Э. В. Шульман — бывший член Киевской организации РСДРП, с апреля 1903 по январь 1905 г. находился на военной службе в составе 20-го Туркестанского стрелкового батальона в Фергане (там же, л. 16). Я. С. Мастеркова — студентка Петербургского медицинского института. В Фергану приехала для прохождения практики. По заданию Петербургского комитета привезла литературу, прокламации и брошюры и вручила их В. В. Особо. После возвращения в Петербург была арестована как член социал-демократической организации Ферганы (Правда Востока, 7.IV.1963).

¹⁹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 350, л. 5.

²⁰ ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, д. 41, л. 2.

²¹ И. И. Аксентович (1870—1912 гг.) — бывший народоволец; с 1897 по 1906 г. работал в должности архитектора в городах Коканде и Фергане, неизменный председатель всех народных митингов и собраний в Фергане. В 1906 г. был осужден на смертную казнь, которая заменена каторгой, а затем ссылкой на Памир. В июле 1906 г. вновь арестован и отправлен в Наманганскую тюрьму. Под давлением трудящихся власти вынуждены были освободить его, но запретили проживание в Ферганской области. Он выехал в г. Верный (ныне Алма-Ата) и там продолжал активную революционную борьбу. В 1909 г. вновь арестован и сослан в Сибирь, где и умер (там же, л. 3).

²² ЦГАОР СССР, ф. ДП, оп. 1905 г., д. 1350, л. 37.

²³ ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, д. 41, л. 12.

павшим. Жандармский ротмистр Исаенко запретил ее. Тогда 6-я рота сообщила об этом факте по телеграфу всем гарнизонам области. Действия жандарма вызвали поток гневных телеграмм с требованием убрать его с должности. Напуганный массовым протестом, военный губернатор Ферганской области генерал Покатило вынужден был дать согласие на проведение 21 ноября панихиды по павшим в Ташкенте солдатам. Она превратилась в революционный митинг солдат, рабочих и железнодорожников. Опасаясь их открытого выступления, царские власти держали в готовности казаков ²⁴.

Солдаты 2-го Закаспийского железнодорожного батальона тайно перевезли большое количество прокламаций Ташкентской группы РСДРП («Простые речи о врагах и друзьях», «Мы бастуем» и др.), снабдили ими солдат гарнизона. Унтер-офицер 6-й роты Иван Лапин распространял листовки среди солдат в церкви, во время молебна. За революционную деятельность он был арестован, лишен воинского звания и сослан на каторгу ²⁵.

Всего за 1905 г. в Ферганской области произошло 163 революционных выступления ²⁶. События в Ферганской области насторожили Министерство внутренних дел. 20 апреля 1906 г. П. Н. Дурново в срочной телеграмме на имя военного губернатора области писал: «Считаю необходимым предупредить Вас, что по имеющимся сведениям первого мая ожидается общая забастовка, совершенно необходимо принять экстренные меры к устранению всяких беспорядков и с этой целью не допускать сборищ, шествий, демонстраций и других революционных проявлений» ²⁷. Тем не менее, как явствует из рапорта начальника Кокандского уезда от 27 апреля, в Коканде распространялись листовки, призывавшие рабочих к демонстрациям и забастовке в день 1 Мая. По этому поводу запрашивались дополнительные военные силы. Вопреки всем мерам властей рабочие Коканда и Ферганы отметили Первомай ²⁸.

15 июня в Фергане началось выступление солдат 4-го резервного батальона. Накануне солдат Пономарева и Зяблина, унтер-офицеров Анашкина и Жулина арестовали по подозрению в революционной деятельности и отправили в дисциплинарный батальон. Возмущенные репрессиями солдаты 5-й роты после вечерней проверки отказались подчиниться командирам, взяли винтовки и с криками «Ура!» направились к казармам других рот, призывая их присоединиться к борьбе. Солдаты настаивали на отмене зверской муштры в казармах, улучшении быта, звучало требование роспуска Государственной думы. Однако из-за неорганизованности, отсутствия опытных руководителей выступление было подавлено. Командир батальона на словах согласился удовлетворить требования об освобождении арестованных и улучшении бытовых условий, но обещание это не было выполнено. В январе 1907 г. 29 наиболее активных участников выступления были приговорены к тюремному заключению, еще четверо — к каторжным работам сроком на 15 лет ²⁹.

25 июня в помещении городского цирка Ферганы состоялся митинг, на нем присутствовали рабочие и 50 солдат. Местные власти потребовали от председательствовавшего на митинге Аксентовича удаления солдат из зала. Он отказался выполнить это требование, заявив, что двери зала открыты для всех. Чиновник Лебедев попытался удалить солдат из зала, но они не подчинились. Тогда Аксентович попросил участников митинга утихомирить разбушевавшегося Лебедева, и рабочие заставили его уйти. Аксентович рассказал присутствующим о революционных событиях в крае: о выступлениях трудящихся и солдат в Ашхабаде и Кушке, об отказе железнодорожного батальона от работы в Ташкентских мастерских. Закончился митинг пением революционных песен ³⁰.

²⁴ ЦГА УзССР, ф. 19, оп. 2, д. 8302, л. 4.

²⁵ Там же, ф. II-1, оп. 31, д. 350, лл. 113, 114.

²⁶ ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, д. 112, л. 7.

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, д. 311, л. 37.

²⁸ Там же, л. 33.

²⁹ ЦГА УзССР, ф. 725, оп. 1, д. 100, лл. 1, 2; д. 10, лл. 57, 59.

³⁰ Возникновение и деятельность социал-демократических организаций в Туркестане, с. 124.

Волнения трудящихся и солдат в Фергане беспокоили местные власти. В срочной депеше военного губернатора области начальнику края сообщалось: «23 июля 1906 года собравшаяся толпа рабочих (частично вооруженных) требовала открыть дом «Общественных собраний»... Толпа рабочих была разогнана взводом казаков. Из рабочих Кашин, Махов, Глухов были арестованы... Над остальными ведется следствие»³¹. Городской дом «Общественных собраний» был закрыт властями накануне революции как центр распространения передовых идей. Под давлением выступлений рабочих власти вынуждены были открыть его³².

Усиливались революционные выступления и в окрестностях города. Стачка рабочих нефтяного промысла «Чимйон» продолжалась с 24 января по 6 февраля 1906 года. Наряду с русскими рабочими в ней приняли участие узбеки, таджики и рабочие других национальностей³³. Газета «Русский Туркестан», сообщая о событиях 1905—1907 гг. в крае, писала, что революционные выступления сплотили рабочих разных национальностей в прочную дружественную единую семью³⁴.

20 августа во время остановки на промежуточной станции поезда с войсками, идущего из Ташкента в Фергану для подавления волнений в армейских частях, исполнявший обязанности начальника станции сотрудник Кокандской железной дороги И. М. Александров выступил перед солдатами поезда, призывая их присоединиться к революционно настроенным солдатам Ферганы. Он передал листовки, которые распространялись среди солдат эшелона. Их текст гласил: «Вы по прибытии в Фергану не подавляйте восстание, а наоборот, присоединяйтесь к восставшей железнодорожной роте»³⁵. Александров и его товарищи были арестованы. Ввиду опасности ареста В. В. Особо в декабре 1906 г. вынужден был выехать из города³⁶.

Всего за 1906 г. в Ферганской долине произошло 125 революционных выступлений³⁷. С 17 сентября 1906 г. в Ферганской области было установлено «чрезвычайное положение охраны», военному губернатору предоставлены неограниченные права³⁸. В целях усиления борьбы с революционным движением владельцы гостиниц, чайхан, арендаторы квартир были обязаны сообщать в течение 12 часов в полицию о людях, прибывающих к ним и отбывающих, а едущие в экипажах, верхом и на велосипедах — останавливаться по первому требованию полиции, в противном случае должны быть присуждены к трехмесячному сроку заключения или штрафу в 3 тыс. рублей³⁹.

Но ни аресты, ни преследования, ни массовые репрессии не смогли приостановить революционную борьбу трудящихся Ферганской долины. За 1907 г. здесь произошло 131 революционное выступление, в т. ч. забастовка на Ванновском керосиновом заводе, где рабочие требовали увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня⁴⁰.

Революционные выступления в 1905—1907 гг. в Ферганской долине, более развитом в промышленном отношении регионе Туркестанского края, сыграли большую роль в пробуждении и росте политической сознательности местного населения, его сплочении вокруг русского пролетариата. Выступления эти, руководимые РСДРП, стали более организованными, носили интернациональный характер: вместе с русскими в них принимали участие рабочие местных национальностей. К ним начали присоединяться и дехкане.

А. Дехканов, Г. Ташпулатов

³¹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 187, д. 1976, л. 4.

³² ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 350, л. 147.

³³ Там же, л. 151.

³⁴ Русский Туркестан, 18.II.1906.

³⁵ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 347, л. 42.

³⁶ В. В. Особо после отъезда из Ферганы жил по чужому паспорту в Самаре и вел активную революционную борьбу против царизма. В сентябре 1907 г. был арестован и сослан на каторгу в Иркутскую область (ЦГА УзССР, ф. 133, оп. 1, д. 586; ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, д. 112, л. 7).

³⁷ ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, оп. 262, д. 23, лл. 20, 29.

³⁸ ЦГА УзССР, ф. 43, оп. 1, д. 485, л. 29.

³⁹ Ферганские областные ведомости, 1907, № 28.

⁴⁰ Там же, д. 112, л. 7.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

В. И. ЛЕНИН В ПСКОВЕ И ПЕТЕРБУРГЕ В 1900 ГОДУ

После окончания срока сибирской ссылки В. И. Ленин 29 января 1900 г. выехал с семьей из Шушенского в Уфу, где Н. К. Крупской предстояло прожить еще один год в ссылке¹. Владимир Ильич, посетив Москву, Нижний Новгород и Петербург, 26 февраля приехал в Псков, избранный им местом дальнейшего пребывания из-за запрета жить в крупных городах². Еще 27 июня 1899 г. он писал сосланному в г. Орлов Вятской губ. А. Н. Потресову: «Мечтаю о Пскове. А Вы о чем?»³. Почему же именно о Пскове, в ту пору губернском городе, не располагавшем ни особыми очагами культуры, ни значительной промышленностью и, следовательно, крупными отрядами рабочего класса? Выбор был глубоко продуман. Псков близок к Петербургу (столичные газеты попадали туда в день выхода), являлся крупным железнодорожным узлом, сообщение с другими городами было удобным. До западной границы, через которую предстояло налаживать снабжение России революционными газетами, журналами и брошюрами, было недалеко. Да и ссыльных в конце XIX в., считая край «благонадежным», правительство разместило там немало.

В Пскове Ленин прожил 83 дня. Все они были до предела насыщены. Владимир Ильич участвовал в работе Псковского статистического отдела губернской земской управы⁴ по составлению программы, инструкций и подворных карточек для оценочно-статистического обследования крестьянских хозяйств, промыслов и кустарной промышленности в губернии; руководил группой статистиков, ведших перепись в Изборске⁵. Владимир Ильич продолжал совершенствовать свои познания в немецком языке, посещал библиотеку, занимался изучением литературы по экономическим, статистическим и социальным вопросам, устраивал встречи с местными социал-демократами, участвовал в собраниях псковской революционной и оппозиционной интеллигенции, выступал с рефератами, в которых резко критиковал ревизионизм. Здесь он выработал «Проект заявления редакции «Искры» и «Зари», в котором изложил программу и задачи общерусской политической газеты и научно-политического журнала, написал статьи для легальной печати, закончил указатели (предметно-тематический и именной) к русскому изданию книги С. и Б. Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма», вел обширную переписку с родными и товарищами по партии. Квартирная хозяйка вспоминала: «До 3-х часов ночи занимался литературным трудом, причем меня просил, чтобы ему на ночь подавали самовар, причем уже к 9 часам утра уходил на почту»⁶.

Что же составляло главное среди этих занятий, их «живую душу»? Крупская в своих воспоминаниях писала: «Там, сидя в Пскове, усердно вил Владимир Ильич нити организации, которые должны были тесно связывать будущую заграничную общерусскую газету с Россией, с русской работой»⁷. Общерусская газета, по мысли

¹ Н. К. Крупская была арестована в августе 1896 г. и в 1898 г. выслана в Уфу. В связи с выходом замуж за Владимира Ильича, до 1900 г. ей разрешили вместе с ним жить в Шушенском.

² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника (далее — В. И. Ленин. Биохроника). Т. 1, с. 241–245.

³ Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 32.

⁴ Лукина И. Н. Восемьдесят три дня. Л. 1984, с. 41–48.

⁵ В. И. Ленин. Биохроника. Т. 1, с. 248; Ларионов И. Н. В. И. Ленин в Пскове. Изд. 2-е. Псков. 1960, с. 27.

⁶ Ленин в Пскове. 1900 год. Л. 1939, с. 18.

⁷ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти тт. Т. 1. М. 1984, с. 234.

Ленина, должна была сыграть роль строительных лесов для создания действенной социал-демократической рабочей партии. Энергично работая в интересах общерусской газеты «Искра» и теоретического журнала «Заря», Ленин наладил связи с псковскими социал-демократами Н. Н. Лоховым, Л. Н. Радченко, А. М. Стопани, Н. Л. Сергиевским, А. Г. Бутковским и др. Из Петербурга к нему приезжали социал-демократы П. П. Маслов, С. И. Радченко, А. М. Рунина, С. К. Вржосек, а также прогрессивная общественная деятельница А. М. Калмыкова, студент Петербургского университета М. М. Могилянский. В Риге Ленин встречался с руководителями местной социал-демократической организации Я. Озол и К. Зутисом, подробно расспрашивал о работе, договорился об их участии в издании газеты и журнала за границей, а также о связях и адресах⁸.

Революционная деятельность Ленина в Пскове вызывала большое беспокойство властей⁹. Для секретного наблюдения за ним туда был направлен специальный «летучий отряд» охраны, возглавляемый старшим филером Горбатенко. Начальник петербургского охранного отделения полковник Пирамидов, известный не только своей жестокостью, но и коварством, направил также в Псков своего тайного агента литератора П. Э. Панкратьева. Этот провокатор, втершийся в доверие к одному из старейших деятелей революционного движения А. А. Николаеву, сумел даже попасть однажды на товарищеский ужин и целый вечер сидел за одним столом с Лениным. Правда, Владимир Ильич, почувствовав опасность, держал себя крайне осторожно¹⁰. В целом ленинский план издания «Искры» и «Зари» так и остался для Пирамидова недостаточно выясненным.

На первых порах идею создания «Искры» и «Зари» поддерживали «экономисты»¹¹, которые в тот период преобладали в нелегальных социал-демократических организациях. С их стороны это был, однако, лишь тактический прием, рассчитанный на утверждение собственных позиций. Поддержали план издания «Искры» и «Зари» и «легальные марксисты»¹². В конце марта¹³ 1900 г. в Пскове состоялось совещание, на котором присутствовали В. И. Ульянов, А. Н. Потресов, Ю. О. Мартов и С. И. Радченко — со стороны революционных социал-демократов, И. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский — от «легальных марксистов». Ленин тщательно подготовился к совещанию. Им были продуманы основные направления деятельности «Искры» и «Зари», их идейная платформа, тактическая линия. Все это нашло отражение в «Проекте заявления редакции «Искры» и «Зари», который был представлен Лениным на обсуждение «Псковского совещания». «Легальные марксисты», еще не стремившиеся тогда открыто разорвать с социал-демократией и заявить об иной политической линии, согласились в Пскове поддержать «Искру» и «Зарю», изъявив готовность идти вместе с социал-демократами под лозунгом общенародной революционной борьбы с царизмом.

Вскоре после «Псковского совещания» Ленин, подав прошение, получил заграничный паспорт для поездки в Германию. Именно там решено было организовать нелегальный печатный орган партии, чтобы быть подальше от эмигрантских центров и царской заграничной агентуры. Для зондирования почвы и установления связей с немецкой социал-демократией за границу по просьбе Владимира Ильича отправи-

⁸ В. И. Ленин. Биохроника. Т. 1, с. 249.

⁹ ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1898 г., д. 5, ч. 45, т. 3, л. 25.

¹⁰ Оболенский В. А. Воспоминания. — Последние новости, 10.1.1928.

¹¹ «Экономисты» сводили борьбу рабочих лишь к борьбе за мелкие экономические уступки. «Экономизм», первое проявление оппортунизма в российской социал-демократии, получил широкое распространение во второй половине 90-х годов в рабочем движении и грозил свлечь его с революционного пути на дорогу ревизионизма (подробнее см.: Жуikov Г. С., Комиссарова Л. И., Ольховский Е. Р. Борьба В. И. Ленина против «экономизма». М. 1980).

¹² «Легальные марксисты», идеологи либеральной буржуазии, критикуя народничество, использовали некоторые аргументы марксизма, но грубо извращали его: ревизовали марксистское понимание классовой борьбы и теорию социалистической революции, отрицали диктатуру пролетариата, выхолащивали исторический материализм, низводя его до уровня «экономического материализма».

¹³ И. Н. Лукина уточняет: скорее всего, между 29 марта и 1 апреля 1900 г. (Лукина И. Н. Ук. соч., с. 183).

лась А. М. Калмыкова. Чтобы более конкретно обсудить с группой «Освобождение труда» проблемы издания «Искры» и «Зари», выехал в Швейцарию и Потресов¹⁴. С этим же, по-видимому, связаны поездки за границу В. А. Оболенского и М. В. Бернштама¹⁵.

Ленин предварительно хотел посетить Москву и Подольск, где жила тогда его мать, а также Уфу, где еще находилась Крупская. Разрешение на эту поездку было получено от Департамента полиции с большим трудом в результате упорных хлопот М. А. Ульяновой¹⁶. 10 мая 1900 г. Владимир Ильич сообщал матери: «Я очень рад, что пришло разрешение на свидание с тобой, и, разумеется, непременно воспользуюсь им; выехать отсюда сейчас же я, к сожалению, не могу, ибо возвращаться сюда мне бы уже не хотелось, а для улаживания финансовых дел и некоторых дел с редакциями я должен еще пробыть здесь дней 5—7 или около того... От личной поездки в С.-Петербург мне приходится отказаться и я уже буду просить тебя съездить»¹⁷. 18 мая Ленин известил мать, что приедет в Подольск либо 21, либо 23 мая¹⁸. Однако направился он не в Подольск, а в Петербург, куда ехать ранее не собирался.

Что же произошло между 10 и 18 мая, что повлияло на намерение Владимира Ильича и резко изменило ситуацию? Обычно об этом пишут примерно так: «Возможно, что это было сделано в связи с необходимостью встретиться с петербургскими социал-демократами и договориться с ними относительно ряда вопросов, связанных с выходом «Искры»¹⁹. Этому, казалось бы, не противоречат факты. В последние дни пребывания в Пскове Ленин встретился с Н. Л. Сергиевским и Г. Т. Миловым, получил у них явки, адреса и фамилии активных социал-демократов в четырех городах России для того, чтобы привлечь их к сотрудничеству в «Искре»²⁰, передал поручения, касавшиеся дальнейших мер по созданию в Пскове группы содействия «Искре». Ленин посетил также местного псковского деятеля Н. Ф. Лопатина, пожертвовавшего значительную сумму на издание «Искры»²¹.

Итак, Владимира Ильича повлекли в столицу дела «Искры» и «Зари». Кроме того, следовало уладить некоторые вопросы в редакциях журналов. Но была и третья важная причина, на которую ранее исследователи внимания не обращали. В середине мая 1900 г. в Пскове появился и встретился с Лениным представитель заграничного «Союза русских социал-демократов»²². Он рассказал, что в Смоленске созывается II съезд РСДРП²³. Ленин считал съезд не подготовленным и полити-

¹⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 183.

¹⁵ Лукина И. Н. Ук. соч., с. 68.

¹⁶ В. И. Ленин. Биохроника. Т. 1, с. 250—252.

¹⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 187. Речь шла о хлопотах в Департаменте полиции для получения разрешения на поездку в Уфу.

¹⁸ Там же, с. 188.

¹⁹ Новикс В. И. В. И. Ленин и псковские искровцы. Л. 1972, с. 104.

²⁰ Милов Г. Т. О моей встрече с Лениным.— Красный Дагестан, 22.I.1926.

²¹ См. Хаит Г. Е. Гудаутские находки.— Наука и религия, 1974, № 4, с. 10—11.

²² Кто это был, остается пока не уточненным. О своей встрече и беседах с Лениным в Пскове относительно II съезда вспоминал Т. М. Гришин (Копельзон) (Копельзон Т. М. Странички из воспоминаний. О Ленине. Кн. 3. М.-Л. 1925, с. 26). Но когда они происходили? Департамент полиции и его Особый отдел знали, что Гришин «добивался свидания с Юлием Цедербаумом (Мартовым.— Авт.) и проживающим в Пскове Владимиром Ульяновым с целью убедить их ехать немедленно за границу, дабы встать во главе формирующейся новой редакции «Рабочего дела» (ЦГАОР СССР, ф. Московского охранного отделения, оп. 11, д. 647, л. 17об.). Очевидно, речь шла о «Рабочей газете», а не о журнале «Рабочее дело». Но в основном сведения Департамента полиции оспорены быть не могут. Их доставил провокатор М. И. Гурович («Харьковец»), у которого Гришин в апреле—мае 1900 г. в Петербурге жил и с которым делился своими планами. Охранка резко усилила наблюдение за Лениным, ожидая его встречи с Гришиным. Но тот сумел скрыться от наружной слежки в Петербурге. «Летучий отряд» старшего филера Горбатенко доложил из Пскова, что 18—19 мая к Ульянову приехал не Гришин, а Мартов. Могли ли опытные агенты, неотступно следившие за Владимиром Ильичем, проглядеть его свидание с Гришиным? Или тот приезжал в Псков раньше, а в середине мая здесь побывал кто-то другой, филерам не знакомый?

²³ В. И. Ленин. Биохроника. Т. 1, с. 253.

чески несвоевременным. Он и его единомышленники допускали в тех условиях проведение конференции для подготовки к съезду. Нужно было убедить в этом и руководителей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»²⁴. От этого зависело, состоится ли официальный, но плохо организованный съезд партии или же подготовительная конференция к нему. Доказывать несвоевременность созыва съезда в Смоленске Ленин считал возможным, по-видимому, лишь в личных беседах. Мартов, приехавший 19 мая в Псков из Полтавы²⁵, с ним согласился и тоже решил ехать в Петербург, чтобы на переговорах с «Союзом борьбы» выступить как представитель Литературной группы «Искры». Ленин же должен был действовать и как делегат, получивший мандат на II съезд РСДРП от группы «Освобождение труда»²⁶.

Владимир Ильич стал готовиться к поездке в столицу. Из Пскова туда уходило ежедневно шесть поездов. Однако воспользоваться можно было только тремя, т. к. Ленин решил ехать не сразу в Петербург, а для конспирации сделать пересадку: выйти на ст. Александровская и, пройдя пешком по Царскосельским паркам, сесть на пригородный поезд, чтобы приехать не на Варшавский, а на Царскосельский вокзал. Из трех останавливавшихся в Александровской поездов наиболее удобен был № 18, «местного движения»; на него можно было заранее взять билет. Он отправлялся из Пскова в 23 час. 12 мин. и приходил в столицу сравнительно рано²⁷.

Утром 19 мая Ленин сдал багаж на железнодорожной станции Псков, адресовав его в Подольск через Бологое и Москву «товаром большой скорости». Багаж был зашит в рогожи, имевшие старый вид. Общий его вес — 13 пуд. 21 фунт. Он был застрахован на 300 рублей. То была библиотека Владимира Ильича, путешествовавшая с ним отчасти еще из Петербурга в Сибирь. На три места сданного багажа был выдан дубликат квитанции на предъявителя, отправителем обозначен Владимир Ильич Ульянов. Филеры «летучего отряда» Горбатенко сумели проследить отправку багажа и сообщили Департамент полиции о том, когда и куда он будет отослан²⁸. Затем агент охраны сообщил эти данные по адресу: «Москва, Охранное отделение. Зубатову»²⁹. Видимо, в то же утро филеры приобрели билеты на поезд № 18 до Петербурга, сообщение о чем получил начальник петербургской охраны Пирамидов. Он заверил начальство, что весь день 20 мая за Ульяновым в Петербурге будет вестись наблюдение, а вечером его арестуют как не имеющего «права проживать в столице»³⁰.

Вечером 19 мая Ленин выехал из Пскова в Петербург. С ним вместе выехал туда и Мартов. В поезде филеры внимательно следили за Лениным. Особенно подозрительной казалась им плетеная корзинка (и не напрасно: в ней лежала нелегальная социал-демократическая литература, переправлявшаяся в Петербург из Полтавы). Обстановка, в которой протекала поездка, в донесении филеров характеризовалась как «чрезвычайно конспиративная». В «проследках» охраны сообщалось, что Ульянов вышел на станции Александровская «в 7 час. 26 мин. утра сего 20 мая» и далее «путался» по аллеям Царского Села, «скрываясь от наблюдения, до 9 часов утра»³¹. Но почему в 7 час. 26 мин.? Ведь по расписанию поезд должен был прибыть в Александровскую в 6 час. 29 минут. Он, конечно, мог опоздать, но сведений о том нет. Исследователи никогда не ставили под сомнение время, отмеченное в филерских донесениях. А такое сомнение правомерно. Можно предположить, что поезд пришел в Александровскую все-таки по расписанию, однако на станции филеры упустили Ленина из виду приблизительно на час. Чтобы замаски-

²⁴ Интересно, что и осведомленная Гуровичем охранка связывала отъезд Ленина в Петербург с намечавшимся в Смоленске II съездом РСДРП (ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7-е д-во, 1902 г., д. 1655, л. 134).

²⁵ В. И. Ленин. Биохроника. Т. 1, с. 253.

²⁶ Лукина И. Н. Ук. соч., с. 74.

²⁷ Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 27.V.1900: Спутник железных дорог. Путеводитель. Вып. 3, летнее движение 1900 г. СПб. 1900.

²⁸ Ленин и Псковский край. Док. и ст. Л. 1971, с. 49–50.

²⁹ Ленин в Пскове, с. 24–25.

³⁰ Ленин и Псковский край, с. 138.

³¹ Красная летопись, 1924, № 1(10), с. 21.

ровать это, они указали время, когда вновь обнаружили его. Вот одна из возможных версий.

Почему Ленин в конспиративных целях решил сделать пересадку именно в Александровской, хотя Царское Село, летняя резиденция императора, усиленно охранялось? Собираясь в Петербург, Ленин мог рассчитывать, что 20 мая усиленной охраны Царскосельских парков не будет, т. к. на эти субботу и воскресенье царская семья, как писали столичные газеты, выезжала в Петербург, так что через парки пройти можно будет относительно свободно. С Царским Селом и его парками Ленин был хорошо знаком. Впервые он попал туда весной 1891 г., приехав к своим знакомым — в семью Шухт. 2 апреля 1895 г. Ленин провел в Царском Селе совещание петербургских социал-демократов³². Согласно воспоминаниям, Владимир Ильич любил гулять по аллеям этих парков³³.

Каким же путем 20 мая добирался Ленин от Александровской до Царскосельского вокзала и когда он уехал в Петербург? Сначала Владимир Ильич должен был пройти по Волхонскому шоссе до Александровских ворот. От этих чугунных ворот, украшенных по бокам двуглавыми орлами, начиналась «пейзажная часть» парка. Пешеходные и «езжалые» дороги, созданные по проекту архитектора А. А. Менеласа, извивались то в лесных зарослях, то среди широких лугов с живописными группами деревьев. Левая дорога, Кузьминское шоссе, пролегла через Большое Кузьмино по открытым полям, огибая парк и город с севера. Тут не скроешься от наблюдения, да и путь к Царскосельскому вокзалу круговой, длинный. Правая дорога — продолжение Волхонского шоссе, вдоль которого проходила граница между Александровским и Баболовским парками. В ту пору эту дорогу называли Этапной. Рядом с ней располагался военный лагерь Царского Села. Маловероятный вариант пути для опытного конспиратора (тем более что на преодоление его потребовалось бы почти два часа, и к тому же у Ленина в руках была корзинка с литературой). Оставалась средняя дорога — Елевая аллея, самый короткий путь к Царскосельскому вокзалу. Она начинается от караульного домика, сохранившегося до нашего времени, и ведет в глубь парка. Заросли кустов справа позволяли незаметно пройти мимо караулки, где жили сторожа. Там стояла плотная стена высоких деревьев по обеим сторонам просеки; теперь она сильно поредела, особенно после Великой Отечественной войны. Аллея выводила к Ламским прудам. Оттуда начинался более опасный участок пути, через парк. Сразу за мостом — развилка дорог. Какую же из них выбрал Ленин? Правая вела к Арсеналу, красному кирпичному зданию с четырьмя зубчатыми башнями в англо-готическом стиле. Это здание охранялось, и туда постороннему пройти было небезопасно. Вероятнее всего Ленин по ней не пошел.

Предполагаемый нами маршрут Владимира Ильича по Александровскому парку совпадает с рекомендованным для велосипедистов, а значит возможным и для пешеходов. План-схема Царскосельских парков, подготовленный специально для туристов-велосипедистов на 1900 г., имеется в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина³⁴. Думается, что Ленин шел по Фермской дороге. Слева от нее находились строения императорской фермы. Отсюда было уже близко до выхода из парка через всегда открытые Чихачевские ворота. Справа, на противоположном берегу живописного пруда, оставался Александровский дворец, затем начинался город: Московская, Конюшенная (ныне улица Первого Мая) и Широкая (сегодня — ул. Ленина). Этим или близким к нему путем можно было минут за 20 добраться до вокзала.

Если верить филерскому донесению, Ленин скрывался от наблюдения до 9 час. утра. Судя по расписанию движения поездов на лето 1900 г. по Варшавской дороге, Владимир Ильич мог сесть в поезд № 8, отходивший в 9 час. 20 минут. Тогда он около 10 час. утра 20 мая приехал в Петербург на Царскосельский вокзал. Теперь всего 8—10 мин. ходьбы отделяли Ленина от первой конспиративной

³² В. И. Ленин. Биохроника. Т. 1, с. 56, 80, 99.

³³ Огонек, 1940, № 10, с. 4.

³⁴ Дорожник общества велосипедистов-туристов русского туринаг-клуба. Маршруты по окрестностям С.-Петербурга. СПб. 1901, с. 45—46.

квартиры в Петербурге, в Б. Казачьем пер. (№ 11, дом Геймана). По соседству, в д. 7, он жил в 1894—1895 годах. Ленин заходит в «здание, где помещается Статистический комитет народной переписи, и оставляет там привезенную из Пскова небольшую ручную корзину с литературой»³⁵.

С конспиративной точки зрения эта явка была выбрана удачно: рядом располагались «Центральные бани, бывшие Егорова», широко рекламировавшиеся в газетах. Появление здесь человека с корзиной в субботнее утро не могло вызвать подозрений. Конспирация была удачной: филеры решили, что Ульянов зашел в Статистический комитет и там оставил корзину. В действительности же он поднялся (в том же парадном) в конспиративную квартиру петербургского «Союза борьбы». Через несколько часов тайно привезенная социал-демократическая литература была из этой квартиры вынесена. На эту ошибку охраны исследователи до сих пор не обращали внимания.

Филеры неотступно следили за Лениным. Они зафиксировали, что в тот же день он побывал в редакции газеты «Северный курьер» (Б. Морская, д. 5). По-видимому, здесь была вторая явка. Владимир Ильич у руководителей редакции К. И. Арабажина и А. А. Васильева, связанных с революционным подпольем, должен был получить связи и указание, как найти руководителей «Союза борьбы». Первое его посещение редакции оказалось неудачным, и Ленину пришлось прийти во второй раз. Получив необходимые сведения, он направился в клинику Виллие (Боткинская ул., д. 6), где жила и работала фельдшерица В. Ф. Кожевникова, член петербургского «Союза борьбы», близкая знакомая Ленина, Крупской, Е. Д. Стасовой. Характеризуя впоследствии роль «Вареньки», Ленин назвал ее «почти что «агентом» организации «Искры» в Питере, равно как Калмыкову и С. И. Радченко; здесь, у Кожевниковой, Владимир Ильич провел совещание с петербургскими социал-демократами»³⁶.

О ходе совещания, его составе, повестке дня и принятых решениях точных данных нет. Участвовали в нем, кроме Ульянова и Кожевниковой, вероятнее всего, Радченко, Мартов и А. П. Сафонов. Правда, это только предположения. Сафонов был руководителем рабочей части петербургского «Союза борьбы». Возможно, на совещании присутствовал и представитель заграничного «Союза русских социал-демократов». Во всяком случае, Департамент полиции писал, что в мае 1900 г. в Петербург прибыли Ульянов и Мартов для встречи с Гришиным и его товарищем по руководству заграничным «Союзом русских социал-демократов» П. Ф. Тепловым. Они укрывались будто бы в квартире Кожевниковой³⁷. Владимир Ильич поставил на обсуждение, видимо, несколько вопросов, прежде всего о невозможности созыва в том году съезда партии³⁸. По всей вероятности, был поставлен и вопрос об издании «Искры» и «Зари».

Вечером Владимир Ильич вернулся в Б. Казачий пер., где в кв. 6 жили мать и брат А. Л. Малченко, его старого товарища по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Николай Малченко работал электротехником в Статистическом комитете народной переписи и имел здесь же службную квартиру. Утро следующего дня, 21 мая, выдалось пасмурным, шел дождь. Чины петербургской охраны изрядно вымокли и продрогли, дожидаясь в Б. Казачьем, пока из д. 11 выйдет помощник присяжного поверенного Ульянов. Они имели приказ арестовать его и препроводить в «Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в столице» при Управлении Санкт-Петербургского градоначальника, на Гороховую, д. 2. Вот как описывал дальнейшие события Д. И. Ульянов со слов брата: «Внезапно схватили», — как он рассказывал потом, — «за руки, один — за правую, другой — за левую, да так взяли, что не двинешься... если бы надо было что-нибудь проглотить, не дали бы». Посадили на извозчика и привезли в градоначальство; там, конечно, обыскали, но ничего не нашли. Отвели тут же в камеру»³⁹.

³⁵ В. И. Ленин. Биохроника. Т. 1, с. 254.

³⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 7, с. 391; В. И. Ленин. Биохроника. Т. 1, с. 254.

³⁷ ЦГАОР СССР, ф. ДП, 3-е д-во, 1901 г., д. 810, л. 2.

³⁸ Мартов Л. Записки социал-демократа. Кн. I. Берлин — СПб. — М. 1922, с. 408.

³⁹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 121.

Главный в России орган по борьбе с «крамолой» — Департамент полиции, а также петербургская и московская охранка, Псковское губернское жандармское управление уже около трех месяцев напряженно следили за конспиративной деятельностью Ульянова, связывая с нею важные события в русской социал-демократии. Недаром начальник московской охраны полковник Зубатов сообщал в Департамент полиции, что Ульянов — это голова на революционном теле. «Ведь крупнее Ульянова сейчас в революции никого нет»⁴⁰.

Допросом Ленина руководил Пирамидов, не брезговавший самыми коварными методами. В протоколе допроса Ленина с его слов охранкой зафиксирована цель приезда — «главным образом посещение редакций и окончание моих денежных и литературных дел перед отъездом за границу»; вообще же «в С.-Петербург я прибыл 20 мая: по Варшавской железной дороге»⁴¹. И далее: «Что касается до моих частных свиданий в С.-Петербурге, то я не нахожу возможным объяснить их, так как это не входит в состав совершенного мною проступка, а именно — самовольного прибытия в С.-Петербург. По той же причине я не нахожу возможным ответить на ваш вопрос — прибыл ли я сюда один или с кем-либо».

Дело в том, что Мартов, также приехавший в Петербург, ночевал у родителей. Только утром 21 мая он появился в квартире Малченко, где и был арестован. А это давало возможность Владимиру Ильичу и не отрицать совместного приезда, и не подтверждать его. Тем более, что вначале Ленин даже отказался назвать место своего ночлега. «20 мая я посетил два раза редакцию «Северного курьера», куда я явился для передачи своего отказа на предложение, полученное мною незадолго от г. редактора». Этот визит он не отрицал, чтобы не разрушить версию о литературных целях поездки. «Относительно отобранного у меня при обыске объясню: 1) дубликат накладной Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги от 19 мая взят мною на груз, отправленный в г. Подольск, и который содержит мою библиотеку; ключи от ее ящиков находятся у меня; 2) тетрадь с выписками составлена мною для моих литературных работ; 3) квитанция в отправке в Астрахань на имя Книпович — родственницы моей жены, Лидии Михайловны Книпович⁴², проживающей постоянно в г. Астрахани, которой с этим письмом я отправил мою фотографическую карточку».

Ленин «беспокоился главным образом за химическое письмо Плеханову, написанное на почтовом листке с каким-то счетом. В этом письме сообщалось о плане общерусской газеты, и оно выдало бы его с головой. И все три недели он не знал, проявлено ли письмо. Всего больше беспокоило его, что химические чернила иногда со временем выступают самостоятельно. Но оказалось с этой стороны благополучно: на листок не обратили внимания, и он был в этом же виде возвращен брату»⁴³.

Некоторую опасность представляли также обнаруженные у Владимира Ильича деньги. «Найденные у меня зашитыми 1300 рублей, — отвечал он на допросе, — составляют мои личные средства и везти их с собой мне было необходимо как потому, что я должен был взять несколько сот с собой за границу, так и потому, что я должен был уплатить мой долг теще и оставить некоторую сумму жене, не имеющей теперь заработка и нуждающейся в лечении. Вез я их с собою зашитыми, опоздав своевременным переводом, а крупные суммы я всегда вожу с собою таким образом, что может быть легко проверено осмотром прочих моих жилетов, которые почти все имеют такие карманы. Относительно приобретения этих денег объясняю следующее: 1) сумма около 850 рублей (если я помню, 881 р. с коп.) получена мною в конце прошлого года от г. Поцовой, издавшей мой перевод книги Вебба; 2) около 150 рублей (если я помню, 162 р. с копейками) получены мною из редакции «Жизни», переводом во Псков весной текущего года; 3) остальную

⁴⁰ Красный архив, 1934, № 1 (62), с. 138.

⁴¹ Протокол допроса цит. по: Куделли П. Ф. Арест Ленина в Петербурге в 1900 году. — Красная летопись. 1924, № 1(10), с. 22.

⁴² Л. М. Книпович — видная революционерка (подпольная кличка — «Дяденька») — была не родственницей, а близкой подругой Крупской, активной соратницей Ульяновых в революционной борьбе. В Астрахани она отбывала очередную ссылку.

⁴³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 63.

сумму, полученную мною меньшими частями, в которую входят между прочим, и остатки от моих сбережений, в случае надобности могу с точностью указать по справкам в конторских книгах редакций изданий: «Научное обозрение», «Начало», «Новое слово» и издательства Водовозовой. Остальные деньги, отдельно от этой суммы, взяты мною на мелкие расходы»⁴⁴.

Пирамидов проверил, послал специального чиновника в редакции и получил сведения, похожие на те, которые указал Владимир Ильич. Большое внимание уделил Департамент полиции библиотеке Ленина. Зубатову было предписано организовать тщательный нелегальный досмотр багажа, а при невозможности этого — и открытый, гласный. 23 мая багаж был задержан в Москве под предлогом, что нет пломб. Однако охранка была разочарована: рукописи и книги были «тенденциозные», некоторые «запрещены к обращению среди публики»⁴⁵, но ничего нелегального не оказалось. Это были сочинения по политической экономии; по статистике в России; беллетристика; периодика конца 90-х годов — английские, немецкие, французские журналы; кроме того, рукописи, конспекты, выписки. Составили опись. Департамент полиции не нашел в них состава преступления и разрешил отправить по назначению — в Подольск Д. И. Ульянову.

Арест Ленина не дал никаких улик охранке. 31 мая 1900 г. он был освобожден из-под стражи и в сопровождении полицейского чиновника отправился в Подольск, к М. А. Ульяновой⁴⁶. Так закончился псковский период жизни Владимира Ильича и его поездка в Петербург.

Е. Р. Ольховский, Г. С. Усыскин

⁴⁴ Красная летопись, 1924, № 1(10), с. 23.

⁴⁵ В. И. Ленин и Псковский край, с. 139.

⁴⁶ В. И. Ленин. Биохроника. Т. 1, с. 255.

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО А. И. ГЕРЦЕНА В БЕЛЬГИЙСКОЙ ГАЗЕТЕ

При изучении комплекта брюссельской газеты «Le Nord» в связи с работой над т. IV «Летописи жизни и творчества А. И. Герцена» нами был обнаружен в № 263 от 20 сентября 1865 г. неизвестный текст писателя. Приводим его в нашем переводе с французского:

«Господин редактор! Органы русского правительства обвинили меня в том, что я неведомо каким образом принимал участие в злосчастных пожарах, которые опустошают Россию. *Это ложь, абсолютная клевета.* Я обратился к многим газетам, прося их поместить мой протест. В этом протесте я требовал, чтобы анонимные клеветники предстали перед судом — швейцарским или английским. Почти все газеты поместили мое письмо. Вы не сочли нужным это сделать, и мне нечего было возразить против этого. Но Вы сочли справедливым напечатать в своей газете обвинение, извлеченное из «Инвалида», забыв при этом поместить мое письмо. Не удивляйтесь же, сударь, что я обращаюсь к Вам еще раз, прося опубликовать в Вашем следующем номере настоящее письмо. Я требую доказательств, я требую судей. Это все, что я могу сделать. Я бы сделал процесс «Инвалиду», «Московским ведомостям» и пр., я бы, наконец, потребовал охранной грамоты от императора, чтобы предстать перед русским судом. Но Вы достаточно хорошо знаете Россию, чтобы понять, что это невозможно. Примите, господин редактор, мои лучшие пожелания. Алекс[андр] Герцен. Château Boissiere, под Женовой, 8 сентября 1865 г.»

Итак, перед нами открытое письмо, затерявшееся на газетных листах и ранее не публиковавшееся в изданиях сочинений Герцена. Однако обстоятельства, непосредственно ему предшествовавшие и вызывавшие его, нашли отражение в других, уже известных документах.

В августе — сентябре 1865 г. в связи с пожарами, охватившими летом того года северо-западные, а затем и центральные губернии России, в русской реакционной печати развернулась очередная клеветническая кампания против Герцена. Сигналом послужила редакционная статья «Сведения о пожарах в Северо-Западном крае», напечатанная 17 августа 1865 г.¹ в № 170 официальной губернской газеты «Виленский вестник» (с. 1—2). В статье якобы на основании следственных данных «виновниками поджогов» объявлялись «шайка польских эмигрантов» и «шайка самых красных русских революционеров (герценовская)» — «агенция Герцена в Тульче»², как «уточнялось» далее.

18 августа, т. е. на следующий день, статья была перепечатана в Петербурге газетой Военного министерства «Русский инвалид» (№ 171), что еще более подчеркнуло официальный характер сообщаемых сведений. За «Русским инвалидом» следовали «Северная почта» (газета Министерства внутренних дел, № 170 от 20 августа) и «Московские ведомости» (№ 172 от 20 августа), которые принялись активно муссировать сенсационную новость и в передовых М. Н. Каткова, и в корреспонденциях с мест, обрушивших потоки инсинуаций против «герценистов-поджигателей» (№№ 175, 176, 180, 181, 183, 187 от 24, 25, 30, 31 августа, 2, 7 сентября и т. д.).

Известно, сколь серьезно отнесся Герцен к этому новому «кому грязи Каткова и компании»³, при всей абсурдности самих измышлений. Уже 28 августа, сразу по получении № 172 «Московских ведомостей» в Женеве, Герцен пишет открытое «Письмо к издателю» с опровержением клеветы и требованием доказательств (XVIII, 404—405). Это письмо, отпечатанное в Вольной русской типографии в виде отдельного оттиска на французском языке, он направил во многие редакции европейских газет и частным лицам⁴. Послано было оно, как мы теперь узнаём, и в «Le Nord».

30 августа датировано опровержение Герцена «От издателей» (XVIII, 406—408), направленное им редакторам русских газет; 1 сентября — открытое письмо «В редакцию «Инвалида» с развернутым разоблачением клеветников, в котором он писал: «Мне совершенно все равно, как обо мне думают — не только ... Катков, но все государственные ... и дворянские полиции ... Меня заботит другое: я боюсь, что эти мерзавцы оклеветают меня перед народом русским. Любовь моя к нему оскорблена, мое служение ему очернено, и вот почему я не хочу молчать и не хочу оставить на себе ни одной пылинки, ни одной брызги полицейской пены» (XVIII, 421).

Герцен отнюдь не рассчитывал на публикацию своих писем в России. Послав опровержение и обращение в редакции газет Москвы и Петербурга, он обнародовал их в «Колоколе» («От издателей» — л. 203 от 1 сентября, «В редакцию «Инвалида» — л. 204 от 15 сентября 1865 г.) и опубликовал на его страницах еще ряд материалов, разоблачающих новые маневры Каткова: «Агентство Герцена в Тульче

¹ Здесь и далее все даты даются по новому стилю.

² Имелась в виду колония эмигрантов в Тульче на Дунае, основанная осенью — зимой 1863 г., когда там поселились братья В. И. и И. И. Кельсиевы. В течение 1864 г. к ним присоединились М. С. Васильев, П. И. Краснопевцев, В. М. Эберман, П. П. Станкевич, Левицкий, поляк П. Сликовский, чех Шварц. Будущая «фаланстера» ставила своей целью просвещение местного населения (первоначально, кроме того, налаживание путей для распространения герценовских изданий на юге России, устройство типографии). Однако отсутствие идейного единства и средств, смерть И. И. Кельсиева, болезни детей В. И. Кельсиева и его самого, разочарование последнего в революционных идеалах, а также противодействие российского вице-консула вели к распаду колонии. Это произошло после самоубийства Краснопевцева в феврале 1865 года. 9 мая (27 апреля) 1865 г. В. И. Кельсиев с семьей покинул Тульчу и переехал в Галац. О тульчинской колонии см.: Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. Кишинев. 1973, с. 183—204.

³ Письмо Герцена М. К. Рейхель от 2 сентября 1865 г. В кн.: Герцен А. И. Собр. соч. В 30-ти тт. Т. XXVIII. М. 1963, с. 100 (далее ссылки на это издание даются в тексте).

⁴ В частности, в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина сохранился экземпляр такого оттиска в конверте, адресованном Ф. М. Достоевскому в Висбаден, с женевским штампом 31 августа 1865 г. (ф. 93, разд. II, карт. 2, д. 84, лл. 2, 4).

и «Московские ведомости», «Первая ретирада» (л. 204); «Письмо к издателю «Отголосков», «Ответ на предложение «Московских ведомостей» (л. 205 от 1 октября) и т. д.

Что касается «Письма к издателю» от 28 августа, то оно было опубликовано многими западными газетами. Протест Герцена получил широкий резонанс в прогрессивной европейской прессе. «Kölnische Zeitung» напечатала его в последних числах августа или начале сентября, парижские «Le Siècle» и «L'Opinion Nationale» — 2 и 3 сентября, швейцарский орган польских эмигрантов «Ojczyzna» — 3 сентября. Брюссельские демократические газеты «La Cloche», «La Rive gauche» (еженедельник французских республиканцев-эмигрантов, близкий к I Интернационалу) и другие органы передовой печати Запада также поместили это письмо Герцена, а некоторые — и редакционные статьи о смехотворности обвинений.

Позицию защитника клеветников заняла «Le Nord» — газета, издававшаяся в Брюсселе с 1855 г. российским подданным Н. В. Поггеннолем и субсидировавшаяся из Петербурга. В № 244 от 1 сентября она перепечатала статью «Русского инвалида» с обвинениями против «агенции Герцена», не поместив полученного от него письма-опровержения от 28 августа. В своих последующих корреспонденциях газета послушно следовала за домыслами «Московских ведомостей» о поджогах⁵. Редакция «Колокола» не удостоила эту «разогретую дичь» «Le Nord» специальной полемики, с презрительной иронией определив позицию рептильной газеты так: «северное сияние «Моск[овских] ведомостей» (XVIII, 431).

Тем примечательнее обнаружившийся ныне факт, что Герцен принудил «Le Nord», этот «подлейший орган» (XXVI, 52), всегда служивший рупором официальных кругов Петербурга, сыграть роль бумеранга и стать невольным орудием в борьбе свободного слова с самодержавием и его клеветами.

Такого рода тактику в отношении «Le Nord» Герцен избрал не впервые. Осенью 1861 г., когда русская тайная полиция вознамерилась подослать к Герцену наемных похитителей или убийц, он направил разоблачительные письма не только в прогрессивные французские и английские газеты, но и в «Le Nord» — от 17 или 18 октября (текст неизвестен) и от 29 октября. Тогда редакция газеты предпочла в открытую расписаться в своей истинной близости к «русской полиции» (XII, 458): она заявила, что первого письма (отправленного одновременно редактору «Le Temps» К.-Э. Хоецкому) не получала; второе же просто не напечатала⁶. Только один раз до новонайденного документа открытое письмо Герцена появилось в «Le Nord» (№ 343 от 9 декабря 1861 г. — см. XV, 205—206), и то не полностью. Это было объяснение с дочерью генерала А. И. Михайловского-Данилевского А. А. Берновой, обвинившей Герцена на страницах газеты (№ 336 от 2 декабря) в публикации подложных мемуаров отца.

Как же удалось Герцену теперь заставить «Le Nord» напечатать его протест против деспотического царского режима, в защиту свободного слова и человеческого достоинства? Дело в том, что согласно бельгийским законам газета, поместившая обвинения против определенного лица, обязана была предоставить ему место для ответного слова. Если в октябре 1861 г. «Le Nord» потерпела моральное поражение в глазах общественного мнения Европы, то теперь ей пришлось капитулировать перед судебной властью. Письму Герцена в газете предшествовал редакционный текст: «Мы получили вчера вечером через судебного исполнителя настоятельное требование опубликовать следующее письмо». После письма газета сбивчиво объясняла причины своей капитуляции, пыталась придать ей видимость добровольного акта. По ходу этих объяснений выяснялось, кроме того, отношение «Le Nord» к первому опровержению Герцена от 28 августа: «Первое письмо Герцена содер-

⁵ Корреспонденции из Петербурга (№№ 254 и 258 от 11 и 15 сентября) дословно повторяли статьи об «агентстве Герцена» из «Московских ведомостей» от 2 и 7 сентября. В № 255 «Le Nord» от 12 сентября помещено также открытое письмо А. де Моллера из Парижа с нападка на Герцена и выражением недоверия к его протесту.

⁶ Герцен позаботился о том, чтобы саморазоблачение газеты перед общественным мнением Европы стало до конца очевидным, застраховав второе письмо и послав его копию в «L'Opinion Nationale», где оно и появилось (XV, 170, 172).

жало, помимо протеста против обвинений «Инвалида», такие упреки, которые мы не считаем возможным помещать в печати; Герцен сам понял это в конце концов, ибо тон второго письма, которое он нам адресовал, заметно отличается от тона первого». Однако и это второе письмо газета не посчитала необходимым напечатать. Оправдания же по этому поводу звучат крайне неубедительно: «основная цель», преследуемая вторым протестом Герцена, редакции «показалась достигнутой» тем, что 11 сентября в «Le Nord» была перепечатана статья «Московских ведомостей» от 2 сентября об «агентстве Герцена в Тульче».

Поскольку цель не показалась Герцену достигнутой, он «послал через Фонтена huissier (судебного исполнителя.— С. Л.), и это подействовало» (XXVIII, 106). Герцен пишет об этом сыну во Флоренцию 26 сентября 1865 года. Из письма становится таким образом известным, что доверенным лицом Герцена в деле публикации его протеста выступил редактор «La Cloche» и член редакции «La Rive gauche», деятель I Интернационала Л. Фонтен. По просьбе Герцена в неизвестном письме (посланном из Женевы в Брюссель, очевидно, вместе с копией рассматриваемого обращения — около 14 сентября, когда стало ясно, что и этот документ отложен в долгий ящик) Фонтен потребовал от редакции «Le Nord» объяснений, почему не публикуется второе обращение Герцена, и, не удовлетворившись ими, обратился к защите закона. Примечательно, что после рассмотренного случая, когда Герцен 16 марта 1869 г. вновь потребовал, чтобы редакция «Le Nord» поместила опровержение повторенных ею необоснованных слухов о нем, она не решилась игнорировать открытое письмо Герцена «Au redacteur». Оно было напечатано в газете 21 марта 1869 г. (см. XX, 518—519, 835).

Вернемся к тексту публикуемого ныне письма. Герцен требует от клеветников доказательств их обвинений: документов, подтверждений, свидетельств, твердо зная, что таковых нет. Но как же все-таки рождались измышления «полицейской прессы»? Обнаруживаемые в архивах разнообразные документы — от частных писем до «всепопданнейших» жандармских отчетов и от доносов шпионов до царских резолюций — помогают нарисовать довольно полную картину того, как стряпалась политическая клевета, сколь высокие инстанции непосредственно участвовали в ее изготовлении по прямому заказу и с благословения верховного главы государства.

Начнем с «Отчета о действиях III отделения... и корпуса жандармов за 1864 год», составлявшегося летом 1865 года. В нем есть специальный раздел «О пожарах и поджогах», ибо и в 1864 г. страна переживала это бедствие: было зарегистрировано 14 569 пожаров⁷. (Вот уж поистине «Соломенный город», с такой болью запечатленный в гениальном гротеске Салтыкова-Щедрина — городе Глупове!) Названный раздел примечателен самым тоном и направленностью откровений главного начальника III отделения и шефа жандармов В. А. Долгорукова. Явно в угоду прямому адресату отчета Александру II он хотел бы приписать народную беду «злоумышленной партии, стремящейся разорить Россию» (в частности, «полякам»), направив против нее «ожесточение» населения. Вспомним, что так бывало уже прежде, к примеру, со знаменитыми майскими пожарами 1862 г., по поводу которых В. И. Ленин писал: «Есть очень веское основание думать, что *слухи о студентах-поджигателях распускала полиция*. Гнуснейшее эксплуатирование народной темноты для клеветы на революционеров и протестантов было, значит, в ходу и в самый разгар «эпохи великих реформ»⁸. И так будет не раз впоследствии.

Однако в рассматриваемом отчете за 1864 г. дальше распускаемых слухов дело пока не идет. «Высшее сословие видело в одновременности пожаров общую связь, с политической целью возбуждения пролетариата, доведения до мятежа и ниспровержения государственного порядка. Но,— вынужден признаться шеф жандармов,— тщательные разыскания этого мнения не подтвердили ... никаких фактов, которые могли бы указать на существование политической организации поджигателей, не открыто»⁹. И далее, анализируя «семимесячные изыскания следственных комис-

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 223/85, д. 29, л. 253.

⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 5, с. 29, прим.

⁹ ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 223/85, д. 29, лл. 211—211об.

сий», созданных в наиболее пострадавших губерниях Приволжского края, он вновь оправдывается: «Причины пожаров ... не открыты»; об участии «политической польской или русской партии» можно догадываться лишь по «отсутствию краж или грабежей во время пожаров». Разумеется, таких «доказательств» было маловато даже для царских законников, и Долгоруков с сожалением заключает: после 400 показаний и очных ставок «к положительному обвинению» политического толка «не представилось оснований. Таким образом, сенатору Жданову (председателю специальной следственной комиссии.— С. Л.) по стечению независимых от него обстоятельств невозможно было с полным успехом исполнить возложенное на него по высочайшему повелению вашего величества поручение»¹⁰.

В 1865 г. появляются известия о новой волне пожаров, на этот раз в Польше, в Северо-Западном крае. Они рождают в голове агента III отделения в Париже те же мысли, что и в голове монарха и начальника III отделения в Петербурге, но более конкретизированные. Ю.-А. Балашевич-Потоцкий, с 1861 г. подвизавшийся в Париже и Лондоне на стезе провокаций, слежки за Герценом и польской эмиграцией, 15 августа 1865 г. так рассуждает в очередном донесении: «Не подлежит сомнению, что здесь участвуют политические шайки, имеющие сношения с эмигрантами ... это мысль Герцена и К° ... в пожарах они видят создание пролетариата, необходимого для революции»¹¹.

Вот имя и названо. Теперь инспирируются показания бывшего польского повстанца В. Рудницкого. Арестованный в марте 1865 г. в Варшаве, он 13 июля «чистосердечно признается»: «Я слышал, но не помню уже от кого», о «русской шайке поджигателей, которую называют агенцией Герцена в Тульче». Туда осенью 1864 г. из Парижа был послан офицер-эмигрант П. И. Краснопевцев, якобы с целью производства пожаров в Южной России. К показаниям Рудницкого добавляются измышления, «слышанные» им от «неких» Гуттары, Мрозовицкого и т. п., о том, что деятельность русских и польских «поджигателей-революционеров» субсидируется лондонским «общереволюционным обществом» «Ognisko rewolucyjne» и его членом банкиром Тейлором¹². Теперь царским властям оставалось только все это опубликовать.

Закулисный ход публикации выясняется из найденного нами в архиве Каткова письма писателя П. И. Мельникова (А. Печерского), который служил в то время чиновником особых поручений при министре внутренних дел П. А. Валуеве. 24 августа 1865 г. он сообщал из Петергофа Каткову в Москву: «Статья о поджогах ... составлена в Вильне, прислана Кауфманом Милютину (генерал-губернатором Северо-Западного края — военному министру.— С. Л.), который доложил ее государю и с его одобрения напечатал, по предварительной цензуре кн. Долгорукова, которому государь велел печатать статью. Долгоруков приписал два или три места против того, что напечатано в «Вилен[ском] вестн[ике]»¹³.

Клевета против Герцена, однако, не сработала. Мы уже говорили о реакции европейской общественности. А о том, как приняло измышления о «поджигателях» русское общество, пишет Мельников: «Здесьние космополиты журнального и нежурнального мира, разумеется, объявили, что все это ложь с первого слова до последнего. Разумеется, они этого не печатают, ибо цензура не позволит, да и без цензуры небезопасно, зато распускают слухи», указывая на фактические ошибки в статьях. «Еще говорят, что это за выдумка «агенция Герцена в Тульче»?»¹⁴.

О том, что «помещенная «Русским инвалидом» ... статья о пожарах, при самом появлении ее, вызвала сильный ропот», мы узнаем и из агентурной записки в III отделение от 8 сентября 1865 года¹⁵. 1 ноября 1865 г. «Северная почта»

¹⁰ Там же, лл. 239, 239об.

¹¹ Там же, оп. 2, с. а., д. 561, лл. 163, 163об.; перевод на польск. яз. см.: Potocki A. Raporty szpiega. T. II. Warszawa. 1973, s. 40.

¹² ОР ГПБ, Материалы по польскому восстанию, тетр. 12; цит. XVIII, 652–653; Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. XVIII. Пг. 1922, с. 188–189.

¹³ ГБЛ, ф. 120, карт. 6, д. 50, л. 13.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1, с. а., д. 157, л. 1.

(№ 227) в редакционной статье «О пожарах в России» вынуждена была стыдливо признать, что «далеко нет достаточного основания предположить, чтобы все пожары, опустошившие в 1864 и 1865 гг. Россию, чтобы все поджоги были делом польской или какой другой интриги». Так официозные обвинители потерпели фиаско.

С. Д. Лищинер

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ми н ц Исаак Израилевич — академик, лауреат Ленинской и Государственных премий, Герой Социалистического Труда.

Богданов Радомир Георгиевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института США и Канады АН СССР. Автор монографий «США: информация и внешняя политика», «США: военная машина и политика», «Ядерное безумие в ранге государственной политики», «У опасной черты» и статей.

Фишевский Юрий Константинович — кандидат экономических наук, заместитель председателя Правления Всесоюзного общества «Знание».

Пономарева Ирина Борисовна — кандидат исторических наук, доцент Московского института международных отношений МИД СССР. Специализируется по истории международных отношений. Автор книг «Стремление к власти над народами», «Геополитика империализма США» (в соавторстве), а также статей, разделов в коллективных трудах.

Смирнова Наталия Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института информации по общественным наукам АН СССР. Специализируется по истории международных отношений. Автор монографии «Геополитика империализма США» (в соавторстве), статей, разделов в коллективных трудах.

Удальцова Зинаида Владимировна — член-корреспондент АН СССР, профессор, директор Института всеобщей истории АН СССР, автор монографий «Италия и Византия в VI в.», «Советское византиноведение за 50 лет», «Идейно-политическая борьба в ранней Византии», автор и ответственный редактор коллективных трудов: «История Византии» (в 3-х томах), «История крестьянства в Европе» (т. 1), «Культура Византии» (т. 1), глав в учебниках по истории средних веков для университетов, около 300 статей в советских и зарубежных периодических изданиях.

Самсонов Александр Михайлович — академик, главный редактор «Исторических записок», председатель редколлегии академической серии «Памятники исторической мысли». Автор трудов: «Великая битва под Москвой, 1941—1942», «Сталинградская битва», «От Волги до Балтики. 1942—1945 гг.», «Крах фашистской агрессии, 1939—1945», «Вторая мировая война, 1939—1945» и мн. др.

Ржешевский Олег Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором проблем военной истории и историографии Института всеобщей истории АН СССР. Автор монографий «Война и история», «Вторая мировая война. Мифы и действительность».

Павленко Григорий Васильевич — доктор исторических наук, профессор, декан Исторического факультета Ужгородского университета. Специалист по истории германского рабочего движения и русско-германских революционных связей XIX — начала XX века. Автор книг «В. И. Ленин и германское рабочее движение (1895—1914 гг.)», «Вильгельм Вейтлинг» и других работ.

Арш Григорий Львович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР. Специалист по новой истории балканских стран и русско-балканских связей. Автор монографий «Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в.», «Этеристское движение в России», «И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809—1822 гг.» и других работ.

SUMMARIES OF ARTICLES

ACADEMICIAN I. I. MINTS. **The Current Reconstruction and the Study of the Great October Revolution**

The article is based on Academician Mints' contribution to the round-table discussion "The Study of the History of the Great October Revolution. Summing Up and Looking Forward" jointly sponsored by the Problems of History Editorial Board and the Scientific Council of the USSR AS on the Comprehensive Problem "The History of the Great October Socialist Revolution". The author concentrates on the current tasks.

R. G. BOGDANOV. **Reykjavik: Along the Road of New Political Thinking**

The author looks at what caused the Reykjavik summit and what preceded it: the Geneva meeting, statement by Mikhail Gorbachev, General Secretary of the CC CPSU, of January 15, 1986, and the USSR-USA relations between Geneva and Reykjavik. He analyses the contents and essence of the Soviet package in Reykjavik and shows that the meeting has demonstrated the viability of new political thinking.

Y. K. FISHEVSKY. **An Important Instrument for Disseminating Knowledge**

The article marks the 40th anniversary of the Znanie (Knowledge) All-Union Society, set up in 1947 on the initiative of prominent Soviet academics and cultural figures. At present it numbers more than 2,600,000. The author describes the forms and methods of its activity with a special emphasis on the dissemination of historical knowledge and propaganda of the Soviet foreign policy.

I. B. PONOMAREVA, N. A. SMIRNOVA. **Anglo-American Contradictions in India in 1942—1943**

The authors look at the situation which took shape in India in 1942 when the contradictions between Britain and the United States, each of them pursuing their own imperialist aims in India, became aggravated. They analyse the stand taken by the Indian National Congress which proclaimed a mass campaign of non-cooperation with the British colonialists.

Z. V. UDALTSOVA, CORRESPONDING MEMBER, USSR AS. **Cultural Ties Between Kiev and Constantinople up to the 13th Century**

The author discusses cultural relations which existed between Byzantium and Old Rus in the late 10th through 13th centuries. By turning to the Byzantine culture the Old Rus' ruling class associated their country with the most culturally advanced state in Europe. A detailed analysis of Kievan architecture and the visual arts of the 11th through 13th centuries and their comparison with what has been created in Constantinople serve to illustrate the emergence and consolidation of the Russian culture which enriched itself through contacts with the highest cultural achievements of Byzantium.

ACADEMICIAN A. M. SAMSONOV, O. A. RZHESHEVSKY. **The Decisive Turning Point in the Second World War**

The authors discuss questions connected with the decisive turning point in the Second World War and analyse different opinions about it. They demonstrate that historians differ as to which event started the turn in the war. The authors side with those who consider it to be the Battle of Moscow.

CONTENTS

"Problems of History", No. 4, 1987

Articles: Academician I. I. Mints — The Current Reconstruction and the Study of the Great October Revolution; R. G. Bogdanov — Reykjavik: Along the Road of New Political Thinking; Y. K. Fischevsky — An Important Instrument of Disseminating Knowledge; I. B. Ponomareva, N. A. Smirnova — Anglo-American Contradictions in India in 1942-1943; Z. V. Udaltsova, Corresponding Member, USSR AS — Cultural Ties Between Kiev and Constantinople up to the 13th Century; Academician A. M. Samsonov, O. A. Rzheshvsky — The Decisive Turning Point in the Second World War; Long-Term Comprehensive Programmes as a New Form of Coordinating Historical Research; Historical Essays: G. V. Pavlenko — New Facts About Anna Ulyanova's Life Abroad; G. L. Arsh — Evgeny Bulgari in Russia; Historical Science in the USSR and Abroad: Book Reviews: M. P. Kostyuk. The Peasants' Contribution into the Victory and Consolidation of Socialism. Byelorussian SSR; Peasant Movement in the Ukraine. Mid-18th-First Quarter of the 19th Century. A Collection of Documents and Materials (in Ukrainian); Peasant Movement in the Ukraine. 1826-1849. A Collection of Documents and Materials (in Ukrainian); V. A. Kuchkin. Emergence of State Territory of North-Eastern Russia Between the 10th and 14th Centuries; The Non-Aligned Movement Today; Religion in the US Political Life (the 1970s-Early 1980); N. A. Krasnovskaya. The Sardinians' Origins and Ethnic History; Barbara Schneider. Schweizer Auswanderer in der Sowjetunion. Die Erlebnisse der Schweizer Kommunisten im revolutionären Rußland (1924—1930). Schaffhausen; D. Kalderon. La Droite française. Formation et projet. Paris. Notes on Books. International Ties of Soviet Historians. Scientific Notes. Facts. Events. People. Articles in Soviet and Foreign Historical Journals. New Books in the USSR and Abroad.

SOMMAIRE

de la revue «Questions d'histoire» № 4, 1987

Articles: L'académicien I. I. Mints. De la réorganisation dans les études de la Révolution d'Octobre; R. G. Bogdanov. Reykjavik: dans les voies d'une nouvelle mentalité politique; You. K. Fichevski. Un levier des plus importants de l'initiation des travailleurs de l'U.R.S.S. aux connaissances; I. B. Ponomareva, N. A. Smirnova. Les contradictions anglo-aéricaines en Inde dans les années 1942-1943; Z. V. Oudaltsova, membre correspondant de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. Kiev et Constantinople: liens culturels jusqu'au XIIIe siècle; l'académicien A. M. Samsonov, O. A. Rjéchevski. Du tournant radical dans la Seconde Guerre mondiale; Les programmes perspectives d'ensemble, forme nouvelle de la coordination des recherches en histoire. Aperçus historiques: G. V. Pavlenko. Faits inédits sur le séjour de A. I. Oulianova à l'étranger; G. L. Arch. Evguéni Boulgari en Russie. La science historique en U.R.S.S. et à l'étranger: Comptes rendus: M. P. Kostuk. La contribution de la paysannerie par son travail à la victoire et la consolidation du socialisme. Sur la base des matériaux de la R.S.S. de Biélorussie; Le mouvement paysan en Ukraine. Milieu du XVIIIe-premier quart du XIXe siècle. Recueil des documents et matériaux; Le mouvement paysan en Ukraine. 1826-1849. Recueil des documents et matériaux; V. A. Koutchkine. La formation du territoire d'Etat de la Russie de Nord-Est en X^e-XIVe siècles; Le mouvement de non-alignés dans le monde contemporain; La religion dans la vie politique des Etats-Unis (années 70-début des années 80); N. A. Krasnovskaïa. Les origines et l'histoire ethnique des Sardes; B. Schneider. Les émigrés suisses en Union Soviétique. De la vie des communistes suisses dans la Russie révolutionnaire; D. Calderon. La Droite française. Formation et projet. En bref sur les livres. Les liens internationaux des historiens soviétiques. Notes scientifiques. Faits, événements, hommes. Articles dans les revues historiques soviétiques et étrangères. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger.

SUMARIO

la revista «Cuestiones de historia» № 4, 1987

Artículos: I. I. Mints, miembro efectivo de la AC de la URSS. Sobre la reorganización en el estudio del Gran Octubre; R. G. Bogdánov. Reykjavik: en las vías de nuevo pensamiento político; Yu. K. Fishevski. La importantísima palanca para iniciar a los trabajadores de la URSS en los conocimientos; I. B. Ponomariova, N. A. Smirnova. Contradicciones anglo-norteamericanas en India en 1942—1943; Z. V. Udaltsova, miembro correspondiente de la AC de la URSS. Kíev y Constantinopla: las relaciones culturales antes del siglo XIII; A. M. Samsónov, miembro efectivo de la AC de la URSS, O. A. Rzheshevski. Sobre el cambio radical en la Segunda Guerra Mundial; Programas integrales en perspectiva: nueva forma de coordinación de las investigaciones históricas. Ensayos históricos: G. V. Pavlenko. Lo nuevo sobre la estadía de A. I. Uliánova en el exterior; G. L. Arsh. Evgueni Bulgari en Rusia; Ciencia histórica en la URSS y en el exterior; Reseñas: M. P. Kostiuk. Aporte laboral del campesinado en el triunfo y la consolidación del socialismo. Ejemplificado con materiales de la RSS de Bielorrusia; Movimiento campesino en Ucrania. Mediados del siglo XVIII y primer cuarto del XIX. Recopilación de documentos y materiales (en ucranio); Movimiento campesino en Ucrania. 1826—1849. Recopilación de documentos y materiales (en ucranio); V. A. Kuchkin. Proceso de formación del territorio estatal de Rus Nordeste en los siglos X a XIV; Movimiento de No Alineación en el mundo contemporáneo; Religión en la vida política de EE.UU. (Años 70 y comienzos de los 80); N. A. Krasnóvskaia. El origen y la historia étnica de los sardos; Barbara Schneider. Schweizer Auswanderer in der Sowietunion. Die Erlebnisse der Schweizer Kommunisten im revolutionären Russland. (1924—1930). Schaffhausen; D. Calderon. La Droite française. Formation et projet. P. Notas breves de libros. Relaciones internacionales de los historiadores soviéticos. Notas científicas. Hechos, sucesos, hombres. Artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el exterior.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, В. А. ДЬЯКОВ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, В. И. КУЗИЩИН, Д. В. КУЗНЕЦОВ, Ю. С. КУКУШКИН, В. А. КУМАНЕВ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора), С. Л. ТИХВИНСКИЙ, И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, Л. К. ШКАРЕНКОВ

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6. М. Путинковский пер., ½. Телефон 209-96-21.

Сдано в набор 04.03.87.

Подписано к печати 07.04.87.

А-00359.

Формат 70×108^{1/16}.

Высокая печать.

Усл. печ. л. 16,80.

Учетно-изд. л. 19,08.

Усл. кр.-отт. 17,33

Тираж 16 000 экз. Изд. № 990. Заказ № 183.

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

НОВЫЕ КНИГИ

БОГДАНОВ И. Залог за историческо безсмъртие. Единение вековно между земя, народ, държава и култура. София. Изд-во на Отечествения фронт. 1985. 214 с.

Възникване, развитие и залез на опортюнизма в българското работническо движение, 1891/1948. Георги Радев, Клара Пинкас, Йордан Йотов и др.; Инст. по история на БКП при ЦК на БКП. София. Партиздат. 1986. 696 с.

ГОРАНОВ Г. Политическите отношения при изграждането на развития социализъм. София. Партиздат. 1986. 157 с.

ГРИГОРОВА Ж. Балканската политика на социалистическа България, 1944—1970. София. Наука и изкуство. 1985. 477 с.

КАРАМАНДЖУКОВ Х. И. Родона през Илинденско-Преображенското въстание. Спомени и док. Науч. ред. Любомир Панайотов. София. Изд-во на Отечествения фронт. 1986. 242 с.

КУРТЕВ Н. Социалистическият патриотизъм на българския народ. София. Изд-во на БАН. 1986. 213 с.

ПОПОВ Ж. Без сън, без покой. Кн. за Васил Левски. София. Нар. Младеч. 1986. 186 с.

ТОДОРОВА Х. Каменно-медната епоха в България. (5—о хилядолетие преди новата ера). София. Наука и изкуство. 1986. 278 с. (44) л. ил.

KULCZAR I. Legország: New York — 1 levelek. 2. ik kiad. Budapest. Idegenforgalmi propaganda és kiadó vállalat. 1986. 236. old.

L'absolutisme éclairé. Vol. publ. par B. Köpeczi et al. Budapest. Akad. kiado; Paris. Ed. du CNRS. 1985. 360 p.

ZOLNAY L. A budai vár. 2. kiad. Budapest. Gondolat zsebkönyvek. 1986. 125. old.

Friedrich II. von Preussen. Schriften und Briefe. Aus dem Franz. Anm. u. Reg. von Joachim Kundler. Leipzig. Reclams Universal-Bibl. 1985. 435 S.

JAHNKE K.-H. In einer Front. Junge Deutsche an der Seite der Sowjetunion im Grossen Vaterländischen Krieg. Berlin. Militärverl. der DDR. 1986. 251 S. (16) Bl. III.

Probleme der Migration und Ausländerpolitik in europäischen Ländern von den 30er Jahren bis zur Gegenwart. Wiss. Ltg.: Lothar Elsner. Rostock. Wilhelm-Pieck-Univ. Rostock. 1986. 96 S.

Zur Theorie und Praxis imperialistischer Anpassungs- und Konfrontationspolitik in der Gegenwart. Red.: Dagmar Hirsch. Berlin. Humboldt-Univ. zu Berlin. 1986. 99 S.

1789 und der Revolutionszyklus des 19. Jahrhunderts. Dem Wirken Walter Markovs gewidmet. Hrsg. im Auftr. des Präsidenten der Akad. der Wiss. der DDR von

Heinz Stiller. Berlin. Akademie. 1986. 132 S.

MORALES S. Marti en Venezuela, Bolivar en Marti. La Habana. Ed. Politica. 1985. VII, 257(5) p.

MATWIJOWSKI K. Sejm Grodzieński, 1678—1679. Wrocław. Acta Univ. Wratislaviensis. 1985. 157 s.

PAŁYGA E. J. Dyplomacja Polski Ludowej, 1944—1984 (kierunki — treści — mechanizmy). Warszawa. Inst. wydawniczy związków zawodowych. 1986. 370 s.

WINSKA U. Zwyciężyły wartości. Wspomnienia z Ravensbrück. Gdańsk. Wyd-wo morskie. 1985. 418 s.

For Peace, International Security and National Independence. Hanoi. Foreign Lang. Publ. House. 1985. 153 p.

Vietnam: Ten Years After. Hanoi. Foreign Lang. Publ. House. 1985. 110 p.

MARGHITAN L. Banatul în lumina arheologiei. 3: (S. 7—12 e. n.). Timișoara. Facla. 1985. 216 p.

DEYL Z. Sociální vývoj Československa, 1918—1938. Praha. Academia. 1985. 221 s.

GALANDAUER J., HONZIK M. Osud trůnu habsburského. Praha. Panorama. 1986. 397 s. (24) l. il.

LACIAK O. Ondrej Klokoč. Stranícky funkcionár. štatnik, publicista (1911—1975). Martin. Osveta. 1986. 228 s.

ROMPORTLOVÁ M. CSR a Maďarsko, 1918—1938. Bezprostřední vývojová báze a průběh obvhodné polit. vztahů. Brno. Univ. J. E. Purkyně. 1986. 157 s.

СКОКО С., ОНАРУЋ П. Војвода Ступа Степановић у ратовима Србије, 1876—1918. (1). 270 с.; (2). 308 с. Београд. Београдски изд.-графички завод. 1985.

ROBSON L. L. A Short History of Tasmania. Melbourne etc. Oxford Univ. Press. 1985. XII, 189 p.

ARÉVALO O. Malvinas, Beagle. Atlántico Sur. Madryn. jaque a la OTANOTAS. Buenos Aires. Anteo. 1985. 167(6) p.

DE PAOR L. The Peoples of Ireland. From Prehistory to Modern Times. London etc. Hutchinson; Notre Dame (Ind.). Univ. of Notre Dame Press. 1986. 344 p.

ISRAEL J. I. The Dutch Republic and the Hispanic World, 1606—1661. Reprint. Oxford. Clarendon Press. 1986. XVI, 478 p.

POUNDS N. J. G. An Historical Geography of Europe, 1800—1914. Cambridge etc. Cambridge Univ. Press. 1985. XX, 598 p.

Gudme problemer. Beretning fra et bebyggelsesarkæologisk symposium på Holufgård afholdt den 24.—25. okt. 1984/ Udg. af Henrik Thrane. Odense. Odense Univ. 1985. 100 s.

MØLLER J. Borger i københavn mellem to verdenskrige. København. Sesam. 1985. 175 s.

НОВЫЕ КНИГИ

WORSØE I. Inuit. Grønlandernes kultur og historie, 900 til 1900. Herning. Systime. 1985. 151 s.

CHATURVEDI S. Foreign Influx and Interaction with Indian Culture. (6th Cent. B. C.—1st Cent. A. D.). Delhi. Agam Kala Prakashan. 1985. XIV, 266 p. (25) l. ill.

CHOUDHURY P. R. Left Experiment in West Bengal. New Delhi. Patriot. 1985. 201 p.

PRASAD R. Dr. Rajendra Prasad Correspondence and Select Documents. Ed. by Valmiki Choudhary. Vol. 3. (Jan. to July 1939). XVIII, 444 p. Vol. 4. (Aug. to Dec. 1939). XV, 302 p. New Delhi. etc. Allied. 1984—1985.

MORENO GÓMEZ F. La guerra civil en Córdoba (1936—1939). Pról.: Manuel Tuñón de Lara. 2. ed. aum. y corr. en al ap. n. 6. Madrid. Alpuerto. 1986. XIV, 768 (6) p.

ZERBI P. Il Medioevo nella storiografia degli ultimi vent'anni. 3. rist. Milano. Vita e Pensiero. 1985. 355 p.

PIERRE-CHARLES G. El pensamiento sociopolítico moderno en el Caribe. México. Fondo de Cultura Económica. 1985. 264 p.

LE COEUR M. Les oasis du Kavar: Une route, un pays. T. I: Le passé précolonial. Niamey. Inst. de recherches en sciences humaines. 1985. 136 (6) p.

CÓRDOVA L. Luis Muñoz Marín y sus campanas políticas. Memorias de su Secretario-taquígrafo personal. Reimpr. Rio Piedras (Puerto Rico). Ed. de la Univ. de Puerto Rico. 1985. 175(10) p.

RICE O. K. West Virginia. A History. Lexington (Ken.). The Univ. Press of Kentucky. 1985. X, 326 p.

WALKER R. H. Reform in America. The Continuing Frontier. Lexington. The Univ. Press of Kentucky. 1985. IX, 270 p.

Mit dem Zehnten fing es an: Eine Kulturgeschichte der Steuer. Hrsg. von Uwe Schultze. München. Beck. 1986. 297 S.

REUSCH J. Friedensforschung in der Bundesrepublik. Entwicklung, Positionen, Perspektiven. Frankfurt a. M. Inst. für Marxistische Studien u. Forschungen. 1986. IV, 637 S.

Zukunfts — Chancen suchen. Gustav-Heinemann-Initiative. Hrsg. von Titus Häussermann u. Horst Krautter. Stuttgart. Radius-Bücher. 1985. 127 S.

ERLANGER Ph. Richelieu. L'ambitieux, le révolutionnaire, le dictateur. Paris. Libr. acad. Perrin. 1985. 680 p.

FAURE P. Alexandre. Paris. Fayard. 1985. 579 p.

RYDEBERG G. Skatteköpen i Örebro-län, 1701—1809. Uppsala. Studia hist. Upsaliensia. 1985. 210 s.

SIMONSON B. Socialdemokratin och maktövertagandet. SAP's politiska strategi, 1889—1911. Göteborg. Meddelanden från Hist. inst. i Göteborg., N 28, 1985, 247 s.

Slavonic Parchment Fragments in Sweden. 2. Gospels. A Text Edition with Glossary. By Siw Wesslén. Stockholm. Almqvist and Wiksell Intern. 1985. XIV, 299 p.

MACHADO C. Historia de los orientales. 4. ed. T. 1. 144 p. T. 2. 186 p. T. 3. 198 p. Montevideo. Ed. de la Banda Oriental. 1984—1985.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи, исторические очерки и публикации объемом в 1—1,5 авторского листа (24—36 стр.); обзоры — до 16 стр.; рецензии, письма и заметки — 6—8 стр.; кратко о книгах — 2—3 стр.; заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах — 3,5 стр. Материалы принимаются после предварительного согласования тематики с редакцией (во избежание дублирования) и представляются в двух (первом и втором) экземплярах, отпечатанные с полями на стандартной машинке (текст через два интервала, сноски через полтора интервала). Вставки (после доработки материала), тексты и сноски на иностранных языках и языках народов СССР также должны быть отпечатаны на машинке. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

Рукописи, превышающие установленный объем или присланные в редакцию в единственном экземпляре, могут быть возвращены автору без рассмотрения.

ПРЕДЛАГАЕМ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Дисциплинарность и взаимодействие наук. 1986. 278 с. 2 р. 60 к.

Документы по истории Академии наук СССР. 1917—1925 гг. 1986. 382 с. 1 р. 40 к.

Дружинин Н. М. Избранные труды. В 4-х кн. Кн. 1. Революционное движение в России в XIX в. 1985. 481 с. 3 р. 40 к.

Китайская Народная Республика в 1982 г. Политика, экономика, идеология. 1986. 374 с. 2 р.

Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне. 1941—1945. Изд. 2-е, испр. и доп. 1985. 281 с. 1 р. 70 к.

Люблинский В. В. Социально-экономические проблемы классовой борьбы во Франции. 1968—1981 гг. 1986. 151 с. 1 р. 20 к.

Магомедов Ш. М. Северный Кавказ в трех революциях. По материалам Терской и Дагестанской областей. 1986. 205 с. 2 р. 30 к.

Митупов К. Б.-М. Становление социалистической социальной структуры Бурятии 1938—1960 гг. 1986. 133 с. 1 р. 30 к.

Моторин Д. К. Возрожденный Севастополь. Очерки о восстановлении города. 1944—1953 гг. 1984. 268 с. 1 р. 20 к.

Поздеева Л. В. Канада в годы второй мировой войны. 1986. 333 с. 3 р.

Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX — начале XX в. 1986. 218 с. 2 р. 40 к.

Соболев Г. Л. Петроградский гарнизон в борьбе за по беду Октября. 1985. 310 с. 3 р. 20 к.

Филатова И. И. История Кении в новое и новейшее время (История стран Африки). 1985. 380 с. 3 р. 20 к.

Н. Г. Чернышевский в общественной мысли народов зарубежных стран. 1981. 287 с. 1 р. 90 к.

Заказы направляйте по адресу: 117192 Москва, Мичуринский просп. 12. Магазин № 3 «Книга — почтой»

«Академкнига»